Сабир Мартышев и Олег Шевелев Дурная кровь

Посвящается женщинам, которые научили нас многому.

«Если бы вы объявили секс злом, все равно, против собственной воли, вы бы действовали, исходя из верных моральных предпосылок. Вас бы привлекала самая лучшая женщина, которую вы знаете. Вы бы всегда хотели героиню. Вы бы не были способны на самопрезрение».

-- Эйн Рэнд, «Атлант расправил плечи»

«В червоточинке, по-моему, есть некая привлекательность. Разве женщине интересен мужчина без червоточинки? Да и мужчина женщину любит за недостатки, а не за достоинства».

-- Дмитрий Липскеров, интервью

Глава первая

ΗΑΥΑΛΟ ΗΑΥΑΛ

– Скажите, вы когда-нибудь влюблялись животом? – спросил я своего собеседника.

Мы сидели за отдельным столиком. Тусклый свет, струящийся из под низко опущенных абажуров, мерно колыхался в сигаретном дыму и создавал в баре уютный полумрак. Помещение было заполнено наполовину – футбольный матч, ради просмотра которого собралось большинство присутствующих, закончился полчаса назад, и люди начали расходиться. Остались лишь самые ярые поклонники этого вида спорта, чтобы в деталях обсудить прошедшую игру, и такие одиночки, как мы, смакующие пиво и не спешащие домой.

Я не могу назвать себя фанатом футбола, не слежу за турнирной таблицей и ни за кого не болею. Это место для меня всего лишь одно из многих, где я иногда появляюсь в поисках новых и не совсем обычных знакомств. Однако нельзя сказать, что мне совсем чужда эта обстановка. Меня забавляет тот дух единства, который в дни игр охватывает приходящих сюда людей. Я с интересом наблюдаю за ними, сидящими у стойки бара, над которой висит подцепленный к потолку огромный телевизор — основная достопримечательность этого места. За тем, как они затихают в первые же минуты матча, как взрываются ликованием при забитом мяче или возмущенными криками при пропущенном, как они что-то доказывают друг другу во время перерыва и ожесточенно спорят. В такие минуты, я наиболее остро ощущаю свое одиночество. И именно тогда у меня появляется чуть ли не физическая потребность его нарушить.

Хотя своего собеседника я видел здесь и раньше, заговорил я с ним только сегодня. В этот вечер транслировался какой-то кубок, и потому все места в баре были заняты за исключением одного, самого дальнего от телевизора. Пройдясь с кружкой пива в руке вдоль рядов занятых столиков, я остановился и улыбнулся сидящему за ним парню. Он улыбнулся в ответ. Я присел рядом. Так мы и познакомились.

Во время матча мы перебросились едва ли десятком слов. Однако теперь, спустя почти три часа и нескольких кружек пива, я решил, что пора взяться за него основательнее.

– Животом? – переспросил он.

живнул и продолжил:

– Не сердцем, как утверждают поэты, и не умом, как любят говорить философы, а животом. Тем самым местом, где, по мнению некоторых, обитает душа человека.

Парень, имени которого я не знал, недоверчиво усмехнулся. Однако по выражению его лица я понял, что мои слова вызвали у него интерес.

– Насчет души, кстати, трудно не согласиться, – добавил я и, отхлебнув немного пива, расположился поудобнее на своем стуле. – Ведь животом мы испытываем два самых сильных чувства, которые нам даровала природа – страх и влечение.

На вид ему было не больше двадцати пяти. Безупречная осанка и изысканные манеры выгодно отличали его от прочих грубоватых посетителей бара с их детской страстью к футболу и чрезмерной суетливостью. Произнося преамбулу, я зачарованно следил за тем, как его длинные тонкие пальцы очищают фисташки и отправляют их в рот.

- Кто не ощущал пресловутого ледяного кома ужаса в животе хоть раз в жизни? А это неповторимое призрачное покалывание, словно от мелких электрических разрядов, которое говорит мозгу «Я хочу этого человека»? сказал я и посмотрел на него. Причем, и то, и другое есть проявление инстинкта самосохранения. Страх является его защитной функцией, которая позволяет особи сохранить свою жизнь, а сексуальное влечение...
- $-\dots$ продолжить ее в новом поколении, подхватил он, увидев, что я замялся в поисках подходящего слова.

Я утвердительно кивнул – как я и думал, передо мной был внимательный и, самое главное, неглупый слушатель. Люблю иметь дело с такими.

– Раньше я не думал об этих вещах, был другим человеком. Восемнадцать лет – это не увядающий обыватель, привыкший к своей размеренной жизни. Иные заботы, возможности, приоритеты. Молодому человеку не знакомы кризис среднего возраста, плешь в когда-то пышной шевелюре, да и многие другие «прелести», с которыми мы сталкиваемся по ходу времени. Тогда я, как и ты сейчас, был уверен в себе и спокойно смотрел в будущее.

Он немного склонил голову, словно предвосхищая мое «но». Я же не торопился с продолжением, вспоминая дни далекого прошлого.

– Но... появилась Вера и с легкой руки перечеркнула мое спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Страх и влечение – эти два чувства для меня неразрывно связаны с ней. Сплетенные в грязный черный клубок они до сих пор живут в моей памяти. Странно, – усмехнулся я и отпил пива, – у судьбы, видимо, есть определенное чувство юмора. Ее звали Вера. Но вера во что? Я пытался найти в этом смысл, однако мои поиски не увенчались успехом.

Опустошив кружку, я махнул помощнику бармена, чтобы тот принес еще.

– Итак, – вздохнул я, в который раз готовясь окунуться в воспоминания, прятавшиеся в дальних уголках моей памяти, – влюблялся ли ты когда-нибудь животом? Если нет, то слушай. Это моя история.

Я ускорил шаг и в очередной раз пожалел о том, что отправился к тетке на ночь глядя. Фонарь по другую сторону улицы замигал, словно соглашаясь со мной, и потух. Следом за ним выключились третий, пятый, седьмой и далее по цепочке, оставляя меня

наедине с тенью собственных дурных предчувствий. Опять на электричестве экономят, подумал я, а потом еще удивляются, что у нас такая преступность в темное время суток.

Как некстати тетя Сима позвонила матери в ту минуту, когда мне приспичило выйти покурить – уж лучше бы я спал. Оказалось, что мать забыла у нее очки и не сможет завтра без них работать. Тогда я лишь вяло возмутился, выругался про себя, но отказать не смог. К тетке дошел спокойно, даже попил у неё чай, а вот обратно...

 Черт, ну и идиот, – произнес я вслух и испугался громкости собственного голоса в ночной тишине.

Оглядевшись вокруг, я решил, что лучше спрятать часы и цепочку в задний карман джинсов. Мало ли, а так все равно спокойней, хоть в глаза не бросаются. Закончив с этими манипуляциями, я снова зашагал вперед.

По пути мне попалась лужа, через которую я, не колеблясь, прыгнул. Только прыгнув, я понял, что отсутствие света сыграло со мной злую шутку – лужа была больших размеров, чем казалось вначале, и занимала львиную долю пешеходной дорожки и проезжей части. Потому совсем неудивительно, что приземлился я прямо в нее.

Обувь тут же промокла. Теперь уже терять было нечего – с этой мыслью, стоя по щиколотку в воде, я смело шагнул вперед. Еще раз помянув тетю Симу добрым словом, я направился в сторону проезжей части. Не успел я сделать и пары шагов, как сзади раздался пронзительный звук клаксона. Я метнулся вбок прежде, чем понял, что происходит. В пугающей близости пронеслась легковушка и обдала меня мощным фонтаном брызг из злополучной лужи.

Грязная вода стекала с меня ручьями, а промокшие волосы жадно облепили лицо. Совершенно растерявшись, я машинально принялся стряхивать с себя воду, но тут же прекратил это бессмысленное занятие – одежда промокла до нитки, и помочь тут могло только переодевание.

Автомобиль, оказавшийся «девяткой», затормозил впереди. Наверное, сейчас вылезет водитель, подумал я, и будет извиняться. А может, наоборот, захочет выяснить отношения, так как сам перепугался.

Однако никто не торопился выходить. Напротив, машина стояла на месте, и ничего не происходило. Только красный свет стоп-сигнала, похожий на два глаза, светящихся в темноте, и мерный звук работающего вхолостую двигателя. Не считая меня, на пустынной улице больше никого не было.

Стало как-то не по себе. Двенадцать ночи для нашего городка довольно позднее время. На улицах мертвая тишина, а большинство обитателей однотипных кирпичных многоэтажек и панельных «хрущевок» видят третий по счету сон. Шансы на спасение весьма невелики. Сейчас не каждый бы рискнул выйти погулять, опасаясь непредвиденных встреч. Гопники, стаи которых нередко шастают под окнами, всякие прочие придурки, наркоманы или просто пьяные недоброжелатели – да мало ли тех, кто хочет поживиться чужим добром, а, может быть, и телом.

Не отступать и не сдаваться, легко сказать — идти в сторону девятки ой как не хотелось. Но если я развернусь и пойду в обратную сторону, это, наверняка, послужит сигналом для засевших в машине бритоголовых. Скрепя сердце, я медленно двинулся вперед и, обойдя лужу, зашагал по тротуару. Когда я миновал девятку, из нее никто не выскочил; я судорожно сглотнул слюну — может, на этот раз обойдется?

Сделав еще несколько шагов, я услышал как автомобиль, зловеще шурша покрышками по асфальту, тронулся с места. Поравнявшись со мной, он сбавил скорость, и невидимый водитель нажал на клаксон. Я вздрогнул от резкого звука и прибавил шагу, делая вид, что меня это не касается. На пустынной улице, где никого, кроме нас не было, такое поведение выглядело довольно неубедительно. Автомобиль увеличил скорость и, снова посигналив, поравнялся со мной. Я продолжал игнорировать его, тогда он рванул вперед и вывернул на тротуар, загородив мне проход.

Начинается, подумал я, машинально сделав шаг назад.

Участилось дыхание и неприятно закололо в боку. Дверца водителя неторопливо отворилась, и я увидел массивную фигуру, которая подтвердила мои самые худшие опасения. Грязно-желтый полумесяц засел за спиной незнакомца, и потому я не мог разобрать его лица, зато без труда разглядел внушительный силуэт — широкие угловатые плечи, высокий рост и, в довершение ко всему, он был бритоголовый.

– Пашка, ты чего? – спросил он. – Своих не узнаешь, что ли?

Я сидел на заднем сиденье мчащейся по ночному городу девятки и протирал волосы и лицо чистой тряпкой, которую мне предложил мой бывший одноклассник Толик. Он-то и оказался напугавшим меня водителем. Рядом со мной расположилась его подруга Вера («Зови меня просто Верочкой»), охотно пересевшая на заднее сиденье, чтобы помочь мне.

Толик, которого мы в школе за глаза звали ушастиком по причине его выдающихся в буквальном смысле слова ушей, теперь, похоже, заматерел и обзавелся деньгами. Новый автомобиль, дорогая отделка салона, крутая автомагнитола и мобильный телефон на поясе, явно свидетельствовали об этом. Я предпочел не интересоваться, какой может быть источник доходов у девятнадцатилетнего подростка, который в школе учился на двойки, и чьим единственным достоинством были его физические данные.

– Ты уж извини, братан, что обрызгал тебя, – сказал он, откинувшись на сиденье и уверенно управляя автомобилем. – Но ты сам хорош – выскочил под колеса. Скажи спасибо, что не задавил к чертовой матери, а то я быстро люблю ездить.

Я это и сам видел, глядя на проносившиеся мимо дома, желтые огни светофоров и игнорируемые знаки ограничения скорости. Вспомнив о цели моего похода к тете Симе, я полез во внутренний карман ветровки – очки были на месте, в целости и сохранности.

- Ты что-то ищешь, Костик? спросила меня подруга Толика.
- Уже нашел, облегченно вздохнул я и добавил. Не называй меня Костиком.
 Меня зовут Павел, можно Паша. Я ведь говорил уже.
 - Ну, рассказывай, как дела, спросил мой бывший одноклассник.

Если меня что-то и раздражает, так это условно-риторический вопрос «Как дела?».

- Не родила, буркнул я. Рожу, скажу.
- Да хорош тебе обижаться, Пашок, весело заявил Толик. Сам же не смотрел по сторонам.
- Мальчики, мальчики, встряла в разговор Вера, не ссорьтесь. Давайте лучше отметим наше знакомство.

По пьяному веселые глаза Веры говорили о том, что она сегодня уже достаточно наотмечалась.

- Верунчик, укоризненно произнес Толик, тебе на сегодня хватит.
- Нет, я хочу пиво, закапризничала она, и шоколадку. Костик, ты будешь пиво?
- Не знаю, растерялся я, можно, наверное.
- Ты слышал? Вера будет пиво, Толик будет пиво, мы все будем пиво, тут ее осенило, и она добавила: А Константин Баралгин.

Вера расхохоталась над собственной шуткой. Я хотел было в очередной раз поправить ее, но, поймав предостерегающий взгляд Толика в зеркале заднего обзора, которым он словно извинялся за поведение своей пьяной подруги, передумал.

В последний раз я видел его полгода назад, когда мы, гуляя своей компанией у новогодней елки, столкнулись с ним. Тогда у него была другая девушка, Марина, которая очень даже понравилась мне, как внешностью, так и воспитанностью. Куда делась Марина и почему ее место заняла «просто Верочка» остается только гадать. Однако в его безмолвном извинении я прочитал привычность, что наталкивало на определенные размышления.

– Ты ведь не обижаешься? – Вера вдруг повернулась ко мне, и ее нога проскользнула между моими двумя.

– Нет, что ты. Конечно, не обижаюсь.

Теперь ее рука нырнула мне под ветровку и легла чуть пониже ремня, ощупывая то, что скрывалось за джинсовой тканью.

 Это мне нравится, – сказала она неизвестно о чем именно. То ли о моей благосклонности, то ли о предмете, который исследовала ее рука.

Я чувствовал себя несколько неудобно. Толик хоть и мой одноклассник, но доказывать накачанному верзиле, что не я полез к его подруге, а она ко мне, та еще задача. Взгляд, брошенный мной на Веру, был весьма выразителен, но в ее пьяных глазах таилась опасная тьма. Так смотрят люди, которым на все наплевать.

- Верунчик, не поворачиваясь, произнес Толик, мы все очень устали. Сейчас я отвезу Пашку домой, а потом мы поедем к себе. В холодильнике стоит Миллер. Лады?
 - Ну, Толя, я бы хотела выпить пиво с нашим гостем.

На последнем слове она довольно чувствительно сжала то, что держала в своей руке, и я чуть не вскрикнул. Пока мой одноклассник бормотал что-то в ответ, она, не теряя времени, прильнула к моему уху и прошептала:

– Хочу тебя.

Если мое ухо обдало ее горячее дыхание, то бедный мозг был просто ошпарен таким заявлением.

– Пашка, ты, кажется, где-то здесь живешь, – откуда-то из другой вселенной обратился ко мне Толик.

За весь скудный опыт общения с представительницами слабого пола мне ни разу вот так прямо не выражали своих желаний, тем более при первом знакомстве. Я постарался задавить охватившее меня возбуждение, и покачал головой – нет.

– Чего башкой трясешь? Не здесь, что ли?

Вот оно спасение! Подавшись вперед, поближе к его сиденью, я указал на нужный дом и уже через минуту выходил из машины. Точнее, пытался выйти — Верина нога заметно мешала мне, а убирать ее она не желала. Напротив, Вера старалась поставить ее так, чтобы выйти было просто невозможно, и при этом продолжала мило улыбаться. Стерва!

Наконец с грехом пополам я вылез на тротуар, грузный Толик вышел вместе со мной и закурил сигарету.

- Не спрашивай ничего, бросил он мне после первой затяжки.
- И не собираюсь.

Я вытащил свою пачку сигарет и закурил, глядя на звезды. Удивительный вечер. Совсем недавно я думал о том, как бы поскорее добраться домой. Потом меня чуть не задавили, окатили водой из грязной лужи, я встретил своего одноклассника и познакомился с его новой подругой, которая успела довольно грубо, но умело, меня возбудить, и вот теперь мы стоим возле моего дома и курим при тусклом свете луны. И все это за полчаса. Кто сказал, что жизнь в провинции скучна?

– Я и сам не знаю, – нарушил молчание Толик, – как связался с этой.

Он махнул рукой на автомобиль, на заднем сиденье которого разлеглась уснувшая Верочка.

Говорить было не о чем, и потому я молча докурил сигарету, и выкинул окурок в водосток. Последовав моему примеру, он кивнул и полез обратно в автомобиль.

– До скорого, – бросил он, махнув рукой на прощание.

Автомобиль резко тронулся с места, и я проводил его взглядом, прежде чем войти в подъезд и подняться на свой третий этаж. Дверь квартиры я старался открывать как можно тише, чтобы не разбудить родителей. Однако они еще не спали.

В прихожую вышла взволнованная мама и сказала, что уже раз десять пожалела о том, что отправила меня к тете Симе в столь поздний час. Только, кто виноват – я, послушавшийся ее, или она, попросившая меня об этом, я так и не понял. В любом случае, ночные прогулки ни к чему хорошему не приводят, и в этом мы были с ней единодушны.

Уже позже, в постели, я прокручивал в голове все недавние события. Автомобиль, Толик, Вера, ее слова и ее рука... Ну уж нет, не дай бог мне связаться с такой девушкой, как она. Сплошные неприятности. И все-таки, что было бы, подыграй я ей?

С этой мыслью я провалился в сон.

Мне снилась Вера. Я умолчу о том, чем мы с ней занимались, но это, наверняка, не понравилось бы ее дружку. Когда наступил решающий момент, она вдруг опрокинула меня на спину и со словами «Хочу тебя» прыгнула мне на грудь. От неожиданности я проснулся.

Марфа, наша кошка сидела у меня на груди и, мурлыча, старательно себя вылизывала. Я смахнул ее с одеяла и от души зевнул. Белый потолок, тяжелая голова, солнечные лучи – гости нашей программы в это утро. Марфа призывно мяукнула, и я, повинуясь, встал с кровати.

Мыслями все еще во сне я решил, что действовал в нем так, как не поступил бы никогда в жизни. Не мое призвание отбивать девчонок, а уж тем более таких, как Верочка. И в особенности, у таких, как Толик. Она не в моем вкусе, успокоил я себя.

Умывшись, позавтракав и накормив кошку, я включил телевизор и развалился в мягком кресле. Родители были на работе, впереди меня ждал целый день, который можно провести без всяких забот – погулять по городу или просто поваляться дома. Такой вариант мне нравился больше и, свесив ноги с ручки кресла, я устроился в нем поудобнее.

По утрам я обычно смотрю MTV. Вездесущие Шелест и Комолов умеют вести передачи так, чтобы не загружать мозги ненужной работой. К сожалению, именно этим утром показывали какую-то тягомотину, и я стал немного напрягаться.

Звонок раздался, когда на экране показывали тоскливого бомжа, прущегося по туннелю, где его то и дело сбивали проезжавшие мимо автомобили. Я оторвался от телевизора и поплелся к двери. Бросив взгляд в дверной глазок, я увидел девушку, чье лицо показалось мне знакомым. И только открывая дверь, до меня дошло – это была Вера, о которой я уже успел позабыть.

– Привет, – сказала она, улыбаясь. – Что, не узнал? Сегодня я чистая и хрустящая.

Это было еще то преуменьшение. Передо мной стояла красивая миниатюрная девушка с милым округлым личиком и выразительными, но по-мальчишески задиристыми глазами. Легкое розовое платье едва прикрывало ее аппетитную фигуру: приятных размеров грудь, тонкую талию, покатые бедра и стройные загорелые ноги. Я вдруг вспомнил, как пытался вылезти из машины вчера вечером. Туфли на платформе делали ее выше, но макушка все равно едва достигала уровня моих глаз.

– Да, – медленно произнес я, все еще пялясь на ее формы, – ты сильно изменилась.

Прямые светлые волосы опускались на ее плечи, обрамляя неузнаваемо изменившееся лицо. Передо мной была Диана, а, может быть, ее родственница, но никак не вчерашняя дочь декаданса

- Слушай, прости меня за вчерашнее, словно угадав мои мысли, произнесла она и застенчиво потупила глаза.
- Ну что ты. Наша встреча была хоть и коротка, но в чем-то даже приятна, не растерялся я, радуясь вовремя найденной замысловатой фразе.
- В чем-то? открыто улыбнулась она и, прежде чем я мог ответить, продолжила. Впрочем, я не за этим.

Она уверенно прошла в квартиру и огляделась.

- Как ты узнала мой адрес? поинтересовался я, закрывая за ней дверь.
- Твой дом я вчера запомнила, фамилию узнала от Толика, а затем позвонила в справочную. Остальное дело техники.

Вера заглядывала в каждую комнату, внимательно изучая ее. Когда осмотр был закончен, она обратилась ко мне:

- Тебе не надоело сидеть в четырех душных стенах? На улице такая обалденная погода. Может, погуляем?
 - А как же Толик?
- Никак, не моргнув и глазом, ответила она. Его ведь рядом нет. К тому же, если честно, то этот тормоз мне порядком надоел.
 - Понятно, и поэтому ты пришла ко мне.

Она утвердительно кивнула головой и взяла на руки Марфу, которая подозрительно обнюхивала ее ноги. Кошка, обычно всегда приветливая к гостям, зашипела на нее, и Вера скинула ее на пол.

- Нелюбовь, передразнивая некогда популярную песню, сказала она. Ну, так что?
 - Постой, дай мне все разложить по полочкам.
 - Я был в замешательстве.
 - Ты хочешь, чтобы я погулял с тобой.
 - Хочу.
 - Несмотря на то, что у тебя есть друг.
 - Есть
 - Который может об этом узнать.
 - Которого я собираюсь бросить, уточнила Вера.
 - Которого ты собираешься бросить. Так получается?
 - Да, получается именно так, она невинно посмотрела на меня.

Какого черта, подумал я. Толик мне не брат и не сват – если она решила кинуть его, то я тут как бы не при чем. И потом, не стоит врать хотя бы самому себе – она чертовски привлекательна и с каждой минутой нравится мне все больше и больше. Вспомнив сон, я еще раз окинул взглядом фигуру моей гостьи, что не укрылось от ее внимания.

– Значит, так тому и быть, – в тон ей ответил я.

Прихватив с собой одежду поприличней, я заскочил в ванную, где переоделся и почистил зубы — так, на всякий случай. Уже через пять минут мы спускались вдвоем по ступенькам. Я и сам не заметил, как ее рука оказалась в моей. День только начинался.

Глава вторая

ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

В баре все еще оставалось достаточно болельщиков, которые бурно обсуждали недавний матч. Полный, с оттопыривающим рубашку брюшком, внешне я ничем не отличался от многих из них. Но вряд ли я бы смог стать таким, как они, даже если бы захотел. Скорее я был ближе к моему собеседнику, несмотря на разницу в возрасте и внешнем виде.

- И что же дальше? прервал меня последний.
- Дальше... я бросил последний взгляд в глубину зала и зажег сигарету. Дальше начинается самое интересное.

Вера, такая общительная и бойкая, вдруг превратилась в настоящую тихоню. Мы хранили молчание все время, пока спускались вниз по лестнице, шли в направлении городского сада, и, наконец, оказались в парке на одной из главных площадей города.

В голову как назло ничего не приходило, а Вера молчала как рыба. Я уже начал чувствовать себя как последний дурак, но, к счастью, она первая нарушила тишину, и между нами завязалась ничего не значащая беседа. Перебрасываясь фразами с Верой, я предложил ей сигарету, а она вежливо отказалась. Мы остановились возле огромной клумбы, от которой

в разные стороны разбегались асфальтированные дорожки. Если поднапрячь воображение, то можно было представить, что находишься в центре паутины.

Глядя на Веру, я не мог поверить, что вчера меня домогалась эта же самая девушка. Может, она из тех, кто лишается комплексов в общении, будучи лишь под градусом?

- Ты до сих пор удивлен?
- То есть?
- Признайся, ты не ожидал меня увидеть, она чуть улыбнулась и, сняв сумочку с плеча, присела на скамейку.
 - Нет, конечно. Правда, вчера мне показалось...
 - Ой, плохо помню, что было вчера. Скажи, я вела себя ужасающе?
 - Нет, ты…
 - Да, да! Ты, наверное, бог знает что подумал обо мне.
 - Я хотел сказать, что...
 - Или ты не испугался меня? склонив голову, спросила Вера.

Очередной порыв летнего ветра попытался оголить ее стройные ноги, платьице всколыхнулось, но она элегантно придержала его.

- Да, нет вроде.
- Значит, тебя ничем таким не удивишь?

Я пожал плечами.

– Таким, может, и удивишь

Вера усмехнулась и, закинув ногу на ногу, проследила за моим взглядом. Она наблюдала за мной так же внимательно, как энтомолог — за препарированием любопытного экземпляра. Чувствуя неловкость, я все же заставил себя сделать шаг вперед и сесть на скамейку рядом с ней. Вера наклонилась ко мне почти вплотную.

 – Люблю смелых парней. Смелость города берет, – сказала она и чуть погодя добавила: – И не только города.

На лице моей новой знакомой промелькнула малопонятная улыбка.

- Не только, согласился я. Было бы желание.
- И какие же у тебя желания?

Я закашлялся, видимо глотнув слишком много дыма.

- Что, вообще? спросил я, снова уставившись на ее ноги.
- Да хоть вообще, хоть не вообще.

Интересно, она думает о том же, что и я?

- Эээ... разные, замялся я, отводя взгляд. Университет, например, поскорее закончить.
 - И все?
 - Работу хорошую найти, обрадовался я, увильнув от ее каверзного вопроса.
 - Всего-то?
 - А разве этого мало?
- И тебе хочется так скучно жить? Вера скривила губы. Неужели не тянет к чемунибудь интересному, необычному? У тебя вообще что-нибудь необычное в жизни случалось?
 - Конечно, случалось! немного возмущенно ответил я. И не раз.
 - Можешь вспомнить хоть один случай?

Сделав очередную затяжку, я задумался. Знакомство, начавшееся столь многообещающе, все больше напрягало меня. К чему этот гестаповский допрос, например? Тем более, что ничего подходящего не припоминалось.

Используя образовавшуюся паузу, Вера неторопливо выпрямилась и потянулась, предоставив мне на рассмотрение свою спину. Светлое платье и смуглая кожа приятно дополняли друг друга. Задумавшись, я представил ее полностью обнаженной, но, поймав на себе внимательный взгляд, поднес сигарету ко рту и затянулся, как ни в чем не бывало.

- Когда мне было пять лет, я с родителями ездил в Крым. Мы там отдыхали почти месяц. Загорали, купались в море. Говорят, было здорово, правда, сам я плохо помню. Маленький был.
- Какое радужное детство, съязвила Вера. Но в этом нет ничего необычного. Подумаешь, в отпуск на лето уехали. Какое же это приключение? Так что ты все еще на крючке. Поднатужься, дорогой.

Я бы обязательно разозлился, не добавь она это свое «дорогой».

 – Дай подумать... Года два назад мы семьей попали в аварию, – сказал я. – Отец купил машину, и через месяц по пути на дачу мы врезались в иномарку.

Это уже заинтересовало Веру.

- И чем все закончилось? спросила она.
- Так как виноваты были мы, иномарку пришлось ремонтировать на свои деньги, а дачу и машину продать.
 - Неужели ничего нельзя было придумать?
- Нельзя. О разборках и подкупе ГАИ только в книжках пишут. А мы люди простые, но честные сами разбили, сами заплатили.

Вера разочарованно хмыкнула.

- Ладно, оставим семью в покое. Что-нибудь лично связанное с тобой расскажи.
- Со мной? Ну.... к примеру... в восьмом классе мы ходили параллелью в театр, а на обратном пути, поздно вечером, ко мне с другом прицепились гопники. Забрали у нас все деньги и другу зуб выбили.
 - За что?
 - А он пытался возражать.
- Интересные у тебя друзья, усмехнулась Вера, хотя ничего смешного в своих словах я не услышал. Может, как-нибудь в театр сходим?
 - Театр я не очень люблю, но бояться его из-за гопников я не стал. Если ты об этом.
 - Ладно, сказала она, можно тогда нам по набережной прогуляться... вечерком.

Она всерьез или просто издевается? Странная какая-то.

Вера смотрела на меня и терпеливо ждала ответа.

- Почему бы и нет, сказал я.
- Или залезть на крышу, выпить вина, почитать стихи... как ты на это смотришь? полушутя спросила она, поправляя взъерошенную ветром прическу.

Интересно, Толик ее тоже на крыше выгуливал? Впрочем, что-то заманчивое в ее предложении было, подумал я. Вино, звездное небо – романтика. И главное... секс. Нет, на самом деле, кого она хочет одурачить? Такие как она за стихами на крышу не лазают.

– Надо подумать, – неуверенно произнес я, так как помимо секса на крыше, легко представил последующую закономерную встречу с Толиком, а затем недолгую, но весьма зрелищную драку с ним же.

Проснись, одернул я себя, у тебя нет ни сотового, ни машины. Почему тогда Вера выбрала тебя? Нет, здесь точно какая-то собака зарыта.

Я осмотрелся вокруг. Парк пустовал, хотя погода была лучше некуда. Где-то вдалеке, на проспекте, гудели машины, стоящие рядом березы тихо шелестели листвой. Вера, прищурившись, уставилась вдаль и придвинулась чуть ближе ко мне. Что-то скрывалось за ее непринужденностью. Я выбросил сигарету за скамейку и сделал равнодушное лицо.

– Ты можешь обнять меня, – тихо сказала Вера. – Я не кусаюсь.

Как-то слишком быстро все развивается. Не то чтобы мне не нравятся активные девушки, но не настолько же.

– Постараюсь запомнить это.

Не знаю, задело ли Веру мое бездействие или мои слова, но она промолчала. Чтобы как-то сгладить свой отказ я спросил:

– А как ты встретила Толика?

Вера скорчила недовольную гримасу, и я понял, что о Толике лучше не спрашивать – она, наверное, уже забыла о моем незадачливом товарище. Взяв в руки сумочку и вытянув ноги на лавке, Вера улеглась. Ее голова расположилась у меня на коленях. Даже не совсем на коленях, а немного ближе к месту, которое принято называть причинным. Она посмотрела на меня снизу-вверх, и я невольно испугался, что выдам себя творившимися телесными изменениями в этом самом месте.

– Неужели, вы были друзьями в школе?

Значит, не забыла. Век живи, Паша, век учись.

- Нет, конечно. У нас даже общего ничего нет просто одноклассники. Ты знаешь, как это бывает. Учились вместе, иногда отмечали что-нибудь всем классом, но ближе мы не сходились. Он уже тогда был гопником будь здоров, его никто особо в классе не любил.
 - А ты?
 - 9 SR OTP −
 - Ты тоже был гопником?

Она что, издевается?

- А я нет.
- Значит, тебя все очень любили?
- Не очень.
- Почему?
- Вот уж не знаю, спроси у Толика, не выдержав, огрызнулся я.

Вера ненадолго замолчала.

– Ты сказал, что у тебя был друг в восьмом классе. Из театра вы возвращались вдвоем. Но почему не компанией? Получается, больше друзей у тебя не было?

Я вздохнул.

- Были, но мало. Класс у нас не очень дружный был.
- Бедолага, тихо произнесла она, наверное, у тебя и с девушками не очень ладилось.

Отвернувшись в сторону, я сделал вид, что не расслышал ее слова. Вот еще! Стану я тут перед ней исповедоваться! Вера заерзала и перевернулась на бок. Как бы невзначай, она коснулась моей руки и стала ее тихонько поглаживать.

– Наверное, плохо быть одному?

Ее прикосновения мне были очень приятны, чего не скажешь о допросе.

– С чего ты взяла, что я один? Мне всегда есть с кем пообщаться.

Например, с телевизором...

- Появились друзья-одногрупники?
- Да нет, просто дел стало больше.
- Похвально, сказала она, сжав мою руку. То есть, ты постоянно кому-то нужен?
- Бывает. Но сотовый пока покупать не собираюсь, вяло пошутил я и подумал, что бью в свои ворота.

Вера опять легла на спину. Не знаю, ерзала она нарочно или нет, но это было не менее приятно, чем ее поглаживания. Раздражение от того наплыва вопросов, которые она мне задавала, улетучивалось на глазах.

– У тебя есть любимое занятие? Может, ты стихи пишешь, на гитаре играешь или рисуешь?

Ага, еще танцую польку и плету макраме!

- Нет, но я частенько слушаю музыку.
- Какую?
- Всё помаленьку.
- Так уж и всё? Неужели нет такой, которую любишь больше? Или хотя бы определенного стиля, жанра?

У-у-у, она, наверное, их тех, кто слушает определенную музыку или, того хуже, несколько избранных групп, отворачиваясь от всего остального. Не понимаю таких. Сегодня на слуху одно, а завтра появляется что-то новое. Но они цепляются за свои забытые и никому ненужные записи, словно те кому-то интересны, кроме них самих и им подобных. Шизики, одним словом. Мне же нравится то, что на слуху в данный момент. Ведь не зря эти вещи популярны и их крутят по радио.

Я так и сказал Вере.

– Ну, с музыкой понятно, – ответила она. – А что насчет фильмов, книг?

Книги я читал редко. В детстве, как и многие другие, увлекался фантастикой, потом перешел на детективы. Сейчас и вовсе стал читать лишь по необходимости, конспекты и учебники. Фильмы смотрел немного чаще. Листая программы в поисках чего-нибудь интересного, я мог остановиться, увидев знакомого актера или заинтересовавшись происходящим на экране, и, не отрываясь, досмотреть до конца. Правда, именно поэтому большинство фильмов я видел лишь с середины. Вера не одобрила такое отношение к кинематографу, хотя ничего толкового в свою очередь не сказала. Было видно, что и она не дока в этом вопросе.

– Раз ты такой деловой, как говоришь, любишь ли ты составлять расписание на день? – внезапно перескочила она на другую тему, будто ощупывала меня со всех сторон.

Я невольно фыркнул, когда попытался представить себе нечто подобное:

 $\ll 12:00 - 12:30 - Подъем.$

12:45 – пока не надоест – Смотреть телик.

... день-подный-забот...

01:00 – Отбой».

– Нет, предпочитаю жить спонтанно и непринужденно, – ответил я немного громче, чем следовало. Мне надоело отвечать на ее дурацкие вопросы. Хотелось сказать чтонибудь вроде: «Кончай болтать, ты мне и так нравишься» и поцеловать. Будь на ее месте девушка попроще, я бы, наверное, так и сделал. Но с ней...

Вера дружелюбно усмехнулась. Она как будто уловила мои мысли и поманила пальчиком, чтобы я наклонился к ней. Я не ожидал такого поворота событий, ведь первый поцелуй в моих представлениях выглядел несколько иначе, и растеряно потянулся к ее губам. Когда я был уже готов к сближению, Вера повернулась так, что ее губы оказались у самого моего уха, и прошептала:

– А ты забавный.

Что она хочет этим сказать? Ты смешон, ты интересен, или «я вижу тебя насквозь»? Поцелуй, разумеется, не удался.

Мы делали третий круг по парку, и Вера продолжала меня расспрашивать. Люблю ли я шумные компании? Какие у меня отношения с родителями? Легко ли вывести меня из себя? Могу ли я заниматься рутинной работой ежедневно, если это потребуется? Мое отношение к начальникам, старушкам, хамам, детям? Патриотичен ли я?

Вера зачастую не дожидалась, пока я закончу мысль, и тут же перескакивала к другим вопросам. Все они были какие-то странные и, к тому же, неожиданные – она порхала от темы к теме словно бабочка и спрашивала так, чтобы я не успевал обдумать ответ или соврать на крайний случай. Найти истинный смысл во всех этих вопросах я смог лишь гораздо позже.

- Уфф, ну и жара. Может, пойдем на набережную и купим пива? вдруг сказала она. Полуденное солнце действительно начинало припекать.
 - Пойдем, устало ответил я, подумав, что неплохо было бы искупаться.

Мы зашли в магазин, и Вера попросила «Миллер». Я было возмутился столь дорогому выбору, но она стояла на своем – «Миллер», только «Миллер» и ничего кроме «Миллера». Красиво жить не запретишь, черт бы тебя побрал, Толик. Сдерживая праведное

негодование, я не стал спорить, расплатился и успокоил себя тем, что на жаре алкоголь всетаки может значительно нас сблизить.

До набережной мы добирались пешком. Наш путь пролегал по центральной улице мимо мэрии, многочисленных пестрых вывесок магазинов, огромного здания нефтяной компании, и заканчивался возле Театра Драмы, стоявшего почти на берегу реки. Я предложил спуститься к воде именно там, а потом пойти вниз по течению до неказистого, зато абсолютно безлюдного места с удобным для купания берегом. При выходе из парка Вера снова предложила мне обнять ее, и на этот раз я беспрекословно подчинился. Тем более что на ощупь она была весьма приятной.

Вскоре пиво было почти допито, мы стояли неподалеку от цели нашего путешествия, и я помогал Вере справиться с ее порцией.

- Ну же, осталось совсем чуть-чуть, подбадривал я ее, каких-то два глотка.
- Сам попробуй! Уже не лезет, отозвалась она и сунула мне бутылку в руки.

Когда я приподнял ее, чтобы допить содержимое, Вера легонько толкнула меня под локоть, отчего я больно стукнулся зубами о горлышко и облился. Девушка залилась звонким смехом. Мгновением позже она уже сбегала вниз, к реке, и мне пришлось бежать вслед за ней. В голове уже не было той ясности, как в начале, и я как будто даже покачивался.

Вера остановилась у кромки воды и развернулась ко мне. Налетев на нее, я попытался заключить ее в свои объятья. Но она увернулась, и я, неуклюже раскинув руки, повалился на песок. Она снова засмеялась.

- Еще бы чуть-чуть и в воду! заметила Вера, устраиваясь рядом. Купаться будем?
- Можно, ответил я, перевернувшись на спину.

Я вспомнил, что не надел купальные плавки, но, бросив взгляд на Веру, сквозь платьице которой не было видно бюсттальтера, воодушевился. Интересно, как поступит она?

Повернувшись ко мне спиной, Вера попросила:

– Расстегни, пожалуйста.

Немного волнуясь, я выполнил ее просьбу. Она встала, захватив с собой сумочку, отошла в сторону и, все еще находясь ко мне спиной, скинула платье и туфли. Теперь на ней были лишь белые купальные плавочки, узкой полоской скрывавшие последний бастион. Вера молча раскрыла сумочку и извлекла оттуда верхнюю часть купальника. Обернувшись ко мне, она попросила:

– Отвернись, будь добр.

Чуть помедлив, я так и сделал, однако краем глаза успел заметить ее небольшую, загорелую грудь. Округлая, не отвисшая – даже одного мельком брошенного взгляда было достаточно, чтобы оценить ее идеальные формы. Впрочем, это касалось не только ее груди. Вера вообще была очень стройной и подтянутой, и, если бы не ее маленький рост, она могла бы смело называться моделью.

Переодевшись, она разрешила мне обернуться. Чтобы не намочить волосы, она заколола их на затылке. На ее лице царила ехидная улыбка — она знала, чего мне стоило изображать из себя скромника.

Я переодевался не столь увлекательно – под джинсами у меня был не белоснежный и подчеркивающий загар купальник, как у Веры, а самые обыкновенные семейные трусы. С долларами. Интересно, как бы они смотрелись на Толике?

Вера, не обратив внимания на отсутствие плавок, схватила меня за руку и потащила к реке.

- Пойдем, пойдем!
- Ты хоть плавать умеешь? поинтересовался я, ступив в прохладную воду.
- Давай наперегонки! вместо ответа выкрикнула она и уверенно поплыла вперед.

Побежав за ней, я нырнул. Зеленоватая пена, местами встречающаяся на водной глади, забилась в нос и в рот. Проплыв под водой несколько метров, я вынырнул и принялся

отплевываться от тошнотворной жидкости. Вера была уже далеко впереди. Похоже, она плавала намного лучше меня. Соревноваться с ней стало неинтересно.

Позже мы лежали на берегу реки. Не сказать что чистые, зато довольные и освежившиеся.

- Это хорошо, что ты с собой полотенце взяла, сказал я, повернув голову в ее сторону. А то ложиться на грязный песок после этого лягушатника... брр...
- Угу, задумчиво произнесла Вера, отрешенно улыбнувшись в ответ. Сейчас ее занимало что-то другое, она смотрела в небо.
 - Алле, гараж я помахал рукой перед ее лицом. Заявку примите.

Она сфокусировала взгляд и, улыбнувшись на этот раз нормальной человеческой улыбкой, повернулась ко мне.

«Ирис на берегу.

А вот другой – до чего похож! —

Отраженье в воде»¹, – сказала она ни с того ни с сего и, приподнявшись, села рядом.

На всякий случай я огляделся, но никаких ирисов поблизости не заметил. Перегрелась, с усмешкой подумал я. Надо ей было все-таки с головой окунуться.

Слышал? – спросила она и посмотрела на меня.

Я вопросительно уставился на нее.

- Слышал когда-нибудь японскую поэзию? поправившись, повторила она.
- Японскую не слышал.
- А я предостаточно.
- Да ну?
- Ага, вот еще, стишок:

Поник головой, —

Словно весь мир опрокинут...

Она сделала небольшую паузу и закончила мысль:

– Под снегом бамбук.

Это она намекает на то, что я бамбук, раз не читал таких стихов? Тоже мне стихи – три строчки, одна точка – скорее бамбук тот, кто их написал.

– Кишат в морской траве прозрачные мальки... Поймаешь — растают без следа.

Ну, это не про нас. Палочки, разве что, кишечные поймаешь, да и только. Я перевернулся на спину и закрыл глаза. Бодрящий эффект прохладной воды прошел – от Вериных стихов потянуло в сон.

- Сегодня «травой забвенья»

Хочу я приправить мой рис,

Старый год провожая...

Голос Веры становился все тише и тише. Я лежал, стараясь расслабиться и ни о чем не думать, но получалось как-то не очень. В голове крутились мысли о том, как быстро все меняется в этой жизни. Вчера еще был один, а сегодня вот с девушкой. Что будет завтра при такой жизни, никому не известно.

Вера продолжала что-то бормотать. Ее голос уходил куда-то вдаль, а я почти перестал чувствовать свое тело, словно парил в невесомости. Лишь дрожали веки и время от времени пропускали редкие пучки света, но вскоре и они замерли, оставляя меня наедине со случайными мыслями и теперь уже пустыми образами.

Вскоре картинка приобрела некоторую четкость. Я оказался в тех далеких временах, когда с трудом передвигался и еще плохо стоял на ногах. Мама учила меня ходить, поддерживала за ручки, а я что-то лепетал в ответ, не соображая, кто я такой и что меня ожидает в будущем. Хорошее все-таки время – детство.

– Эй! Массаж хочешь?

¹ Здесь и далее до конца главы стихи японского поэта Мацуо Басё (1644-1694).

- − Мгм?..
- Массаж сделать?
- Угу, в полудреме пробормотал я.

Вера влезла на меня и уселась чуть ниже спины. Делая круговые движения руками, она двигалась на мне вперед-назад, будто морской прибой. Сейчас, подумал я, начнется, даже не делая попытки снова заснуть. Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы.

И я оказался прав. Буквально через минуту вместо плавного массажа, к которому я уже начал привыкать, Вера жестко пробежалась пальцами по моей спине. Мышцы невольно напряглись.

– Расслабься, – сказала она и, слегка похлопывая одной рукой по плечам, другой быстро провела раскинутой пятерней от шеи к пояснице. По следу ее пальцев пробежал целый полк мурашек, и я окончательно проснулся.

Вера, тем временем, принялась за мою шею. Теперь она почти не давила, а лишь нежно поглаживала, приминала и сжимала мышцы. Плечи дернулись – она перешла на более жесткие движения. Затем, легко перебирая пальчиками, она оказалась в области поясницы и стала аккуратно сдавливать кожу, раскатывая ее по поверхности спины словно тесто. Было немного больно, но в целом весьма приятно. Энергичными пассами ладоней Вера растирала мне спину, и я млел под ее чуткими руками, одновременно испытывая все большее возбуждение. Но долго возбуждаться мне не пришлось. Осторожно поставив сначала одну, а затем и вторую ногу, она стала прохаживаться по моей спине. Но даже эти довольно странные ощущения, подаренные Верой, были удивительно приятными.

Пи-и-ип! Пи-и-ип! — пронзительно запищали часы у меня на руке, напоминая, что через полчаса надо записать старый концерт «Аквариума» для отца. Он у меня давний поклонник русского рока, а мне больше нравится зарубежная эстрада.

- Сколько время? настороженно спросила Верочка.
- Четыре часа, скоро по телевизору БГ будут показывать, сказал я, выключая будильник.
 - Ой! Мне уже пора!
 - Посмотреть, что ли, хочешь? недоуменно спросил я.
 - Да нет. Мне просто идти надо. Дела!

Отойдя в сторону, она повернулась ко мне спиной и быстро переоделась. То есть, повторила все те же действия, что и час назад. Правда, второй раз это выглядело не столь соблазнительно. Наверное, потому что наоборот и поспешно.

- Пока-пока!
- Постой, дай хоть провожу тебя, кинул я ей вслед, с трудом поднимаясь после глубокого расслабления мышц.

Но Вера лишь ускорила шаг. Взбежав наверх по каменистой гряде, она развернулась и, помахав рукой на прощанье, крикнула:

Я сама тебя найду!

Как в фильмах. И никакого поцелуя на прощанье.

Глава третья

ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ

Малопонятное поведение Верочки, ее непредсказуемость, непосредственность и, само собой, красота, заставили меня иначе взглянуть на эту девушку. Проще говоря, я заинтересовался ею. Кроме того, у меня из головы не шел массаж, который она мне делала. Ведь, наверняка, это было не просто так — если она на первом свидании свободно касалась моего, почти голого тела, то будущее могло сулить нечто большее.

Скорее всего, обстоятельства, при которых мы впервые познакомились, были исключительны. Вдруг она совсем не такая испорченная, как мне показалось вначале, и с ней стоит познакомиться поближе. Да и чем я рискую? Ответ – ничем. Если она и вправду окажется такой стервой, то надо просто развернуться и уйти, а если она белая и пушистая, то... впрочем, всему свое время.

С этими мыслями я прождал Веру несколько дней, но впустую. Когда раздавался телефонный звонок, я старался первым взять трубку в надежде, что это она, но всякий раз оказывалось, что звонит кто-то другой. Вскоре я разозлился на самого себя и перестал подходить к телефону, хоть во мне и копилось множество невысказанных слов. Поэтому, когда в один прекрасный день мать позвала меня к аппарату, я был более чем готов к разговору и почти не волновался.

- Привет, произнесла Вера. Прости, ты, наверное, ждал от меня звонка?
- Да не то чтобы очень...
- Врешь, весело заявила она, я же чувствую.
- Все-то ты чувствуешь.

Я постарался вложить как можно больше сарказма в эти слова.

- Действительно. Но, послушай, я не об этом хотела с тобой поговорить. Видишь ли... мне очень неудобно, но... Толик все узнал.
 - Что узнал?
 - Про нас с тобой.
- Постой, постой, я пытался сообразить. Что значит, про нас с тобой? Разве у «нас с тобой» что-то было?

Мне показалось, что события разворачиваются слишком быстро. То полное затишье, то вдруг такие новости. Хотя, чего еще можно ожидать от нашего с ней знакомства? Кто там говорил, что экстремальные ситуации обостряют чувства? Этого умника да на мое бы место...

Вера, тем временем, продолжала:

- Ну, ты знаешь, я почти представил ее гримасу и пожимание плечами в этот момент, наша прогулка в парке, пиво, купание...
 - Как он
- ...массаж. О, мне это особенно понравилось, она говорила поспешно, словно боялась услышать мою реакцию.

Я не знал, что сказать. Какая разница, удобно ей передо мной или нет. Главное, что предпримет Толик? И еще...

– Откуда он узнал? Он нас видел? Кто-то из его друзей нас видел?

Я пытался представить, что я скажу Толику, когда увижу его. Какие оправдания на него подействуют? Мы гуляли просто так? Мы купались просто, потому что нам стало жарко? Кто предложил? Она, конечно, я бы сам ни за что. Массаж? Какой массаж? Ах, этот! Нет, все совсем не так, как ты думаешь. Видишь ли, когда мы купались, я зацепился плечом о корягу, и Вера разминала это место. Что было потом? Потом мы разошлись. Нет, мы не договаривались о новой встрече. Зачем это нам? Ведь у нее есть ты. И далее в таком же духе.

- Я ему проболталась, прости дуру грешную. Прости, а?
- То есть, как ты?.. Я не понял. Почему ты?
- Ну, выпила немного и ляпнула, когда он полез ко мне со своими дурацкими просьбами. Хотела, чтоб отстал.
- Какими просьбами? я все еще пытался свыкнуться с мыслью, что Вера сама заложила меня Толяну.
 - Какими, какими? Теми самыми. Уверен, что хочешь знать?

Я без труда догадался, зачем Толик мог приставать к красивой девушке, и потому отказался от подробностей.

- Ну и что мы будем делать теперь?
- Не знаю. Надо бы встретиться, обсудить.
- Зачем?

Действительно, зачем нам вторая встреча? Мы еще с первой не расхлебались.

- Ну, ты понимаешь, произнесла она, растягивая слова, надо договориться о том, что мы будем теперь говорить.
 - Кому?
- Кому-кому? Толику. Кому же еще? А говорить придется, иначе совсем худо будет. У него кровь горячая сначала прибьет, потом станет разбираться.

А то я не знаю.

- У тебя предки дома? спросила она.
- Только мать. А что?
- Она никуда не собирается? Я могу прямо сейчас приехать.
- Кажется, она в магазин хотела пойти. Сейчас гляну.

Я вышел в прихожую, чтобы спросить у мамы, когда она уходит в магазин, и увидел, что та уже надевает туфли, а в руках держит сложенный вчетверо пакет.

- Ты надолго? спросил я.
- Не знаю, как получится. Запри за мной дверь.

Я выполнил ее просьбу и вернулся к разговору.

- Приезжай, она ушла.
- Хорошо, скоро буду, сказала Вера и положила трубку.

От волнения я начал ходить по комнате кругами Встреча с Толиком явно не сулила ничего хорошего. Он и в школе-то драчун известный был, а тут дело чести – его девушка и все такое. Что же делать? Что делать?

А, собственно, что тут такого? Ну, погуляли, ну, искупались. Мы же не...

И все-таки Верочка та еще стерва, да к тому же и безмозглая. Неужели не понимает, что такими разговорами она мне могилу роет. Ну ладно, ей-то, допустим, все с рук сойдет. Но со мной как быть?

А я еще думал о ней хорошо. Как же я ошибался! Да она по пьяни что угодно и кому угодно наболтает. Нет, с ней свяжешься – забот не оберешься. И чем я только думал, когда согласился на встречу? Дурак!

В общем так, она приезжает, и я объясняю ей политику партии. Говорю, мол, извини, но я встречаться не хочу... нет, не так. Короче, не хочу с ней иметь больше никаких дел. Вот. А Толику я позвоню и все объясню.

И все-таки, какой же я дурак!

Я ходил из стороны в сторону по своей комнате, все больше раздражаясь с каждым шагом и каждым поворотом мысли. Хорошо, что мать не видит меня сейчас в таком состоянии. Только бы успеть спровадить Веру, прежде чем она вернется. Не хочу, чтобы она видела нас вместе. Еще подумает чего-нибудь не то.

Вскоре раздался звонок в дверь, и я поспешил в прихожую, молясь про себя, чтобы это была не мама.

Это была далеко не мама. Открыв дверь, я увидел огромного злого Толика и с запозданием вспомнил о глазке. На угрюмом лице моего бывшего одноклассника я прочитал свой смертный приговор.

- Здорова, сквозь зубы произнес он.
- Толян, я все могу...

Я успел сказать только это, потому что в следующее мгновение его массивный железный кулак врезался мне прямо в лицо.

Вообще, странное ощущение, когда тебя быот по морде. В один момент я стоял, а в следующий — лежал на земле. Уши наполнились вязким гулом, а окружающий мир беспорядочно замелькал перед глазами. Куда пропал тот краткий промежуток времени, когда я находился в воздухе? Загадка природы, получается.

Наверное, та же загадка природы объясняет, почему, пока я находился на земле, из ниоткуда возникла нога и ударила меня под ребра несколько раз. Далее я получил удар в ухо, и после этого уже плохо что помнил. Кажется, мне досталось еще несколько ударов, а потом Толик иссяк. Сам я в этом не уверен, и дальнейшее представляю только со слов Веры, которая в это время появилась в дверях.

Ее глазам предстала та еще картина – я с залитым кровью лицом валяюсь на полу, а надо мной, сжав свои огромные кулачищи, нависает Толик. Так это было или нет, не знаю, но помню ее дикий крик, вспоровший туман в моей голове.

Позже она рассказывала, что, увидев меня в таком состоянии, взъярилась и набросилась на своего парня, мутузя его руками по голове и плечам. Толик, похоже, не был готов к появлению Веры здесь и поспешно ретировался, сбросив ее с себя по пути.

Очнулся я от неприятного жжения, охватившего все мое лицо. Взгляд медленно сфокусировался, и размытое розовое пятно превратилось в миловидное лицо Веры. В ее глазах я увидел настоящую заботу, испуг за меня, ее щеки раскраснелись, а волосы были растрепаны. Увидеть ее такой оказалось самым приятным за сегодняшний день.

Куда-то исчезла прежняя обида, раздражение. И даже боль в теле на время отступила, предоставляя возможность насладиться видом Вериного лица, находившегося так близко от моего, что я чувствовал ее дыхание. Стиморол клубничный, профессионально определил я.

Мы лежали на кровати в моей комнате. Разве мог я представить, что так быстро окажусь с ней в кровати? И пускай, это не совсем то, что мне бы хотелось, радовал сам факт.

В руке она держала ватку со спиртом.

- Отфуда... остальное я не смог договорить из-за острой боли в губе.
- Осторожно ты, шикнула она, у тебя губа треснула. Ранка только-только начала затягиваться, а ты все испортил. Молчи лучше.

Я кивнул. Ватка в ее руке была бледно-красной – значит, уже не первая.

– Если тебя интересует, где я достала спирт, то у вас в шкафу. Прости, что пошарилась без твоего спроса, но так было надо. У тебя мама врач?

Я молча кивнул, помня о разбитой губе. Мой взгляд переместился с ее лица ниже – к щедрому вырезу летнего сарафана. Вера нагнулась надо мной так, что я смог увидеть ее манящие округлые формы без лифа. Мне даже показалось, что я могу услышать их невероятно приятный запах.

Мои попытки разглядеть их внимательнее прервал раздавшийся сверху насмешливый голос:

- Смотри, косоглазие не заработай.
- Я поспешно перевел взгляд на старый магнитофон, стоящий слева на тумбочке. Вскоре Вера снова нарушила тишину.
 - Хорошо, сказала она, значит, мама врач. А отец у тебя кто?
- Я, было, собирался ответить, но в последний момент вспомнил о губе, и, глянув на нее, покачал головой. Через секунду она одобрительно хмыкнула.
 - Молодец, быстро учишься.

Я снова посмотрел на нее.

– Ифдеваефа? – спросил я, словно чревовещатель, почти не шевеля губами.

Вместо ответа Вера передвинулась вверх, чтобы обработать ссадину на лбу. И хотя жжение заставило меня ойкнуть, я отдавал себе отчет, что ее грудь, которую я совсем

недавно так бесстыдно рассматривал, теперь находится прямо у моего лица. Если не считать платья, разумеется.

Вскоре лицо было обработано, и Вера отодвинулась назад, чтобы посмотреть на результаты своей работы.

– Не Рики Мартин, конечно, но до свадьбы, думаю, заживет, – сказала она.

Мимолетная связь, наладившаяся между нами, пропала. По крайней мере, мне так показалось.

 А теперь давай посмотрим, что у тебя с боком, – заявила она. – Придется снять рубашку.

Она что, всерьез говорит? Я вспомнил, что скоро придет мама – потом объясняйся с ней еще.

- Я ф порядхе, уверил я ее.
- Неужели?

С улыбкой на губах Вера ткнула меня в правый бок. Звук, вырвавшийся из моей глотки, вероятно, издают только астматики на марафонском финише.

– Ну вот, – как ни в чем не бывало продолжила она, – а ты говоришь.

Далее она стянула с меня рубашку и бросила ее на пол.

– Красавец, ничего не скажешь.

Я посмотрел вниз и увидел огромное лиловое пятно почти на весь правый бок. Мне стало дурно. Она тем временем сменила позу, расправив затекшие ноги и скользнув одной из них по моему здоровому боку.

- В общем так, мне надо проверить, не сломал ли этот обалдуй тебе ребра.
- Фто? беспомощно спросил я.
- Будет больно, предупредила она, очень больно. Но если вытерпишь, и ни разу не вскрикнешь, то получишь конфетку.
 - Фафую фанфефху?

Вера выразительно посмотрела на меня, и мне вдруг стало неуютно. Казалось, в ее глазах я увидел самого себя – со своими простенькими мыслями и желаниями. Она знала, чего я хочу, и дала мне понять это.

- Терпи, - сказала она и принялась ощупывать мой бок.

Боль была просто ошеломляющая. Казалось, что у меня в теле сломаны все кости. Каждое прикосновение ее пальцев превращалось в очередной раскаленный нож, вонзающийся в мой бок. Я делал глубокие вдохи и выдохи сквозь стиснутые зубы, пока Вера продолжала свою пытку. Моя рука судорожно вцепилась в первое, что подвернулось – ее ляжку.

Не знаю, сколько это продолжалось. Мне показалось, что целую вечность, но вскоре истязание подошло к концу.

– Нормально, – наконец произнесла она. – Все чисто, переломов нет.

Откуда она все знает? Я сделал очередной выдох, и вместе с ним начала утихать боль в боку. Только сейчас я заметил, что ее нога, покраснела в том месте, где я сжимал ее, а моя рука за это время проделала порядочный путь вверх и теперь находилась рядом с...

Я поспешно убрал руку.

- Ты уверена? спросил я и тут же сморщился оттого, что снова треснула губа.
- Ну вот, возмутилась Вера, опять с губы кровь идет. Я же просила, не разговаривать.

Я приготовился к тому, что она опять приложится ваткой со спиртом к открывшейся ранке, но вместо этого она слизнула набухающую каплю языком. Прежде чем я успел прочувствовать ее касание, Вера быстро, но осторожно уселась на меня и, подняв руки, стащила с себя платье. Из одежды на ней были одни белые трусики.

Она пристально посмотрела на меня и произнесла:

- Ты честно заработал свою конфетку. И сейчас ты ее получишь.

Почему? Почему она это делает? Ведь так быстро «это» не происходит, не должно происходить. В конце концов, первый шаг должен делать парень.

- Пофлуфай, фы не обяфана...
- Хочу тебя.

От этих слов, которые я уже слышал раньше меня бросило в жар, но я честно сделал последнюю попытку.

- Ифвини, но в фафом фофоянии...
- Я все сделаю сама, успокоила она меня и, приспустив мои трико, переместилась вниз.

Громко хлопнула дверь в прихожей, и на секунду другую потянуло сквозняком.

-Вера, - мой шепот прозвучал глухо, запутавшись в ее волосах.

Вместо ответа она продолжала двигаться на мне, двигать мной, отчего кровать не переставала скрипеть. Из прихожей донеслись шаги.

-Вера, - снова позвал я ее, - кажется, мама пришла. Вставай!

Она подняла свое раскрасневшееся лицо, и я встретил острый взгляд внимательных глаз. Такие глаза ничего не упускают.

Вера еще несколько раз дернулась на мне, на этот раз более активно, отчего я ощутил боль в боку, которая перемешалась с наслаждением, и издал непроизвольный стон. Из прихожей донеслось вопросительное:

– Пашенька?

Вера опустилась к моему лицу и, сделав глубокий вдох, проворно соскочила с меня. От боли, вызванной ее резким движением, у меня потемнело в глазах, но на этот раз я сдержал стон. Звук приближающихся шлепанцев отсчитывал наши последние мгновения.

Я попытался натянуть трико, но куда там – в моем плачевном состоянии это было непосильным трудом. Левая нога застряла в штанине, все остальное было в своем естественном, первозданном виде – голышом, короче говоря.

Именно таким меня и застала мать, когда вошла в комнату. Я стоял позади Веры, которая уже успела натянуть на себя свой сарафан. Белые трусики были зажаты у нее в кулачке за спиной.

– Здравствуйте, – произнесла моя подруга, поправляя сарафан. – Меня зовут Вера.

Глаза у мамы округлялись, наверное, еще секунд пять прежде, чем она, пробормотав нечто неразборчивое, захлопнула дверь.

Я поглядел на Веру. За смущением, написанном на ее лице, я прочитал кое-что еще – торжество, радость победы. И тогда я понял, что Вера не зря временила с одеванием. Она хотела именно такого финала.

И она его получила.

Глава четвертая

НЕЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

- Да, именно так все и было, - я задумчиво рассматривал бумажные подстаканники, на которых было выведено название заведения. «Наt Trick».

В контексте разговора я бы перевел это, как «финт ушами». Именно так мне и приходилось действовать во всем, что касалось отношений с Верой. Мысль заставила меня криво усмехнуться, на что мой молодой собеседник вопросительно приподнял бровь. Я покачал головой, мол «ничего-ничего», и, подозвав официанта, попросил принести еще две кружки пива и фисташек. Вечер обещал быть долгим.

Незнакомца звали Александр, и я подивился причудливым узорам судьбы. На ум пришел другой Александр, которого в последний раз я видел двадцать лет назад. Он даже внешнего был похож на призрака моего прошлого – высокий, уверенный, красивый. Таким в жизни всегда везет.

О себе он говорил как-то неохотно, очевидно, желая поскорее узнать, что же было дальше. Такой интерес к моей истории, был мне только на руку. Не задавая лишних вопросов, я продолжил свое повествование.

Матери надолго запомнилось эффектное появление Верочки. Все-таки не каждый день происходит столько событий сразу – избиение, секс и всеобщий конфуз. Впрочем, конфуз коснулся всех, кроме Веры.

Как выяснилось позже, это были только цветочки. И по-настоящему вкусить «ягодки» я смог лишь несколько дней спустя.

В тот день Вера ушла сразу после прихода мамы, но в моих мыслях она обосновалась прочно и надолго. После ее визита родители косо смотрели на меня, и у них были на то основания.

С каждым днем я все сильнее злился на свою новую подругу, а особенно раздражало меня то, что я не мог назначить ей встречу, так как не знал номера ее телефона. Все что мне оставалось – ждать ее нового появления.

Так протекали серые будни, в течение которых я слонялся по квартире в поисках занятия или же бродил по городу, втайне надеясь на случайную встречу с Верой. С одной стороны я ненавидел ее за произошедшее, с другой – не мог выкинуть из головы и хотел только одного, увидеться вновь. Я ничего не мог с собой поделать.

Однажды угром я проснулся оттого, что меня трясла за плечо мать. Ее лицо было непривычно строгим, почти сердитым. Она всегда так выглядела, когда была чем-то расстроена.

– Вставай, – мрачно сказала она. – Мне надо с тобой поговорить.

Я уже некоторое время ожидал чего-то подобного. С тех пор, как Верочка внезапно объявилась и пропала, оставив меня расхлебывать всю эту кашу, прошло больше недели. Все эти дни мать старательно обходила тему моей новой подруги, хотя я знал, что в голове у нее зреет жирный вопросительный знак. Видимо, настал тот час, когда придется выслушать все, что обо мне думают.

Прислонившись спиной к ковру на стене и согнув ноги в коленях, я приготовился слушать. Мать присела на краешек кровати, какое-то время не решаясь поднять глаза или нарушить молчание. Судя по всему, она была смущена не меньше, чем я.

- Я тут долго думала над тем, что произошло, начала она. Сначала хотела тебя отругать, затем просто поговорить, но теперь даже этого не хочу.
 - Может тогда и не надо? неуверенно произнес я.
- Нет, погоди. Ты парень уже взрослый, и решать тебе в любом случае придется все самому. Что делать с этой... Верой, она замешкалась, произнося ее имя, словно то было каким-то ругательством, ты разберешься сам. Просто знай, если захочешь моего совета, то я всегда готова тебе помочь.

Значит, речь не о том, чтобы я перестал встречаться с Верочкой. На душе у меня немного полегчало.

– Однако как мать, я все же беспокоюсь о тебе и о твоем здоровье, поэтому ты должен будешь сделать кое-что для меня. И для себя, кстати, тоже.

Выдержав непродолжительную паузу, она твердо произнесла:

- Тебе придется сходить в кожвендиспансер.
- Чего? я был готов ко всему, но только не к этому.
- Пойми, я не знаю кто она такая, да и ты, скорее всего, тоже. А ведь нынче такие девки пошли! Оторвут и выбросят.

- Что значит «оторвут и выбросят»? И потом, какой еще КВД? Не ходил я туда и не пойду. Столкнешься с кем-нибудь знакомым, а потом по городу слухи поползут. Нет, спасибо, обойдусь как-нибудь без такой радости.
- Не беспокойся, я уже обо всем договорилась с тетей Любой. Она примет тебя пораньше с утра, когда там еще никого нет. Возьмет мазок, и свободен.
 - Да не хочу я…
 - Меня не волнует, хочешь ты или нет, Павел, я настаиваю.

Мать редко называла меня Павлом, все чаще Павликом или Павлушей, но когда я слышал «Павел», то знал, что это не предвещало ничего хорошего. В таких случаях лучше не спорить.

– Ну ладно, ладно.

Блин, и все-таки как стрёмно туда идти...

На следующее утро я потопал в больницу, которая находилась в пятнадцати минутах ходьбы от моего дома. Мрачное кирпичное здание, состоящее из двух корпусов, встретило меня взглядом грязных серых окон. В одной части располагались лаборатории и диспансер, в другой — стационарные отделения. Страшно было браться даже за ручки дверей, так как из книг я знал о бытовом сифилисе — учеба обязывала. Войдя внутрь, я ощутил болезненную атмосферу заведения: в нос бил неприятный больничный запах, который не спутаешь ни с чем другим, на кушетках возле стен, сидело несколько пациентов — бритоголовые подростки, которым от силы можно было дать лет шестнадцать, и пара девиц — одна сомнительного, другая весьма респектабельного вида. Парни хрипло гоготали, что-то обсуждая, а девушки сидели молча. Господи, куда я попал?

Поинтересовавшись, кто последний, я занял очередь на прием. Садиться на кушетку не хотелось, поэтому я скромно оперся на стену, покрытую бледно-зеленой эмалью. На стенде напротив висели любительские рисунки пораженных женских и мужских половых органов со страшными заголовками: «Гонорея (триппер)», «Сифилис» и «Генитальный герпес». Отведя взгляд, я задумался над тем, что же меня сюда привело. Неужели я и вправду подхватил какую-то гадость от Веры?

Тетя Люба была давней маминой подругой. Они познакомились еще в студенческие годы, и последние два курса в медицинском институте делили комнату по общежитию. С виду у них было много общего, но что касается характера...

Если мать любила говорить помягче и старалась решать проблемы мирным путем, то тетя Люба рубила с плеча и безжалостно резала правду-матку. Видимо, работа в КВД только укрепила в ней эту черту.

– Привет, Дон Жуан, – бросила она мне, когда я вошел в кабинет, и без всяких предисловий скомандовала. – Вынимай!

Я торопливо расстегнул ремень, и, приспустив джинсы, обнажил свое горе, которое у нормальных людей принято считать достоинством.

– Вот уж не думала, что когда-нибудь увижу тебя здесь, – произнесла она, небрежно протерев нужное место салфеткой. – Чего же ты мамку тревожишь, а?! Не знаешь, что ли, какой на дворе век? Про безопасный секс, хоть краем уха, слышал? А еще на будущего врача учится. Позор!

С тетей Λ юбой я предпочитал помалкивать – она не из тех, кто за словом в карман лезет. Даже когда она говорила обо мне, я старался быть глух и нем.

– У-у-у... молчит, как партизан, – усмехнулась мамина подруга.

Промокнув влажным тампоном все то же место, она достала тонкую стальную спицу с желобком на конце и погрузила его внутрь моего бедного органа. Я невольно напрягся, ощутив доселе незнакомое чувство проникновения в меня чего-то холодного, чужого и очень, очень неприятного.

- Я, конечно, понимаю, что вам парням вечно не терпится, но ведь с умом все надо делать, — более мягко заметила она, достав инструмент. — Хотя, чего я тебе все объясняю, вон какой дылда вырос, сам должен соображать.

Она взяла пробирку с жидкостью и опустила в него спицу. Взболтав пробирку, тетя Люба выставила ее на свет и пригляделась.

– Маловато будет, давай-ка мы еще разок, – порадовала она меня.

Я снова напрягся от неприятного ощущения.

- Теперь нормально.
- Теть Λ юб, осторожно обратился я к ней, застегивая джинсы, ведь я же не болен, это меня мать заставила пойти. А так, я здоров, и в подруге уверен на все сто.
- А вот это мы завтра узнаем. За анализами можешь не приходить, я все Марине передам.

На следующий день, мать позвонила с работы и оглушила меня новостью, которую я никак не ожидал услышать.

- Поздравляю, доигрался, оболтус ты эдакий, ядовито произнесла она.
- Что такое?.. пробормотал я в ответ.
- Мазок показал острый трихомониаз, сразу три креста. Вот что такое.

Так, трихомониаз, в простонародье – триппер, он же гонорея.

- Считай, что тебе сильно повезло. Эта гадость часто передается одновременно с гонореей, гарденеллезом и хламидиозом. У тебя пока ничего из этого не обнаружили.
- Спасибо за лекцию, мама, но я это и так уже знаю. На врача все-таки учусь, не забыла?
 - Чем на мать огрызаться, ты бы лучше с подругой своей разобрался.

Ну, Вера, ну, стерва. Сначала с Толиком подставила, неделю с синяками ходил из-за ее длинного языка, теперь вот опять лечиться надо. Правда, совсем в другом месте. Как она могла так поступить со мной? Чтобы я еще раз с ней...

Меня передернуло. Я вспомнил жуткие картинки в коридоре кожвендиспансера и захотел поскорее бросить трубку, лишь бы не знать, что заболел.

– Я тебе достану антибиотики, проведем курс лечения. Дня за три должно все пройти, но все равно на ближайшие пару недель забудь о спиртном, даже пиве. А со своей Верой лучше распрощайся – заразила один раз, заразит и еще.

С удовольствием, мамуля, но где мне ее найти!? Вот Верочка, натворила дел и пропала – только ее и видели.

Через неделю сходишь на повторное обследование. И это еще не все – анализы будешь сдавать целый месяц. Каждые пять дней.

Постоянным клиентам скидка? Я тяжело вздохнул.

 В следующий раз будешь думать головой, а не другим местом, – закончила свой монолог мать и повесила трубку.

Вера не появлялась. «Тинидазол» мне помог, и через неделю после посещения диспансера я был здоров как бык. По крайней мере так говорила мать, регулярно консультировавшаяся с тетей Любой по телефону. Однако анализы мне еще предстояло сдавать в ближайшие недели.

Отец на этот счет ехидно заметил: «Быстрое лечение не всегда идет на пользу». Самое страшное, что я понимал – болезнь меня на самом деле не испугала, и чем больше я думал о Вере, тем сильнее хотел снова увидеть ее. Мои чувства, конечно, резко переменились со времени нашей последней встречи. Я ругал себя за любые фантазии и не раз решал, что нужно забыть о ней, а если она вдруг объявится, послать куда подальше. Но хандра усиливалась – мысли о близости с Верой вытеснили все остальное. Наверное, правду говорят: «Частота – залог здоровья!».

Придя на очередную сдачу анализов к тете Любе, я заметил на ее столе стопку анкет, которые заполнялись пациентами добровольно и, видимо, для статистики. Подняв одну из них, я пробежался глазами по списку вопросов. Анонимность была соблюдена полностью – никаких имен, адресов или дат. Интересно, много ли местных завсегдатаев ее заполняет?

Дойдя до пункта «Знаете ли вы своего партнера?», я удивленно хмыкнул. Это был камень в мой огород.

Вера опять возникла из ниоткуда.

Был понедельник, и я возвращался с работы. Со времени нашей последней встречи прошло две недели. Через знакомых отца я устроился ночным сторожем в контору, занимающуюся продажей бытовой техники. Все, что от меня требовалось, это приезжать в офис фирмы и, запершись, ложиться спать; в семь угра открывать дверь техничке, в восемь – впускать персонал и идти домой. Отдежурив ночь, следующие две я мог спокойно отдыхать, потому что другие смены уже были отданы по большому блату зятю технички. Контора располагалась возле набережной, невдалеке от того места, где я провел необычный летний день с Верой. Впрочем, с этой девушкой все было необычным, если не сказать больше. Вот и сейчас я шел домой и думал о ней. Мои мысли укладывались в простое «вернись, я все прощу».

Родителей дома не было. Отец ушел на работу, а мать, видимо, ходила по магазинам. Борясь с сонливостью, я снял обувь и прошел в свою комнату.

Вера сидела на подоконнике и задумчиво глядела в окно. Мое состояние в тот момент легче всего описать двумя словами – я офигел.

– А ты откуда?

Она обернулась в мою сторону и широко улыбнулась:

– Привет.

Встав с окна, Вера не спеша подошла ко мне и прильнула в долгом поцелуе.

- Как ты здесь оказалась? - переспросил я, плюхнувшись в кресло.

Она таинственно пожала плечами и опустилась ко мне на колени. На ней было то же легкое платьице, что и в прошлый раз. Интересно, под ним по-прежнему ничего нет?

Стоп! Кажется, я не о том думаю. Все-таки откуда она здесь взялась? Ключей у нее нет, разве что родители открыли и оставили ее здесь совсем одну. Но зачем им-то это надо? Впрочем, у нее же в глазах написано, что она ждет, когда я спрошу об этом. Черта с два! Я и так слишком предсказуем.

- Как там Толик? начал я издалека. Мне хотелось выяснить причину Вериного долгого отсутствия, однако спросить об этом напрямую я не решался.
- Не знаю, я уже давно его не видела. Он пару раз звонил, умолял о встрече, но я его послала. Честно-честно, сказала Вера. У нее при этом был очень убедительный вид.

Так, звонил. Значит, у нее все-таки есть телефон.

- А почему мне нельзя позвонить? Я бы тоже умолял о встрече.
- И мне бы тоже надо было послать тебя? сказала Вера, обезоруживая меня улыбкой. Ладно, погоди, спокойно добавила она и, дотянувшись до своей сумочки, достала потрепанный блокнот. Выдернув листок, она довольно небрежно чиркнула заветные шесть цифр, и на душе у меня стало спокойнее.

Пикнувшие часы на столе заставили меня вздрогнуть. Улыбнувшись, Вера рассеяно провела рукой вдоль моего бедра. Кажется, я понял, что за этим последует, и не ошибся.

Она обняла меня и, поцеловав в шею, прошептала на ухо:

– Ты не представляешь, милый, как я по тебе соскучилась.

Я не видел ее глаз, но так хотелось поверить в эти слова! Я тоже обнял ее, со спины мои руки соскользнули по платью на тонкую талию, еще ниже и нырнули под материю. Ничего не изменилось – под ним по-прежнему было лишь ее горячее, упругое тело.

Я вдруг вспомнил о последствиях.

- Постой, мне пришлось отстраниться от нее через силу, я не могу. Ты... ты же меня заразила и теперь все по новой... Нет, Вера, я...
- Чего-чего? с ее лица исчезла чувственность, еще секунду назад будоражившая меня. Чем это я тебя заразила?
 - Чем-чем, передразнивая ее, произнес я. Триппером, вот чем.
- Дурак, что ли? Чтобы я не лечилась, даже если бы вдруг заболела? А это при том, что я не болею, и вообще имею привычку регулярно проверяться, в отличие от вас, парней.
 - Да, но мы же без презерватива…

Я уже не чувствовал прежней уверенности. Почему Вера врет? Ведь анализ показал, что я болен.

– Ну и что? А ты о вагинальных свечах слышал когда-нибудь? Они, кроме всего прочего, еще и от венерических заболеваний защищают. Да и потом, я пару дней назад проверялась. Все чисто! С чего ты взял?

Я ей вкратце описал, что произошло в ее отсутствие. После чего она задумалась.

- А как ты себя чувствуешь? наконец, спросила она.
- Нормально.
- Жжение в паху было, рези при мочеиспускании, общие расстройства?
- Вроде, нет.

Она снова затихла.

– У тебя эти таблетки еще остались?

Кивнув, я достал из ящика письменного стола пластиковый бутылёк, на дне которого лежала пара желтых таблеток, и протянул ей. Вера извлекла одну из них и, повертев в пальцах, взяла в рот и, разжевав, проглотила.

- Поздравляю, Шерлок, тебя обвели вокруг пальца!
- Не понял.
- Никакой это не Тинидазол, а самый обычный Мультитабс, витаминный комплекс. Я сама его пью, так что знаю, о чем говорю.
 - Мультитабс?
- Кроме того, курс лечения, как правило, занимает неделю или того больше, но уж никак не три дня. И повторно анализы сдают не через пять дней, а через месяц.
 - Но ведь мама и врач сказали...
- Эх, вздохнула Вера и придвинулась ко мне, ты совсем не знаешь женщин. Эта Λ юба подруга твоей матери, и они между собой обо всем договорились. Ты сам результаты анализов видел?
 - Нет, но...
 - О чем тогда разговор?
 - Зачем это было ей нужно? удивился я.
- Затем, чтобы ты перестал со мной встречаться, просто ответила она. И эти повторные анализы ты должен сдавать только затем, чтобы в памяти остались неприятные воспоминания обо мне. Про собаку Павлова слышал? Это из той же серии.

В голове никак не укладывалось вероломное поведение матери. Я не мог поверить, что она способна пойти на такой обман. Видя мою растерянность, Вера сжалилась и, взяв меня за руку, объяснила:

– Послушай, я мало кому из женщин нравлюсь, особенно матерям. Им нужны глупенькие, покорные девочки, которые будут слушаться свекровь и рожать детишек, готовить их сыночку еду и убирать за ним всю оставшуюся жизнь. А я не такая, я сама по себе. Люблю свободу, люблю секс, люблю приключения. Мне не нужна вся эта мишура, которая якобы является признаком счастливой и устроенной жизни, мне нужна сама жизнь.

Неужели мать действительно так поступила? Я не мог в это поверить, но объяснения Веры звучали очень убедительно. Я не ощущал никаких симптомов, не видел результаты

анализов, чувствовал себя хорошо, и они действительно были подругами и могли договориться об этом. Дурак, и почему я только сам не полистал справочники, нашел бы в них все, что нужно. Я не хотел верить, но, чем больше думал, тем все больше убеждался, что мать меня обманула.

– Но меня не интересует, что думает обо мне твоя мать, – продолжала моя подруга. – Меня волнует, что думаешь ты.

Во мне перемешалось множество чувств – злость на мать, желание обладать Верой и растерянность. При всем этом нужно было что-то решать.

– Да, я...

Но Вера уже впилась в мои губы, и я умолк. Ее язык исследовал меня изнутри, и мне хотелось ответить ей тем же – только не языком, а кое-чем существеннее. Уши наполнились гулом бурлящей крови, в которую мощными толчками выбрасывался адреналин. На кончиках пальцев чувствовалось едва уловимое покалывание. Возбуждение нарастало с каждой секундой.

Я хочу Веру и ничего не могу с этим поделать – ведь себе не прикажешь.

И лишь одно мешает сосредоточиться.

«Вставай. Мне надо с тобой поговорить!»

 Расстегни рубашку, – жгучий шепот Веры вливается в мою голову. – Мне надо ее снять! Скорее!

Я слушаюсь ее.

Рубашка уже на полу, и теперь ее ладошки и пальцы гладят мои плечи, мою грудь. Господи, неужели я и вправду сделаю это после всего...

«Ты парень уже взрослый, пора тебе решать все самому».

Так я и решаю! Точнее, уже решил – я знаю, чего хочу. И все же страшно. А вдруг?..

– Помоги, – Вера поворачивается ко мне спиной.

Мои дрожащие от возбуждения пальцы скользят вниз по ее платью, расстегивая его и оставляя за собой дорожку загорелой спины. Ее спины.

«А ведь нынче такие девки пошли! Оторвут и выбросят».

Ее платьице скользит вниз, к ногам. Она снова прижимается ко мне своим разгоряченным телом. Ее ласковые руки, упругая грудь, плоский живот – все это я ощущаю свой кожей. Желания и мечты сливаются воедино. В голове полная неразбериха.

«Прости, Павел, но я настаиваю».

Прости, мама, но Я выбираю.

Мы опускаемся на кровать.

«Мне нужна сама жизнь».

Нет больше сил думать. Все-таки один раз живем.

Пришел в себя я не сразу, и какое-то время просто лежал, уставившись в окно. Легкость пропала вместе с желанием, и на горизонте опять замаячили сомнения. Снаружи собирался дождь – солнце спряталось за тучами, из форточки тянуло холодом.

Вера лежала рядом. Казалось, она совсем не заметила смены погоды, и ей попрежнему было жарко. Одной рукой она прикрыла лицо, а другой — нежно поглаживала меня по животу и груди. В голове вертелся набивший оскомину вопрос: а вдруг я и вправду что-то подхвачу от нее или еще хуже? Хотя... Вера, конечно, складно говорила, однако после недавних событий мне ей не слишком верилось. Я до сих пор не решил для себя: стоит ли так рисковать из-за минутного наслаждения?

Встав, я подошел к окну и закрыл форточку. Заканчивался июль, заканчивалось лето – скоро начнется учеба. Я посмотрел на обнаженную Веру, лениво потягивающуюся на моей кровати. Что за беззаботное существо!

– Пойду, ополоснусь, – сказал я и поплелся в ванную.

Закрывая дверь, краем глаза я заметил, как Верочка встала с кровати и направилась в сторону кухни. Из одежды на ней по-прежнему ничего не было.

Наслаждаться теплыми потоками душа как-то не получалось: первым делом я на всякий случай промыл подверженные заражению места, мало ли... Затем изводил себя мыслями о том, почему не смог в деталях обсудить вопрос предохранения. Да, конечно, Вера говорила о свечках каких-то, но это всего лишь ее слова, не более.

Твердо решив разобраться с этим, как только выйду из ванной, я выключил воду и услышал продолжительный звонок в дверь. Это еще кто? Отец так рано никогда не возвращается, а мать еще собиралась заскочить к бабушке. Неужели тетя Сима? Любит она приходить в самые неподходящие моменты. Наспех одевшись, я выскочил в прихожую. Вера уже стояла там с заинтересованным видом, но в отличие от меня, одеться она не удосужилась. Я махнул, чтобы она спряталась у меня в комнате, и глянул в дверной глазок.

- Кто там?
- Откройте. Милиция.

Вера скрылась, а я, недоумевая, отворил дверь.

– Да? – спросил я.

На пороге стоял наш участковый, высокий и усатый – такие, наверное, только в книжках бывают. Подмышкой у него была зажата черная кожаная папка. Как же его зовут?

– Это что у тебя такое творится, Павел?

Блин, он еще и по имени меня помнит. Совсем нехорошо.

- О чем вы?
- Я про нудистский пляж на твоем балконе. Кто это такая?
- Вера? ее имя вырвалось прежде, чем я смог прикусить язык.
- Какая Вера? подозрительно спросил участковый.
- Это... это... сестра...
- Какая еще сестра? У тебя же нет сестры.
- А это... двоюродная. Из Москвы. Вы же знаете, какие они все там раскрепощенные.
- Сестра, говоришь, двоюродная, усатый представитель закона достал папку и раскрыл ее перед собой.
 - OTE OTP -
- Ничего страшного, протокольчик составим, подумаешь на досуге о своих родственниках. А то вон, пока поднимался, успел выслушать жалобу соседки. У нее маленький сын во дворе гуляет, а тут на балконе голые женщины расхаживают, он занес ручку над чистым бланком.

Черт, только этого мне еще не хватало! Еле уговорив милиционера обойтись без формальностей, я сбегал в гостиную, где в секретере отец всегда держал про запас немного денег. Мы быстро сошлись на размере штрафа, и в семейном бюджете образовалась небольшая брешь.

Закрыв дверь, я прислонился к обивке и медленно выдохнул. На этот раз все обошлось. Но сколько еще неприятностей мне подкинет Вера?

Глава пятая

ПЕРВАЯ СВОБОДА, ПЕРВЫЙ ПЛЕН

Покрывать непредвиденные семейные расходы мне пришлось из своей первой зарплаты. Не могу сказать, что такая плата за дружбу с Верой меня сильно радовала, но довольно скоро у меня появились новые заботы.

Со временем я окончательно поверил Вере в том, что мать специально разыграла историю с моей болезнью. Во-первых, она не очень-то волновалась, когда «узнала», что я

заражен. Во-вторых, она так и не смогла показать мне справку с результатом анализа, сославшись на то, что тетя Люба ее куда-то подевала. Я перестал сдавать анализы последней, высказав ей все, что думал по поводу их с матерью коварства. Она лишь пожала плечами, и больше мы не возвращались к этой теме. По просьбе Веры я на всякий случай сходил в анонимный лечебный центр и проверился там – как и предполагалось, я был чист. Видимо, моя подруга лучше разбиралась в матерях, нежели я сам.

Теперь она снова пропала и объявилась лишь через неделю, в течение которой я пытался ей звонить, но бесполезно – по записанному Верой номеру никто не отвечал.

– Я звонил, но тебя никогда нет дома, – сказал я при встрече.

Она неопределенно пожала плечами:

– Бывает. У нас полдома на блокираторах, и телефон не всегда работает.

В последствии я так и не смог дозвониться до Веры, поэтому при следующей встрече попытался узнать ее адрес, но она обошла эту тему самым приятным образом. В другой раз, хорошенько подготовившись, я был более настойчив — Вера сначала отмалчивалась, но вскоре не выдержала и в довольно грубой форме указала мне, чтобы я не лез в ее личную жизнь. Я в ответ обиделся. И конечно, тот вечер у нас прошел впустую — ничего не было. Похоже, серьезному разговору так и не суждено было состояться.

Вера не баловала меня визитами, и между нашими встречами, как правило, проходило не меньше четырех дней. Наверное, мне следовало как-то изменить это, но я боялся разрушить хоть какое-то понимание, сохранявшееся до тех пор, пока не затрагивалась Верина независимость.

Когда она приходила, мы в основном сидели у меня дома — благо, оставшись наедине, нам было чем заняться. Иногда ездили купаться на загородное озеро, так как на набережную меня больше не тянуло, или же шатались по главным улицам города. А однажды Вера даже затащила меня в театр. К моему удивлению спектакль мне понравился, и два часа пролетели незаметно.

Родители, конечно же, не жаловали Веру, но обычно она ухитрялась приходить в то время, когда их не было дома. Самое странное, что в разговорах они избегали тему моей дружбы с ней. Неужели они так быстро сдались?

Не знаю, что подтолкнуло моих родителей, но в конце августа они устроили мой давно запланированный переезд на отдельную квартиру. Так получилось, что бабушка уже второй год жила одна, поэтому приходилось едва ли не каждый день ходить к ней, а иногда и ночевать, когда у той шалило сердце. Родители решили убить сразу двух зайцев: воспитать во мне самостоятельность и наладить постоянный уход за старушкой, перевезя ее к себе. Поэтому бабушка переехала в мою комнату у родителей, а я – в ее освободившуюся квартиру. Все это произошло довольно неожиданно – раньше мы часто говорили о переезде как о чем-то отдаленном, туманном. То есть, он, конечно, был в планах, но весьма дальних, а тут вдруг без всякого предупреждения взял и состоялся. Уж не мои ли отношения с Верочкой подтолкнули их?

Моя новая квартира находилась на последнем этаже блеклой пятиэтажки в одном из спальных районов города. Это было очень неудобно, если учесть, что все мое детство прошло в центре. Теперь я жил в сорока минутах езды от института и квартиры родителей, у меня не было телефона, раздельного санузла, вода из душа еле капала, а старенький телевизор ловил только половину каналов, и, чтобы переключаться между ними, приходилось всякий раз вставать с кровати. Я самостоятельно готовил еду, причем не в микроволновой печи, а на допотопной газовой плитке, убирался в квартире и стирал всю свою одежду. Но, несмотря на эти неудобства, я был несказанно рад. Наконец-то один, наконец-то свободен!

– Мда, я это себе иначе представляла, – Вера сбросила рюкзачок и сняла ботинки из темной лакированной кожи, – мрачновато здесь у тебя.

Она расстегнула черную кофточку и закинула ее на холодильник «Бирюса», который вольготно расположился в прихожей. Из-за хмурой погоды в квартире на самом деле стоял какой-то подвальный полумрак, и я включил свет. Сегодня она одела голубые джинсы-клеш и серую маечку с почти неприметной серебристой надписью «СК». Волосы она завязала в пучок на затылке, а на лицо, похоже, нанесла совсем мало косметики, что сгладило чуть хищное выражение, к которому я уже начал привыкать. Взгляд стал более открытым и нежным, а мимика выразительней. В общем, девочка-припевочка. Мне нравились эти изменения.

Над дверью, куда с интересом поглядывала Вера, висели ощерившиеся головы убитых зверей – память, оставшаяся в наследство от моего деда, царство ему небесное. Старик был заядлым охотником и любил подобные штуки. Меня же не прелыцала мысль об убийстве животных ради забавы, но снимать трофеи я не торопился. Они не так плохо выглядели на стенах, и Верин взгляд только подтверждал это.

- Да ну тебя, «мрачновато», живу ведь.

Вера хмыкнула и, нахмурив брови, прошла на кухню. Она провела рукой по засаленным зеленым обоям, заглянула в старые навесные шкафчики, неказистые на вид и полные пыли. Буркнула что-то про духоту и деловито открыла форточку. Нельзя сказать, что кругом царил полный разгром, но и на порядок обстановка не тянула.

- Да уж, задумчиво обронила она. Λ етней порою... луну пятнадцатой ночи здесь не увидишь.
 - Зато все остальные луны здесь видно, съязвил я.

Вера, несмотря на ее небольшой рост, ухитрилась посмотреть на меня сверху вниз:

– Для особо одаренных объясняю, здесь грязно.

Я попытался вернуть утраченные позиции:

- Ты так строго не суди. Я ведь недавно переехал.
- Но не вчера же.

Я пожал плечами. Да, наверное, мог и серьезнее к ее приходу подготовиться, знай бы, что она такая чистюля. Но откуда мне это знать, подумалось мне, если она ничего о себе не рассказывает и обо всем приходится только догадываться?

– А как обстоят дела с залом? – спросила Вера и двинулась в большую и, собственно, единственную комнату. Я поплелся за ней в ожидании очередных замечаний.

Однако Вера восторженно расхохоталась, когда увидела экстравагантную бабушкину мебель. Возле стенки посередине комнаты, стояла широкая двуспальная кровать, покрытая алым, как гроб, покрывалом. Напротив нее, у другой стены, находилось огромное круглое зеркало, расположенное к двери так, что каждый входящий видел отражение окна, кровать и маятниковые часы-башню, мерно тикающие в углу комнаты. У стены напротив окна, чуть ли не на проходе, ютился массивный шифоньер, о который вечно все запинались, но за тридцать лет никто так и не удосужился передвинуть. Справа от зеркала стоял матовочерный комод с кривыми ножками, слева – сундук, на котором гордо восседал телевизор четвертого поколения «Горизонт».

– А мне здесь нравится! – довольно воскликнула Вера. – Сегодня я остаюсь у тебя.

С этими словами она разбежалась и со всего размаху прыгнула на старую кровать, отчего та жалобно скрипнула.

Проснулся я в одиночестве. Антикварные бабушкины часы показывали половину первого. Откинув махровое покрывало, я встал на ноги и потянулся. Солнце тускло светило в окно, на улице было пасмурно, но в комнате, тем не менее, стояла невыносимая духота, и запашок старины привычно бродил по ней. В такие дни самое то сидеть дома, валяться в

кровати, смотреть телик. В предвкушении такого сладкого ничегонеделания, я зевнул и наткнулся взглядом на записку, приклеенную к телевизору. Ох уж эта Вера!

«В общем так, суслик. Сегодня намечается грандиозный поход в лес...»

Какой еще поход? Это значит переться куда-то, рюкзак на себе тащить – ни за что!

«...будет много пива, водки, красивых мальчиков и вкусных девочек, поэтому собирайся, и чтобы к половине первого ночи как штык был на ж/д вокзале. Упакуй рюкзак, который я оставила тебе в прихожей, обязательно возьми теплое широкое одеяло, свитер, купальные плавки, полкило картошки, несколько консервов, две тарелки, два стакана и две ложки. Пока что целую! Все остальное — на месте!!

Bepa»

Я скривился, но понял – придется идти. Хотя сегодняшний день был в моем распоряжении, и до места, судя по всему, мы доберемся только завтра, мне совсем не нравилась идея бродить по каким-нибудь лесам с незнакомой компанией, сидеть у костра, купаться, хотя на дворе почти осень, и ночевать в палатке. Но перечить Вере в тот момент, когда у нас только-только начали завязываться нормальные отношения, тоже не хотелось. Разыскав злосчастный рюкзак в прихожей, я стал упаковывать вещи.

День пролетел незаметно, но нельзя сказать, что беззаботно. Я не переставал думать о предстоящем походе, а точнее о Вериной записке. Главной проблемой было то, что Вера не указала точное место встречи. В нашем городе есть два железнодорожных вокзала, и на какой из них нужно идти, мне было совершенно непонятно. Исходя из той мысли, что большинство поездов заходит на оба вокзала, я ткнул пальцем в небо и, дождавшись назначенного часа, отправился на тот, что был ближе к моему новому дому. Когда я туда пришел, на улице стояла непроглядная темень. У здания вокзала кроме меня было еще двое парней. Может, они тоже с нами едут? Я закурил.

Вскоре наступило время X. К тем двум, что уже стояли неподалеку, подошли еще двое. Они топтались поодаль и о чем-то негромко разговаривали. Подозрительные типы. Рюкзаков у них нет, поэтому навряд ли нам по пути. Я внимательно посмотрел в их сторону и решил, что в случае чего дам деру. Бегаю я довольно неплохо, и даже тяжелая ноша за спиной мне не помешает.

Закурив очередную сигарету, я выпустил густое облако дыма.

Час ночи. Я на перроне один. Моргает, покачивающийся на ветру фонарь, какой-то ненормальный в здании вокзала заунывно играет на флейте. Ночной город уже не пугает, как прежде, и на меня навалилась усталость. Похоже, я все-таки ошибся вокзалом. Поторчав еще немного, я плюнул и отправился домой спать.

В ту ночь было еще хуже, чем когда я страдал от мнимого трихомониаза. В голову лезла всякая гадость, я лежал с открытыми глазами, и думал о том, как бы поскорее увидеть Верочку и выяснить, почему мы разминулись. Перед сном я перечитал письмо еще раз, но так и не понял, была ли такая развязка частью Вериного плана или же она просто забыла указать вокзал. В письме меня больше всего добивали «красивые мальчики», поэтому, когда я засыпал, мне привиделось, как Вера проводила время в компании этих ублюдков. Нет, я никому-никому ее не отдам.

Громкий стук в дверь разбудил меня. Вздрогнув, я сбросил с себя одеяло. Со сна стрелки на настенных часах расплывались, я встряхнул головой и сел, свесив ноги с кровати. Двадцать минут первого, я проспал почти двенадцать часов. Протерев глаза, перед которыми до сих пор все плыло, я надел трико и подошел к двери.

- Кто там? громко спросил я, мой голос тянулся, как жевательная резинка.
- Открывай, свои.

«Свои» говорили Вериным голосом, и я, не задумываясь, отворил дверь. Вопреки моим ожиданиям Вера была не одна.

– Знакомься, – сказала она, проходя в квартиру. – Это Лена.

Она указала на высокую стройную девушку, с фигурой, которую можно увидеть, наверное, только во сне.

- Константин, сказал, стоящий с ней рядом кучерявый парень, протягивая руку. Но можно просто «Костя».
- Да ладно тебе зазнаваться, со смешком сказала Вера и обратилась ко мне. Зови его Костиком. А можно просто «Константин-Баралгин».

Баралгин протянул мне руку.

– Паша, – ответил я, пожимая ее.

Троица вошла в квартиру. Две очаровательных девушки и паренек вполне среднего вида. Если они и вернулись с похода, то уже успели переодеться. Костром от них точно не пахло.

– Проходите-проходите, – пригласил я, изображая радушного хозяина, хотя на самом деле желал видеть только Веру.

Лена проскользнула мимо, обдав меня легким ароматом духов, и я только сейчас заметил, что она чуть выше меня, с более утонченными, чем у Веры, чертами лица, и почти лисьими глазками. Возможно, это взыграло мужское самолюбие, но мне показалось, что она тоже обратила на меня внимание.

Пока гости располагались в главной комнате, я удалился на кухню подогреть чай и посмотреть, что у меня осталось из еды. В моем холодильнике, как обычно, мышь повесилась, и потчевать гостей было нечем. Придется идти в магазин за продуктами.

Войдя в зал, чтобы сказать об этом, я застыл на пороге. Перед глазами опять все плыло, но я сумел разглядеть даже более чем достаточно. Вера сидела на коленях у Костика, и расстегивала на нем рубашку, не отрываясь при этом от его губ. Его руки находились у нее под юбкой.

– Что за... – растерянно выдохнул я и дернулся в сторону парочки.

Однако навстречу мне выскользнула Лена и преградила путь. Легкая белая рубашка была застегнута только на одну пуговицу так, что я видел ее плоский загорелый живот, и, совсем немного, грудь. Я попытался оттолкнуть этот «гений чистой красоты» в сторону, но Лена проворно обняла меня руками и прижалась ко мне всем телом. Одна ее нога обвила мое бедро, и я оказался плену.

– Хочу тебя, – шепнула она мне точь-в-точь, как Вера в первый вечер нашего знакомства. Только ее голос не обладал решительностью моей подруги, которой нельзя не подчиниться, а, скорее, был волнующим и загадочным. Он таил в себе обещание новых, непознанных радостей, проникал в меня, заглушая разум и пробуждая желание.

Моя рука, прижатая ногой Лены, как оказалось, была в волнующем соседстве с ее...

А из зала уже доносились первые стоны. Черт побери, да что же такое творится в моей квартире? Как я докатился до этого?

Схватив зубками мою нижнюю губу, Лена осторожно потянула ее на себя и принялась ласкать языком. В моем трико кое-что назревало, а пальцы гладили нежную кожу, которая постепенно начала увлажняться.

Значит так, Верочка? Ты этого хочешь? Отлично, именно это ты и получишь. И я подхватил Лену на руки.

Проснулся я от глухого стука в стену, и, вздрогнув, сбросил с себя махровое покрывало. Стук откуда-то с верхних этажей все усиливался, как будто приговаривая: «Познакомься, мы твои новые соседи». Со сна стрелки на бабушкиных часах расплывались, я встряхнул головой и угрюмо присел на краешек кровати. Приснится же такое. А главное, оборвется в самый неподходящий момент!

Пятнадцать минут первого. Надев трико, я встал и, потянувшись до хруста костей, шагнул в сторону телевизора. «Горизонт» плохо показывал МТV, с седой рябью, старческими хрипами и покашливаниями. На этот раз он пытался напеть мне Бон Джови «It's my life». Не знаю как там у Бон Джови, а моя жизнь не очень-то устраивала меня в последнее время. Ощущение неудовлетворенности нарастало с каждым днем, и песня только напоминала об этом своим дурацким припевом. Наслушавшись достаточно, я щелкнул по выключателю телевизора и остался в типине, если не считать «дятла» за стеной.

Я распахнул шторы и, пройдя на кухню, достал сигарету из пачки «Winston», лежащей на столе. Так, если Вера сегодня не объявится, то я лопну от терзающих меня сомнений.

К родителям я не поехал, так как боялся, что вернется Вера и никого не застанет. Чтобы хоть чем-то себя занять, я начал делать то, что никогда не любил: помыл полы, вытер пыль с мебели, отполировал зеркало и даже как смог приготовил еду. Суп получился темносерого цвета с подозрительным коричневатым наваром, но на вкус был вполне сносным.

Часа в четыре я достал медицинскую энциклопедию, и решил повторить анатомию перед началом учебного года. Когда до меня дошло, какой ерундой я занимаюсь, я бросил книжку и вышел на балкон покурить.

Из дома напротив раздавались звуки игры на гитаре, противным голосом громко пел магнитофон:

...Ах, куда подевался Кондратий...

Слушают же люди всякую гадость! Усевшись на табурет, я глубоко затянулся. Мне скоро на работу, а Веры все нет и нет.

На улице стояла невыносимая духота. Вот вам – Сибирь, загадка природы. Бывало, в это время все в куртках ходили, а сейчас вон девки на крыше соседнего дома загорают, трусики с балконов свешиваются.

Стоп! С каких еще балконов? Я живу на последнем этаже! Встряхнув головой, я встал на ноги. Действительно, откуда-то сверху плавно опускались нежно-розовые стринги.

... так огорчаться совсем не кстати...

Дойдя до перил моего балкона, они замерли и стали насмешливо подпрыгивать в такт музыке. Кто-то дергал за нитку.

Потянувшись, я дернул их на себя. Они на миг замерли, а потом резко взметнулись вверх. Высунув голову, я попытался разглядеть, куда они пропали, но ничего не увидел. Бросив недокуренную сигарету, я побежал в прихожую открывать дверь. На пороге, как я и думал, стояла запыхавшаяся Вера. Люк, к которому вела лестница на площадке, был распахнут настежь.

– Ты! – только и смог сказать я, обняв свою подругу.

Одной рукой я проверил свое предположение и убедился, что под юбкой белья нет.

– Да, я, – улыбнулась она.

С нетерпением я втянул Веру в квартиру. Хотя бы с одной стороной своей неудовлетворенности я покончу прямо сейчас. С остальными придется разбираться позже.

Изнеможенные мы развалились на необъятной бабушкиной кровати, которая, наверное, переживала свое второе рождение с тех пор, как я стал ее новым хозяином. Вера прикрыла глаза – скорее всего, не выспалась. Я молча наблюдал за ее мерно вздымающейся грудью, полуоткрытым ртом и перебирал длинные светлые волосы, разметавшиеся по подушке. Хотелось расспросить о походе, но вместе этого я произнес:

- Мне сегодня сон странный снился.
- Неужели? в полудреме ответила Вера, ничуть не шелохнувшись.
- Как будто ты привела какую-то парочку, и мы вчетвером занялись любовью.

Вера открыла глаза и, повернувшись ко мне, спросила:

– Серьезно? И как это было?

Понимая, что поймал ее на крючок, я подробно описал Костю и Лену, оттягивая до последнего развязку.

- $-\dots$ ты сидишь у него на коленях. Причем не просто так, а еще лезешь к нему, чуть ли не извиваешься вся. Когда я увидел вас, то жутко разозлился. Хотел с ним разобраться, но Λ ена мне помешала. Ну, я на нее и отвлекся. Вначале ничего такого, а вот потом...
- А ты бы разобрался с ним? вырвалось у Веры, но она тут же махнула рукой, дав понять, что ее это не интересует. Вместо этого она спросила: Тебе понравилось?
 - Вообще-то, она была симпатичная, я улыбнулся ей и добавил, но ты лучше.
 - Да я не о том, дурачок, тебе понравилось вообще все это?
 - Ну... трудно сказать.

Она недоверчиво хмыкнула и спросила:

- А с этим парнем у тебя что-нибудь было?
- Нет, не бы... Ты что, с ума сошла?
- Так, на всякий случай уточняю.

После этих слов Вера сладко вздохнула и положила голову мне на грудь.

– Слушай, а ты на работу не опоздаешь?

Ой, и правда!

Глава шестая

БОНИФАЦИЙ ВЫХОДИТ В СВЕТ

Говорят, что время летит быстро, когда с тобой происходит что-то новое, интересное. Я с этим не согласен. Следующие два месяца, заполненные однообразием, промчались для меня почти незаметно, можно сказать, в одно мгновенье. Наверное, все дело в ругине. Когда твоя жизнь превращается в нее, дни сливаются в единый безликий поток, из которого трудно выделить что-то определенное, и ты плывешь по нему, уже не обращая внимания на все что вокруг.

Я обжился в своей квартире, привык к каждому ее уголку и уже начал подумывать о ремонте. С началом учебного года у меня осталось совсем мало свободного времени, так как расклад дня по большей части принадлежал не мне, а обстоятельствам — с утра до середины дня шла учеба, а каждую третью ночь я проводил в конторе, работая сторожем. Ко всему прочему, львиную долю свободного времени отнимало выполнение домашних заданий. Непрестанно шла зубрежка анатомии и фармакологии, по биохимии я старался запомнить бесчисленное множество формул, а для гистологии пришлось раскопать в себе таланты художника, чтобы нарисовать различные формы живой материи: органоиды, клеточные элементы, кожу, органы чувств. Со временем такой распорядок перестал меня устраивать — хотелось ночевать у себя, иметь свободное время на руках, чтобы проводить его так, как мне хочется. Кроме того, я постоянно не высыпался. Ложиться рано удавалось не всегда, вставать же приходилось неизменно в семь утра, а иногда и раньше. Ночные дежурства в конторе меня особенно изматывали, поэтому восполнять хроническое недосыпание приходилось днем. Зачастую на лекциях.

Родители своим невмешательством в мою личную жизнь дали понять, что теперь я отвечаю сам за себя. Не «отрезанный ломоть», конечно, но больше и не «сыночек». Они редко появлялись у меня, предпочитая общаться либо на их территории, либо по телефону, установленному вне очереди на их деньги. Честно говоря, я даже не знал, как относиться к поведению родителей. Переехав жить отдельно, я боялся, что они начнут на расстоянии командовать мной, как это было пока я жил у них. Однако вместе с этим исчезла та незримая страховочная сетка, которая была постоянно натянута подо мной до сих пор. Да, я научился

сносно готовить, стирать и даже, чудо из чудес, штопать, но порой мне не хватало ощущения, что о тебе кто-то заботится, печется. Как моя мама, например.

И все же я не собирался возвращаться к прежнему. Наверное, такова настоящая жизнь — ты вырываешься на свободу только для того, чтобы отчетливее понять ее призрачность.

Если и было что-то, что выбивало меня из этой рутины, так это Верочка. За прошедшие пару месяцев наши отношения с ней претерпели некоторые изменения.

Во-первых, они, так сказать, устаканились. Теперь мы встречались с ней довольно часто, хотя «встречались», наверное, не совсем подходящее слово. Совсем не так я представлял себе постоянные отношения с девушкой. Начать хотя бы с того, что я до сих пор не мог назвать ее «своей девушкой»; не знаю, как она меня называла про себя, но уж не «своим парнем», это точно. Кроме того, мы не ходили вместе к моим знакомым, а ее знакомых я и подавно не знал.

Во-вторых, я до сих пор не выяснил, где она живет – по какой-то причине Вера не хотела об этом говорить. Зато изредка, под моим большим давлением она оставляла номер телефона, по которому ее можно найти. Все было бы хорошо, если бы эти номера не менялись с завидной постоянностью. Мои звонки по ним редко приносили успех – либо на том конце никто не брал трубку, либо отвечали взрослые мужские голоса, после которых в голову лезли всякие дурные мысли.

В-третьих, Вера ухитрилась без моего ведома сделать ключи к моей квартире и теперь могла приходить и уходить по собственному желанию. Я не раз убеждался в этом, когда возвращался утром домой после сторожевой ночи, то есть моего дежурства, и находил ее спящей у меня в кровати. В таких случаях я тихо переодевался, завтракал и, поцеловав ее на прощанье, шел в институт, если это был не выходной. Я даже не спрашивал, как она умудрилась сделать дубликат ключей, если одна связка была постоянно при мне, а вторая находилась у родителей. В конце концов, к тому времени Вера проявила свой настоящий характер, и это было далеко не самым из ряда вон выходящим ее поступком. То есть, я надеялся, что она его уже проявила. Я ошибался.

– Мгм... слушаю, – сонно пробурчал я в трубку.

Выспаться мне сегодня не удалось, так как ночью в контору, где я дежурил, заявился шеф вместе с главбухом, и они пьянствовали до пяти утра — то ли их повыпирали из всех питейных заведений, то ли еще что, но поспать мне при них не удалось. Я накрывался одеялом с головой, включал радио, даже пытался считать овец. Ближе к утру начальство вызвало девочек, после чего, понятное дело, все попытки заснуть накрылись медным тазом. Закрывшись в отдельной комнате, я до самых занятий листал конспект по принципу «гляжу в книгу, а вижу экзотический фрукт». Затем отправился в институт, где семь часов скучных лекций про человеческие внутренности, расставили все точки над «і» — вернувшись домой, я тут же завалился спать.

Сейчас в комнате было темно – значит, наступил вечер.

- Ты дома? радостно воскликнула Вера. Отлично, никуда не уходи, я скоро буду.
- Постой, что ты?...

Но в трубке уже раздавались гудки. Я положил ее на место и присел на краешек кровати. Хотя голова все еще была как в тумане после сна, во мне стало зарождаться нехорошее предчувствие. Верочка обычно не звонит просто так – скорее всего, она что-то задумала.

Вздохнув, я встал и поплелся на кухню, чтобы подогреть себе чаю и сделать чегонибудь поесть. Пребольно ударившись мизинцем ноги о дверной косяк, я выругался.

Менее чем через полчаса раздался звонок. Я открыл дверь и обомлел – передо мной была Вера, но как она изменилась! Хотя слово «женщина» для меня звучит несколько вульгарно по сравнению с «девушкой», именно оно пришло мне в голову, когда я увидел ее.

Куда исчезла девочка, к которой я успел привыкнуть? Передо мной стояла самая настоящая дама. Никаких джинсов, брюк, коротких юбок, блузок или дурацких свитеров. Сегодня на ней было строгое вечернее платье. Начиналось оно с небольшого воротничкастоечки на шее, плотно облегало грудь, оставляя плечи открытыми, закрывало талию и заканчивалось у колен. Темный материал выгодно подчеркивал ее фигуру, придавал таинственности и женственности новой Вере. Так как платье было довольно узким на бедрах, сбоку предусматривался разрез, поднимающийся чуть ли не до пояса. Достаточно пару раз крутануться в таком наряде, чтобы окружающие увидели нижнее белье. Если оно, конечно, на ней есть.

Лицо Верочки тоже изменилось – оно стало более взрослым, а взгляд оценивающим и строгим. На лице был макияж, которым она нечасто пользовалась – веки и прилегающая область слегка оттенены розовыми тонами, наиболее заметными ближе к ресницам, после макияжа казавшимися намного длиннее. На губах переливался светлорозовый блеск, изящная линия бровей придавала выразительность ее лицу, на котором не осталось и намека на возбуждение, которое я слышал в ее голосе полчаса назад. Волосы забраны наверх и уложены в высокую прическу, открывающую ее нежную шею и подчеркивающую женственность. В ушах были сережки ниточки.

– И это все, на что ты способен? – спросила Вера, скептически глянув на трико и майку, в которых я ее встретил.

Я еще не успел ответить, а она, отстранив меня, уже прошла в квартиру. Черные туфли на шпильке, выглядели очень ненадежной опорой. Наверное, подумал я, в них очень трудно ходить. Несмотря на это, Вера с грациозной легкостью прошествовала в мою комнату – цок-цок-цок, отчеканили шпильки.

Пройдя следом, я застал ее роющейся в моих вещах. Верино платье открывало на всеобщее обозрение не только плечи, но и смуглую спину почти до самой талии.

– Нет, не то... Вот это сойдет... Это тоже не то. Мда, ну и выбор, – комментировала она свои находки.

Я давно привык к тому, что, если Вера что-то делает, так оно и должно быть. Сама объяснит, когда придет время. И если захочет. Поэтому я просто уселся на стул и принялся терпеливо ждать.

– Сидишь? – обернувшись, спросила она – не то с одобрением, не то с удивлением – и снова вернулась к своему занятию.

Через некоторое время Вера остановила свой выбор на классических черных джинсах, кофейном пиджаке, который она подарила мне пару недель назад, и коричневой рубашке. В довершение всего она подобрала галстук темно-розового цвета, который по ее словам придавал пикантность моему образу.

- Это сойдет, слегка нахмурив брови, сказала она.
- Для чего?
- Мы выбираемся в свет, мой Бонифаций. Это будет что-то.
- То есть? Едем в гости? спросил я, сняв любимое трико и надевая джинсы.
- Лучше, весело сверкнув глазами, ответила Вера.

Мы спускались вниз, по лестнице. Окруженные холодными исписанными стенами моего подъезда ее «цок-цок» многократно усиливалось – словно Вера хотела оповестить всех о своей процессии. Я чувствовал себя маленьким мальчиком, который идет на прогулку со своей мамой. Вера выглядела слишком претенциозно, и я не был уверен, что вполне вписываюсь в ее картину.

На темной улице крапал дождь. У подъезда нас ждала машина – какая-то серая иномарка, в темноте трудно было разглядеть, какая именно. Когда я открыл дверь, чтобы усесться внутрь, «мамочка» заметила, что воспитанные мужчины сначала сажают даму. Пропустив ее вперед, я полез следом и защемил дверью пиджак. В этот момент я впервые ощутил неловкость, от которой так и не смог избавиться за весь вечер.

Но вот мы и внутри. Просторный кожаный салон бежевого цвета, впереди за рулем сидит дородный мужчина. Его лица мне не было видно, так что можно было только догадываться, кто он и сколько ему лет.

– Поехали! – приказала Вера, лихо хлопнув водителя по могучему плечу.

Когда автомобиль уже тронулся, она все же представила нас друг другу:

– Лешик, это Павел, я тебе про него рассказывала.

Голова впереди безмолвно кивнула. Я подумал, что уместней фраза звучала бы наоборот, например: «Алексей, это Павлик».

- А кто такой Лешик? шепотом спросил я у Веры. Мне ты про него ничего не рассказывала.
- Tcc, Верочка приложила палец к губам, теперь она уже не выглядела как манекен и даже улыбнулась мне, всему свое время. А пока расслабься и получай удовольствие.

Она положила свою руку мне между ног, а сама отвернулась к стеклу, усеянному каплями дождя. Огни вечернего города отражались на ее возбужденном лице.

Грозовые тучи наползли на небо, дождь усилился, и я потерялся в однообразии проносящихся мимо улиц. Вскоре мелькавшие за окном здания сменила унылая растительность, автомобиль начал карабкаться в гору. Мои самые худшие предположения подтвердились, когда мы остановились у ночного клуба с горящей вывеской «Pall Mall». Лешик, по-прежнему не оборачиваясь, сказал, чтобы мы пока шли внутрь, а он поставит машину на стоянку и присоединится к нам позже.

Он еще не успел договорить, а Вера уже вытягивала меня из автомобиля. Дождь к тому времени уже прекратился, и на улице было необычайно свежо. Однако я так и не смог насладиться прохладным вечерним воздухом, потому что мы тут же вошли в здание.

В гардеробной толпилось несколько человек вполне заурядного вида. Возникло ощущение, что на их фоне мы смотримся пижонами. Но, видимо, Вере лучше знать. На входе в зал она что-то сказала охраннику, нас быстро проверили на предмет оружия, а так как ничего подобного у нас не было (на Вере было слишком облегающее платье, чтобы его прятать, а я забыл свой верный маузер дома, ха-ха...), мы беспрепятственно прошли внутрь.

До сих пор я ни разу не бывал в ночных клубах и дискотеках по двум причинам. Вопервых, такие развлечения требуют денег, которых у меня не было и, скорее всего, никогда не будет. Во-вторых, эти злачные места привлекают самую разную публику, в том числе и братву, с которой мне совсем не хочется встречаться.

Не могу сказать, что ночной клуб меня поразил. Большой прокуренный зал был наполовину занят плотно составленными столиками и стульями, а сбоку и чуть впереди находилась площадка для танцев. Там отрывалась основная часть местной публики. В глубине зала стояло несколько диванов для утомившихся ночным действом. Если не считать неоновых ламп в форме шаров на столах и барной стойки у дальней стены, освещения больше не было. Пока мы с Верой пробирались между занятыми столиками, диджей или кто-то из его помощников решил включить светомузыку, которая на доли секунды стала вырывать из темноты танцующую толпу, словно запечатлевала снимок. И так снова, и снова.

– Не обращай внимания, – стараясь перекричать музыку, объясняла мне Вера, – народу пока мало, но он еще подтянется.

Куда уж больше? И так вон сколько их там беснуется.

Я кивнул, дав понять, что услышал ее, несмотря на «туц-туц» несущийся из колонок, которые явно не жалели барабанные перепонки посетителей.

Наконец, мы добрались до нашего столика, который находился на самом отшибе, и уселись. Неоновая лампа, подсвечивающая Верино лицо снизу, делало ее неестественной, холодной, и лишь глаза выделялись из общей картины. Все тем же возбужденным взглядом она наблюдала за танцующими.

- Зачем мы... начал было я.
- Послушай, перебила она, положив свою ладонь на мою, посиди здесь, подожди Лешика, а я пока потанцую. Хорошо?

«Хорошо» она спросила, уже вставая – очевидно, от меня требовался не ответ, а привычное согласие. Я привычно кивнул ей вслед.

Через пару минут мне стало жарко, я расстегнул пиджак, продолжая пялиться на толпу. Ничего нового для себя я не видел, но смотреть здесь было и не на что. К счастью, от скуки меня спас Алексей, который появился минут через пять. Не знаю, как вообще можно было найти наш столик в царящем бедламе, но он как-то с этим справился и, возникнув из ниоткуда, уселся напротив. Неоновая лампа опять была не в помощь – при таком освещении его лицо по-прежнему оставалось загадкой. Ему могло быть лет двадцать, а могло и значительно больше. Единственным, что я смог рассмотреть, была его фигура. Скажу одно, она была внушительной, весьма внушительной.

Он поставил на стол два широких стакана, доверху наполненных каким-то прозрачным напитком со льдом и долькой лимона. Один он протянул мне, а второй поставил перед собой.

- A как же Вера? спросил я, вспомнив про досадный инцидент в автомобиле, когда собравшись усесться, я не пропустил вперед даму.
 - Ты думаешь, ей сейчас до выпивки?

Лешик обернулся и посмотрел на танцующих, но Веры среди них не отмечалось.

Я пожал плечами.

- Ну что, почти крича, сказал он и поднял свой стакан. Поехали?
- Что это? я кивнул на стакан передо мной.
- Джин и тоник, не бойся, не бомбленый.

Я не совсем понял, что значит «не бомбленый», но решил не переспрашивать и довериться ему. Подняв стакан, я обнаружил, что напиток довольно приятно пахнет можжевельником.

Чокаться или нет? Я не знал, однако мой собутыльник решил проблему, просто объявив тост и выпив. Я поперхнулся. Нет, не от джина с тоником, который оказался приятным не только на запах, но и на вкус, а от тоста.

– С днем рождения, Пашка! – поздравил он меня.

Пока он осушал свой стакан, я на всякий случай пробежался по памяти и удостоверился, что мой день рождения был семь месяцев назад. Теперь хотя бы немного прояснилось, с чего это мы так вырядились.

– Можешь ничего не говорить, – сказал он. – Верка меня предупредила, что ты не любишь справлять свой день рождения. Но раз уж ты ее брат...

Хорошо, что в этот момент я уже не пил джин с тоником.

- ... то праздник обязательно надо устроить. Тем более, она только о тебе и говорила.

У меня день рождения и я Верин брат, вот так новости. Конечно, это в ее стиле отмочить подобную шутку. Интересно, это последний сюрприз на сегодня?

- А что она еще говорила? нерешительно поинтересовался я.
- Да все, считай, мой собеседник на секунду отвлекся, чтобы мастерским движением руки выхватить из темноты и сигаретного дыма парня с подносом, заставленным пустыми бокалами и стаканами, и заказать ему еще два джина с тоником. И про детский дом, куда вас мать сдала, говорила, и про изнасилование, и про...

Если бы не умелая сказочница Вера, появившаяся в этот момент у столика, Лешик бы еще, наверное, много чего интересного поведал, но мне было не суждено услышать всю эту историю, так как она схватила меня за руку и потащила танцевать.

- А как же он? спросил я.
- Не беспокойся, чтобы напиться в хлам, ему сподвижники не требуются.

Только теперь я заметил, что на Вере больше не было темного вечернего платья, она успела переодеться в синюю майку, едва доходящую до пупка, и темные расклешенные брючки. Неудобные туфли на ногах сменились аккуратными босоножками. Перемены оказались вполне оправданы – в зале было так жарко, что, если гардеробная напоминала предбанник, то танцплощадка – настоящую парилку. И в нашей пижонской одежде нам пришлось бы здесь не сладко.

Вера буквально тащила меня за руку к танцующей массе людей. Вполне возможно, в начале вечера, когда они все сюда подтягивались, их танцы были еще ничего, но сейчас, несколько часов спустя, они не танцевали, а просто тряслись и двигались невпопад. Конечно, в такой кутерьме большего и не требовалось, но мне вдруг совершенно расхотелось проникать в эту толпу — словно мне грозила зараза, которую я обязательно подцеплю от них. К тому же, я ощущал себя не в своей тарелке из-за болтающегося на мне пиджака и «пикантного» галстука, выглядевшими абсолютно дико среди бушующей толпы. Зачем было так выряжаться? Наверное, Вера, как всегда меня подставила, а сама вышла сухой из воды.

Я встал как вкопанный, отчего Вера, цепко державшая меня за руку, дернулась словно песик на поводке.

– Ты чего? – она повернулась в мою сторону.

Светомузыка выхватывала из темноты призрачно-белые снимки, которые успевали запечатлеть лишь общие контуры омолодившегося лица Веры. Но и этого было достаточно, чтобы увидеть его выражение — оно было по-опасному веселым. Такое лицо бывает у человека, который знает, что развлекается последний раз в жизни, и потому может позволить себе все на свете. Верин взгляд был сосредоточенный, возбужденный и оченьочень живой, я почти чувствовал, как ее глаза сверлят меня даже в темноте. Волосы успели выбиться из прически и теперь мокрыми гроздьями облепили ее шею и спину.

- Ты хочешь, чтобы я танцевал с ними? мне приходилось кричать, потому что музыка заиграла громче.
 - А что такого?

Она сделала попытку дернуть меня в сторону толпы, но я удержался на ногах и упрямо мотнул головой.

 Хорошо, – по поднявшимся, а затем опустившимся, плечам я понял, что Вера вздохнула. – Давай объяснимся.

Она обощла меня и встала сзади. Ее руки легли на мои плечи, а губы приблизились вплотную к моему уху. Теперь ей не нужно было кричать, чтобы я мог расслышать ее слова.

– Посмотри внимательно. Что ты там видишь? – спросила она.

Я по-прежнему видел черно-белые полароиды людей, вспыхивавшие с частотой пару раз в секунду. Я изучал их потные лица, конвульсивные движения, не имевшие ничего общего с ритмом, бьющим по ушам, их пестрые майки навыпуск и задиравшиеся юбчонки. Что-то в этом племени было мне чуждым, далеким, неприятным. К сожалению, я не мог выразить свои ощущения в подходящих словах.

- Дураки они, ответил я. Они не понимают, как глупо, как... тупо сейчас выглядят. Наверняка, половина из них уже нанюхалась или обкололась.
 - Дурак это ты, без всякой злобы в голосе произнесла Вера.

Она крепко обняла меня и медленно начала кружиться вместе со мной. Кажется, мы двигались в сторону танцпола. Музыка и свет, вращающиеся в пространстве люди, столики, лампы с каждым оборотом создавали ощущение нереальности происходящего.

– Оцениваень, раскладываень все по полочкам, пытаенься навесить ярлык. Чего ты добиваенься этим? – нашентывала мне Вера. – Посмотри, попробуй понять, зачем они сюда приходят? Зачем делают это?

Я лишь глубоко вздохнул, пытаясь замедлить вращение. У меня уже кружилась голова. Но Верочка не отпускала, и я подчинился, внимая каждому ее слову.

– Многие, не все, но многие из них работают, или учатся, а, возможно, и то, и другое одновременно. Они такие же, как ты.

Очередное слово из Вериных уст, еще один оборот на месте. Веки словно наливаются свинцом. Тело становится ватным, а движения заторможенными.

– В них копятся усталость, раздражение, желчь... они теряют цель в жизни – она сужается, превращается в их повседневную работу или учебу.

Я хотел возразить, ведь для меня ничего не сужается и не расширяется, но не мог сказать ни слова. И лишь сильнее растворялся в ее голосе. Или грохочущей музыке.

– Здесь они одна большая семья. Музыка, хорошее настроение, танцы до утра. Тут они по-настоящему расслабляются. Завтра они вернутся в свой дурацкий институт или офис, где будут вести себя примерно и снова постепенно зашиваться.

А ты, Паша?

Разве не чувствуещь себя потерянным?

Ведь ты не в состоянии даже элементарно расслабиться!..

Когда надо думать, ты ленишься,

когда пора отдыхать – анализируешь.

Ты убегаешь от этого мира, ничего не замечая,

оглядываясь по сторонам с широко раскрытыми глазами.

Видишь ли ты что-нибудь?

Слышишь? Чувствуешь?

Да очнись же ты, наконец!!

Словно в тумане я увидел, как Вера снова обощла вокруг меня, на этот раз так, что ее лицо вплотную приблизилось к моему. Гладя меня по щеке своим носом, она продолжала говорить:

– Загляни в себя, Паша, неужели ты успел закостенеть? Неужели тебе не хочется хоть иногда разорвать все цепи, оторваться на полную катушку? Расслабься, почувствуй себя животным – в этом нет ничего постыдного. И ты, и я – все мы по природе животные. Тебе не придется что-то менять, просто отдайся этому чувству.

Ее щека терлась об мою щеку, а мокрые волосы жалили мои губы. Я уже не видел никого и ничего, передо мной была только она.

 Сбрось с себя всю усталость, покажи себя настоящего, не робей. Сегодня я хочу тебя такого.

И она потащила меня в толпу. На этот раз я не посмел сопротивляться и нырнул в бушующий поток с головой.

Глава седьмая

ТРЕТИЙ – НЕ ЛИШНИЙ

Прозвучало две или три композиции, возможно, больше – точно определить было трудно, так как одна тут же сменяла другую, и все они мало различались между собой. Пусть и нехотя, я все же последовал совету Веры. Действительно, я ни разу не был в подобном

заведении и, наверное, сужу слишком предвзято. Почему бы мне и правда не расслабиться и не получить удовольствие?

Оказавшись в толпе и начав двигаться вместе с ними в этом телесном хаосе, я понял, о чем говорила Вера. Тут все очень просто — никому нет дела до того, как я танцую и танцую ли вообще. Смысл не в танце, а только в собственном желании танцевать. Главное — двигаться, как ты хочешь и можешь, и плевать на остальных точно так же, как и им плевать на тебя. Не это ли свобода, которой мне всегда недоставало?

Пока я так думал и танцевал, выключили светомузыку, и помещение оказалось во власти мягких «зайчиков», отражавшихся зеркальным шаром, что медленно крутился под потолком. Видно стало еще хуже, зато в сгустившемся полумраке глаза отдыхали от ярких вспарывающих темноту вспышек.

Толпа, похоже, увеличилась в размерах, и я на себе ощутил, как она постепенно уплотняется. Танцующие не стояли на месте, поэтому, лишь разок повернувшись, можно было оказаться совершенно в другой компании. То Веру, то меня относило в разные стороны, но она постоянно возвращалась ко мне, за что я был ей благодарен.

Так и в этот раз – я на секунду-другую потерял ее из виду, но она тут же возникла рядом. Ее пальцы залезли под мой пиджак и нащупывали пуговицы на рубашке. Хорошо, что все это происходило в темноте. Я почти не видел Вериного лица, а значит, никто другой не увидит, что она делает со мной.

Хотя во мне уже росло возбуждение, навеянное танцем, теплом разгоряченных тел вокруг и начавшим действовать алкоголем, я еще не был готов ответить ей. Почти. И потому я просто прижал Веру к себе, а мои пальцы робко гладили ее по бедру сквозь разрез платья.

Стоп. Вера же переоделась. На ней должны быть брюки!

– Не останавливайся! – Верин голос прозвучал у самого моего уха.

Я почувствовал, как она сзади прижимается ко мне, плавно повторяя каждое движение вслед за мной, своим телом подталкивая меня еще ближе к таинственной незнакомке в моих руках.

В скупых отблесках зеркального шара я разглядел лицо девушки. На вид не больше семнадцати лет, стройная, я бы даже сказал, худая, иссиня-черные волосы, уложенные а-ля Клеопатра, раскрасневшиеся щеки, мутный взгляд, говорящий о возбуждении и нежелании останавливаться. Кажется, она еле держалась на ногах от выпитого за этот вечер.

Ее пальцы уже расстегнули половину пуговиц на моей рубашке, и сейчас ее чуть влажная ладошка гладит мою грудь. Вера сзади все настойчивее подталкивает меня своими бедрами к ней так, что я невольно повторяю ее движения. Девушка истолковывает это посвоему, и ее ноги расходятся, чтобы пропустить мою.

Вера обнимает меня за шею и обходит нас, чтобы теперь прижаться сзади к девушке точно так же, как она только что прижималась ко мне. Кажется, незнакомка совсем не против такой компании. Теперь мы танцуем втроем, образуя некий бутерброд из тел.

Я вижу, что Вера покусывает мочку уха девушки и смотрит мне прямо в глаза. Незнакомка, забыв на время о моем присутствии, откинула голову назад и прикрыла веки. Она отдалась новым ощущениям.

– Ну что же? – на секунду оторвавшись от нее, спрашивает Вера. – Ты можешь сделать с ней все, что захочешь. Она будет этому только рада.

Странное ощущение дежа вю. Что-то подобное я уже видел во сне.

Я все еще нерешительно топчусь на месте, хотя возбуждение гостьи передалось и мне, и с каждой секундой оно все усиливается. Оставив одну руку на моей шее, Вера кладет другую на левую грудь девушки, совсем небольшую, и принимается ее гладить.

 Посмотри на нее, – вплотную наклонившись ко мне, шепчет она. – Она же хочет тебя. Хочет здесь и сейчас. Я не сомневаюсь в ее словах – чувствую все движения девушки собственным телом. Как она прижимается, извиваясь между нами, как ее руки скользят от Веры ко мне и обратно. Уже неважно, что подумают люди вокруг – для меня остались только мы трое.

Моя ладонь сама ложится на горячую влажную от пота шею девушки, и я привлекаю ее к себе. Наши губы встречаются, в мой рот врывается ее язык, отдающий водкой. Я слышу ее возбужденное сопение. Вторую мою руку она опускает себе под юбку. Там я нащупываю насквозь взмокшие трусики. Мне достаточно оттянуть эту тонкую материю, чтобы проникнуть в святая святых.

Какофония музыки, стук крови в голове, пьянящее возбуждение, ее язык у меня во рту, рука, нащупывающая мою ширинку, ощущение ее липкой влаги на моих пальцах – все это бурлит, заполняя меня и пытаясь управлять мною.

Но я чувствую буравящий взгляд Веры на себе, она смотрит, изучает, выжидает чегото. От одного ее взгляда пропадает все мое возбуждение. Нет, так...

- $-\dots$ не должно быть, выкрикиваю я вслух и пытаюсь вырваться из цепкого хитросплетения женских тел.
 - Что не должно быть? интересуется Вера.
 - Я, наконец, вырываюсь на свободу, и меня тут же окружает толпа танцующих.
- Все, задыхаясь, говорю я и окидываю взглядом зал. Ты, я, она, этот танец, такие отношения. Должно быть все проще, правильнее.
- Как? Вера удерживает сзади незнакомку, которая, пытается вернуть меня обратно. Словно маленький похотливый зверек она с полузакрытыми глазами протягивает в мою сторону руки, сладострастно улыбаясь.
- Не знаю, но только не так, я с неприязнью отцепляю руки девушки от своего пиджака.
- A с этой мне что делать? она сжимает ее груди вместе, отчего та невольно вскрикивает, возбуждаясь еще сильнее.
 - Сама решай, но ты, кажется и так, неплохо справляешься.

С этими словами я разворачиваюсь и начинаю пробираться сквозь толпу разгоряченных, дергающихся тел, таких же животных, как я сам. А в том, что я животное, сомнений нет. Вера была права и в этом. Я до сих пор чувствую возбуждение, и где-то там на закоулках сознания, я знаю, что хочу эту пьяную Клеопатру. Меня тянет к ее ловким пальцам и раскрытым губам, к ее мутным глазам и горячему языку. Мне плевать, сколько ей лет и что она за человек, я хочу только ее послушное тело. Не животное ли я после этого? Если бы не злость на Веру...

Очень скоро я окончательно теряюсь среди толпы. Кружится голова, создается ощущение невесомости, когда невозможно упасть или убежать – повсюду тебя подпирают чужие спины и плечи. Не видно выхода, куда не посмотришь – все те же лица, те же позы, те же движения, выхватываемые из темноты безумной светомузыкой, которую, оказывается, включили снова. Однообразный ритм, долбящий по ушам, чьи-то выкрики, смех, самодовольное бормотание ди-джея в микрофон. Запах пота, дезодорантов, духов, гормонов, возбуждения. Всеобщий бедлам.

Еще немного и я, кажется, сойду с ума. Мне срочно надо наружу!

ЕЩЕ НЕМНОГО И Я СОЙДУ С УМА.

Вращаю головой, как полоумный. Наступаю на ноги окружающим.

Расталкиваю их руками.

ГДЕ ВЫХОД?!

Кто-нибудь знает?

Только мелькание светомузыки. И люди. Дергаются, вращаются.

Веселятся.

– Да выпустите меня, наконец! – кричу я, но мой возглас тонет в темноте и окружающей меня людской массе. Кажется, я сейчас расплачусь.

«Разве ты не чувствуешь себя потерянным?»

Они одна большая семья. А ты? В семье, как говорится, не без урода.

Потеряв всякую надежду выбраться, я останавливаюсь и тут же получаю удар плечом в грудь от веселящегося рядом верзилы. Сделав глубокий вдох, я пихаю его в сторону и, заметив впереди небольшой просвет, выбираюсь на свободу.

Переведя дыхание, я оборачиваюсь. Мои предположения подтвердились – танцующих явно прибыло. Неудивительно, что я почти затерялся среди толпы – теперь их было так много, что пришлось убрать передний ряд столиков, дабы вместить всех желающих потанцевать.

Во мне все еще играло возбуждение, не желавшее просто так пропадать. Что же делать? Кто мне поможет отсюда выбраться?

Лешик! Он увезет меня отсюда – я же именинник, он исполнит любое мое желание. Наплету ему что-нибудь, только пусть увезет, а за Верой потом вернется.

Подойдя к столику, за которым по-прежнему сидел мой потенциальный спаситель, я понял, что на него рассчитывать не придется. Немного ссутулившийся верзила сурово смотрел на ряд пустых стаканов, расставленных перед ним на столе. Кажется, он что-то объяснял одному из них.

У меня буквально подкосились ноги, и я бухнулся на стул напротив него. Черт, у меня даже нет с собой денег, чтобы оплатить такси. На автобусы надежды тоже никакой – из такой глуши до дома всего один маршрут ходит. К тому же, в столь поздний час все маршрутки давно уже по гаражам спят.

Только сейчас я понял всю безысходность своего положения – уехать я не мог, а просить денег у Веры мне не позволяло засевшее неприятным комом в груди чувство обиды. Я бы, скорее, пешком пошел. Хотя сама мысль об этом вызывала у меня недобрые предчувствия.

– О! Пашка вернулся! – только сейчас заметил Λ ешик. – С днем рождения, бра... тан!

Он поднял стакан со стола, но тот оказался пустым. Тогда он поднял второй – тот же результат. Алексей принялся вертеться на своем стуле в поисках неуловимого официанта, но я остановил его благие начинания.

- Не стоит. Мне сейчас не до выпивки.

Лешик вперился в меня пьяным взглядом.

– Ну, ты совсем сдал, – качая головой, постановил он. – Если уж бухлом нельзя... Что, сестренка достала? Это она может.

Мне очень хотелось рассказать ему правду. Что, мол, никакая она мне не сестра, а вообще непонятно кто – просто спим вместе. На людях не бываем, я про нее почти ничего не знаю, да и она моей жизнью практически не интересуется. Так, видимся иногда. Только есть одна маленькая, малюсенькая, деталь – я без ума от Веры. Нет, это не любовь, то есть, я надеюсь, что любовь совсем не то, что происходит между нами. Смесь похоти, страха и непреодолимого влечения – вот какие чувства я к ней испытываю. Если любовь такова, то лучше уж мне больше никогда не влюбляться.

Вера удивительна, умна, красива, женственна, непредсказуема, но есть в ней что-то темное и отталкивающее, которое временами заставляет выкидывать такие вот номера. Мне с ней бывает очень хорошо, но иногда невыносимо плохо и даже одиноко. Как, например, сейчас.

Однако рассказывать Лешику правду о нас с ней нельзя. Почему? Да потому что и так ясно, кто он такой. Во мне давно зрело подозрение, что я далеко не единственный мужчина в жизни Веры. Сегодня вечером я получил негласное тому подтверждение.

Верочка ничего не говорила, дав мне возможность самому все понять. С ее стороны это, может, было очень тактично, а с моей – смотрелось совсем иначе. Впрочем, какая

разница? Вот он, другой мужчина, сидит напротив меня и не подозревает, что общается с тем, кто трахает его подругу. Если узнает, то, думаю, мне не поздоровится. Поэтому, наверное, не стоит с ним откровенничать, себе дороже выйдет.

Что же касается ревности... Да какая там ревность! Разве я могу ревновать девушку, которая не принадлежит мне изначально? Ведь я, если и не знал, то интуитивно ощущал это давно. И потом, если говорить откровенно, я совершенно не испытываю враждебных чувств по отношению к Лешику. Он-то ее, похоже, еще совсем не знает.

– Ты даже не подозреваешь, как она меня замучила. Тебе бы такую сестру.

Возможно, я поспешил отказаться от выпивки. Один из многочисленных стаканов примерно на треть был наполнен джином с тоником. Ничего, сойдет. Я закрываю глаза, чтобы спрятать этот безумный мир подальше, и смакую напиток. Засохнуть себе сегодня я точно не дам.

- Хотел бы я рассказать тебе, Λ еша, все о ней, но... - начал было я, ставя теперь уже пустой стакан на место, и осекся.

Сильная рука Лешика легла мне на запястье, а его замутненный взгляд приобрел твердость, которой не было еще секунду назад.

- Ты не можешь рассказать мне ничего такого, о чем я не знаю.
- Что? То есть, как?

Я чуть было не дернулся из-за стола, но вовремя опомнился.

– К твоему сведению, любовничек, я и есть Веркин брат. Это раз.

Кажется, чудеса этим вечером решили не скупиться на свое появление.

- Теперь. Если ты еще не догадался, день рождения сегодня у нее. Это два.

Нет, точно, они сегодня в ударе.

- И Вера почти не ошибалась на твой счет. Это три.
- В каком... в каком смысле не ошибалась?

Он отпустил меня и посмотрел в сторону беснующейся толпы. Каким-то чудом ухитрившись разглядеть там Веру, пьяно помахал ей рукой.

 Только потому, что на тебе еще не стоит окончательно ставить крест, я скажу. А дальше сам решай, что делать.

И он мне объяснил. Объяснил, что я не первый, с кем Вера вытворяет такое.

– Тебе еще повезло, некоторым досталось больней.

Объяснил, что это не просто издевательство.

Она преследует определенную цель. Догадаешься какую – флаг тебе в руки и барабан на шею. На самом деле совсем не трудно понять, чего она хочет.

Объяснил, что это еще не конец.

– Мне кажется, для тебя это всего лишь начало. На сегодняшнем экзамене ты провалил вспомогательный вопрос, но правильно ответил на главный. Так что жди новых проверок.

Объяснил, кто я такой.

– Ты жалок, но пока что лучше других, кого я видел. И потом, ты уже продержался с Верой немало времени. Ты сам не представляешь, насколько ты интересен для нее в своей аморфности.

Сказал, что даст мне денег на такси, чтобы я добрался домой, раз уж я не удосужился захватить их с собой.

- Откуда ты знаешь? спросил я.
- Я и не знаю. Это Вера еще до приезда к тебе домой объяснила, что обычно ты не носишь при себе денег.

Мне было противно осознавать себя жалким (замечание о деньгах достигло цели), противно признавать его правым, противно слышать вопли оскорбленной гордости, но я должен был задать этот вопрос:

– Это она тебе сказала дать мне денег?

- Нет, повременив, ответил Лешик, это я тебе их даю. Потому что ты пока лучший экземпляр, и наименее косный.
 - О чем ты?
 - Все о том же, улыбнулся он и протянул мне банкноту.

В темноте трудно было разглядеть, сколько он мне дал, да и я не хотел заострять на этом внимание, поэтому просто положил деньги во внутренний карман пиджака.

– Спасибо.

Алексей молча кивнул и откинулся на своем стуле.

- И какой был главный вопрос? спросил я.
- A ты делаешь успехи, снова улыбнувшись, заметил он. K сожалению, я не могу дать ответ, подумай над этим сам. Но в качестве подсказки могу раскрыть, какой был вспомогательный.

Что ж, это лучше, чем ничего.

- И какой же был вспомогательный?
- Ты не поставил все сразу на свои места.
- Не понял.
- Ты безоговорочно, на ходу принял роль брата Веры, хотя таковым не являешься.
 И ты прекрасно знаешь, почему это сделал. Все дело в твоей трусости.
 - Трусости?
- Только не говори мне, что из врожденной деликатности ты решил пощадить мои чувства.

Хорошо, что в зале слабое освещение – моих красных щек он не разглядит.

- Еще есть вопросы?
- Да, с плохо скрываемым раздражением рявкнул я. Вера меня проверяет? Зачем?
 Чего она этим добивается?

Снова откинувшись на стуле, он промолчал.

- И что теперь? спросил я, поняв, что ответа от него не добъещься.
- А теперь Павлик поедет домой на такси, потому что время уже позднее и ему пора баиньки.

«Павлик» и «баиньки» меня доконали, я хотел было сказать что-нибудь грубое в ответ, но сдержался. И бог свидетель, на этот раз не из трусости.

В такси я обнаружил, что Лешик мне вручил ни много, ни мало – пятисотенную банкноту. В нашем городе этого вполне хватит, чтобы дважды съездить туда и обратно. По крайней мере, так я думал, пока не назвал своего адреса водителю, а он не назвал в ответ сумму.

- Я вообще-то назвал местный адрес, а не московский, попытался съязвить я.
- Не нравится, можешь пешком топать, заметил он с известной дипломатичностью таксиста.

Что мне оставалось делать?

Когда я добрался до дома, было десять минут третьего. А ведь завтра в институт к первой паре. Черт, опять ни фига не высплюсь! Изрядно повозившись с ключом, я ввалился в квартиру. Быстро раздевшись, юркнул под одеяло, и, несмотря на волнующие события этого вечера, довольно быстро уснул.

Через неопределенное время меня разбудил телефонный звонок. Я что-то нечленораздельно пробурчал в трубку, а на том конце провода Верин брат мне бодро ответил:

– Ты еще не спишь? Отлично, даже и не ложись. Вера скоро будет.

Вера? При ее имени сон как рукой сняло. Я хотел, было, сказать, что видеть ее не хочу, но Алексей уже отключился.

Усевшись на кровать и накрывшись покрывалом, я задумался.

Вера. Едет ко мне. После всего случившегося. Что теперь?

Я понял, что все равно не смогу ответить на этот вопрос, посему задал себе другой – действительно ли я не хочу, чтобы она приехала? Несмотря на устроенный ею неприятный вечер, во время которого меня огорошили – превратили в ее брата, возбудили и унизили, – я был взволнован мыслью, что она едет ко мне. Получается, я все же хочу провести эту ночь с ней, просто не знаю, как посмотрю ей в глаза после всего произошедшего. Достаточно одного ее понимающего взгляда, и я сгорю со стыда. Впрочем, не зря говорят, что темнота друг молодежи – авось, и здесь выручит.

И потом, раз она едет ко мне, значит, я ей все же не безразличен. Ведь так?

Когда через полчаса ночную тишину вспорол звук дверного звонка, я уже ни в чем не был уверен. Ни в чем, кроме одного – я не смогу заснуть без нее. Без ощущения ее теплого тела рядом, без ее ласковых рук, без ее улыбки, которой она иногда одаривает меня по утрам.

Открыв дверь, я увидел Веру, прислонившуюся к косяку. Одинокая лампочка, тускло горевшая в коридоре, представила ее в неприглядном свете. С виноватой пьяной улыбкой она стояла, склонив голову, изображая покорность. Майка на ней немного задралась, мокрые волосы были зачесаны назад и завязаны в хвостик, глаза больше не светились умом, а отражали лишь эхо пьяного веселья. В таком виде она совершенно не походила на ту строгую даму, что явилась ко мне в начале вечера.

Вера улыбнулась, на секунду потупив взгляд.

– Простишь? – спросила она.

Я неуверенно кивнул головой.

– Впустишь?

Я снова кивнул головой.

– Отлично, – вкрадчиво произнесла она, входя в квартиру, – потому, что с той девушкой у меня ничего не вышло, и я хочу, чтобы меня обслужили по полному разряду.

Это были ее последние слова той ночью, дальше она издавала только стоны.

Глава восьмая

МАРИК

- Алло, алло! Паша?
- Кто это? сонно ответил я.
- Пашу пригласите, пожалуйста, проговорил знакомый голос в трубке.

В окно офиса пробивались первые лучи утреннего солнца, и я зажмурил глаза. Ужасно хотелось спать.

- R это, я... обожди.

Давно пора уже привыкнуть к тому, что Вера вытаскивает меня из постели в самый неподходящий момент. В четыре часа ночи или угром, когда я отсыпаюсь после дежурства. Она будто специально выматывает меня, а я, дуралей, все равно радуюсь ее звонкам. Странное дело — за несколько месяцев нашего знакомства я даже полюбил сюрпризы. Конечно, не настолько, чтобы с легкостью бросаться в любую Верочкину авантюру, но, во всяком случае, мне всегда интересно, что же она выкинет на этот раз.

- Спишь на работе?
- Пытаюсь, слушай, ты не могла бы... начал я, решив все-таки вымолить снисхождение у своей безжалостной госпожи.
 - Подожди, тут срочное дело.
- Как всегда! У тебя всегда срочные дела, вяло взбунтовался я. Мне стало обидно, что мои дела никогда не бывают срочными.

– Извини, дорогой, но с истерикой придется повременить. На этот раз все действительно серьезно. Ты должен мне помочь.

Ее голос звучал строго, но в то же время умоляюще. Кажется, она была чем-то напугана. Такой я ее еще не слышал.

- Ну что там у тебя?
- Через пятнадцать минут встречаемся на набережной. Ни раньше, ни позже. Если ты не придешь... Черт, они уже рядом... не договорила она и бросила трубку.

Я вздохнул и сел на тумбочку. Жизнь и Верочка имеют одну общую черту – они обе любят ставить меня в дурацкое положение. Через пятнадцать минут меня ждет Вера, а через – я посмотрел на часы – тридцать придет начальство. Будем надеяться, что успею.

Быстренько наведя порядок, убрав тетрадки и выкинув остатки ужина, в офисе, я закрыл его на ключ и бегом помчался на набережную. По дороге меня осенило, что сегодня я не открывал дверь техничке. Не приходила? Или я проспал? Черт!

Когда я прибежал, Веры еще не было на месте. Со времени ее звонка прошло всегото десять минут — значит, в запасе еще пять. Я уселся на каменное ограждение, вниз от которого серыми квадратными плитами набережная уходила в воду. Возле баржи для швартовки судов стоял лишь один видавший виды катер, мерно покачиваясь на барашках волн. Этим утром прошел дождь, и потому воздух был свежий и бодрящий, особенно здесь, возле воды. Я пожалел, что пришел в одном свитере на голое тело, который не спасал от прохладного ветерка, дующего с реки.

Тишину, царящую вокруг, нарушили два странных парня, появившихся из-за угла речного порта. Оба светлые, невысокого роста. Разговор их был не просто дружеской беседой, а больше напоминал обсуждение чего-то важного, я бы сказал даже, решающего. Один увлечено размахивал руками. Можно было подумать, что от него зависит судьба мира, всех людей и меня в частности.

- ... я же говорю, что-то надо менять, - донеслось до меня.

Они шли в моем направлении, так что, вскоре я мог рассмотреть их получше.

- ... Сабир, неужели ты не понимаешь!
- Давай по существу, что конкретно нужно менять?
- Пока не уверен. Нужно упорядочить ее действия.

Один был старше другого. Причем спорил в основном младший, второй пытался умерить его пыл.

- ... кому-то нравится размеренное повествование, кто-то любит чередующийся поток событий. Чем ты недоволен?

Я бы, наверное, еще долго наблюдал за этими чудиками, но ощутил сильный шлепок по заду и от неожиданности чуть не свалился с ограждения. Обернувшись, я увидел за моей спиной Верочку, стоявшую на бетонном склоне. Со стороны земли ограждения были высотой не больше метра, зато с другой, ближе к реке, где находились плиты – метра два с половиной. Раньше этой разницы почти не было, а потом, когда стали черпать гравий, река обмельчала.

Я аккуратно слез вниз.

- С ума сошла! Я чуть не убился, пожурил я Веру, втайне радуясь ее появлению.
- T-c-c!

Вере было сейчас явно не до шуток. Я никогда не видел ее такой... забитой, что ли. Слипшиеся от дождя волосы свисают на плечи, кофточка застегнута со сдвигом на одну пуговицу, светлые джинсы заляпаны грязью – весьма жалкий вид. Взяв меня за руки и глядя прямо в глаза, она сказала:

- Паша, мне неловко тебя просить об этом, но...
- С тобой что-то случилось? ее тревога передавалась мне по кончикам пальцев.

- Не имеет значения. Важно другое, Вера замолчала, подыскивая подходящие слова. Вышла нехорошая история. Один человек попал в переплет и ему нужно отсидеться пару дней. Пусти его к себе.
 - В переплет?.. Что он натворил?

Во мне заиграли противоречивые чувства.

- Неважно.
- Неважно?! Да ты понимаешь, что говоришь! Если он что-то натворил, то мне же самому попадет в первую...
- Его подозревают в убийстве, выпалила она одним духом, сильно сжав мои ладони, отчего я невольно скривился. Мне расхотелось возмущаться.
 - Полегчало? вяло усмехнувшись, спросила Вера.

Конечно, от нее можно было ждать многого, но бегства от закона...

– Могу тебя успокоить – он не виноват.

Да, Верочка, мне стало гораздо легче, родная.

- Точнее, он никого не убивал, просто оказался в неподходящее время в неподходящем месте. Ведь такое может случиться с кем угодно, даже с тобой. И тогда ты тоже будешь надеяться на помощь, как он. Помоги ему, я прошу.
 - Отсидкой он ничего не выиграет. Тут нужны какие-то решительные действия...
- С этим ему уже помогают. Но, чтобы все уладить, нужно хотя бы на пару дней спрятать его. Паша, ты должен помочь или пострадает человек. Невинный человек!
 - Это твой брат?
- Брат? переспросила Вера, словно не понимая, о чем я. Ах, Лешик! Нет, не он, ты его не знаешь.
- Кто он тогда мне, чтобы ему помогать? вырвалось у меня, хотя, важнее, наверное, было узнать, кто он для Веры, раз она так старается ради него.

Я совсем не хотел ввязываться в сомнительную историю ради одного из ее дружков. Мало ли что она говорит – дыма без огня все равно не бывает.

- А я? Я тебе не безразлична!? - Вера шагнула на меня. - Не он тебя просит об этом, мне нужна помощь! Я тебя прошу сделать это.

Она в упор смотрела на меня, пытаясь убедить не словом, так взглядом в своей правоте. Но я молчал, не зная как поступить. Вера ждала. Скорее всего, она уже подумывала о том, как обойтись без моей помощи. Вид у нее был сердитый, но вместе с тем растерянный. Мне стало жаль ее.

– Черт с тобой, – тихо сказал я. Вера вопросительно подняла бровь. – Я согласен.

Пришлось пропустить занятия. Вера сказала, что Марик, тот самый несчастный молодой человек, придет в одиннадцать угра. А так как я его совсем не знал, то ключами поделиться отказался и запретил Вере давать ему свой дубликат. Я решил встретить его лично. Встретить и прогнать, если он мне не понравится. Хотя, прогнать навряд ли будет легко, учитывая опыт моих знакомств с Вериным окружением. Наверняка, еще тот наглец окажется.

Марик заявился в половину первого, когда я не выдержал и уже лег спать. Он трижды позвонил в дверь, каждый раз подолгу давя на кнопку. Посмотрев в глазок, я пожалел, что поддался на уговоры Веры, но все-таки открыл ему.

На пороге стоял высокий худощавый мужик, лет тридцати. Темный, с длинными кучерявыми волосами, перехваченными узкой ленточкой на лбу, и густыми баками до скул. Он был одет в кожаные, изрядно потертые штаны и красную рубашку с черными котами, из которой клешнями торчали жилистые волосатые руки. В одной из них он держал угловатую электрогитару бордового цвета с болтающимися порванными струнами, в другой – огромную спортивную сумку.

– Ну, – прохрипел он. Я вздрогнул. – Давай знакомиться. Марк.

С этими словами он отпустил сумку, отчего та грузно бухнулась на пол, и протянул мне руку.

– Павел, – представился я. А сам подумал, как бы избавиться от него поскорее, чтобы не оказаться следующей жертвой «пострадавшего».

В этот день я не отходил от Марка ни на шаг. Справедливости ради, должен заметить, что вел он себя прилично: ничего без спросу не трогал, еды не требовал, спать согласился на кухне. Словом, пока что жилец был безупречный, но все-таки непонятный и, возможно даже, опасный для меня.

Я листал тетрадки с конспектами, хотя это было, скорее, видимостью, чем необходимостью. А что мне оставалось делать? Если он прочно застолбил место возле телевизора и пялился в экран, по которому несколько часов подряд рассказывали о каких-то жуках (гитарист, значит?). Потом он ушел к себе, на кухню, я переключил канал на МТV, сделал погромче звук и, расслабившись, лег на кровать. Через полчаса он позвал меня кушать. Ну, дела! Кажется, Марк решил завоевать мое расположение.

Весь этот день мы провели вместе. Ни о чем не разговаривали и почти нигде не пересекались. Он - там, я - здесь. Вечером, скрепя сердце, я решил, что он все-таки заработал мое доверие и может оставаться без присмотра в моей квартире. Поэтому утром я отправился на занятия, но тревога за судьбу своей собственности все еще не давала мне покоя.

К концу занятий, как обычно, жутко захотелось курить. Я где-то посеял свою зажигалку (всегда в заднем кармане джинсов лежала), а, у кого ни спрошу огонька, все не курят. Даже на крыльце, обычном месте сбора наших курильщиков, никто не стоял. А еще будущие медики, блин!

Утром, на занятиях, было не до сигарет, сейчас же ломало как наркомана. Но я уже почти добрался до дома, поэтому решил потерпеть еще немного. Войдя в подъезд, я услышал странные гитарные пассажи, доносившиеся откуда-то сверху. С каждым этажом музыка становилась все громче. Кажется, мой «друг» починил гитару.

– Марк! Что ты тут вытворяешь? – крикнул я поверх ревущей музыки, открыв дверь квартиры и шагнув внутрь. Какофония прекратилась.

Из комнаты вышел довольный Марик. Он был одет в темно-синие шорты по колено, сделанные из старых джинсов. Из очень старых, судя по их потертости. В зубах – дымящаяся сигарета, в руках – гитара, с перекинутым через впалую волосатую грудь ремнем. Дитя сексуальной революции, одним словом.

- О, Пашка, пришел. Как там гранит науки поживает? просипел он и, не дожидаясь ответа, выдал умопомрачительный запил в мою честь. Зубы целы?
 - Ага, типа того.

Глядя на него, я невольно улыбнулся и бросил сумку на холодильник.

- Привет с Вудстока, крикнул он на фоне еще одного музыкального проигрыша.
- От кого? переспросил я, но он ушел в очередной гитарный запил, который, думаю, звучал бы совсем неплохо, если сменить гитариста, гитару и убавить звук.

Вслед за Марком, от которого несло перегаром, тянулся длиннющий провод. Я прошел вдоль провода в комнату и наткнулся на небольшой черный чемоданчик.

-VOTE OTP

Вместо ответа Марик нежно погладил агрегат.

- Звучит? спросил он, изобразив еще один музыкальный пассаж, и с любовью добавил. Вещь!
 - Откуда ты его взял?
- Да нашел тут у вас на мусорке. Вполне рабочий усилок, всего-то полчаса с ним повозился! – сказал он и затянулся.

Проследив за моим жалобным взглядом, Марк протянул сигарету:

– Курить хочешь, да?

Марк сбегал за пивом, убедив меня, что нужно отметить знакомство, пусть даже и с опозданием на день. Похоже, что он его сегодня с угра отмечает.

- А ты мне вначале и не понравился, произнес он своим вечно хриплым голосом, разливая холодное пиво в стаканы. Впустил нехотя. Негостеприимный, это сразу видно. Верка предупреждала, что с тобой поосторожней надо. Обидчивый, так и сказала.
- Да, злобный я... перец, задумчиво сказал я. Ну, Вера, ну погоди! Кстати, совсем забыл: Слушай, а чего у тебя там приключилось, зачем отсиживаться то надо?
- А потом смотрю, блин, нормальный пацан! Музон слушает, эмтиви смотрит, правда, на кухню выгнал... словно не услышав моих слов, продолжал Марк.

Я смутился от такой прямоты и неприкрытого укора, произнесенного как что-то незначительное. Почему он ушел от моего вопроса? Неужели что-то серьезное?

- ... но это ничего! Не обижаюсь, я же понимаю, - сказал он, хлопнув меня по плечу. В общем, дело ясное, что дело темное.

Размышляя над сложившейся ситуацией, я стал жевать колбасу, любезно нарезанную Мариком. Проголодавшись на учебе, я больше ел, чем пил, и не заметил, как смёл все кусочки, что были на столе. Дожевывая последний, я потянулся за ножом в ящик стола, но не обнаружил его на своем привычном месте.

 Фотки твои посмотрел, – сказал Марик, резко задвинув ящик стола и чуть не защемив мне пальцы. – Молоток! Чувство юмора у тебя есть. Смешно получаешься.

Вот ведь освоился гад, а вначале скромным прикидывался.

- Правда, Верку ни на одной не нашел. Недавно вместе, да?
- C середины лета, сказал я и подумал, раз уж он начал разговор о Вере, может подойти к его истории с этой стороны? А ты давно ее знаешь?
 - У-у-у... года два, наверное. Мы на сейшене познакомились.

Это уже интересно. Неужели я заодно узнаю правду о Верочке?

- Ну а потом пошло-поехало. Цветочки, прогулочки, винишко, шуры-муры, ну ты сам понимаешь. Тело молодое, зеленое.
 - Нн... не совсем, промычал я. Ну ее подальше, такую правду!
- Короче, через несколько дней она, значит, заявляется и говорит, что сбежала из дома. С родаками, типа, проблемы, ну и решила от них свалить.

Да, это на Веру похоже.

- Что делать? Сбежала значит, живи. Нам разве жалко? На тусняки да репетиции ее таскал за собой. Я уже тогда неплохо на гитаре лабал. У нас даже группа была своя...
 - А потом?
 - А потом, распалась.
 - Да нет, Вера.
- Что, Верка-то? Эта фиг распадется. Значится, пожила, пожила и уплыла. У нас тогда еще басист сменился. Только в упор не помню, на фиг он от нас тогда ушел? – Марк задумчиво почесал затылок.
 - И все? я вернул его на землю.
- Чего? А да, все. Тебе, я слышал, больше повезло, он отломил кусок от батона и отправил его в рот. – Верка – девка что надо. Другую такую не найдешь, дяде Марку можешь верить.

Сидели мы так до половины четвертого – я, Марк и пиво. Музыканты вообще любят поквасить, медики тоже не прочь. Я старался вытянуть из Марка как можно больше, и поэтому пил умеренно. Марк наоборот глушил пиво стакан за стаканом, но мне это не сильно помогало. Беседа протекала довольно осторожно, каждый сидел в своем окопе и не желал сдаваться. Не решаясь спрашивать напрямую, я бродил вокруг да около, а он с

легкостью уходил от ответов, пичкая меня своим музыкальным прошлым. В каком-то смысле это информационное плацебо меня даже успокаивало. Я не был уверен в том, что хочу получить откровенные ответы на все мои вопросы.

Иногда, в моменты вдохновения, вызванной легкой алкогольной интоксикацией, Марк брал в руки гитару, но по моей просьбе держал ее неподключенной к усилку.

Следующий учебный день остался в моей памяти сплошным размытым пятном. Я совсем не выспался, а в раскалывающейся от пива и недосыпа голове словно прорезался третий глаз — настолько мне было плохо. Зажигалку я так и не нашел. Утром оказалось, что я к тому же потерял и цепочку. Хоть убей, не помню где. Вроде, пили не много.

Я клевал носом, и сквозь дымку слышал, что на «глистологии» (как мы ее про себя ласково окрестили) объявили о скором коллоквиуме на тему – «гистофизиология половой системы человека». Половая система, говорите? Это к Вере.

На самом деле это означало, что сегодня придется поднапрячься и вызубрить большую часть пройденного материала. Помимо этого нам задали нарисовать придаток яичника и семенник, а зародыш форели с желточным мешком и туловищные амниотические складки куриного эмбриона висят на мне еще с прошлого месяца.

Домой я добирался на полупустом троллейбусе. Вообще, хорошо, когда народу мало. Сел, отключился и едешь куда-нибудь. После тяжелого учебного дня в самый раз. Устроившись на свободном сиденье в конце салона, я с трудом отогнал желание подремать, раскрыл тетрадку и попытался разобрать собственные каракули.

Да, выучить предстоит немало. «... мужская гонада начинает дифференцироваться раньше женской». Бред какой. Где начало? А! Я на эту лекцию, кажется, опоздал. Ладно, идем дальше. «Пространства между петлями извитых канальцев заняты стромальной... интерстициальной... тканью». Язык сломаешь. «... содержащей большое количество ...». Зевнув, я откинулся на спинку сиденья. «...лимфатических сосудов, нервных окончаний...». Минут десять я топтался на одной странице, пытаясь уловить смысл текста. «В онтогенезе человека принято...».

- Давно ты ее знаешь?
- «... различать три популяции...».
- А?.. растерялся я и поднял взгляд.
- Говорю, всего не прочитаешь.

Рядом со мной сидел рыжеволосый парень лет двадцати, среднего телосложения, с длинными волосами, по которым уже давно плачут ножницы парикмахера. В руках он держал несколько книг, по названиям которых я сделал вывод, что он учится где-то на философии или психологии. Так или нет, одет он был довольно прилично для студента: стильный темно-синий джемпер и совершенно новые на вид голубые джинсы. Было как-то глупо это чувствовать, но, кажется, я неровно дышал рядом с ним. Не в том смысле, конечно.

- ... спите вместе?
- -VarP
- Спишь на месте, говорю.
- A, да. Не выспался, я чувствовал себя неуютно. Сам бы я никогда не заговорил с незнакомым человеком в троллейбусе. Тем более, того же пола.
 - В меде учишься? спросил он и кивнул на тетрадку у меня в руках.
 - Ага. Коллоквиум скоро по «гисте», то есть по гистологии. Готовлюсь.
- «Мозговое вещество находится в центре», прочел он из тетрадки. Я улыбнулся он не знал, что речь шла о строении яичника. Да, уж! «Знание Абсолютное в форме полного самосознания доступно только в конечной точке мыслительного процесса», процитировал он.

Я посмотрел в тетрадку, но там такого и в помине не было.

– Конечно, на самом деле, не существует явного различия между движением мыслительной энергии и этим ощущением гармонии и завершения в целом. Поэтому, мы учимся, набираем опыт, влюбляемся, движемся вперед.

Эно оте мэр О

- Не забудь мои слова. Как и я, ты будешь учиться. Как и я, возненавидишь ее.
- Кого ее?
- Гистологию. Или ты ее любишь?
- Смеешься? чуть ли не возмутился я и разглядел в окне свой дом. Черт, еще немного и проехал бы остановку! Извини, мне пора, крикнул я, уже выскакивая из троллейбуса.
 - До встречи! донеслось мне вслед.

Со странностями парень, по-моему, у него крыша едет. Ничего удивительного, будущий философ все-таки.

Я открыл входную дверь. Дома никого, тишина. Даже необычно как-то. Марка не было видно – видимо, ушел куда-то. Неужели удастся поспать перед дежурством?

Привычно бросив сумку на холодильник, я открыл его и заглянул внутрь. Кусочек сыра, три помидорки, вареное яйцо, творог и вчерашний суп. Взяв сыр, я засунул его в рот целиком и стал на ходу снимать кофту. Дожевав кусок, я присел на постель, почти готовый ко сну.

Стянул штаны и прилег на подушку. Ой! Рядом со мной кто-то зашевелился. Неужели Вера почтила меня своим присутствием? Какой сюрприз.

Я потянул одеяло, возбуждаясь от одних мыслей о ней. А вот и ножка... Хм, какаято волосатая ножка попалась.

- Твою мать! выругался я через секунду. Что ты тут делаешь?!
- A? приоткрыв один глаз, обернулся Марк и пьяно пробормотал. Не ПППонял. ППашшша? А йа ддумал... тты не ппридешшшь...

Марк испортил мне настроение, и учеба никак не шла. Зато я сам ходил по офису до часу ночи, как заведенный, то, судорожно хватаясь за конспект, то — за голову. Во мне поселилось нехорошее предчувствие после того, как я оставил Марка одного пьяным в своей квартире. Но что мне оставалось делать? Время поджимало (нужно было идти на работу), а он дрых, как ни в чем не бывало. И не разбудить, не вытолкать.

Утром я передал офис начальству и быстрей-быстрей помчался домой. Влетая на лестничную площадку, я вытащил из кармана ключи, но, добравшись до квартиры, понял, что они мне сейчас не понадобятся. Дверь была не заперта. Как знал!

Похолодев, я осторожно вошел в квартиру. В моей голове быстро нарисовалась картина того, что случилось на самом деле. Марк где-то пролетел, и его посадили на счетчик. Возможно, эти люди заявились к нему домой, и он даже прибил одного из них. Нашел Веру, свою старую знакомую, и наплел ей всякую чепуху. А она уговорила меня, идиота безмозглого, спрятать Марка от преследователей и закона. Но разве от них убежишь? Деньги, как говорится, детям не игрушка.

На цыпочках я обследовал каждый закуток, но ожидаемого трупа своего жильца не нашел. Тщательный осмотр выявил пропажу всех моих денежных запасов и кучу мелких предметов. Понятно, Марк жив. Он просто решил избавиться от своих забот за мой счет. Самое интересное, что усилитель был на месте. Наверное, слишком тяжелый, чтобы утащить с собой.

Я сел на кровать и застонал. Черт меня дернул связаться с этой Верой и ее Марком! Жил бы себе, не тужил. А теперь что?

Видимо, меня услышали свыше – в незакрытую дверь робко постучались. Вернувшись в прихожую, я увидел на пороге запыхавшуюся Верочку. Явилась – не запылилась!

- Тво... твой друг, я даже начал заикаться от волнения. Или может... Короче, этот Марк меня обокрал. Ты понимаешь? Ты понимаешь, что это уже не шутки?!
- Пашенька, успокойся, все в порядке, торопливо произнесла Вера, пытаясь отдышаться. Успокойся. За тем я и здесь. Чуть-чуть не успела.
 - Успокойся? Успокойся?! Я говорю, он меня обокрал! Не понимаешь?
- Все нормально, ты, самое главное, не волнуйся, Вера попыталась меня обнять, но я отбросил ее руку. У него клептомания тащит все, что под руку попадется.
 - Надо же. Какие мы больные! С виду и не скажешь.
 - Не говори так. Он старался себя сдерживать. Он исправляется. Честно!
- Ну, мне от этого, конечно, легче. Да, да. Денег тысячу триста, а еще вещей сколько упер!

Она протянула мне небольшой пакет, виновато улыбнувшись.

 Вот, опомнился, все вернул. Марк не плохой, зря ты. Он ведь и мухи не обидит, ему просто нужна помощь.

Я осекся, принимая пакет. Оказывается, все совсем не так, как я думал. Нет ни долгов, ни преследователей. Есть только я и мои домыслы.

– Сразу не могла предупредить?! – зло буркнул я, все еще находясь под давлением накопившейся обиды и недавнего страха. Ну ладно, вещи он вернул, но Верочка-то заранее знала, к чему это может привести. И все равно, ничего мне не сказала.

Потупив взгляд, Вера пожала плечами. Но я не собирался так легко сдаваться.

- Зачем ты это сделала? Ты ведь специально все подстроила, как тогда, в ночном клубе.
- Паша, успокойся, тихо повторила она. Я ничего не подстраивала, Марк и правда, был в беде.
- Марк, Марк, да плевать я хотел на твоего Марка! Почему ты так себя ведешь? Такое чувство, что твои дружки тебе дороже, чем я. Что же, не стесняйся, веди всех! Паша добрый, Паша хоть черта пустит. У Паши квартира большая!

В ответ Верочка лишь грустно усмехнулась. Что это было? Усмешка разочарования, вины или может презрения? В тот момент мне было не до рассуждений. Лишний раз убедившись в своей правоте, я был полон решимости высказать все, что меня давно терзало. Наверное, я много бы всего наговорил, да только Вера не стала меня слушать, и как только я снова открыл рот, она махнула рукой и покинула квартиру. Звук ее каблучков, ступающих по лестнице, еще долго раздавался в бетонной шахте подъезда.

Ну, и черт с тобой! – крикнул я вдогонку.

Хоть вздохну свободно.

Понимание пришло с запозданием минут на пять. Вера слишком гордая, чтобы принимать поражение в лоб. Поэтому она не сможет напрямую извиниться, хотя по ее поведению было явно видно, что в душе она сожалеет о происшедшем. Зря я так на нее накинулся. Теперь мне нужно найти Веру, иначе я могу потерять ее навсегда.

Эта неожиданная мысль больно резанула меня по сердцу. Найти ее невозможно – ни адреса, ни одного значимого телефона, ни следа. Я сел на кровать, схватившись за голову. Вот, дурак. Упустил ее, когда мы только-только начали привыкать друг к другу. Ведь Лешик говорил, что я не такой, как остальные. Я ведь правильно ответил на «главный вопрос» и даже сумел ей помочь с Мариком. То есть, вроде бы, смог помочь, но потом сам же все испортил.

Марик, Марик... Я высыпал вещи из пакета. Деньги, зажигалка, цепочка, будильник, ножик из кухонного стола и еще много всякой мелочи — предметы, которые загадочно

пропадали из дома на протяжении последних трех дней. Мои предметы. И ни одной ниточки, ведущей к Вере.

Глава девятая

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

Переехав еще в конце августа на новую квартиру, я завел специальную тетрадку, можно сказать карточку пациента, посвященную своей таинственной подруге. Постоянное ведение записей в ней требовало качеств, которых у меня никогда не было – упорства и усидчивости. Думаю, это красноречиво говорит о том, насколько важное место Вера занимала в моей жизни.

В свободное время я записывал все мысли, связанные с ней, и получалось что-то вроде истории болезни. По сути, Вера и была моей болезнью. Самой настоящей злокачественной опухолью. Такую лучше не трогать, иначе все может обернуться трагически. Но и закрывать глаза на нее не получится.

Итак, передо мной стоит задача вернуть Веру. Все что у меня есть — это четыре совершенно бесполезных номера телефона, по которым ее вряд ли найдешь; три магазина, куда она частенько захаживает; имена нескольких людей, которые так или иначе с ней связаны; почти все даты ее появлений в моей квартире и краткие описания самых важных наших бесед; куча, просто бесконечное множество моих мыслей о ней, которые, как правило, рождались во время скучных лекций или бессонных ночей на работе.

Поможет ли это добраться до Веры? Вот и я говорю – нет. Хронический случай.

Поэтому Веру я искать не стал. Я стал искать Марика.

Поговорив со знающими одногруппниками, я выяснил места нескольких неформальных тусовок. Одна из них собиралась возле Драмтеатра, где обитала в основном «пионерия» — самая косная среди неформалов группа. Они попивали спиртные напитки сомнительного происхождения, глотали таблетки и прочую гадость. Вторая — в Академгородке, пригороде. Эти дрались на самодельных мечах и организовывали ролевые игры. Идиоты, одним словом, в куклы в детстве не наигрались. Что бы там ни говорили, я все равно останусь при своем мнении. Третья группа собиралась в дни проведения различных рок-концертов на сейшенах или в обычные дни у кого-нибудь дома.

Помимо этих трех, существовало множество других больших и малых компаний, начиная от «хиппи по выходным», заканчивая компьютерными маньяками (фидошниками, мудерами и чатерами), которые, если и не вписываются в рамки неформальности, то, по моим меркам, находятся где-то на границе.

Марка не отнесешь к малолетним панкам, он ни разу не говорил о ролевых играх, и к тому же был музыкантом. Поэтому моим следующим шагом стало изучение афиш. Довольно скоро я нашел одну подходящую:

7 октября поклонникам Heavy Metal посвящается... Группы БАСТИОН ИНТЕРЛЮДИЯ

а также, наш гость, группа 3 ЧАСА УТРА

Сегодня пятница, шестое октября. В понедельник я пересдаю коллоквиум, завтра у меня четыре пары с десяти утра до половины седьмого вечера.

Эх, Вера, только ради тебя...

- Ты Марка не знаешь случайно?! мне приходилось кричать, так как в зале было слишком шумно.
 - Чего?
 - Марка!! я безуспешно пытался перекричать дико ревущие колонки.
 - Кто?
- Конь в пальто!! Марка, спрашиваю, не знаешь? Черный, патлатый такой. На гитаре играет!
 - Какого Марка?

Это был уже пятый человек, который ни черта не знал. Тусовка, называется.

В зале я не нашел никого знакомого (хотя втайне надеялся, что столкнусь здесь с Верой), поэтому, купив пива, потихоньку опрашивал публику. Да только все без толку.

Тяжелая музыка, и без того мне противная, била по ушам, не давая нормально поговорить с народом. Казалось, голову сковало обручем из утрамбованной ваты, который медленно сдавливал ее. Когда у меня больше не осталось сил терпеть царящий в зале бедлам, я вышел на улицу освежиться.

Небо застилали тучи. Было темно, неуютно и пахло предстоящим дождем. Машины разъезжали по проспекту, с ревом проносясь в нескольких метрах от меня. Люди куда-то спешили, к кому-то ехали, торопились. Мне же не к кому было ехать. Единственное свое счастье или, вернее, страсть, я упустил. И, похоже, навсегда.

Вера, ну почему нельзя было просто встречаться? Зачем выдумывать всю эту ерунду? Ведь нам было хорошо вместе. Или только мне было хорошо, а ты...

- Я знаю.
- $-\mathrm{Y}_{\mathrm{TO}}$

На крыльце стоял лупоглазый, прыщавый парень и курил папиросу, от которой доносился подозрительно приторный запах.

- Ты ведь Марика искал?
- $-\Delta a$, а ты его знаешь? оживился я.
- Они сегодня у Фенди собираются. Марик, кажись, подстрял, вот и решают, как его выручить. Если надо, могу объяснить, где это. Тут пять минут ходьбы.

Ходьбы, может, и пять минут, но добежал я за две-три. Влетел на четвертый, последний, этаж старого кирпичного здания и в нерешительности остановился на площадке. Дверь в заветную квартиру была приоткрыта – заходи, кто хочешь.

Если парень не обманул меня, то музыканты как-то странно решали проблему Марика — вместо того, чтобы обсудить все как надо, они горланили песни. Из квартиры доносился звук живой, акустической (слава тебе, боже!) гитары, а вскоре я услышал и пение:

Девочка-скерцо²,

О чем ты плачешь,

Девочка-скерцо?3...

Я подошел на цыпочках к двери и вошел внутрь.

... Скерцо зеленого хвойного леса, о чем ты плачешь?...

Обшарпанная прихожая была буквально завалена обувью. Тут тебе и кеды, и кроссовки, и ботинки всяких мастей, а также сапожки, дешевые туфли на высоком каблуке. Сами хозяева обуви обосновались в зале, рассевшись кто на полу, кто на стареньком диване, кто на подоконнике. Сидящие ближе к двери обратили на меня внимание, но лишь на короткое время, словно появление незнакомых людей здесь обычное дело. Свет горел только в комнате, где все собрались, оставшаяся квартира была во мраке.

Гитариста во всей этой людской массе я так и не разглядел.

... Скерцо бъется как птички сердце,

2

² Скерцо – быстрый темп в музыке.

³ Ольга Арефьева и группа Ковчег, 1998 «Девочка-скерцо», Девочка-скерцо.

Скерцо с медом, скерцо с перцем,

Девочка-скерцо, о чем ты плаа-а-аче-ешь?...

Из маленькой комнаты раздавались еле слышные поскрипывания, от которых мурашки пробегали по коже. Я осторожно подкрался к комнате и замер. В свете улиц я отчетливо различал комнату и человека, чьи очертания мне были до боли знакомы.

Вера стояла одна у полураскрытого окна и медленно скребла чем-то по стеклу – звук получался высоким и очень неприятным. Судя по отсутствующему выражению лица, мыслями она была где-то далеко отсюда. Светлая куртка на ее плечах тускло белела в полумраке, делая Веру похожей на покинутого ангела. Господи, неужели я нашел ее?

...Девочка-скерцо,

Чего ты хочешь,

Девочка-скерцо?

Чего теряешь,

О чем хлопочешь...

Но что я ей скажу? Ведь я сам отчасти виноват в том, что она ушла от меня. Как теперь убедить ее вернуться?

...Знаешь, здесь некуда деться от ветра,

Некуда спрятать сердце, ты знаешь,

Девочка-скерцо, знаешь, что ты теряешь?

Я решил взять тайм-аут и прогуляться до туалета, тем более что это было вызвано необходимостью – выпитое на концерте пиво просилось наружу – и заодно продумать план дальнейших действий.

...Девочка-скерцо,

Здесь всё так зябко,

Здесь всё так зыбко...

Как быть? Может, объяснить, что я вовсе не хотел ее обидеть? Я просто был сильно расстроен пропажей вещей и денег, и потому мои слова в ту минуту могли задеть ее. Если говорить честно, Марк мне симпатичен, и я верю, что он безобиден. А что касается его болезни... Вера говорит, что надо ему помочь. Не знаю, почему именно я должен это делать? Я ведь не психиатр, у меня нет влиятельных друзей и так далее. Наверняка, среди ее знакомых найдется тот, кто смог бы помочь Марку реально. Я дернул за ручку смыва.

Впрочем, ради Веры я готов ему помочь. Если только она попросит.

...Это всё скрипка, безумная скрипка

Свела с ума, но где здесь ошибка...

Вернувшись в комнату, я обнаружил, что Вера сидит на подоконнике теперь уже раскрытого настежь окна. Она что... неужели? Черт!

Вера! – сдавленно крикнул я.

...Ты виновата сама, покажи мне,

Где эта дверца из смерти в сердце?

В вечную жизнь спеши, спеши,

Спеши, покажи мне, где эта дверца,

Девочка-скерцо, где твое сердце-е-е?..

− BEPA!!!

Но она будто не слышала меня и соскользнула вниз.

Я подбежал к подоконнику и высунулся наружу по пояс. На улице окончательно стемнело, но я различил ее бледный силуэт в свете стоящих рядом фонарных столбов.

Опустившись на карниз, который был примерно на уровне пола квартиры, только по ту сторону стены, она пошла вбок. Двигалась она довольно уверенно, будто ходила этой дорогой не в первый раз. Страх высоты, похоже, ей был неведом – она спокойно смотрела вниз и не очень-то жалась к стене.

Я же, судорожно вцепившись в обшарпанный подоконник, оторопело следил за ней взглядом, пока она не скрылась из виду. В голове вертелся один единственный вопрос:

ты уверен, что хочешь пойти за ней?

От этой мысли по телу прошла дрожь, но колебаться было некогда. Тяжело дыша, я полез в окно. Мои ноги, в старых неудобных кроссовках, опустились на узкий карниз, шириной не больше пятнадцати сантиметров, и я замер. Животный страх за собственную жизнь охватил меня полностью, и мои побелевшие от напряжения пальцы не желали отпускать подоконник. В голове издевательски завертелись слова старой песенки: «держи меня соломинка, держи», которая в дни моего детства часто звучала у нас дома.

Как сложно все-таки сделать первый шаг.

Ну же, давай! Медлить нельзя, иначе она уйдет, и больше ты ее не найдешь.

– Черт тебя возьми, Вера! – в сердцах воскликнул я и, прижимаясь к стене, сделал первый шаг в сторону.

У Веры это вышло легко и изящно, она буквально пролетела по карнизу, смело глядя себе под ноги. Я же полз со скоростью черепахи, страдающей синдромом Дауна, и к тому же старался не смотреть вниз.

До угла оставалось несколько шагов, когда меня подтолкнул первый порыв ветра. Я чуть не оступился, но ноги быстро нашли опору. Сердце бешено заколотилось, и меня пробил холодный пот. Шатко-валко я стоял на скользком от дождя карнизе, пальцы намертво вцепились в щели между кирпичами. Только теперь до меня дошло, что это все не шутки. Я не подстрахован, и могу запросто упасть и разбиться насмерть. Здесь, сейчас, этим поганым вечером. И никто не найдет меня, скорее всего, до завтрашнего утра. Я играю со своей жизнью, и я могу умереть.

Бескомпромиссность этой мысли заставила меня оцепенеть.

Ветер подул сильнее и снова затих. Я рискнул осмотреться. Вокруг темно, и лишь в ореоле фонарных столбов появились первые строчки дождя. Асфальта внизу не видно, прохожих – тоже. Одиноко и страшно.

И неожиданно для меня все стало предельно ясно. Куда-то исчезли страх, сумбурность мыслей и чувств, осталась одна лишь решимость. Если мне суждено сдохнуть сегодня здесь, то так тому и быть, но я не собираюсь терять Веру, мою девочку, мою госпожу из-за страха за собственную шкуру. Тем более что без Веры моя шкура не очень-то мне и нужна.

Сделав глубокий вдох, я продолжил свой путь. На этот раз я продвигался быстрее. Мне казалось, что кто-то невидимый смотрит за мной, поддерживает меня, и что ничего страшного со мной не должно случиться. Опять задул ветер, невидимые в темноте деревья шумели листвой, словно зрители в цирке, капли дождя бессильно били меня по голове и плечам, а я все продвигался вперед. Так я достиг единственного окна на пути к углу дома. К несчастью оно было закрыто, и мне пришлось хвататься за скользкий от дождя цинковый козырек, о который я в первую же секунду порезал ладонь.

За окном располагалась самая обычная кухня. Два мужика бомжеватой наружности сидели за грубым деревянным столом и пили водку из небольших стаканов. На столе, помимо двух бутылок водки, одна из которых уже была почти пуста, стояла большая тарелка с вареной картошкой. Будь я на их месте, Вера сделала бы мне хороший втык – не за водку, нет, а за внешний вид. Небритые, в трико и грязных майках они сидели на табуретах, убивая время и мозговые клетки. Один из них что-то упорно доказывал другому, качая головой. Я прошел мимо, так и незамеченный.

Вот и угол. Завернув за него, я сделал два открытия: одно – хорошее, второе – не очень. Плохая новость заключалась в том, что освещения с этой стороны дома не было, дорога с фонарными столбами осталась сбоку. Но это неудобство восполнялось более широким, почти в три раза, карнизом – что упрощало продвижение. Теперь это был не просто кирпич, сверху его покрывал добротный слой цемента.

Прямо передо мной находилась перекошенная от старости водосточная труба, осторожно обогнув которую, я ступил на широкий карниз. Где Вера? Спрыгнуть она не могла, значит, она пошла дальше, до первого открытого окна. Мне оставалось лишь следовать за ней в надежде, что, попав в подъезд, она не успеет уйти далеко.

Все окна, попадавшиеся мне на пути, были закрыты. Когда по моим расчетам я достиг середины дома, то нашел единственное открытое окно. Оно вело в подъезд. Я уж было полез в него, но тут до меня донесся острый, как осколки стекла, крик.

Вера! Это кричала Вера!

Крик прозвучал не из подъезда, а откуда-то неподалеку, спереди. Затем последовал грохот – что-то тяжелое упало вниз.

В ногах неприятно заныло, и они быстро превратились в вату. Я представил себе, как Вера идет по карнизу. Неожиданно под ногами обрывается старенький карниз, она срывается и падает вниз. И вот она лежит неподвижно на асфальте, неестественно подогнув под себя ногу, а у ее головы разрастается кровавая лужа.

– Помогите! – еще один истошный вопль.

Адреналин в крови помогает мне собраться. Все остальное потом, сейчас самое главное – это Вера.

Очень быстро, почти бегом я двигаюсь вперед, вдоль стены дома. Размытыми пятнами сбоку проносятся вспышки окон, за которыми живут разные люди с их вечными проблемами. Темно, дождь и ветер, словно сговорившись, усиливают свои попытки помешать мне, но Верины крики буквально несут меня вперед.

Очень скоро я вижу что-то призрачное в темноте.

- Вера? хриплю я.
- Кто это? Костя?
- Я же просил, не называть меня Костей, по привычке говорю я.
- О, боже! Паша, это ты! Ты пришел!

Я приближаюсь и к своему ужасу чуть не проваливаюсь вниз. Удерживаясь за стену побелевшими от напряжения пальцами, сажусь на корточки. Карниз в этом месте отсутствует, осталась лишь небольшая полоска искрошенного кирпича, который лучше не трогать. Похоже, что он не выдержал, когда Вера ступила в этом месте. И грохот, который я слышал, наделали провалившиеся кирпичи и куски цемента. Я вижу, что Вера держится за водосточную трубу впереди чуть ниже злополучного карниза. Мне до нее не дотянуться.

– Паша, помоги мне. Я же...

Труба скрипит. Скобы, держащие ее, не очень крепкие и уж точно не рассчитаны на вес человека.

Я пытаюсь сообразить, что же делать, но ничего не приходит на ум.

- Сейчас, подожди, я позову на помощь.
- Нет, не успеешь... у меня сил не хватит... Помоги!

В темноте я вижу Верин призрак – белое пятно ее курточки колышется на ветру. Я представляю, как она вот-вот полетит вниз, вниз, вниз...

Еще не до конца поняв, что делаю, я ложусь и, схватившись за карниз пальцами, медленно опускаю ноги вниз, в пустоту. Теперь я вишу на одном уровне с Верой. Порывы ветра становятся все ощутимее. Я чувствую себя игрушкой, которую цепляют к зеркалу заднего вида в автомобиле, и та болтается, болтается, болтается.

– Держись! – хриплю я. – Я к тебе.

Покачнувшись, я перемещаю правую руку вперед, к тонкой кромке кирпича, толщины которой как раз хватает для пальцев. Схватился! Теперь вторую. Ноги пытаются нащупать опору между кирпичами в стене, но ее нет, и мягкая подошва кроссовок соскальзывает, лишь на мгновение удерживая вес.

Всего пара метров отделяет меня от Веры, но как же тяжело преодолеть это расстояние. Правую, левую, вдох, правую, левую. Подо мной оказывается открытая оконная

рама нижнего этажа, на которую я ставлю ноги. Качаясь на шаткой опоре, я временно переношу вес, давая отдохнуть ноющим пальцам. Глаза уже привыкли к темноте, и я вижу ее лицо. Вера затихла и смотрит на меня. Не шевелясь, не крича, просто смотрит.

Удерживаясь одной рукой, я наклоняюсь в сторону Веры. Одну ногу осторожно ставлю на скобу водосточной трубы в стене. Ноги шире плеч, и створка окна, на которой я стою, едет в сторону. Повиснув на руке, я приподнимаю ногу и тяну створку назад. Она останавливается, и я опять в более или менее устойчивом положении.

- Слушай внимательно, говорю я Вере. Сейчас ты залезешь на меня и...
- Вечно ты о сексе, Вера вдруг расхохоталась мне в лицо.

Это истерический смех, она хохочет все сильнее, а я не могу ничего сделать, потому что сам едва удерживаю равновесие. К счастью, или к несчастью, труба, которую она обхватывает, дает небольшой крен. Хохот сменяется резким криком, и это отрезвляет ее.

- Сейчас ты залезешь на меня... повторяю я, лихорадочно соображая, как же быть дальше. Впереди за трубой в манящей близости широкий, целый карниз, но обогнуть трубу еще сложнее, чем возвращаться обратно, поэтому... мы медленно полезем назад тем же путем. Ясно?
 - Я не смогу, судорожно глотая воздух, говорит она.
- Только попробуй не сделать этого, дура! Только попробуй! Быстро, одну руку на плечо, потом вторую, и никаких резких движений.
 - Мне страшно!
 - Мне тоже страшно. Но ты должна это сделать!
 - Хорошо, шмыгает Вера.

Я ощущаю ее мокрую холодную руку на своем плече. Промокший насквозь свитер обвис и облепил мое тело. Я держусь на тонкой кромке карниза, одной ногой опираюсь на чье-то окно, другой на скобу в стене и пытаюсь унять дрожь в коленках. Порывы ветра усиливаются, Вера что-то неразборчиво шепчет.

- Эй, кто там шумит? доносится откуда-то сверху.
- Не бойтесь, не гости, я с удивлением обнаруживаю, что это мой собственный голос.

Вот и вторая рука. Кирпич крошится под пальцами из-за увеличившегося веса, но опора под ногами не дает мне упасть. Плотно прижавшись к моей спине, Вера опутывает меня ногами за пояс, а ее руки сцеплены у меня на груди. Я чувствую запах ее духов, перемешанный с запахами пота и страха. Хорошо, что она у меня такая маленькая и легкая.

 Если не перестанете шуметь, я вызову милицию! – я не обращаю внимания на угрозу сверху.

Черт, как устала рука! А ноги так и норовят разъехаться в разные стороны. Мышцы ноют от непривычной нагрузки. Всего несколько метров, но огонь в теле делает их непреодолимыми. Легче разжать пальцы и отправиться вниз, кружась и переворачиваясь в последнем смертельном танце. Они любили друг друга долго и умерли в один день. Хотя нет, совсем не долго, еще и полгода не прошло.

– Не стой на месте, – шепчет Вера мне на ухо, и ее голос возвращает меня к действительности.

Одним рывком я переношу вес на раму окна и хватаюсь руками по-новому. Вера крепче вжимается в меня. Собравшись с силами, я повисаю на одних руках. Медленно переставляя их и стараясь не замечать агонию в мышцах и пальцах, я передвигаюсь обратно. Сквозь одежду ощущаю дрожь Вериного тела. Ничего, еще чуть-чуть.

Наконец, Вера ухватывается за широкий карниз, а я нахожу опору для ног – небольшую выбоину в стене – и теперь могу ослабить руки, которые еще чуть-чуть и не выдержали бы нагрузки. Сцепленные намертво ноги Веры крепко держат меня. Поочередно сжимаю и разжимаю руки, разминаю их, пальцы окоченели и почти не слушаются меня.

Вера пытается подтянуться на руках, где-то внизу разбивается кирпич. Ухватившись за кромку, я нечеловеческими усилиями дотягиваю себя до карниза. Вера взбирается первой, после чего помогает подняться и мне.

Плевать на высоту, на непогоду, на страх, лишь бы дать отдохнуть вопящим от боли мышцам. Улегшись на мокрый холодный цемент карниза, я закрываю глаза и подставляю лицо разбушевавшемуся дождю. Только сейчас я ощущаю насколько мне плохо от переизбытка адреналина в крови – конечности слабеют и мне хочется спать.

 Пошли, слышишь, пошли, – произносит Вера дрожащим голосом и тянет меня за руку.

Пошли, так пошли.

Когда мы влезли в подъезд через окно, Веру затрясло. Сначала это были простые вздрагивания, но очень скоро они превратились в неконтролируемые спазмы и истерический плач. Она буквально заходилась им.

Вера выглядела весьма жалко – белая куртка и бежевые джинсы измазались в грязи и кирпиче, волосы мокрыми лохмотьями свисали вниз, тушь размазалась по ее испуганному лицу. Вероятно, я сейчас тоже был еще тот красавец.

Прислонившись к стене, сидя на корточках, она вместе со слезами выдавливала из себя:

– Я же... мо-о-о-гла... уп-па-пасть... Я...

Глядя на нее, я испытал такой прилив жалости, тепла и любви, что, не раздумывая, обнял и прижал ее к себе. Мой подбородок уперся ей в макушку.

– Ничего, ничего. Все уже позади, – приговаривал я, гладя ее по спутавшимся волосам, по вздрагивающим плечам.

Она еще некоторое время что-то бормотала, уткнувшись мне в грудь, но вскоре успокоилась и затихла, лишь изредка всхлипывая. Убедившись в том, что буря позади, я отодвинулся и посмотрел на нее.

Вера смотрела на меня в ответ, не мигая. Выражение ее лица говорило об умиротворенности и спокойствии. Словно это не она десять минут назад болталась на высоте четвертого этажа, будто это не она закатила истерику.

Ее покрасневшие глаза были усталыми и беззащитными. Она походила на щенка, пришедшего с непогоды и жалобно смотрящего на своего хозяина. Может, это и есть настоящая Вера, а все остальное лишь мишура?

- Если бы не ты... начала она.
- Если бы не ты, прервал ее я, то меня бы здесь не было.

Она покачала головой; я видел, что она хочет мне возразить. В этот момент открылась одна из дверей на лестничной площадке, и из нее вывалилась шумная компания молодых ребят и девчонок.

– Нас не догонят! Нас не догонят! – распевали они нестройными голосами.

Один из парней, увидев меня с Верой, остановился и спросил:

- Это... че случилось-то?
- Ничего страшного, махнул я рукой. Сами разберемся.

Он равнодушно пожал плечами и, пошатываясь, отправился вслед за своими товарищами, которые всему подъезду громогласно доказывали, что их не догонят.

Когда шум внизу стих, Вера произнесла:

– Пошли домой, а?

Мы так и сделали.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

События следующих нескольких дней убедили меня в том, что я все-таки не понимаю девушек. По крайней мере, с Верой я точно испытывал трудности.

В тот злополучный вечер, когда я нашел ее, и мы оба чуть не свалились с высоты четвертого этажа, мне показалось, что Вера наконец-то открылась мне. Вернувшись домой, мы занялись любовью в душе под струями воды, бьющими по нашим телам, и она была особенно нежна со мной, ласкова как никогда. В ту ночь она мирно спала на моем плече, и я был самым счастливым человеком на свете. Мне казалось, что теперь наши отношения вошли в новое русло.

Однако следующее утро быстро разубедило меня в этом. Проснувшись, я обнаружил, что постель пуста, а в комнате витает аппетитный запах яичницы с жареной колбасой. Поспешив на кухню, я наткнулся на тарелку с завтраком, под которой лежала свернутая записка. Не ожидая ничего хорошего, я развернул и прочитал Верино послание:

«Привет, мой верный Педро. Если ты читаешь эту записку, то меня здесь уже нет».

Я похолодел. Неужели вчерашние события ничего не изменили, и она все равно решила сбежать от меня?

«Ха! Поймала? Я так и думала.

На самом деле я спешу по делам, но мы еще увидимся. Причем, скорее, чем ты думаешь. И вот еще что. Если ты что-то там себе возомнил по поводу вчерашнего, то забудь. Что было, то прошло. Это ничего не меняет и между нами все по-старому.

А напоследок я скажу, что думаю по поводу тебя».

Внизу большими буквами было написано «ЧМО» и небольшая стрелка, указывающая вперед. Она назвала меня чмом, и после этого еще просит перевернуть страницу, чтобы прочитать продолжение ее гадостей? Но я, конечно же, перевернул листок и обнаружил там одну единственную букву «К».

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы сообразить, что же значило ее послание. Отложив записку, я улыбнулся, потому что на Веру с ее выходками, обидными на первый взгляд, нельзя было долго дуться. Но все же в душу закралось недоброе предчувствие.

И как выяснилось, оно меня не обманывало. Если наши отношения с Верой и поменялись, то лишь в худшую сторону. Она словно отдалилась и потеряла те чувства, которые испытывала ко мне раньше. Я все чаще стал слышать от нее придирки по любой мелочи, она стала нетерпимее, и, вообще, складывалось такое ощущение, что, спася ее, я каким-то немыслимым образом нанес ей смертельное оскорбление. Впрочем, были перемены и в лучшую сторону. То есть, думаю, что в лучшую.

Я говорю о сексе. Верочка стала ненасытней, чем раньше. Ей всегда было мало, и теперь она требовала от меня физического внимания не только дома, но и в общественных местах.

Через пару дней в кинотеатре она буквально заставила меня запустить ей руку под плащ, под которым, как оказалось, почти не было одежды, и довести ее до оргазма. Я выполнил ее просьбу в надежде, что после этого она от меня отстанет, но куда там. В несколько умелых движений она расстегнула на мне куртку и брюки, а затем взобралась на меня. Хорошо, что в зале было темно и на сеанс пришло мало зрителей. Сидели мы на последних рядах, но все же наши ближайшие соседи наблюдали в основном за нами, а не за происходящим на экране. Выходя из зала по окончании фильма, я старался ни на кого не смотреть, Вера же, наоборот, весело болтала.

Что-то похожее произошло в подъезде дома моих родителей, когда она остановила лифт и сказала, что не даст мне его пустить снова, пока я не... Ну в общем, понятно, чего она от меня требовала. Не драться же с ней, в самом деле. Пришлось сделать, как она просила, после чего я пошел к родителям, а она – по своим делам. Не могу сказать, что мне это не понравилось, но сам факт, что в наши отношения вкрались какие-то темные, чуть ли не садистские тона, меня настораживал.

Я уже не говорю о таких вещах, как заигрывания в автобусной толчее, на улице и прочих, совершенно не подходящих для этого местах.

Вообще, как и любой нормальный парень, я не представляю отношений без секса, но то, что происходило у нас с Верочкой, просто сексом назвать было нельзя. Скорее, это походило на какую-то игру. Вот только правила ее мне были неизвестны.

Были и другие перемены. Так, мы стали чаще появляться на людях. Нет, с ее друзьями, если таковые имелись (Марик не в счет), меня не удосужились познакомить. Однако вечерами мы вместе гуляли по улицам пасмурного города, хотя раньше общение с Верой ограничивалось в основном тем, что она заваливалась ко мне домой на ночь.

Теперь мы чаще разговаривали, и так получалось, что в основном я рассказывал о себе. Ее же прошлое, как и прежде, оставалось загадкой. Но мне все равно было хорошо – уже давно я никому не открывался вот так. Разве что я до сих пор не сказал ей, что люблю ее. Интуиция мне подсказывала, что это лишь все испортит. Вероятно, таким образом, общаясь вне постели, Вера благодарила меня. Мне хотелось бы думать, что это так.

С одной стороны возросшие холодность и нетерпимость, с другой – больше проводимого вместе времени. Прибавьте к этому еще и более жесткий секс. Я окончательно запутался. Что произошло с Верочкой? Какие мысли поселились в ее голове с того вечера? Чего она добивается?

Я записывал все хоть сколько-нибудь значимые на мой взгляд события в дневник, посвященный Вере. Иногда я перечитывал его, но разгадка не становилась ближе. Вера попрежнему являлась для меня одним большим знаком вопроса.

Открывая дверь, я не посмотрел в глазок, и это стало моей ошибкой. Обычно я всегда пользуюсь этим рыбьим глазом, охватывающим лестничную площадку перед моей дверью, но в тот день я ждал слесарей. Потому, увидев на пороге совсем не тех, кого ожидал, я удивился.

Передо мной стоял Толик. Черная куртка из грубой кожи покрыта многочисленными каплями дождя, голова побрита наголо и уже успела приобрести смуглый цвет, в одной руке черные солнцезащитные очки, в другой – барсетка. Он стоит, опершись о дверной косяк, и напряженно смотрит на меня.

Мое удивление длилось совсем не долго, уступив место паническому страху. Сильный испут либо отнимает у человека способность мыслить, либо, наоборот, помогает понять все в одно мгновение. Вот и я понял — Толик как-то разыскал меня, нашел мою квартиру и теперь завершит то, что начал тогда летом в доме моих родителей. Он потянул ко мне свою мощную лапу, его лицо казалось свиренее оскалов голов, развешанных на стенах прихожей.

Я машинально попятился назад, совершенно забыв про обувь, раскиданную по всему коридору, и запнулся. Через секунду я хорошенько ударился задницей о пол, но боли не почувствовал, потому что все мое внимание было приковано к Толику, который уже прошел в коридор, все еще пытаясь достать меня.

Отступать дальше было некуда, я сжался, закрыв глаза, в ожидании первого удара. Вместо этого он лишь легонько хлопнул меня по плечу:

– Ты это, не бойся. Не трону я тебя, Пашок.

Рискнув открыть один глаз, я увидел, что он спокойно стоит надо мной, протянув руку. Вид у него был вполне добродушный. Испуг медленно отступал, и, кажется, Толик не

обратил на него особого внимания. Вероятно, он привык к тому, что его боятся. Но мне все равно стало стыдно.

– Вставай, разговор есть.

Я принял протянутую руку и поднялся.

Через десять минут мы сидели на кухне и дули пиво. Причем, не какое-нибудь, а «Карлсберг». Вопроса, кто купил этот самый Карлсберг, не возникало – тот у кого много денег. Я себе такое удовольствие позволить не мог.

- Как ты меня нашел? поинтересовался я.
- Ничего сложного, Толик поставил кружку на стол. Кроме паспортного стола есть еще уйма способов.

В каком мире я живу? Вера у меня за спиной делает дубликаты ключей от моей квартиры, Толик спокойно узнает, куда я переехал. Обведя глазами кухню, я уперся взглядом в один из висящих на стене шкафчиков. По нему полз таракан – мой новый жилец после Марика.

– Слушай, – бритая голова склонилась немного вниз, – ты уж меня прости за то, что я тебя тогда отделал. Погорячился я чуток.

Ну и ну, Толик извиняется! И перед кем!

- Да ладно, чего уж там, махнул я рукой, ощущая, как приятное щекочущее чувство разливается внутри меня, – с кем не бывает.
 - Ничего тебе не поломал?
 - Нет, жив и здоров, как видишь.
- Ну и ладно, Толик в несколько глотков осушил почти полную кружку и достал из массивной спортивной сумки очередную бутылку пива. Судя по донесшемуся звону, этих бутылок там не мало.

Налив пиво себе в кружку, он продолжил:

– Тут такое дело. Я на днях встретил...

Толик не договорил, так как зазвонил его мобильный телефон, и он отвлекся на разговор. Я же воспользовался удобным случаем, чтобы сбегать в туалет. Пройдя мимо сумки и оценив ее размеры, я понял, что денек мне предстоит нелегкий.

Когда я вернулся, Толик продолжил:

– Так вот, встретил я тут одного кадра. Это тот, что был с Веркой, пока она ко мне не прибилась.

Ну-ка, ну-ка.

- Точнее, не встретил, а он сам первый ко мне подвалил. Верка мне про него мало что рассказывала, потому сам бы я его ни в жисть не узнал. Ну, встретились, побазарили. Он все насчет Верки меня донимал. Мне и самому хотелось узнать про нее, откуда она взялась и как стала такой ненормальной, но он ничего не мог объяснить. Говорил, что такой она уже досталась ему еще там от кого-то.
 - И что ты ему сказал? я открыл вторую бутылку пива.

Толик огляделся и, только сейчас увидев холодильник в коридоре, подошел к нему и открыл дверцу. Затем, подтащив к нему сумку, он начал перекладывать пиво. Зажав в каждой руке между пальцами по паре бутылок, в четыре захода он переложил Карлсберг в мой холодильник. Нехитрая математика — умножаем две бутылки на две руки на четыре захода и делим на двух человек. Получается, по восемь бутылок на каждого. Или по четыре литра. Я дотянулся до пачки «Петра», лежавшей на столе, и, достав сигаретку, предложил Толику. Тот нахмурился и покачал головой. Неужто бросил?

- Сказал, что она с тобой. Он сказал, что неудивительно. В общем, разговорились мы с ним, хотя с такими лохами я дел обычно не имею.
 - Почему с лохами? интересно, кто по его понятием лох.

- Да ну, шизик какой-то, несет всякий бред, как из учебников, и одевается, будто баба с подиума Нормальный пацан сначала прикинется по-человечески, а уж потом будет рот открывать.

Я бросил взгляд на спортивное трико от Адидас, мешковато болтавшееся на его упитанной фигуре, но промолчал. Дотянувшись до форточки и открыв ее, я поднес зажигалку к сигарете. Вера не любит прокуренной квартиры, поэтому я курю на кухне с открытой форточкой или на балконе.

- Ну и почему ты с ним разговорился? спросил я, отхлебнув пива, и затянулся.
- А хрен его знает. Наверное, из-за Верки, увидев мой вопросительный взгляд, он пояснил. Ты не подумай чего, отбивать ее у тебя я не собираюсь. Если она не хочет когото видеть, то хоть убейся, все без толку. Так что, поздно, дядя, пить «Боржоми», когда почки отвалились.

Не знаю, то ли выражение было действительно смешным, то ли начало действовать пиво, но я засмеялся, тут же закашлявшись, на что Толик ухмыльнулся в ответ. Бодро поднявшись, он сходил до холодильника и принес себе третью бутылку.

– Потом, я все равно рад, что все так обернулось. Нет, не рад, а... В общем, теперь мне спокойней без нее, – лицо Толика было непривычно грустным. – Сам уж, наверное, допёр, что с Веркой не знаешь чего ожидать. Ее ведь никто не присмирит. Я точно не смог, а с бабами опыта мне не занимать. Знаешь, у меня ведь все, кроме нее, по струнке ходили.

Он замолчал.

- И? не выдержал я.
- Чё «и»? Поговорили, ну он мне и предложил с тобой встретиться.
- Зачем?
- Чтобы тебе помочь.
- В чем помочь?
- Как в чем? Избавиться от нее.
- Ну, знаешь! Мне такая помощь не нужна.
- Ты чё, дурак? Сам не понимаешь, что она с тобой может сделать? Она все может с тобой сделать. Мужики в ее руках вьются как веревки. Это у тебя сейчас с ней все хорошо, а дальше такая шняга начнется. Ты еще не знаешь, как она зихерить может.
 - Уже знаю
- Ни фига подобного. Я тоже думал, что знал, но с каждым разом ее выгибоны становились все круче и... он замялся в поисках нужного слова.
 - И больнее, продолжил я.
- Можно и так сказать. Здоровая на башку девка так поступать точно не будет, Толик тяжело вздохнул и задумчиво добавил. Хотя иногда мне кажется, что она поумнее многих хороших мужиков, которых я знаю.

А дальше все пошло по накатанной дорожке. Пресловутая дорожка была накатана бутылками пива. Я рассказывал Толику о себе и Вере, он рассказывал мне о себе и Вере. Но из нашей беседы я все равно ничего не запомнил. Время и пространство смазались в моем восприятии. Помню лишь, что, когда наконец пришел слесарь, Толик не дал ему заняться своим делом. А вместо того усадил за стол и принялся поить пивом, при этом доказывая, что Вера сущий дьявол, но без нее никак нельзя. Потом он, кажется, заставил бедолагу сгонять еще за пивом, но, вполне возможно, это всего лишь мое воображение.

Проснулся я, когда за окном уже стемнело. В квартире стояла мертвая тишина, и у меня жутко болела голова. Я сходил на кухню и проглотил таблетку анальгина, после чего вернулся обратно в кровать и провалился в сон.

Когда я, после четырех пар отсиженных лекций, вошел в квартиру на следующий день, то обнаружил там Верочку. Она разлеглась на кровати с книжкой в руке. Я поздоровался, бросил сумку на комод, за которым я обычно делал уроки, и прошел на

кухню. Мне сильно хотелось есть и курить. Я не мог решить, что же сделать первым – закурить или все же поесть. Верочка последовала за мной.

Тебе звонили, – многозначительно произнесла она и, выдержав паузу, добавила. –
 Толик.

Я еще не успел забыть о вчерашней попойке, поэтому ее новость не удивила меня. К счастью, в этот момент я стоял к ней спиной, и она не увидела выражения моего лица.

- Ты уверена? спросил я на всякий случай.
- Уверена. Что у тебя с ним?
- В каком смысле?
- В том самом! Спите ли вы вместе? рявкнула Верочка. Конечно же, в прямом.
 Зачем он звонил тебе? Насколько я помню, расстались вы не лучшими друзьями.
 - Это еще слабо сказано.
 - Я жду ответа.
- Если уж взялась отвечать на звонки, я решил, что теперь могу смело поворачиваться к ней, так спросила бы сама у него, а потом передала бы мне.
 - Ну вот еще! Если тебе нужна секретарша, найми ее.
 - Зачем? Ты умеешь делать все то же самое и к тому же бесплатно.

С волками жить – по-волчьи выть.

Я видел, что ей хотелось сказать в ответ что-то едкое, но вместо этого Вера заявила:

- Туше⁴.
- Что? не понял я.
- Туша ты, говорю, улыбнулась она и сменила тему. Проголодался?

Когда Вера ушла, я остался один с немытой посудой и вопросом по поводу звонка Толика. С первым я разобрался довольно быстро, ответ на второй тоже не заставил себя ждать.

Я как раз вытирал руки после мытья тарелок, когда в дверь позвонили. Наученный горьким опытом, я сперва посмотрел в глазок – Толик. Открыв дверь, я обнаружил, что он пришел не один. Прежде чем я смог что-либо сказать, он протянул мне спортивную сумку, которая, судя по бренчанию, снова была заполнена бутылками. Интересно, он так любит пиво или просто с пустыми руками заявляться не привык?

– В холодильник! – скомандовал он. – И быстро!

Пока я перекладывал бутылки в свою старенькую Свиягу, Толик и второй гость успели зайти в квартиру и снять обувь. Последний сразу же отправился в ванную-туалет, видимо, чтобы вымыть руки, а мой бывший одноклассник прошел на кухню.

- Мы по глупости купили пиво, прежде чем тебе позвонить, заявил он, усаживаясь на табуретку. А потом, когда выяснилось, что Верка дома, пришлось ждать в машине.
 - Чего ждать?

 – Да пока она уйдет. Не могли же мы завалиться к тебе, когда она тут. Торчали у дома, караулили.

- А чего мне сразу не сказали? Когда я возвращался с института, вы же меня, наверняка видели. Почему тогда не предупредили?
- Я по делам ненадолго отъезжал, а Дёнька тебя не узнал, хоть я ему и говорил, как ты выглядинь.
 - Кто не узнал?

 – Денис, – произнес мой второй гость, появившись в дверях кухни. – Но друзья зовут меня Дёня.

Теперь-то я смог хорошенько разглядеть его.

⁴ Туше (от франц . toucher - трогать, касаться) – 1) в борьбе – прикосновение борца лопатками к ковру; 2) В фехтовании - укол (удар), нанесенный в соответствии с правилами.

По сравнению с ним Толик выглядел выходцем из бедной многодетной семьи. Одежда на Денисе была весьма качественная и подобрана со вкусом. Темно-синий костюм, рубашка в мелкую клетку и серый галстук, хорошо сидящие на нем, выгодно смотрелись на фоне Толиковых спортивных штанов цвета мутной морской волны, футболки с надписью La Costhe и курточки с замком – верхней части костюма пускай даже от Адидас.

Денис оказался невысок, и лицо его носило несколько странные утонченные черты. Как у артиста Меньшикова, только более юные, даже в чем-то женственные. А еще у него были аккуратные рыжие усики, немногим темнее цвета его волос. У меня возникло ощущение, что я его уже где-то видел. Но где? В институте, в толпе прохожих, в автобусе? Или это мне всего лишь кажется?

Он подошел ко мне и протянул руку. Такую вялую и влажную, что будь вместо нее дохлая рыба, я, наверное, не заметил бы разницы. Оказавшись в ее призрачном захвате, моя ладонь ощутила себя весьма неуютно.

Ну вот, и познакомились, – сказал он, глядя мне прямо в глаза.
 Пауза.

Я чувствую некоторую растерянность. Его взгляд проваливается куда-то внутрь меня. Он глядит так, будто я не существую вовсе. Лицо Дёни какое-то неподвижное, он все еще плавно покачивает мою руку. Мне становится не по себе, в голове легкий туман. Трудно определить, когда его рука выскальзывает из моей. Еще несколько секунд сохраняется ощущение невесомости, легкости в кисти и пальцах, как будто под наркозом. И тут я отчетливо понимаю, что Денис мне не нравится. Вроде бы, не к чему придраться – хорошо одет, приятная внешность, кажется, аккуратен. Но чутье подсказывает, что передо мной нечто не совсем приятное. В любом случае, руку я ему в следующий раз пожимать не собираюсь.

Интересно, какое впечатление произвожу я на него? Хотя, почему это должно меня волновать?

- Эх, ну кто же так делает? – издалека донесся до меня голос Толика. – В морозилку надо было поставить несколько чебурашек.

Чем он самолично и занялся.

- Я и Денис тем временем уселись за стол. Толик, разобравшись с пивом, уселся между нами. Мой взгляд случайно упал на его футболку. Странная все-таки на ней надпись, какая-то неправильная. Меня уже отпустило после рукопожатия, но я решил, что все-таки нужно высыпаться, иначе совсем крыша поедет.
 - В общем, так, сказал Толик. Мы тут не просто так, а по делу.
- Ты мне это уже говорил вчера, перебил я его. Избавиться от Веры и все такое. Только я не понимаю, зачем все это. Тем более что я не собираюсь от нее избавляться.
- Нет, ну ты прикинь сам, возмутился Толик, ты представляешь жизнь с ней вместе?
 - Но я ведь сейчас живу с ней и ничего.
 - Ты не живешь, а встречаешься, уточнил Денис.
- Ага, в натуре, подтвердил Толик. А ты попробуй представить, как ты будешь жить с ней. Реально жить.
- Ну и что тут такого? Подумаешь, будем вместе больше времени проводить. Я только за.
- Значит, ты будешь терпеть весь ее зихер? Все истерики? Всю эту фигню? А ведь этого может стать еще больше.

Я, кажется, понял, к чему он клонит.

– Потом, что ты о ней знаешь? Спорим, почти ни фига. Ни адреса, ни номера телефона, никого из родаков или друзей.

А ведь он прав. Я даже фамилии ее до сих пор не знаю – по началу все забывал спросить, а потом Вера и вовсе отбила желание чем-либо таким интересоваться. И я уже начал привыкать к такому положению вещей.

- Ну, не подойдем мы друг другу, тогда перестану с ней встречаться, неуверенно заявил я.
- Хрен с маслом, довольно ответил Толик. Ты сейчас-то не хочешь расставаться, а потом вообще душой к ней прикипишь. И тогда будет ой как хреново, я-то знаю, чё говорю. Я после нее месяц пил, друзья еле откачали, а то ведь так и спился бы. Денис, он вообще в психушке лежал.
- Не лежал я в психушке, недовольно заметил тот. А всего-навсего ходил к психоаналитику на консультации. Это было совершенно добровольно с моей стороны.
- Какая разница? Всего равно крыша у тебя немного поехала, как и у меня, сказал он. Денис лишь пожал плечами. Теперь понимаешь, что тебя ждет? Уходить тебе от нее надо, пока не поздно.

Я на секунду представил свою жизнь без Веры. Скучно, однообразно и никакого секса. Ее секса. Да и потом, кто у меня есть кроме Веры? Школьных друзей, не считая Толика, который сам-то едва попадал под это определение, я растерял, а новых не завел. В университете ни с кем не сошелся характером. И вот теперь эти двое собираются отнять у меня последнее. Может, они хотят предложить мне свою дружбу взамен ее, хоть и сомнительной, но любви? Смешно.

А вдруг, все это ерунда? Вдруг у меня есть шанс остаться с Верочкой? Ведь не зря ее брат говорил мне, что я пока лучший из всех. Значит, я лучше Толика и Дениса, что бы они мне тут ни говорили. Ах да, я забыл еще про Марика. Впрочем, на его фоне даже Денис с Толиком выглядят достойно.

 – Да что ты все заладил, уходить да уходить? – возмутился я. – А вдруг у меня все с ней получится? Мало ли. Сначала родители, теперь ты. Достали.

Толик уже открыл рот, чтобы выдать ответ, но тут вмешался Денис:

– Возможно, Анатолий несколько погорячился. Но мы здесь с единственной целью, помочь тебе. А уж расставаться с ней или нет, решать будешь сам. Тебя же никто не принуждает к этому, в конце концов.

Как бы помягче сказать Денису, что мне нет дела до их помощи? «Денис, а не пошел бы ты?». Нет, малознакомый человек все-таки, обидеться может.

- Я как-то не очень верю в доброжелателей, - сказал я. - И не совсем представляю, чем вы можете мне помочь.

Денис посмотрел на Толика. Тот молча кивнул.

– Если хочешь, мы сможем вместе разгадать ее.

Глава одиннадцатая

МАЛЬЧИК ХОЧЕТ, МАЛЬЧИК ПЛАЧЕТ

На этот раз они пришли ко мне посмеивающиеся.

- Расскажи, расскажи ему, - подначивал Денис Толика.

Я посторонился, пропуская их в прихожую, и спросил:

– Вы о чем?

Я пожал руку Толику и поприветствовал Дениса кивком. Почему они так рано? Вдруг Вера придет?

— Да у нас тут одного пацана в армию забирали, — начал говорить Толик и нагнулся, чтобы развязать шнурки на кроссовках. — Пришла повестка — так, мол, и так, просим явиться в военкомат на медкомиссию. Диман-то парень здоровый, никаких болезней, вообще ничего, а в армию, сам понимаешь, никому не охота. И бабло ведь сунуть не получилось,

там комиссия какая-то из центра приехала проверяющая. Вот они злые все и ходят, не подступишься.

Гости разулись, скинули верхнюю одежду на холодильник в прихожей и прошли в комнату. Толик продолжил свой рассказ:

– Короче, собрал он пацанов вечером во дворе, и говорит им, что надо чё-то срочно делать. Ему кто-то посоветовал косить на сотрясение мозга, верняк не возьмут. Какое, говорит, сотрясение, не было у меня сотрясения. А тот ему в ответ, сейчас, мол, устроим. Ну, и съездили ему сковородкой по башке раза три-четыре, от души съездили. Короче, на следующий день он отправился на комиссию, а им там чё-то не понравилось, и отправили его в региональный центр. Уехал он туда, возвращается через пару дней. Пацаны его и спрапивают, не взяли? Не взяли, говорит, и грустно так вздыхает. Что, сотрясение признали? Нет, отвечает, плоскостопие.

Толик расхохотался первым, Денис, стоя у окна, растянул губы в улыбке. На меня же история не произвела никакого впечатления.

- Чё это ты? спросил Толик, отдышавшись.
- В смысле?
- Как в воду опущенный, пояснил он. Верка достала чем-то?

Да не Вера, а вы. Прошло всего пару дней, а вы тут как тут. Повадились, блин!

– Нет, с Верой у меня все в порядке.

Денис задумчиво смотрел в окно, поглаживая свои рыжие усики, Толик бухнулся на кровать и, схватив газету, принялся изучать программу телевидения. Убедившись, что ничего интересного там нет, он, наконец, посмотрел в мою сторону.

– Ну, че молчишь? – осведомился он. – Разгадывать будем? А то мы на пять сек заскочили и долго засиживаться не собираемся.

Со времени нашей последней встречи с Денисом и Толиком свою подругу я видел дважды. После случая на карнизе Вера стала появляться у меня дома почти каждый вечер. Мы обычно сразу шли гулять, а потом возвращались домой и с порога прыгали в постель. Поэтому вечерами у меня совсем не оставалось времени и уроки приходилось делать днем или на ночном дежурстве в конторе, где я все еще работал сторожем.

Накопилась куча долгов по английскому, по «глистологии» одна за другой шли контрольные, достала зубрежка по анатомии. Напрягаясь, я пытался учиться, но постоянно что-нибудь да не успевал. На некоторые предметы я вообще забил большой ржавый гвоздь. Например, к семинарам по философии, которые проходили раз в неделю, я в принципе не готовился, регулярно пропускал физкультуру и изредка посещал психологию. В конце концов, я же не собираюсь охватить все на свете, мне всего лишь надо стать врачом.

Эти два дня я обдумывал предложение Дениса и Толика. Должен признаться, что в последнее время я стал немного уставать от Верочкиных причуд, однако при этом понимал, что она вносила в мою жизнь столь нужное мне разнообразие. Чего я добьюсь, расставшись с ней? Допустим, у меня окажется больше свободного времени. И что? Смогу чаще сидеть за книжками, учиться. Но, разве я хочу только этого? Разве с Верой я не получаю тот отдых, без которого попросту бы свихнулся?

Вера управляет мной? Но ведь мне нравится, как она это делает. Мне нравится быть с ней, и, получается, я готов терпеть даже самые гадкие ее выходки.

Вера мне изменяет? Теперь я все меньше думал об этом. Ну и пусть, даже если так оно и есть. Нет, конечно, обидно, и, узнай я об этом наверняка, наши отношения прекратились бы. Но, пока ничего такого мне неизвестно, я спокоен, даже счастлив, и потому не хочу будить эту «спящую собаку».

Лишь одно мне не давало покоя. Я не понимал Верочку, и меня это раздражало. Знай я ее получше, можно было бы приготовиться к особо опасным ее выходкам, обойти ловушки, которые она расставляет на каждом шагу. Поэтому разгадать ее все-таки надо. И если эти двое хотят мне помочь, то флаг им в руки – я готов попробовать.

- А что, есть идеи? поинтересовался я.
- Всяко, сказал Денис. Он достал пачку «Парламента» из кармана рубашки и вопросительно посмотрел на меня.
 - Нет, лучше на балконе.

Судя по марке сигарет, подумалось мне, Дёня был при деньгах.

Мы стояли с Денисом, облокотившись на перила балкона, и курили. Толик притащил себе табуретку с кухни, уселся рядом и, насупившись, скрестил руки на груди.

Меня заинтересовало, почему он отказывался от курева.

 С августа в качалку стал ходить. Ну и в зале заметил, как штангу раз десять поподымаю – в горле першит, дыхалка ни к черту, задыхаюсь. Ну ее на фиг, эту отраву, – пояснил Толик.

А не пересел ли ты, друг мой ситный, на анаболики, подумалось мне. Однако Толик невозмутимо выдержал мой взгляд, и я, пожав плечами, посмотрел вниз. Балкон, как и все окна моей квартиры, выходил на заднюю часть дома, мимо которой пролегала главная дорога. Она вела к центральной улице нашего района, именно по ней и приехали Толик с Денисом. По ней же ходит Вера темными вечерами, идя ко мне домой. В сторону от нее, уходил заезд в наш двор, который почти не было видно из-за угла дома.

- Ну, что насчет Веры? обратился я к Денису.
- Ты знаешь, Паша, с готовностью ответил он, я встречался с Верой целых три месяца и могу точно сказать, что пока от нее не уйдешь, ничего для тебя не прояснится.
 - То есть?
- Думаешь, я не пробовал понять ее? Днями и ночами сидел и пытался разобраться, что же она за существо и зачем я нужен ей. Но все мои догадки всякий раз рушились о ее типично женскую логику и поведение. Достаточно сказать, что она феминистка.
 - В смысле?
- Мужененавистница, если так тебе будет понятней. Ее действия направлены на унижение и оскорбление всего мужского рода. Она, как амазонка, готова отрубить себе правую грудь, лишь бы ее стрелы достигали цели.
 - Ерунда какая-то.
- Нет-нет. Я пришел к этому уже после нашей размолвки. Она, как хищный зверь, вынюхивает жертву, берет след, настигает и рвет в клочья. Даже еще хуже ползает по тебе, как клещ, изучает, потом впивается и сосет, сосет...

Толик зажмурился и, опершись спиной о стену, расплылся в довольной улыбке.

- Я говорю про кровь! пояснил ему Денис.
- A-a-a!
- Конечно, с ее стороны это выглядит иначе, после некоторой паузы заметил Дёня, отводя взгляд от Толика. Для нее это игра, наподобие «дочки-матери». Ты пустоголовая, лупоглазая кукла, которую нужно пеленать, воспитывать и учить жизни.
- Я не лупоглазая кукла. Это во-первых. А во-вторых, ты все равно не прав. Вера, конечно, любит фокусы выкидывать, но я тоже могу поступать, как захочу. И порвать с ней в любое время.
- Неужели? Как захочешь? В любое время? улыбнувшись, спросил Денис. А насколько ты уверен в своей свободе? Люди вообще приписывают себе обладание гораздо большей свободой, чем та, которой они довольствуются в действительности. Ведь это так льстит их самолюбию.

Он докурил сигарету и достал еще одну.

– Кроме того, ты, как и многие другие, наивно полагаешь, что действуешь независимо в каждый момент времени, или вообще не задумываешься над этим, поскольку всем нам внушили некую идею о свободе воле. Но на самом деле мы только реагируем на происходящее.

Денис погладил свои рыжие усики и выдохнул белый сгусток дыма.

– Ни о какой свободе и речи нет! Будущее предопределено с момента зачатия нашими генами – вдумайся в это. Мы узники ДНК, и на физическом уровне не то что не вольны быть самими собой, а вынуждены быть таковыми, какие мы есть. Пол, черты лица, размеры тела, здоровье – все заложено изначально, и изменить это сложно, рискованно и дорого.

Его вялая улыбка словно подчеркивала безысходность сказанного.

– Наша индивидуальность полностью обусловлена воспитанием, которое мы получили в детстве. С самого рождения ты, как и я с Толей, копировал, подсознательно запечатлевал своих родителей, их суждения, привычки и ценности. Все впитанное в детстве будет держать нас до конца наших дней, и ничего с этим не поделаешь. То, что ты называешь свободой на самом деле самообман!

Денис выпустил клубы дыма и на секунду-другую задумался, потом продолжил:

- Кроме того, на индивидуальность существенное влияние оказывает общество, культурная среда, время. Возьми во внимание теорию о воздействии природного окружения, экологии, планет, космоса. А может, ты веришь в прошлые жизни? Они сковывают нас еще сильней.
 - Так, я за пивом, со вздохом произнес Толик и удалился в квартиру.
 - А я за аспирином, буркнул я. Заумная речь Дениса начала меня утомлять.

Но тот нисколько не обиделся, а лишь, как бы невзначай, преградил мне выход с балкона. Такая настойчивость мне совсем не понравилась, но Денис не отходил.

– С какой стати ты поверил в свою независимость, свободу распоряжаться собственной судьбой? Никто не знает, в какой мере человек является продуктом внешнего влияния, а в какой – результатом собственных, личностных достижений.

Речь из его уст лилась не то чтобы легко, все-таки чувствовалось, что это не его мысли, но уж точно гладко. Левую руку он держал на уровне пояса, подпирая локоть правой, в которой у него была сигарета, плавно покачивающаяся вместе с кистью руки, словно дирижерская палочка. Его серые глаза были ясны и широко раскрыты. Взгляд постоянно держал меня в прицеле, внимая любому движению, мимике, вздоху.

– Вот ты смог бы прямо сейчас прыгнуть с балкона?

Его слова прозвучали для меня словно в тумане, и я не сразу понял его вопрос. Наверное, опять не выспался.

- Можешь?
- Нет, наверное, наконец, ответил я.
- Правильно! Ты знаешь, что это за собой повлечет смерть. Ударишь ли первого встречного на улице? Тоже нет! Ответственность по закону, исковерканная жизнь. Это влияние общества. Тебе, может, вообще такое в голову не придет. Это воспитание. Или придет, но тебе будет не по себе синтетическое воздействие заложенных факторов через подсознание. Иначе говоря, совесть.

На балкон вернулся Толик.

- Ну вот, у тебя даже пива нет в холодильнике. Что за дела?
- Стипы нет, зарплата кончилась. Вот и все дела.

Денис, возмущенный вмешательством Толика в разговор, выбросил сигарету и развернулся ко мне лицом, а к нему спиной. Было видно, что он собирается сказать что-то важное, ради чего был затеян весь этот сыр-бор.

– По той же самой причине ты не можешь внезапно расстаться с Верой. Тебя нужно подготовить. Ведь она опутала тебя с ног до головы паутиной, о которой ты и не подозреваешь – это секс, непрекращающиеся сюрпризы, подпитывающие твой интерес, и, может быть даже, влюбленность. У тебя, наверняка, накопилась куча приятных воспоминаний, которые не так-то просто забыть. Но запомни, у свободы всегда есть свои границы. И Вера прекрасно о них осведомлена.

Лицо Дениса стало серьезным и напряженным, мне показалось, что для него очень важно убедить меня в своей правоте.

– Даже творцы собственных миров – писатели, сценаристы, драматурги – не могут обходиться со своими героями фривольно. Напротив, зачастую сами герои диктуют им условия. Любимцы муз так же связаны по рукам и ногам множеством ограничений, несоблюдение которых повлечет за собой рождение фальшивых персонажей и в результате несостоятельность создаваемого ими мира. У вселенной есть свои правила, причем намного более жесткие, чем может показаться на первый взгляд. Понимание этих правил, умение чувствовать их, знать свои и чужие пределы, и есть настоящая свобода, – подытожил Денис.

Толик скрипнул на своем табурете, потягиваясь, и недовольно посмотрел на нас. Странно, что он так терпелив к этой демагогии.

– И ладно, – вдруг очнулся я. – Не могу расстаться с Верой – черт с ней. Буду и дальше наслаждаться жизнью. В чем проблема? Чего вы ко мне пристали?

Денис вздохнул и, облизнув губы, продолжил:

– Свободы нет, но одно можно сказать с уверенностью – каждый из нас уникален и неповторим. Важно понять, что делает Вера. Быть может, она преследует раскрытие скрытых начал человеческой личности? Но, нет. Существующая личность для нее полагается неистинной, подлежащей преобразованию путем впечатывания в нее истинного, по ее мнению, образца. И эта личность – ты, Пашенька.

Мне не понравилось, что он меня так назвал. «Пашенькой» меня звали только родители. Или Вера в постели.

– Ты попадаешь, – продолжал он, – под ее неукоснительное просвещение. Но не забывай, Вера – это не сказочная фея, ее вариант развития лишь провинциальная попытка дискурса просвещения. Она и понятия не имеет, что такое экология общения или пагубное влияние вторжения в потаенные уголки сознания. Вера – капризный ребенок, она играет тобой, как может, разрушает, подтачивает изнутри.

Толику, наконец, надоела болтовня Дениса, и он, поднявшись с табурета, сказал:

– Дёнь, кончай трепаться, пора сваливать. Мне еще к пацанам надо заехать.

Тот кивнул, буркнув что-то в его сторону, и опять обратился ко мне:

– Паша, опомнись, пока не поздно. Однажды чуть с четвертого этажа не упал, потом в тюрьму попадешь, сойдешь с ума или вообще в живых тебя не будет. Подумай о Вере. Подумай над тем, насколько ты ей нужен на самом деле. Неужели ты надеешься, что она ценит тебя и в один прекрасный момент признается в любви, после чего волшебным образом превратится в Василису Прекрасную, и вы заживете душа в душу?

Он смотрел на меня в упор, не мигая и не отводя взгляда. Казалось, он даже не дышал.

 Очнись! Она тебя не любит и никогда не любила. Ты всего лишь очередная забава для нее. Кто-то коллекционирует марки, кто-то монеты, а она – коллекционер чужих душ.

Он резко повернулся и покинул балкон, оставив нас с Толиком наедине.

– Вот так, Пашок, это тебе не тяп-ляп, – нарушил тишину тот и, поднявшись с места, вразвалочку пошел вслед за Денисом.

Предатель, подумал я, напоил меня, а потом разболтал все этому Дёне.

- Слушай, а где он учится? кинул я вслед Толику. Тот остановился.
- Говорил, что на философском в универе.
- А, ну тогда понятно.

Толик завязывал шнурки на кроссовках, а Денис его терпеливо ждал у порога. Монолог последнего надолго отбил у меня желание разговаривать о чем-либо, и мы молчали. Я хотел поскорее избавиться от гостей, так как засыпал на ходу. Кроме того, и в любой момент могла появиться Вера, а мне не хотелось, чтобы она застала всех нас вместе.

- Я не уверен, но, мне кажется, следующим будет что-то темное и опасное, вдруг обронил Денис. Толик как раз справился со своими шнурками и поднялся с корточек.
 - Неужели?
- Вера тебя явно готовит к этому. Что именно она задумала, я не знаю. Но главное, если тебе захочется пуститься в ее авантюру, будь осторожен и выполняй в точности все Верины предписания, серьезным тоном произнес Дёня.

Какой-то он ненормальный, честное слово.

- Ясно, сказал я, открывая дверь и подталкивая гостей к выходу.
- Запомни, делай, как она говорит.
- Хорошо-хорошо, пока, нетерпеливо заявил я. Он еще и назойливый!
- Пока, и будь осторожен.

Проводив их, я снова вышел на балкон. Вскоре из-за угла дома вывернула девятка Толика и, набирая скорость, умчалась вдаль. Странно, чего это Дёня так разволновался? Мы не настолько знакомы, чтобы он мог по-настоящему волноваться за меня.

Вопреки моим ожиданиям, Вера в этот вечер не пришла и даже не позвонила. Я решил, что, может, оно и к лучшему, и пораньше лег спать. Отключился я мгновенно, и к полуночи мне снился, наверное, уже десятый по счету сон. Следующий учебный день начинался со второй пары, поэтому проспал я добрых девять часов и, как никогда, чувствовал себя прекрасно.

Учеба пролетела незаметно, часа в три я был уже дома, где и нашел записку следующего содержания:

«О, мой нежный постельный зверек. Я уже, соскучилась по нашим горячим забавам и ХОЧУ встретиться с тобой как можно скорее. Хочу обнять тебя».

И я хочу того же самого, Вера.

«Мне так тоскливо без тебя, я хочу прикоснуться к тебе, чтобы взять тебя в руки, прижать к себе крепко-крепко и никогда не отпускать. Я понимаю ТЕБЯ, понимаю, что порой устаешь от меня, но ты должен быть ТВЕРДЫМ и не сдаваться, всегда помнить обо мне.

Сегодня мы увидимся вновь, и тогда твой язык проникнет мне в рот. Как я жду, его, милый. РАЗДВИНЬ мои губы и дай мне почувствовать твой вкус. Едва я подумаю об этом, и МОИ пальцы немеют от желания, сердце мое начинает бешено колотиться, НОГИ дрожат и слабеют.

Солнце может погаснуть, время — завершить свой ход, но я хочу, чтобы ты знал — пока мы вместе, нам ничто не угрожает. Так ВОЙДИ же в мой мир скорее, я с нетерпением буду ждать встречи с тобой за час до полуночи возле старого кладбища у заброшенной железной дороги. Я верю в тебя, так поверь и ты В МЕНЯ.

Твоя Лилит».

Если первые строки и разбудили во мне желание, то концовка письма заставила хорошенько задуматься и умерить свой пыл. Неужели Денис прав, и Верочка настолько предсказуема? Ведь действительно все складывается в единую картину: полночь, кладбище — темное и опасное, прямо слово в слово. Нет, такой расклад меня совершенно не возбуждает. «Будь осторожен». И еще, что за Лилит такая? Может, Лолита? Тогда еще, куда ни шло.

Я приготовил себе гречневую кашу и, сев за стол, взял письмо, чтобы перечитать его еще раз. Дойдя до «раздвинь мои губы», я пожалел, что рядом нет Веры (я бы раздвинул ей губы, причем обе пары), но, уткнувшись в «кладбище», в который раз призадумался. В конце концов, не будем же мы с Верой заниматься этим прямо там? То есть, это же нереально. В лифте, в кинотеатре – еще ладно. Но на кладбище? Среди могил?

К тому же, сейчас осень на дворе, и погода совершенно не располагает к таким забавам. Поэтому кладбище наверняка лишь прелюдия для создания, так сказать, атмосферы.

Потом мы отправимся куда-нибудь в теплое местечко, где и сделаем то, о чем говорилось в записке.

Подобное развитие событий и особенно финал меня вполне устраивали. Только я прекрасно знал, что легко и просто с Верой никогда не бывает. У нее всегда что-то на уме, и для пущей верности мне следовало бы связаться с Дёней и попросить у него совета.

Связаться? Но как? Через Толика это сделать довольно сложно: дома он практически не бывает, номера его сотового я не знаю. Да и портить Верин сюрприз, в котором, как явно вытекало из письма, третий лишний, было бы глупо.

Промаявшись с этими тревожными мыслями до вечера, я все же сделал часть заданных уроков, в перерыве между просмотром MTV, и даже немного прибрался в квартире. В половину одиннадцатого я окончательно определился. Одевшись в старые джинсы, рубашку, джемпер и потертую темно-зеленую фланелевую куртку, я с нетерпением вышел из дома. На улице уже стемнело, вдалеке одиноко гудели машины, из чьего-то окна доносился плач ребенка. Осень холодным и влажным дыханием лизнула меня в лицо – я чихнул и поправил шарф. Прохладно.

До места встречи, было двадцать минут ходьбы по темным и опасным переулкам или около получаса — по центральной хорошо освещенной улице. Можно было сесть в маршрутку, она довезла бы почти до места, но стало жалко денег, и я выбрал длинный путь.

Разросшийся комплекс капитальных гаражей полностью закрывал собой кладбище. Он утопал в облысевших ветвистых деревьях, верхушки которых чернели в пасмурном ночном небе. Сделав несколько шагов вперед, я в нерешительности остановился. Справа от меня стоял покосившийся деревянный забор, за ним высился кран, покинутый экскаватор, и горы керамзита. Слева — охраняемая территория с железной двухметровой оградой и колючей проволокой. Я находился метрах в пятидесяти от жилых домов, огни которых еще можно было разглядеть, если повернуть голову вбок или развернуться спиной к кладбищу.

Стало жутковато, но немного успокаивало то, что где-то рядом были люди. Ведь наверняка, какой-нибудь водитель засиделся в своем гараже, а на охраняемой территории есть вооруженный сторож. Само кладбище тоже вряд ли пустует. Наверняка там бомжи, какие-нибудь сатанисты или просто бесстрашный люд, который любит втихаря пощекотать себе нервы. Да уж... в таком случае лучше блуждать в одиночестве. Невольно вспомнились слова Дениса «...или вообще в живых тебя не будет».

Я дошел до гаражей и повернул налево, идя вдоль железнодорожной линии. Вскоре постройки закончились, и показалось кладбище. Оно находилось среди деревьев, метрах в двадцати от меня. Осталось пройти высоченную, по грудь, мокрую траву, и я на месте. Единственное освещение – желтые и белые фонари возле охраняемой территории позади меня. Что дальше?

Одинокий ветер покачивал ветви деревьев с редкой листвой, отчего те скрипели и стонали. Сверчки исполняли свои ночные серенады. От любого подозрительного шороха сердце рвалось наружу. Но обидно было уходить ни с чем, и я ступил на кладбищенскую землю.

Перед тем как войти в траву, я огляделся. Глаза, за тридцать (или сколько там) минут привыкшие к полумраку, выхватывали из пустоты мутные образы: покосившиеся деревянные и металлические кресты, пеньки спиленных деревьев, которые походили на злобных псов, недостроенные гаражи из белого кирпича. Хуже всего дело обстояло с березами, которые здесь росли в большом количестве – их ветви были неразличимы в темноте, зато стволы казались человеческими силуэтами. Мутные образы расплывались во мраке, а у меня, как назло, хватало фантазии представить, что это кто-то крадется ко мне, да к тому же стонет и подвывает на ходу. Ё-моё, Вера! Где ты?

И тогда я увидел.

Слева, возле усеченной пирамидки военной могилы, сразу за кустами полыни ярко вспыхнул и заполыхал деревянный крест. Несмотря на всю сырость и промозглость, он

горел ярко. На душе полегчало. Скорее всего, там меня ждет Вера! Добежав до креста, я остановился в нескольких метрах от него и закричал, что есть сил:

ВЕРА, Я ЗДЕСЬ!!!

Даже сверчки на мгновение замолчали, а деревья обратили на меня внимание. Я испугался собственного голоса, но было поздно. Теперь не только Вера знает, что «я здесь». Стало хуже, чем прежде. Пересохло во рту. Хотелось плюнуть на все и убежать из этого жуткого места прочь, но не моглось – я стоял, как вкопанный.

С трудом взяв себя в руки, я унял начинающуюся в коленках дрожь и внимательно осмотрелся. Рядом со мной, за острой оградкой, возвышалась мраморная плита, у подножья которой горела свеча. Я открыл калитку и прошел внутрь. На скамейке стояла бутылка с прикрепленной к ней запиской. Поднеся к ней зажигалку, я прочитал:

«По крестам вороны скачут,

Мальчик хочет, мальчик плачет,

Никого он не найдет,

Как заплачет, так умрет!»

Тварь! Почему она издевается надо мной? Обидно до жути – я приперся сюда ради нее, можно сказать, жизнью рисковал, думал хоть что-то получу взамен, а тут такое наплевательское отношение.

Твою мать! Я увидел, что написано на надгробии:

ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ СЫРОМЯТОВ

26.02.1982 - 23.10.2000

Мое имя, день моего рождения и дата смерти – сегодняшнее число. Сколько можно терпеть такие надругательства над собой? Схватив в руки бутылку, я со злости хотел разбить ее о могилу, но во время заметил еще одну надпись на самой этикетке:

«Чтобы стало веселее,

Захвати с собою зелье,

И испей его скорее,

Чтобы ночь была больнее».

На глаза наворачивались слезы. Эта Верочка – сука! Что она вытворяет?! Нет, не зря мне советовали от нее избавиться.

Содержимое бутылки пахло водкой. На свой страх и риск я глотнул из горла и сморщился. На самом деле водка. Причем не очень-то качественная, судя по резкому привкусу. Ничего, поди, стерплю. Обтирая рукавом губы, я громко закашлялся и потому не сразу услышал шорох позади меня. Резко обернувшись, я прислушался.

С минуту не раздавалось никаких подозрительных шумов, а потом за высокой мраморной плитой, в кустах раздался треск, и кто-то, ломая ветки, устремился ко мне. Разум отключился, и мной полностью завладел панический ужас.

Рванувшись за пределы могилы, я поскользнулся и упал в лужу, чуть было не напоровшись на оградку. Боясь даже оглянуться, я вскочил на ноги и ринулся в высокую траву. Достигнув рельсов, я споткнулся о них и рухнул наземь, больно ударившись локтем. Судя по запаху, я забрызгал себя водкой, но бутылку не разбил. Поднявшись опять, я пулей вылетел с территории кладбища и бежал до самой остановки. На мое счастье, к ней как раз подъезжала совершенно пустая маршрутка.

Усевшись в автобус, я еще долго таращил глаза в черноту за стеклом, высматривая, нет ли за мной погони. Сейчас я, наверное, сам напоминал того, кого боялся увидеть на кладбище — неопределенного серо-зеленого цвета лицо и глаза навыкате, да еще и с бутылкой в руке. Водитель, тем не менее, не удивился — видимо, и не таких приходилось подвозить в столь поздний час. По дороге домой я то и дело прикладывался к бутылке.

Руки тряслись то ли от выпитого, то ли от пережитого на кладбище, и ключ никак не хотел лезть в замочную скважину. Наконец, дверь открылась, и я с вздохом облегчения

ввалился в квартиру. Возле подъезда я умудрился ступить в канаву, отчего промокли кроссовки. Я разулся, кинул куртку на пол, джемпер — на холодильник и отправился в душ и вскоре уже наслаждался потоками горячей воды. В голове пульсировала восхитительная пустота, и я даже незаметно задремал, прислонившись к стенке.

Что меня напугало, я понял не сразу. Из комнаты доносилось еле слышное позвякивание и заунывный вой наподобие звука шотландской волынки. Временами раздавались трубные, низкие стоны неизвестного мне инструмента.

– Вера? – сдавленно крикнул я.

Никто не отвечал. Покачиваясь и не выпуская душ из рук, я отдернул занавеску.

Моей одежды не было на месте. На крючке возле двери висел черный длиннополый халат с капюшоном. Он был из плотного, тяжелого материала и, на самом деле, больше смахивал на балахон.

Взгляд скользнул вниз – я выронил душ, и меня чуть не стошнило на шторку. Возле халата, на стиральной машине, стоящей у двери, лежал красно-черный кусочек мяса, а сама машина была обильно забрызгана кровью. В глазах чуть прояснилось, и я понял, что это отрубленная голова курицы. Точнее, петуха, черного петуха. Наверное, мое лицо в ту секунду приобрело цвет ванны или, пуще того, слилось с полупрозрачной шторкой.

– BEPA!! – опять выкрикнул я и вылез из душа.

А может, это вовсе не Вера? Неужели она способна на такое? «...сойдешь с ума или вообще в живых тебя не будет...». Опять Денис – как в воду глядел.

Я принялся поспешно одеваться. В капюшоне рясы (да, это точно называется рясой) я обнаружил записку:

«Одевай балахончик,

Да накинь капюшончик,

И скорее, мой мальчик,

Прыгай ко мне».

Свихнулась, долбанутая эта Вера. Совсем голова не варит. Но все-таки, это была она, я узнал ее почерк.

Мне следовало бы выбросить рясу и как есть, в чем мать родила, протопать в комнату, чтобы задать Вере хорошую взбучку. До этого момента я даже не думал, что у меня может рука подняться на кого-то, тем более, на девушку. И лишь слова Дениса, звучащие у меня в голове, не позволяли мне так поступить. Думаю, он не зря настаивал, чтобы я выполнял все указания Веры. Возможно, в конце всех этих злоключений меня ждет что-то важное.

Меня постепенно отпускало, и я решил, что досмотрю этот спектакль до конца. По крайней мере, я знаю, что это всего лишь игра, и мне ничто не угрожает.

Надев рясу, как просила Вера и, скрыв лицо каппошоном, я, покачиваясь, пошел в комнату. Идти было тяжелей, чем казалось вначале. Каждый шаг давался с трудом, в глазах двоилось, троилось и даже четверилось. Странно, я, вроде, не так много выпил. Все, с паленой водкой завязываю.

У самой двери, которая сейчас была занавешена черной, как смоль, портьерой, к косяку была прибита последняя записка с наставлениями:

«Прежде, чем ступить к алтарю, убедись, что ты готов сделать этот шаг».

Я, пожалуй, даже переготовился.

«Надень на шею амулет Бафомета, соберись. Все будет в порядке, если ты будешь действовать, как тебе подсказывают инстинкты».

Мои инстинкты, в частности мой любимый – самосохранения, подсказывали, что лучше туда вообще не соваться.

«Не разговаривай. Когда потребуется повторить ритуальные слова — тебе подадут знак, когда наступит твой черед, прочитай следующее...»

Мой черед еще не наступил, поэтому текст я читать не стал, тем более, буквы расползались слово тараканы по стене, да удерживаться на ногах стоило определенных усилий. Амулет висел на гвоздике, которым прибили записку. Я нацепил его на шею.

На какую-то секунду меня вдруг позабавило происходящее: кладбище, полночь, горящие кресты, отрубленная петушиная голова, балахон и прочая дурацкая атрибутика. Общество юных сатанистов, ей Богу. Усмехнувшись, я шагнул за портъеру.

Глава двенадцатая

ОБЩЕСТВО ЮНЫХ САТАНИСТОВ

Черт возьми, что здесь происходит?!

Перемены в моей комнате сразу бросались в глаза. Алое, как гроб, покрывало кровати, комод, сундук с телевизором, зеркало и даже маятниковые часы – все было усеяно мириадами мерцающих огоньков. Язычки пламени извивались в такт потусторонней, заунывной музыке. Казалось, что они висят прямо в воздухе, не соприкасаясь с другими предметами. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это всего лишь свечи.

Остальные источники света — огни улицы, луну — наглухо закрывала тяжелая смоляная портьера на окне, точно такая же, как та, что висела на входе в комнату. Свечи были неестественно черного цвета, оттого я и не заметил их сразу. Одна единственная белая свеча стояла на табурете справа от кровати. На табурете слева стояла внушительных размеров черная свеча.

В комнате никого не было. И моей комнатой ЭТО уже нельзя было назвать. Обстановка изменилась до неузнаваемости отчасти из-за мерцающих огней, отчасти благодаря Вериному оформлению. Обои были исписаны надписями на латыни. Некоторые из них были мне знакомы из гистологии по разделу «половая система», а о смысле других вроде "Ave Satanas" или "Domini inferni" было не сложно догадаться. Шифоньер украшал большой, в человеческий рост, черно-желтый плакат, где на мускулистом, прижавшемся к земле, зубастом монстре в соблазнительной позе сидела обнаженная девушка. Стройная, подтянутая, с аппетитной грудью и выразительными глазами она словно живая смотрела на меня и даже могла сойти за копию Веры, если бы не ее темные волосы, когтистые лапы и огромные черные крылья за спиной.

Еще я увидел крест, свисающий с люстры и зеркало, в котором отражался алтарь жертвоприношений. Вернее, кровать с алым покрывалом, очень похожая на него. На стене над кроватью красовалась перевернутая пентаграмма вроде той, что хранил мой амулет. Во все пять лучей пентаграммы была вписана фигура человека, а из ее середины выглядывала скалившаяся голова козла. Отражение меня самого в черной рясе с пьяной физиономией удачно дополняло общую картину. Оставалось лишь добавить: «Итак, адепт Павел, ты вступил в наши ряды. Теперь докажи свою верность Сатане». Я криво усмехнулся.

ШЕМХАМФОРАШ!

Удар гонга.

От неожиданного звука, испугавшего меня, я на секунду замираю. Стучит сердце и учащается дыхание. Так бывает, когда в темном и пустом помещении вдруг слышишь громкий звук или замечаешь какое-то движение. Несколько мгновений не понимаешь что или кто это, в кровь впрыскивается адреналин, мышцы напрягаются. «Опасность! Опасность!» – семафорит мозг.

И вот я вижу Веру, медленно вышагивающую из-за шифоньера. Она повторяет незнакомое слово и ударяет рукояткой длинного узкого ножа по гонгу, который держит в левой руке. Повернувшись ко мне лицом, она дает разглядеть себя во всей красе. Ее волосы распущены и немного растрепаны, в зеленых ведьминых глазах светлячками отражается пламя свечей. На шее красуется дьявольский амулет очень похожий на мой. Вера кажется

более смуглой, чем обычно, хотя, возможно, все это игра света. С ее плеч до бедер свисает полупрозрачная накидка, откровенная и изысканная, едва прикрывающая подтянутые девичьи груди. Соски темными точками проступают за молочно-бледной тканью накидки. Мерно покачиваясь в такт ее глубокому дыханию, они идеальны. Мне хочется прикоснуться к ним, попробовать их на вкус, отдать им свою ласку.

Но аккуратно подстриженный темный треугольник, виднеющийся через единственный атрибут нижнего белья, пробуждает во мне куда более сильные желания. Я ощущаю, как во мне зреет новая, животная сила. Пока она еще только просыпается, но скоро мне будет трудно с ней совладать.

Взгляд скользит по Вериному телу вниз, и я вижу стройные ничем не прикрытые ноги, черные блестящие туфли на шпильке — немного вульгарные, но в то же время подчеркивающие ее женскую природу. На них она на полголовы выше, чем обычно.

Идет.

Медленно.

В такт странной музыке. Грациозными шагами приближается ко мне.

ШЕМХАМФОРАШ!

Пронзительный звон в ушах. Вера отбрасывает еще звенящий от удара гонг и устремляет нож вверх. Выглядит он довольно угрожающе.

– Во имя Сатаны, Правителя земли, Царя мира сего, я призываю силы Тьмы поделиться своей Адской мощью со мной! – громко провозглашает она.

От этого спектакля мне смешно и дурно одновременно. Дурно больше. Давящая музыка, духота, недавний испуг подталкивают водку к горлу. Я чувствую слабость в теле. На какие-то несколько секунд окружающее превращается в одно мутное пятно, словно я смотрю на все из под воды. Пытаюсь сфокусировать взгляд.

– Откройте шире врата Ада и выйдите из пропасти, дабы приветствовать меня как вашу сестру и друга! Дайте мне милости, о которых прошу!

Лицо Веры напряжено, игра теней делает ее похожим на каменное изваяние. Очень соблазнительное и в тоже время недоступное изваяние.

– Имя твое я взяла как часть себя! Я живу подобно зверям в поле, радуясь плотской жизни! Я благоволю справедливости и проклинаю гниль! Всеми Богами Бездны я заклинаю все, о чем я испрашиваю, произойти! Выйдите же и отзовитесь на ваши имена, сделав явью мои желания! – перекрывая музыку кричит Вера. – Услышьте же имена!

В голове каша, гул. Речь Веры – полная бессмыслица, но звучит она довольно убедительно. Я невольно внимаю каждому ее слову, жесту, борясь с недомоганием, все сильнее возбуждаюсь, глядя на нее.

- Валаам Евронимус Риммон Азазель, скороговоркой произносит Вера. Воздух кажется вязкой жижей, оседающей у меня в легких.
- Плутон Λ окил Θ циферCет, еще быстрее бормочет она. Я не свожу взгляда с ее вызывающе открытой груди, голых ног.
 - ПанАбаддонШайтанАсмодей.
 - Па...шай, едва слышно откликаюсь я. Хочу дотронуться до нее.
 - РиммонАстартаВельзевулНергалО-яма.

Отклонившись назад, отталкиваюсь от стены. Перед глазами прыгают разноцветные зайчики. В музыку вплетается хор голосов. Я встряхиваю головой, и капюшон падает мне на глаза. Несколько мгновений, пока я поправляю его, ничего не видно. Вера, не замечая моих неуклюжих движений, продолжает:

– ЛилитлЮцеферБегеритО-яма...

Я, наконец, откидываю капюшон и опять вижу Веру.

- ...Вил? – говорит она, словно спрашивает о чем-то.

Вил-вил. Делаю шаг в ее сторону. Она же, покончив с именами, поворачивается ко мне спиной, а лицом к зеркалу. Меня это ничуть не смущает. Еще шагаю. Покачиваюсь.

На полу возле зеркала стоит серебристый кубок с прикрепленной к нему табличкой с надписью. Вера наклоняется, предоставив мне любоваться приятными округлостями ее ягодиц и тонкой розоватой полоской ткани меж ними, прикрывающей самое сокровенное. Только я протягиваю к ней руки, как Вера выпрямляется уже с кубком и, закрыв глаза, пьет из него какую-то пузырящуюся жидкость, после чего дает кубок мне.

Теперь-то я вижу, что на табличке красная, словно сделанная кровью, надпись от руки:

КУБОК ЭКСТАЗА

В горле сухо, поэтому выпить чего-нибудь не помешает. Беру кубок. Захлебываясь и проливая жидкость через край, жадно осущаю его до дна. Приторно сладкий, слегка отдающий синтетикой и лекарствами, напиток бьет в нос – я морщусь. Он мне что-то напоминает, но вспомнить что именно сейчас выше моих сил. Поначалу у меня спирает дыхание, перед глазами идут круги. Проходит минута-другая, Вера ждет. В теле мало-помалу появляется какая-то неземная легкость. Наверное, в этом и заключается экстаз. Я чувствую себя намного лучше, голова потихоньку проясняться, а животные инстинкты, окончательно пробудившись во мне, теперь уверенно упираются в плотную ткань балахона.

Возвращаю кубок Вере. Она ставит его на пол и, подойдя к кровати, манит меня пальчиком к себе. Иду к ней. Она укладывает меня прямо в балахоне на кровать, расправляет мне руки в стороны и припадает к моим губам в страстном поцелуе. Наконец-то! – думаю я, с готовностью отвечая ей тем же. Кружится голова, тягучая музыка уносит меня куда-то вдаль. Я не знаю плохо мне или хорошо, но так необычно я себя еще никогда не ощущал. От пламени свечей, мельтешащего по бокам, и давящего полумрака немного рябит в глазах. Я закрываю их и растворяюсь в Вериных объятиях и ласках. Она скользит по моему телу, гладит его и вдруг резко поднимается.

Дергаюсь за ней следом и обессилено падаю обратно.

Руки и ноги расставлены в стороны, они крепко привязаны к кровати.

– Черт возьми! Вера! – от неожиданности вскрикиваю я.

Она бросает на меня насмешливый взгляд и отворачивается к окну. Медленно, зомбированно, не обращая внимания на мои трепыхания, она вытягивает вперед правую руку с ножом и произносит:

– Сатана, восстань из огня!

Вырваться не получается, веревки крепко стягивают мои конечности. И чем больше я дергаюсь, тем сильнее они впиваются в суставы. Повернувшись в сторону зеркала, Вера продолжает:

– Люцифер, явись перед нами!

Колышется огонь свечей, Вера делает еще один поворот против часовой стрелки:

- Белиал, да изрыгнет тебя Земля!
- И, наконец, развернувшись в мою сторону:
- Левиафан, предстань из морских глубин!
- Вера, хватит!.. кричу я в ответ, но осекаюсь.

Плавным движением она подносит нож ко рту и, не отводя от меня взгляда, проводит языком по лезвию. Надеюсь, появившаяся на ноже кровь – всего лишь плод моего воображения. К горлу подступает тошнота. У нее что, совсем крыша едет? По Вериному лицу блуждает непонятная улыбка. Она присаживается на край кровати и подносит нож ко мне. Очередные слова возмущения застревают в горле – судя по всему, следующая кровь будет моей. Я напряженно наблюдаю за медленным путешествием лезвия ножа от кончиков пальцев моей правой руки по запястью вниз. Пока он только скользит по рукаву балахона, не оставляя ни следов, ни боли. Но с Веры станется. Зная ее причуды, я не уверен, что этим все и закончится.

Вслед за ножом Вера ведет по мне рукой, поглаживает, пощипывает, догоняет нож, надавливает на него сверху, но тут же отпускает, отводит руку назад. Она наклоняется ко мне

и, не прекращая опасной игры, начинает покусывать руку, больно даже через балахон. Как змея вползает на меня и садится сверху. Давление ножа, скользящего то вниз, то вверх по балахону на груди, становится все ощутимее.

- Ве-е-ра... предостерегающе шепчу я.
- Типп... прикладывает она палец к моим губам.

Хмурюсь, и она вдруг крепко зажимает мне рот.

 $-M_{MM}!!!$

Нож резко уходит вниз, с треском вспарывая ткань. Я дергаюсь, пытаюсь скинуть Веру с себя. Она же с горящими от возбуждения глазами, с взлохмаченными волосами, налегает на меня, впивается коленками, словно шпорами, в бока, и, не отпуская мне рот, ловко поддевает ткань и неспешно рвет ножом балахон.

– Предстань предо мною, о великое отродье Бездны, и яви свое присутствие. Все мысли устремила я на раскаленный шпиль... – шепчет она, нож мелькает совсем близко от моего шпиля, который, на удивление, гордо смотрит вверх, невзирая на грозящую опасность, – что светится вожделением, присущим мгновениям его увеличения, и страстно вырастает в своем набухании.

Она вжимается в меня так, что становится трудно дышать. Трется всем телом, режет ткань, умудряясь не поранить и не пораниться, кусает, карябает меня. Каждый изгиб, каждая округлость ее девичьего тела выхватывается огоньками свечей из темноты.

– Пошли же вестника чувственных наслаждений и облеки непристойные проекты моих темных желаний в форму будущих деяний и поступков. С шестой башни Сатаны да пребудет знак, что воссоединится с теми, что пылают внутри и подвигнет плотское тело, возжеланное мною.

От балахона остались одни лохмотья, я лежу почти голышом. Накидка с Веры уже давно сползла. Ее звериные ласки становятся все чувственнее и оттого приятнее, а бормотание начинает казаться чем-то само собой разумеющимся.

 Идите же в пустоту ночи и пронзите сей разум, что ответствует мыслями, ведущими к преданию развратом.

Произнеся эти слова, Вера бросает на меня вопрошающий взгляд и разжимает мне рот. В воздухе повисает пауза. Вера смотрит на меня. Она чего-то ждет.

А! Нож больно утыкается в бок. Мой черед? Я тянусь к ней губами, но она опять тыкает меня ножом. Чего прицепилась-то? А! Текст, она ждет от меня текста.

- Мой скипетр пронзает, неуверенно говорю я и смотрю на Веру. Она кивает.
- Мой скипетр пронзает! говорю я немного громче. Роль темного жреца выходит у меня, откровенно говоря, неважно. Я чувствую себя овцой, на которую какой-то шутник натянул волчью шкуру.

Вера опять кивает. Молчу. Полностью бумажку я не читал, поэтому, что говорить дальше, не знаю.

- Пронзающая сила моей злобы... едва слышно подсказывает Вера. Ее серьезное выражение лица никак не вяжется с белибердой, которую она произносит.
 - Пронзающая сила моей злобы... как попугай, повторяю я.
 - Да разрушит святилище сей души...
 - Да разрушит святилище сей души…

На моем лице расплывается улыбка. Полуголая Вера сидит на мне, распятом на кровати как на кресте, и суфлирует какое-то сатанинское заклинание. Сбоку свечи на табуретках, сверху пентаграмма. Расскажи кому, никто не поверит.

- ...души коей не достает вожделения!

От театрально-устрашающего голоса Веры становится еще смешней.

- Души! повторяет она. Коей не достает вожделения!
- Души, не выдержав, фыркаю я. А-а-ай! Вожделения!

Нож с силой утыкается мне вбок. Идиотка! Так ведь и проткнуть не долго.

– И, как сеется семя, – наклонившись ко мне, говорит Вера.

Да ну тебя! Поиграли, надо бы и делом заняться

- И, как сеется семя, повторяет Вера, нож впивается в бок все сильнее.
- Сеется-сеется, мученически упрямясь, говорю я.
- И, как сеется семя!

А-а-ай, больно же! Вот заладила.

И, как сеется... семя!

Ладно, будь по-твоему. Поиграем еще пару минут, а потом уж никакие веревки меня не остановят. Изобразив покорность, я говорю:

- И, как сеется семя.
- Так ее фантазии...
- Так ее фантазии...
- Да закружат сей разум, оцепеняя его до беспомощности сообразно моей воле!

Я в точности повторяю все ее слова.

- Во имя великого бога Пана да предстанут мои тайные мысли в виде движения желанной мною плоти! Шемхамфораш! громко и быстро произносит Вера. ПАМ! И наклонившись к полу, бъет по гонгу.
- Во имя великой Шлюхи вавилонской, и Лилит, и Гекаты да будет мое вожделение удовлетворено! Шемхамфораш!

Она накидывается на меня с такой силой, что все ее прежние ласки просто меркнут в свете новых ощущений. Дальше все напоминает лишь сон, во время которого происходящее видится мне каким-то кусками, вырванными из общей картины. Вот красное покрывало кровати, смятое нашими телами и мокрое от нашего пота. Вот безумный взгляд ее широко открытых глаз, мой язык внутри нее. Вот развязанные Верой веревки, мои освободившиеся руки и пальцы, ласкающие ее твердые соски, вот ее острые ногти, царапающие мою грудь. Картинка вращается, удаляется, пропадает, снова приближается. Теперь Вера уже подо мной, ее ноги на моих плечах, и мы двигаемся с такой силой, что скрипит кровать. Кто победит?

Во время этой борьбы в постели Вера требует несвойственной мне жесткости. Просит унижать ее, то и дело повторяя «Трахни меня, как суку!», «Сделай мне больно!» или «Порви меня!». Своими длинными острыми ногтями она прокладывает все новые борозды на моей спине, больно, но не до крови, впивалась зубами в мое тело. Уткнувшись в мою мокрую шею, она сдавленно кричит, умоляя, чтобы я вывернул ее наизнанку. Что мне еще остается делать?

Я стараюсь, как могу, но ей не нужны мои половинчатые старания. Видимо, не проснулся еще во мне тот зверь, которого хочет видеть Вера в эту ночь.

В конце концов, когда часы бьют четыре утра, я сдаюсь и в изнеможении падаю на кровать. Свечи уже давно выгорели, а я этого даже и не заметил. Вере, похоже, все мало, и она еще некоторое время терзает мою выдохшуюся плоть, но вскоре прекращает это бесполезное занятие.

«Курить, что ли, бросить? Иначе не видать мне настоящего секса», – мелькает в голове тревожная мысль.

Итак, свершено! – раздается рядом Верин торжественный голос.
 И я засыпаю.

Дзи-и-инь! – противно заверещал звонок. Я открыл один глаз. Дзи-и-инь!

Кого еще там принесло? Вера лежала под одеялом, в моих объятиях, и я не на шутку разволновался, что это пришли Толик с Денисом, решившие так не вовремя меня навестить. Главное, успеть к двери раньше Веры.

Осторожно отодвинув свою любимую, я не почувствовал ее веса. «Любимая» была легче перышка. Дзи-и-инь!

Сдернув одеяло с Веры, я обнаружил противную, губастую резиновую куклу, чьи руки и ноги торчали в разные стороны, а на пышных грудях красовались блиновидные ареолы сосков. Не считая призрачного запаха отторевших свечей, в комнате было чисто. Никаких плакатов, надписей на стенах, свечей – все как прежде. Кукла – это единственный намек на вчерашнее безумие.

Я брезгливо отодвинул ее. Дзи-и-инь!

- Да иду, блин, иду! крикнул я, поднимаясь с кровати, и почувствовал еще один намек, болезненно ноющий между ног.
 - Вставай, вставай, вставай! бубнил Толик из-за двери.

Я открыл дверь, а он, потеснив меня, прошел в прихожую и глянул в зал.

- Ну ты куда? возмутился я такой наглости.
- Ты бы для начала трусы одел, Пашок, поджав губы, заметил Толик. Совсем тебя Верка затаскала на учебу опаздываешь!

Быстро ретировавшись в комнату, я одел трико. Мда, торможу.

Но с ним-то что? Можно подумать, я в первый раз опаздываю на занятия. Тем более, Толик, насколько мне помнится, никогда не беспокоился по поводу учебы. Школа воспитала у него стойкое отвращение к любому виду академических знаний. Может, он решил исправиться и взять надо мной шефство?

- Чё там у вас вчера было? спросил Толик, спускаясь по лестнице впереди меня.
- А ты откуда знаешь?

Пошатываясь, я семенил за ним. Чувствовал я себя неважно.

- Разведка, чё хочешь! А если серьезно, мы с Дёнькой вчера Верку видели. Едем к тебе, глядим, она по дороге прётся, прикинь да?
 - И? спросил я, пытаясь прикурить на ходу.
 - Чё, «и»? Прётся, а в руках две здоровущие сумки со всякой лабудой тащит.
 - Какой лабудой?
- Да всякой. Двухлитровая бутыль колы, ноги, кажись, от манекена, курица черная, какая-то ваза в пакете и огроменная куча свечей. Только не говори, что вы колу при свечах хлебали, извращенцы!

Перед глазами возник образ серебристого кубка с надписью.

- Похоже, хлебали.
- Гы! недоверчиво ухмыльнулся Толик.
- А как вы это в сумках-то углядели? спросил я.
- Дык, просто. Она чуть ко мне под колеса не попала. Уронила сумки от испугу, видать, а барахло-то все и вывалилось.
 - Она вас видела?
- Это навряд ли. Было темно, а ее еще фарами слепило. Она просто стала свои манатки сгребать, даже к нам не повернулась.
 - А твои номера? Ведь, наверняка, она их еще помнит.
- Ни фига, ей не до того было, она так озабоченно шмотье собирала. Дёня еще фафакнул разок. Я сначала в лоб хотел ему дать, а когда понял, что он прикалывается, простил, обрулил ее по-быстрому. Чё зря девку-то пугать?

Мы уже вышли из подъезда и подходили к Толиковой девятке. На переднем сиденье справа вольготно развалился Денис. Ноги он положил на приборную доску, руку с дымящейся сигаретой высунул в форточку. Быстро же он освоился.

Сегодня было тепло, светило солнце, поэтому он оделся в серые джинсы и свободную зеленую кофту с большими круглыми дырками по всей груди. Нет, дырки не от изношенности – кофта была новая. Просто модель такая. Увидев нас, Дёня оживился.

– Ноги! – грозно скомандовал Толик.

Тот поспешно принял сидячее положение. Ага! Значит, не так уж и освоился.

– Еще раз закуришь в салоне, бычок затушу прямо в глаз, – предупредил мой одноклассник и залез внутрь.

Деня быстро выбросил недокуренную сигарету, я последовал его примеру и влез на заднее сиденье.

- Про Веру рассказал? обратился Денис к Толику.
- Ага, ответил тот и повернул ключ в замке зажигания. Машина заурчала.
- -M5
- Я те чё, секретарь? Возьми да сам у него спроси!

Денис повернулся ко мне.

- Вам как, все по порядку? съязвил я.
- Давай! хором ответили они, и машина рванула с места.

Упомянув Верину записку, я рассказал им о приключении на кладбище и вкратце, без интимных подробностей, о сатанинском ритуале. Но Дёне с Толиком и этого хватило. Они смотрели на меня завистливыми взглядами, хотя старательно делали вид, что ничего особенного в моей истории нет.

- − Говоришь, так и орала «трахни меня, как суку»?! вдруг спросил Толик. А ты чё, ничё не сделал?
 - Да сделал, но...
- Не-е-е, тут я бы ей всадил по самые помидоры, мечтательно заявил он, следя за дорогой. Такой случай! А ты лопухнулся.

Я хотел было опять возразить, но Денис опередил меня:

- Не всадил бы.
- Чего? Толик угрожающе посмотрел в его сторону.
- Не всадил бы, говорю. Уверен, что тебе она такое не устраивала.
- Не устраивала, нехотя подтвердил Толик. Наверное, он посчитал это камнем в свой огород. Зато другое устраивала.
- Правильно! сказал Денис. Другое. То-то и оно. У Паши одного недостает, у тебя другого. Все мы с дефектами, по ее мнению. И играет она соответственно.
 - Чё у меня еще там недостает? Все у меня на месте.
- Да на месте, на месте. Дело не в этом. Я просто пытаюсь найти логику в ее поступках. Почему с Пашей она ведет себя именно так, а с нами вела себя совсем иначе.
 - Какую на фиг логику? раздраженно буркнул Толик и прибавил газу.

Мне наоборот стало интересно. Я даже наклонился вперед, ожидая услышать чуть ли не откровение.

– Не знаю пока. Есть некоторые идеи, но... всему свое время.

Чтобы немного прояснить ситуацию, я спросил:

- А в чем мы дефектные?
- В разном, задумчиво сказал Денис. Может, он побаивается говорить при Толике? Не поймет, еще того и гляди, на грубость нарвешься. Неудачные особи, одним словом.
 - Кто? быстро отреагировал тот.
 - Особи неудачные.

Денис осекся, но через мгновение его лицо приняло привычное самоуверенное выражение, и он усмехнулся:

- Помните, я про куклу говорил? Так вот, пеленала она, воспитывала нас, кукол, но все без толку. Поэтому и выкинула. Точно! Все мы выкидыши Веры.
- Дура она, подытожил Толик, бросив мимолетный взгляд в мою сторону. O! вдруг воскликнул он. Чё это ты еще нацепил?

Удерживая руль одной рукой, он ткнул пальцем мне в грудь.

Я совсем не заметил, что у меня на шее вместо цепочки болтается вчерашний амулет.

- Бафомет! - воскликнул Денис и протянул руку.

– Он самый.

Я снял амулет с шеи и передал его Денису. Вертя его в руках, он посмотрел его на просвет и даже попытался прочесть надписи на обратной стороне.

- Ну, и зачем он? со скукой спросил я.
- Раньше его использовал Орден Тамплиеров для представления Сатаны.

Мы с Толиком переглянулись. И откуда он все знает?

- Дёнь?
- A?
- Это что же, ритуал настоящий был?
- Да ну, ерунда, ответил Денис, продолжая рассматривать амулет. Интересно, где она его взяла?.. да знак на западной стенке... отрешенно пробормотал он.

Я продолжал вопросительно смотреть на Дениса. Он насупился и пояснил:

- Она тебе устроила имитацию ритуала сексуального приворота. Но вы и так с ней спите, поэтому я делаю вывод, что она преследовала другие цели. Да и сатанисты вы, мягко говоря, ненастоящие. Кроме того, сатанинские ритуалы не исполняются под тибетскую храмовую музыку.
 - -VarP
 - У тебя играла запись церемонии секты Друп-пе-ка-гуи. Известная вещица.
 - А ты откуда знаешь?
 - 3наю.

Черт, да откуда он все это взял? По моим описаниям точно не догадался бы.

– Хочешь услышать мое мнение? Ты видел лишь жалкую пародию, списанную с книжки. Я собственноручно нашел ее в Интернете и распечатал Вере, когда мы с ней еще встречались.

Мы с Толиком ошалело посмотрели на него. Толик спросил:

- Не понял! Так это ты учил ее такой фигне?
- Ну, что ты в самом деле, Толик, учат в школе. Разве можно учить любимого человека? Можно только воспитать в нем какие-то определенные интересы.
 - Воспитатель хренов! Отдуваться-то теперь Пашке.

Дёня промолчал. Покрутив амулет в руках еще несколько секунд, он буркнул что-то типа «а, все равно ненастоящий» и отдал его мне. Я сунул Бафомет в карман и уставился на дорогу.

Толик умело управлял машиной, но постоянно превышал скорость. Я специально следил за знаками. Поднявшись в гору, мы завернули у Дома книги, пронеслись мимо Оптового центра и вскоре повернули к Областному департаменту статистики.

- А имеет ли хоть какой-то магический смысл Верин ритуал? заинтересованно, но не без иронии, спросил я Дениса.
- Сомневаюсь. Вообще, слабо верится в такие вещи, но даже, если они возможны, Вера совершила ряд принципиальных ошибок. Подозреваю, что она допустила их для большей зрелищности.

Денис, похоже, многое недоговаривает, подумал я. Темная личность.

- У тебя, Дёнь, наверно, тоже, не все дома, высказался Толик. С чего это ты вдруг сомневаешься, что такой маскарад полная туфта.
- Толик, мир сложен и многолик, поучительно и с напускной усталостью в голосе заметил Денис. Прочти или, на худой конец, попроси кого-нибудь пересказать тебе биографию основателя официальной церкви Сатаны, Антона Шандора ЛаВея. ⁵ Это он придумал все тонкости проведенного Верой ритуала. Тогда поймешь, в чем дело. Если его заклинания не действуют, то как объяснить тот факт, что все его враги трагически уходили из жизни? Слишком много совпадений. Слишком!

⁵ Anton Szandor LaVey (настоящее имя Говард Стентон Левей) – является основателем официальной церкви Сатаны в США в 1966 году, а также автором всемирно известной «Сатанинской Библии» (1930-1997).

- Да, киллеров чувак нанимал, и все дела, у Толика было свое мнение на этот счет.
- Нонсенс, похоже, Дениса совсем не интересовал криминал.

Я задумался на секунду и задал еще один мучавший меня вопрос:

- Денис, а что означают слова «Итак, свершено».
- А значит, все, Пахан, встрял ты конкретно. Теперь она тебе Омена родит! довольно заржал Толик. Мы уже подъезжали к университету.
- Ничего они не означают. Просто, это один из этапов ритуала. Вера старается придерживаться правил, ответил Денис без тени насмешки.
 - А «шемхамфораш»?
 - «Да здравствует Сатана».
 - БАААЛЯЯЯЯ!!! заорал Толик.

Он вдавил педаль тормоза в пол, дико завизжали шины по асфальту. Несмотря на пристегнутый ремень безопасности, Дёню кинуло на приборную доску, а я больно ткнулся головой в его сиденье.

Впереди, изогнувшись перед капотом, замер мальчишка лет десяти. Всего несколько жалких сантиметров отделяли его от машины. Малиновая куртка, шапка с помпоном, испуганный и виноватый взгляд. Придя в себя первым после шока, он пустился наутек.

– Урод, бля! – выкрикнул Толик, вылезая из машины.

Проходящие мимо люди, остановились, наблюдая за удаляющимся мальчишкой и разъяренным Толиком. Тот, погрозив кулаком вслед виновнику потенциального ДТП, сплюнул и залез обратно в салон. Тяжело дыша, он посмотрел на Дёню, который потирал будущую шишку на лбу.

- Еще кто произнесет такую херню в моем автомобиле, будет пешком топать. Всем ясно?
 - Толик, начал Денис, не думаешь же ты всерьез, что...
 - Всем ясно? не скрывая злобы в голосе, переспросил Толик.

Его взгляд не сулил ничего хорошего.

Да, конечно, – пожав плечами, согласился Дёня.

Толик перевел взгляд на меня, и я кивнул в ответ.

Сука! До сих пор ноги трясутся, – добавил он, и мы потихоньку тронулись с места.
 Университет был метрах в двухстах отсюда.

Пока мы ехали, я, кажется, понял слова Дёни, о том, что все мы для Веры разные. Денис олицетворяет собой ум, Толик – силу. Взять хотя бы недавнее происшествие на дороге, в нем есть и Толика вина – несся как угорелый. Но ведь успел, остановился вовремя! Иначе сбили бы пацана или сами куда-нибудь врезались – машин кругом полно, центр города все-таки. К тому же, это стресс, а он уже успокоился. Или очень хорошо скрывает свое волнение. Так или иначе, это признак силы.

И вообще, Толик – человек экстренных ситуаций. С самого детства он попадал в такие истории, которые мне и не снились. То со «старшаками» подерется, а потом неделю в больнице лежит, то из окна на спор выпрыгнет. А однажды он позвонил в милицию и сообщил о заложенной в школе бомбе. Помню, его родителям пришлось выложить кругленькую сумму за день внеплановых каникул. Но все это в прошлом. Теперь он подрос, возмужал, и сам зарабатывает себе на жизнь. Уверен, что за последнее время она стала еще более насыщенной и интересной.

Что касается Дениса, он догадлив, эрудирован, разбирается в тонкостях человеческого поведения. С его философским складом ума можно далеко пойти, если избавиться от заносчивости. Ведь, что ни говори, а он мозги нашей случайной компании.

А я? Ни рыба, ни мясо. Что Вера нашла во мне?

АНАЛИЗ И РАСШИФРОВКА

– А это еще зачем?

Я вертел в руках небольшой мобильник. Простой дизайн – корпус цвета «серебристый металлик», боковины отделаны темно-синим пластиком. Ericsson.

– Бери, бери, пока дают, – улыбнулся Толик.

Он как всегда заскочил «на пять сек», чтобы, собственно, и вручить мне этот агрегат. На этот раз он был один, без Дениса.

Поднеся телефон ближе, я попытался разглядеть рисунок, горевший на тусклозеленом экране, но в этот момент трубка разродилась незамысловатой мелодией. От неожиданности я чуть не выронил ее из руки.

– Нажимаешь вот сюда, – Толик указал пальцем, – и базаришь.

Я так и сделал.

- Ну что, уже получил презент? услышал я голос Дениса из трубки. Привет!
- От вас не отдохнешь, наполовину шутя, ответил я. Получил, да только не понял зачем.
 - Толян тебе все объяснит, а у меня тут важные дела. Он еще там?
 - Здесь он.
 - Передай ему телефон, дружок.

Маленькая трубка исчезла в лапе Толика.

– Ну? Сегодня? Чё так часто? Не, сегодня никак. Давай завтра, после девяти подкатывай. Ага. Откуда я знаю какая? На месте выберешь.

Он отключил трубку и отдал ее мне. Затем вытащил из коробки зарядное устройство и объяснил, как им пользоваться.

- Понял? спросил он, закончив с объяснениями.
- Понять-то я понял, ты мне лучше скажи, зачем оно все?
- Это Дёнька придумал. Хоть и додик он, а башка у него варит. Короче, если Верка будет тебе еще чё устраивать, и ты вдруг вляпаешься в какую фигню, сможешь позвонить мне или ему. За помощью, так сказать. Все же вместе мы скоре ее одолеем. Такие вот, Пашка, дела.

Неплохо, конечно, ходить с мобилой, но мне такое удовольствие не по карману. Я об этом ему так и сказал.

– Не, ну ты чё? – обиделся Толик. – Я чё, про деньги чё спрашивал? Ни фига, считай, что это за счет клуба Верочкиных выкидышей. Все схвачено, за все заплачено.

Меня уже некоторое время подмывало спросить Толика, и на этот раз я не удержался:

- Скажи, кем ты работаешь?
- Ну, по документам, последнее слово он произнес с ударением на «у», я числюсь сторожем в сауне.
 - А по настоящему?

Вместо ответа на его лице расплылась широкая и совсем не добрая улыбка. Понятно.

В институте заметили, что я разжился мобильником, и на целую неделю я стал объектом внимания и по совместительству поводом для юмора. Меня спрашивали, давно ли я приторговываю трупами с анатомички. Интересовались, почем нынче донорские органы. А один остряк даже предложил мне купить его родного деда. Вместе с орденами, поэтому так дорого, сказал он.

Многие из моих одногруппников давно уже имели сотовые телефоны, кое-кто даже ездил на собственном автомобиле. Какое им дело до того, что есть у меня? Неужели такова природа человеческой зависти, что она не дает покоя, когда кто-то беднее тебя завладел

вещью, ранее доступной лишь тебе? Но это же глупо. В любом случае, я не стал объяснять, откуда у меня появился Эрикссон. Пусть гадают.

Гораздо больше хлопот мобильник представлял для меня дома. Разумеется, Верочка не должна была знать о нем, иначе бы возникли вопросы, а я бы не смог объяснить, откуда у простого студента мединститута без особых средств к существованию сотовый телефон. Поэтому мне приходилось выключать и прятать его всякий раз, когда она наведывалась ко мне домой. Кроме того, я побаивался оставлять трубку в квартире и поэтому постоянно носил ее с собой. Имея ключи, Вера могла пожаловать в любое время, и, не будь меня на месте, она могла бы обнаружить ее. Ведь в однокомнатной квартире много не спрячешь. Конечно, я надеялся, что она не шарится в моих вещах, когда бывает дома одна, но рисковать все равно не стоило.

Таким образом, первое время аппарат приносил больше хлопот, чем пользы, но расставаться с ним я не собирался.

Почти каждый день я заглядывал в свой дневник, на страницах которого мог подолгу рыться в событиях прошлого, пытаясь представить, что могло произойти, если бы в определенные моменты я действовал иначе. Хотя, если бы да кабы...

Как и в случае с путешествием по карнизу, когда я спас Веру, она сделала вид, что не помнит о ритуальном вечере, вовлекшем в себя оккультное и сексуальное.

— Что? — спросила она, когда я напомнил ей о безумном спектакле. — Ты не приболел, случаем? С каких это пор я стала увлекаться такой ерундой, как сатанизм? Окстись, мальчик.

Вот и весь разговор. Впрочем, это никоим образом не отразилось на нашем времяпровождении. Мы все так же гуляли по вечерам, когда были свободны, хотя теперь темнело довольно рано, да и погода была не в радость — промозглая и холодная. Секс оставался по-прежнему великолепным, но он не обладал животным духом того вечера.

Честно говоря, пережитые события я и сам помнил довольно смутно. Меня даже начали терзать сомнения, а не подсыпала ли Вера чего в Кубок экстаза или в бутылку с водкой. Во-первых, я выпил совсем немного, чтобы в памяти все так затуманилось. Вовторых, у меня сложилось впечатление, что я слишком долго занимался сексом, если, конечно, то, что происходило между нами, можно назвать просто сексом. Очень долго, учитывая, что я заснул после четырех утра. Нет, я здоровый парень, и с потенцией у меня все в порядке, но у каждого есть свои пределы, а в тот вечер я их явно преодолел. И даже не заметил. Боль в промежности на следующее утро выразительно говорила об этом. Неужели это был какой-то афродизиак⁶?

Вопросы, вопросы.

Не зная, к кому еще обратиться, я решил позвонить Денису. Так как он не назвал мне номер своего домашнего телефона, если тот у него вообще имелся, пришлось позвонить на сотовый.

После четвертого гудка, мне ответили непродолжительным «кхм» – Денис прочищал горло, а затем:

- Здравствуй, здравствуй, Павел. Все ждал, когда ты мне позвонишь.
- Здравствуй. Откуда ты знаешь, что это я?
- На табло телефона высвечивается номер звонящего, пояснил он, а твой номер мне, безусловно, знаком.
 - Понятно, вздохнул я.
 - Ну, говори, с чем пожаловал, что тебя тревожит.

А что меня еще могло тревожить в эти дни?

⁶ Aphrodisiac – возбудитель, средство стимулирующее потенцию (перев. с английского).

- Вера, Вера. Все... начал было я, укладываясь на кровать, но остановился. Денис, подожди. Может, по обычному телефону поговорим? А то разговор долгий, и по сотовому болтать накладно.
 - Накладно? удивился он. Ты разве платить будешь?
 - Нет, но все равно как-то...
 - Да ну! Тебе сотовый за тем и дали, чтобы по нему разговаривать.
 - Ну смотри, тебе видней, недоверчиво заметил я.
 - По делу можешь говорить не стесняясь, успокоил он. Так что там насчет Веры?
 - Веры? Гм... Я никак не могу ее понять.
 - Еще бы, это далеко не каждому под силу, заметил Денис. Но мы стараемся.
- Не знаю, получится ли что у нас. Вот скажи, ты все-таки с ней раньше встречался, знаешь об опыте Толика, теперь тебе известно и обо мне. Получается, что из нас троих ты знаешь о ней больше всех. Объясни мне, зачем ей все это надо?
 - Ты говоришь о ее методах или о том, что она делает с тобой?
 - Нет, я пытаюсь понять, чего она добивается. Все-таки это происходит неспроста.
- Конечно, неспроста. Но ты зря отказываешься от понимания того, что и как она делает. Ведь это неразрывно связано с тем, зачем она это делает.
 - Ну и объясни мне тогда, раз тебе это известно!
- Получается, зря я тебе тогда, на балконе все втолковывал? Зря выдавал эрзац ее философии?

Меня немного раздражали менторские нотки в голосе Дениса, но, как говорят, жизнь заставит, и гусаку поклонишься.

- Зря, не зря, но мог бы и доходчивее объяснить. А то нам медикам за философами не угнаться, - неудачно съязвил я, на что он лишь усмехнулся

Я представил его самодовольную физиономию в этот момент.

- Ну конечно, мой дорогой, только давай обо всем по порядку.
- Давай, но сильно, все равно, не рассусоливай. Что бы ты там не говорил, сотовая связь – дорогое удовольствие.
 - Ага, особенно тому, кто звонит.
 - -VarP
- Да нет, это я так. Позволь начать с вопроса. Как ты себя чувствуешь во время очередного Верочкиного приступа?

Приступ? Он называет это приступом? Толик называет это, кажется, выгибонами. Я – номерами. Хотя, по идее, «приступ» – слово из врачебного лексикона. Странно слышать его из уст философа.

- Как дурак, вот как я себя чувствую.
- Ну, этим ты никого не удивишь. Вера умеет заставить мужчину почувствовать себя не в своей тарелке, если не сказать хуже. Ты лучше попробуй вспомнить все ее приступы и дать одну оценку происходившему, пригодную сразу для всех случаев. Не торопись с ответом, потому что это важно для твоего дальнейшего понимания.
 - Хм. Даже не знаю. Может, я подумаю и перезвоню?
 - Нет, давай так. Я подожду.

Послушавшись его, я закрыл глаза и попытался окунуться в прошлое. Итак, знакомство. Затем первый секс, яркий и неповторимый, включая недоразумение с мамой. Пара месяцев, заполненных разговорами и изредка странными выходками, но ничего такого, что может сравниться с событиями последних недель. Первый серьезный номер Вера отмочила в ночном клубе. Я вспомнил подвыпившего Лешика, танец с Верой, танец с незнакомкой, уговоры принять ее в наш круг. Для чего, понятное дело. Я помню ее глаза – внимательные, изучающие, ждущие ответа.

Затем случай с Мариком, которому я помогал. Кажется, помог. Только потом накричал на Веру, и поэтому она от меня сбежала. Но ведь меня всегда учили, что главное –

это не слова, а поступки. Получается, я все-таки помог Марику. Он отсиделся в моей квартире, а это ему и требовалось.

Далее случай с карнизом дома, когда Вера чуть не свалилась вниз. Чутье подсказывало мне, что все это не было нарочно подстроено. Точнее, сама опасность, грозившая ей, не была подстроена. Не будет же человек рисковать жизнью только ради того, чтобы сыграть очередной, пускай не совсем нормальный, но все же спектакль. Даже Вера. С другой стороны, у меня сложилось впечатление, что она явно ждала того, что я найду ее. Вот только само путешествие по карнизу было не совсем таким, каким она его представляла.

И, наконец, события прошлой недели. Точнее говоря, одного единственного вечера. Сначала мое посещение кладбища, затем дурацкое представление, перешедшее в сексуальную оргию с мазохистическими нотками.

Итак, что было общего во всем этом и в моей оценке? Безумство, вот что!

Но это не ответ. Я попытался найти общее в цепочке событий. Через полминуты я выдал неуверенный ответ:

- Мне кажется, всякий раз она что-то ждет от меня, чего-то добивается.
- Ты недалек от истины. Только ждала и добивалась чего-то она не только от тебя. Так он мучила и меня, и Толика. И опыт у нас во многом сходный.
 - То есть, она тебе тоже устраивала секс с Сатаной?
- Нет, судя по голосу, Денис улыбнулся, кое-что похуже. Она трахнула меня в церкви на глазах у всех.
 - Что? То есть, как это?.. Хотя можешь не рассказывать.
- И не собираюсь. Тебе хоть повезло в том, что вас никто не видел, а у меня там такое было... Впрочем, я стараюсь не вспоминать об этом случае.

Могу себе представить. Или не могу? Денис большой любитель все приукрашивать, и не стоит слишком уж уши развешивать. Однако надо признать, Вера всегда придумывает что-нибудь из ряда вон выходящее. Мне бы такое в голову точно не пришло.

 Но, возвращаясь к нашим баранам, хочу сказать, что все приступы Веры, по сути дела являются одним и тем же.

Он выдержал театральную паузу.

- Все это суть тесты.
- Какие еще тесты?
- Паша, она проверяет тебя так же, как проверяла до этого нас.

В его словах был намек на окончательный ответ, но я все еще не до конца понимал, о чем он говорит.

- Что она могла проверять во мне?
- О майн гот, да все что угодно. Например, тот вечер в ночном клубе. Весь этот спектакль преследовал одну цель испытать твою силу воли. Она подкинула тебе весьма аппетитную приманку. Еще бы! Секс втроем. Какой нормальный мужик откажется от этого?
 - Я же отказался, растерянно произнес я.
 - $-\Delta a$, и тем самым прошел тест.
 - Но я не знал, что это тест.

Неужели он прав? Я столько размышлял над записями в своем дневнике, но этого не увидел.

- Так Вере именно это и нужно. Ведь знай ты, что это тест, результатам уже нельзя было бы доверять. А так, полная аутентичность.
 - Чего?

– Достоверность, подлинность, – пояснил Денис. – Кстати, ты так и не сказал, почему отказался от менаж а труа⁷?

Я примерно догадался, что это значит.

– Просто, это было... неправильно.

_

⁷ Menage a trois (франц.) – жизнь втроем.

- Подумаешь, неправильно. Мы живем в свободном мире и вольны делать все, что захотим, сказал он, и я подумал, что еще совсем недавно он говорил о свободе совершенно противоположное. Как это там у философов называется? Диалектичность мышления, что ли? Денис продолжил: А ты-то наверняка хотел секса втроем и думал об этом.
 - Да, думал. Но думал членом, а не головой.
 - Иногда это одно и то же, как-то нервно рассмеялся Денис.
 - Тогда мне это не объяснить.
 - А мне этого не понять.

Значит, Дёня провалил свой тест на силу воли, злорадно подумал я.

- Ну, а с Мариком что?
- Это проще простого. Сострадание, желание помочь ближнему своему.

Да, в этом есть смысл.

- В таком случае я не совсем понимаю, что было дальше. Вера сбежала от меня, несмотря на то, что я помог Марику. Пусть поворчал на нее немного, но раз она проверяла сострадание, то уж мои справедливые упреки могла бы и стерпеть. Получается, я все-таки не прошел тест?
- Конечно, нет. Ты согласился ради нее, но дал ей понять, что при первом удобном случае готов повесить всех собак на этого Марика. Это значит, что ты так и не поверил в его невиновность. А о каком сострадании можно говорить, если ты считаешь, что человек виновен?
 - Ясно, буркнул я, переварив его слова.
 - Кстати, она не ушла от тебя на самом деле. Вспомни, это был очередной тест.
 - Ты уверен?
- А ты сомневаешься? Мне, например, до сих пор непонятно, как ты умудрился ее разыскать. Более того, я убежден, что это была чистая случайность.
 - Может быть, ты и прав. Не важно. Ну а что с тем вечером на карнизе?
 - Тоже несложно. Проверка храбрости.
- Да ну! И Вера сознательно рисковала жизнью, лишь бы проверить мою храбрость?
- Ничего она не рисковала. У нее, наверняка, имелась пара запасных вариантов. Да и никакой опасности в помине не было. Не такой она человек, поверь мне. Было темно, ты мог не заметить веревку или еще какое крепление, с помощью которого она держалась все это время.
 - Но там ничего не было!
 - Ты просто не видел, потому что она не хотела этого.

Я отказывался верить его словам. Уж слишком неподдельным представились мне эти события. Не могла Вера так искренне плакать, так вести себя. И потом, не было ни веревки, ни креплений, что бы там Денис не утверждал. Я же находился совсем рядом.

— Эй! — окликнул он меня. — Если ты думаешь, что все произошло случайно, так сказать, вышло из под ее контроля, то советую пересмотреть свои позиции. У нее все идет по определенному дурацкому, но продуманному до мелочей плану, и она не отходит от него ни на йоту. Все что происходит с тобой, пока она рядом, отнюдь не случайно, каким бы случайным и естественным оно ни казалось. Вера умело играет на чувствах и подтасовывает факты, у нее ложь на лжи. Ты никогда не узнаешь, где правда, если будешь принимать все, что она говорит и делает, на веру. Никогда!

Я заколебался.

– Безусловно, это не помещает вашим отношениям. Но, как говорится: «Если ты хочешь отдыха – веруй, если ты жаждешь истины – ищи»⁸. И что? Нужен ли тебе такой «отдых», который в этом случае сплошной самообман? Хочешь ли ты быть марионеткой в ее

⁸ Фридрих Ницше, из писем к сестре.

руках, пушечным мясом? Вера любит себя и только себя. Согласись, она была застрахована от неудачи – она не могла упасть, а ты мог. Она была готова ко всему, а ты шел на свой страх и риск.

Очень похоже на правду и, наверное, Денис дело говорит. Но устроить это сознательно? Способна ли Вера на такое? Нет, лучше пока не решать ничего на этот счет.

- Ладно, поехали дальше. Что скажешь по поводу последнего номера?
- Тут я сам точно не уверен, но, скорее всего, это была проверка терпения.
- Не понял.
- Терпение, терпение, раздраженно повторил Денис. Ведь ты знал, что этот вечер закончится хорошим сексом.

Ну, я бы не назвал это просто хорошим сексом.

- Я не знал точно...
- Чушь, Вера с самого начала... A! Ты все равно не поймешь. Записку еще не выбросил?
 - Какую?
 - Пашок, ты всегда тормоз или просто сегодня день такой?

Раз, два, три. Дыхание ровное, спокойное.

- Нет, обычно я еще хуже. Какая записка?
- Которую тебе оставила Вера. Та, в которой говорилось о кладбище.

Я достал дневник, посвященный Верочке, и раскрыл его на последних страницах, среди которых лежала та самая записка.

- Ну, здесь она.
- Теперь, читай только те слова, которые она написала крупными буквами.
- Я хочу тебя твердым, раздвинь мои ноги и войди в меня, прочитал я выделенные слова и как будто даже ощутил легкое возбуждение.
- Теперь понял, что она пыталась тебе сказать? Она не зря выделила их крупными буквами. Это попытка манипулирования с помощью Н $\Lambda\Pi^9$, твой мозг, независимо от тебя, обратил внимание лишь на эти слова. И получил послание, которое Вера и хотела, чтобы ты получил. Она тебя запрограммировала, поставила цель или приманку, если угодно. Тебе оставалось только идти к ней. Такой метод рассеивания часто используют в рекламе.
- Ничего подобного. Ты сам мне говорил слушаться ее, именно поэтому я и не покончил со спектаклем, когда у меня была такая возможность.
- А теперь вспомни, только поэтому ли ты не отступился? Или, может, глубоко внутри ты все еще надеялся на то, что получишь свое удовлетворение?

Я попытался вспомнить события того вечера — теплый душ, балахон, записка со словами, которые я должен был произнести в нужный момент. Уже тогда я понял, о чем они, я понял, какой скипетр пронзит и что именно. Условия этой игры были приняты мной, потому что я догадывался, какой приз ждет меня в конце.

- Ну, допустим, буркнул я. А дальше что? К чему сам спектакль, зачем обязательно сатанизм? Да и секс был, даже для Верочки, не совсем обычный.
- Тут я пас. Возможно, она хотела проверить, можно ли сбить тебя с толку странностью и даже неприятностью обстановки. А может, хотела проверить, способен ли ты полностью отдаться чувствам, быть зверем в постели. Вспомни Алексея, вспомни, что он говорил про главный вопрос и вспомогательный. Ведь Вера может проверять несколько качеств за один раз.
 - А ты как думаешь, что она еще проверяла?

⁹ Нейролингвистическое программирование. «НЛП имеет дело со структурой субъективного опыта человека: как он организует то, что видит, слышит и ощущает, и как он редактирует и фильтрует с помощью органов чувств то, что получает из внешнего мира. НЛП также исследует то, как человек описывает это в языке и как он действует – намеренно или ненамеренно – чтобы получить результат» (взято из «Введение в НЛП» авторов Джозеф О'Коннор и Джон Сеймор).

– Послушай, я все-таки не гений!

Говори себе это почаще, Денис, и цены тебе не будет.

– Хорошо, у тебя есть идеи, почему она это делает?

Денис задумался.

- Кто ее знает, ответил он через некоторое время. Просто потому что она так хочет. Нравится ей издеваться над мужчинами, вот она и удовлетворяет собственное самолюбие.
- Может, и так, но ведь должна быть причина. Не родилась же она такой, в самом деле.
- Павел, вздохнул Денис, в мире постоянно происходят необъяснимые вещи. Совершенно нормальные, тихие с виду люди в один прекрасный день берут в руки автомат и в ближайшем Макдональдсе выпускают полную обойму в нескольких бедолаг, которым не посчастливилось оказаться там в этот момент. Самолеты ни с того, ни с сего разбиваются, не долетев до аэродрома. Про Бермудский треугольник я вообще молчу. Да, вероятно, в конечном итоге все имеет свое объяснение, но никто тебе не обещал, что на все вопросы в жизни ты получишь толковые и окончательные ответы. Считай, что Вера это стихия. Она независимая ни от кого сила, кантовский ноумен, вещь-в-себе и, что гораздо важней для понимания, сама по себе. Тебе остается принимать ее или не принимать. Объяснить причину ее ненормального поведения ты все равно не сможешь.

Да, Денис красиво говорил, но только я не был согласен с тем, что Веру невозможно понять. Трудно, да, но не невозможно.

– Я не поверю, что ты не пытался когда-то сделать это сам, – не унимался я.

Денис снова замолчал на некоторое время.

- Пытался, глухо сказал он.
- И что ты решил?
- Хочешь знать, почему Вера так поступает? Пожалуйста! Я считаю, что кто-то нанес ей обиду, глубокую сердечную рану, и теперь она мстит всем мужчинам из-за того единственного, кто обидел ее. Возможно, он был гораздо сильнее ее, а она не смогла ему этого простить, будучи избалованной девочкой, на мгновение он затих, словно что-то вспоминая, но потом продолжил. По крайней мере, это объясняет ее проверки и то, как она ставит в заведомо невыгодные условия испытуемого, а потом с удовольствием наблюдает, как тот совершает одну ошибку за другой. Так она убеждает себя в мысли, что все мужчины ничтожества.
 - То есть и я ничтожество?
- Пока трудно сказать, ведь ты продержался дольше нас с Толиком, это факт.
 Думаю, что в ее глазах ты лучше нас.
 - А в ваших?

Денис не ответил.

После этого разговора я иначе взглянул на Веру. Каждый ее поступок я теперь рассматривал как возможную подводную мину, ловушку, тест. Каждое слово, каждое действие я старался осмыслить – просто так она что-то говорит и делает или за всем этим кроется тайный смысл, который я должен разгадать? С Верой ни в чем нельзя было быть уверенным, и у меня начала развиваться самая настоящая паранойя.

Мне запомнился один такой случай. Холодным октябрьским утром мы ехали в троллейбусе – я в институт, она по своим делам, о которых мне, как всегда, доложить не соизволили. Все сидячие места были заняты, и мы ехали стоя.

Держась за поручни, я изучал лицо Веры, стоявшей вполоборота ко мне. Сегодня у нас с ней выдалось на редкость спокойное угро – никаких наездов или оскорбительных шуток. Она не уворачивалась от моих поцелуев, не заменяла их быстрым коитусом, не сопротивлялась моим объятиям. Более того, она встала и приготовила мне нехитрый, но

питательный завтрак, словно мы уже давно жили вместе. Муж и жена, идиллия. После завтрака мы дошли до остановки, дождались троллейбуса, до отказа набитого людьми, и вот мы едем.

Я внимательно изучал каждую черточку ее лица, освещенного морозным солнцем, лучи которого проникали сквозь окна троллейбуса. Время от времени она ловила мой взгляд на себе и тогда отворачивалась. Но не надолго. Вскоре она снова смотрела на мелькавшие мимо дома, улицы, голые деревья, и снова перехватывала мой взгляд. Наконец, Вера заулыбалась, а через некоторое время уставилась на меня в ответ. Завязалась игра в гляделки, которая неизвестно к чему бы привела, если бы не сидящие неподалеку гопники.

Этим «детям улиц» уже перевалило за двадцать, и они уже не вписывались в категорию безобидной дворовой шпаны. Один выделялся своими золотыми зубами, руки второго украшала уродливая синева — татуировка в виде перчаток — которая покрывала большую часть кожи, захватывая и сбитые костяшки. Они занимали сиденье в двух рядах от нас, и уже продолжительное время довольно громко разговаривали между собой. Хотя разговором я затрудняюсь это назвать. Поток мата, жаргона, междометий и хриплого петушиного гогота, который всякий раз действовал на нервы. Лица людей, стоявших возле них, были кислыми. Видно, что им такое соседство оказалось совсем не по душе. Но куда деваться в переполненном троллейбусе?

Признаюсь, мне тоже было неприятно слышать их тупые шутки, ругательства и этот идиотский хохот, но я решил, что вытерплю, как я обычно это делаю. Все-таки, не в Европе живем, а в России – никуда от гопоты не денешься.

- Ну я, короче, девке-то бобы сую и говорю, рассказывал один другому, пузырь шампанского и пять гондонов.
 - А она чё?
 - Прикинь, эта сука еще спрашивает, типа, чё так мало.
 - А ты чё?
 - А я ей говорю: «Остальное в бошку».

Троллейбус очередной раз заполнился их хохотом. Кое-кто оглянулся и, тихо ворча, отвернулся обратно. Проведя «перчаткой» по коротко стриженым волосам, гопник беззаботно харкнул себе под ноги.

Только теперь рассказчик этой занимательной истории, заметил, что Вера уже некоторое время смотрит на него в упор.

Те чё-то надо? – нагло бросил он ей.

Я понял – сейчас Вера ляпнет нечто в своем репертуаре, и не ошибся.

 – Да вот смотрю я на вас двоих и пытаюсь понять, то ли сегодня в обезьяннике день открытых дверей, то ли в детстве вас слишком часто головой вниз роняли.

Хотя никто из пассажиров не шелохнулся, я почувствовал, что мы стали эпицентром всеобщего внимания. Причем, не в лучшем смысле этого слова. Все ехали по своим делам, и никому не хотелось становиться свидетелем перепалки или, того хуже, драки. А уж тем более, стать невольным ее участником.

- Чё ты, сука, сказала? спросил первый, сверля нас мутным взглядом.
- Овца, за базаром следи! поддержал его приятель.
- Мальчики, с опасной веселостью в голосе произнесла Вера, вы слишком красноречивы для меня. Не тревожьте сердце девичье елейными обманами, не тратьте речей своих попусту.
 - Ты, дура, ща как ёбну, оскалившись, пообещал первый.
- О боже! Я всегда мечтала встретить своего принца, но не думала, что это произойдет так скоро.

Подонкам, видимо, надоело слушать стёб Веры, и они начали подниматься с места. Народ живой стеной преграждал им путь, но они бесцеремонно врезались в толпу, и никто не возражал, никто не смел возражать.

Я весь напрягся, сердце глухо стучало в подреберье. Вера слегка побледнела, но больше ничем не выдала свого замешательства. Расправив плечи, она выставила обе ручонки вперед, словно приготовившись к самозащите. Неужели она сразу не понимала, на что шла? Нет, мне это только показалось. Глаза ее были чисты, ни толики страха на спокойном и даже равнодушном лице.

Парень с синими руками решительно прорывался в нашу сторону, а я с такой же быстротой стал отступать к двери и потянул за собой Веру. На мое счастье, в эту минуту троллейбус подъехал к остановке, и я, наступая на ноги других пассажиров, буквально вывалился наружу, увлекая за собой свою подругу. Оглянувшись, я увидел, что одного из гопников примял к поручням поток выходящих людей, второму повезло еще меньше — он затерялся где-то в салоне. Через несколько секунд дверь закрылась, и троллейбус тронулся с места. Все обошлось, но угро было испорчено окончательно.

Вера, не сказав ни слова, развернулась и пошла своей дорогой. Я хотел окликнуть ее, но решил, что лучше не стоит. Даже от ее спины веяло холодом.

Что это было? Случайность? Или очередная проверка? И если проверка, то что она проверяла? Храбрость? Но мне никогда не понять такое безрассудное поведение. Способность постоять за себя и свою девушку? Ведь это глупо! Доберись они до нас, вряд ли мы бы смогли от них отбиться. А может, дело в другом? Может, Вера, напротив, проверяла мою рассудительность и способность отступать, когда не имеет смысла идти на конфронтацию? Может, она как раз ждала, что я уведу ее от этого столкновения?

И наконец, я не исключаю и того, что это была совсем не проверка, а всего лишь еще один эпизод из жизни с Верой.

Я терялся в догадках относительно этого и других подобных «случайностей», но не находил ответа. Денису лишний раз звонить не хотелось. Хоть я и вынужден был признать, что он гораздо лучше меня разбирался в тонкостях человеческой психики, все равно он оставался мне неприятен.

И потом, я хотел сам во всем разобраться.

Глава четырнадцатая

ПРИ ИСПОЛНЕНИИ

«Без пяти двенадцать. За окном темно, и пустынно. Изредка проносятся автомобили, и свет их фар скользит по обшарпанному потолку моей конторы. Хотя никакая она ни моя. Я всего лишь работаю здесь сторожем.

На офисном столе передо мной лежат учебник и конспект. Я знаю, что скоро придется взяться за них, но пока мне не хочется отвлекаться от своего дневника».

Я перечитал написанное и откинулся на спинку стула. В последнее время я все чаще заносил свои размышления в дневник, и далеко не все они касались Веры. Кажется, я начал понимать, почему люди в былые времена вели дневники. Иногда просто необходима отдушина, в которую можно было бы изливать свои самые тайные мысли, свои секреты. Не важно, что это лишь немые листки бумаги. Главное заключается не в этом. Вытаскивая наружу свои проблемы и страхи, можно рассмотреть их лучше, можно их понять. И, наверное, как-то справиться с ними.

Я также заметил, что с тех пор, как я начал вести дневник, моя письменная и устная речь улучшились. Обогатился словарь, так сказать. Конечно, до ораторского уровня Дениса мне по-прежнему было далеко, но, если хорошо подумать, медику нет особой нужды в таких навыках. Рецептик, направленьице, а самое большее – рекомендация к принятию лекарств. Что касается почерка, так я вообще молчу. И моя мама, и тетя Люба будто иероглифами пишут – им одним только понятно. Иногда мне кажется, что врачи специально выводят

неразборчивые каракули. Чтобы в случае чего, откреститься от написанного – мол, в рецепте покойного совсем не то лекарство было указано.

Настольная лампа мягко освещала толстую общую тетрадь, которую я завел под дневник. Незаполненными остались всего несколько страниц, скоро придется покупать новую, подумал я, откладывая ее в сторону.

В этот момент запиликал мой верный Эрикссон.

– Паша, открывай ворота. Гости пожаловали!

Это был Денис.

- Зря пожаловали. Меня нет дома, я на работе.
- Дык, о чем и речь. Мы уже здесь, Пашка, давай шуруй к двери.

А это уже Толик.

Массивная железная дверь под их ударами загрохотала так, что, наверное, во всем доме было слышно. Глянув в глазок, я убедился, что это действительно они, и открыл дверь.

Толик не изменял своим принципам и даже в первые дни ноября по-прежнему ходил в спортивном трико и черной кожаной куртке. Прибавив к этому навороченные кроссовки с оттопыренными язычками, черные солнцезащитные очки, стрижку а-ля «ежик на зоне», можно легко получить представление о его внешности.

Денис тоже оставался верен себе. Темно-коричневые брюки с коричневым пиджаком, поверх которого был надет дорогой плащ черного цвета и кофейное кашне, выгодно отличали его от Толика, да и от меня тоже. Я уже заметил, что он одевался либо консервативно (в ход шли костюмы, галстуки, плащи), либо в аляповато-молодежном стиле. Но как бы он не одевался, его одежда всегда отличалась стильностью и дороговизной.

- Слушай, мы только...
- Знаю, знаю, вы на пять сек, перебил я Толика. Но это не повод разговаривать в прихожей, проходите.

По пути я поинтересовался, откуда они узнали адрес конторы. Не припомню, чтобы я им его не называл.

– Этот что хочешь узнает, – Денис кивнул на своего спутника.

Контора, где я работал сторожем, арендовала квартиру в старом кирпичном доме на первом этаже. Не знаю, как она выглядела раньше, но, видимо, ремонт обощелся в копеечку. Войдя в помещение, трудно было поверить, что оно находится в заурядной хрущёвке. Чистые белые стены, серый ковролин на полу, подвесные потолки, строгая и весьма дорогая офисная мебель – все это заставило Толика присвистнуть:

– Неплохо пацаны устроились. Техникой бытовой торгуют, значит? Надо бы узнать, кто их пасет.

Ну да, только этого еще мне не хватало.

Я уселся на свое обычное место – вертящееся кожаное кресло бухгалтера. Мои гости заняли стулья попроще. Только сейчас я обратил внимание на то, что их лица были слишком уж веселые, а движения несколько размашисты.

- Можешь не принюхиваться, кивнул Денис. Мы выпили немного с Толиком.
- Что-то рановато для Нового Года, машинально съязвил я.

Боже, я уже начинаю говорить как Вера. С кем поведешься и все такое.

– Не, а в чем косяк? – возмутился Толик. – Не могут, что ли, пацаны расслабиться?

Так, сначала Дёня был для него лохом, потом додиком, теперь он дорос до пацана. Интересно, как ему это удается?

– И вообще, какой-то ты недружелюбный, – заметил Денис, проведя рукой по своим рыжим усикам. – Мы сидели в кафе, решили навестить тебя, развеселить.

Лучше бы привезли чего поесть. У вас на рожах написано, что вы обожрались.

– Ага, – эстафета в беседе снова перешла к Толику, – думали, ты обрадуешься.

Наступило молчание. Снаружи пронесся очередной автомобиль. Как и все до него, он въехал в приличную лужу, которую трудно было разглядеть в темноте. Несколько грязных брызг ударились о стекла окна.

- Занимаешься? спросил Денис, кивнув на стол, за которым я сидел.
- Занимаюсь.

На всякий случай я захлопнул свой дневник.

– Послушай, насчет Веры...

Дениса прервал стук в металлическую дверь, и мой желудок совершил быстрое путешествие вниз на скоростном лифте. Холодный пот еще не проступил, но я знал, что он не за горами.

В столь позднее время это мог быть только мой шеф. И мне совершенно не хотелось объяснять ему, что делают посторонние люди в его конторе. Особенно такие, как Толик.

- О, девчонки! - радостно воскликнул последний.

Мне бы его проблемы.

- Черт! Это шеф пришел, я уже встал и лихорадочно оглядывался вокруг в поисках возможного пути к эвакуации. Вам срочно нужно сматываться.
- А чё такого? Ну, пришел, и чё? Как пришел, так и уйдет. А сам не уйдет, так мы ему поможем.

В мире Толика все было легко и просто. Любая задача имела свое нехитрое решение. Жаль, что его мир не имел ничего общего с реальным.

Неожиданно Денис принял мою сторону:

Толь, он прав. Не стоит ему портить отношения с начальником, лучше нам потихому уйти.

Не дожидаясь ответа, он спросил меня:

– У тебя здесь есть другая дверь?

Я покачал головой.

- Может, через окна?
- На них решетки.
- Ну, стало быть, мы влипли, подытожил он. То есть, ты влип.

В дверь снова постучали. На этот раз настойчивее.

- Нет! вырвалось у меня, когда я узрел свое спасение. Полезайте в шкаф, быстро.
- В считанные секунды я затолкал их в серый шкаф высотой примерно метра полтора. В нем лежало несколько коробок то ли с кофемолками, то ли с соковыжималками, и им пришлось изогнуться, чтобы влезть туда вдвоем.
 - Гони его быстрее, приказал Толик, сверля меня сердитым взглядом.
 - Это уж, извини, как получится, и я закрыл дверцу.

В глазок я не посмотрел, и потому можно понять мое удивление, когда я увидел на пороге совсем не того, кого ожидал.

Это была Вера. Легкое белоснежное пальтишко, украшенное многочисленными оборками из искусственного белого меха, и шапочка такого же цвета с двумя помпошками, висящими по бокам, превратили ее в невинную восьмиклассницу.

– А я уж подумала, что ты уснул, – сказала она.

Чмокнув меня в щечку, она проскользнула внутрь. Одна ее рука была заведена за спину. От Веры пахло дождем.

- Как ты узнала, где я работаю? спросил я, закрывая дверь.
- Кто ищет, тот всегда найдет!

Она довольно смотрела на меня, и на ее лице гуляла едва заметная улыбка. Господи, какие глупые вопросы я задаю. Давно бы пора привыкнуть к тому, что узнать, где человек живет, где он работает, я даже не говорю о такой мелочи, как сделать дубликат ключей от квартиры без ведома хозяина – самое обычное дело. Мне осталось только вывесить табличку

у себя дома и на работе: «Добро пожаловать к Паше. Прием круглосуточно. Вся информация обо мне под ковриком».

– Не сердись, – прижавшись ко мне, произнесла она и обняла меня одной рукой.

Я уже не сердился.

Немного отстранившись, Вера посмотрела прямо в мои глаза. О, нет! Этот хитрый взгляд я уже видел раньше. Сейчас что-то будет.

- Какую выбираешь? - спросила она, выставив вперед два сжатых кулачка.

Так, подумал я, направо пойдешь – смерть найдешь. А что будет, если пойти налево? Кажется, коня потеряешь. Впрочем, с Верой «налево» обычно приводило к весьма непредсказуемым результатам. Нет, сегодня мне нужен мир и покой.

Я кивнул на ее правую руку.

- Верный выбор, сказала она и, подняла с пола небольшой пакет, который до сих пор прятала.
 - Что там?
 - Угадай с трех букв.

Понятно, проще заглянуть внутрь. Пока я это делал, Вера скинула с себя пальто и повесила его на вешалку, стоявшую в углу около двери. На ней был легкий свитер, юбка и высокие сапоги, которые легко сворачивались вниз, словно чулки. Мне очень нравился их черный бархат и то, как они смотрелись на Вере, подчеркивая ее женственность.

В пакете оказалось целых три хот-дога и небольшой термос. Тонкий белый полиэтилен успел пропахнуть душистыми ароматами свежеприготовленной пищи. Я с благодарностью посмотрел на свою гостью.

– Ну, показывай, чем ты тут занимаешься, – сказала Вера и, не дожидаясь меня, направилась в главную комнату.

Пройдя за ней следом, я похолодел. Во всей суматохе я совершенно позабыл о куртке Толика и плаще Дениса, которые они бросили на небольшой диван для гостей. Кроме того, на столе маячил мой Эрикссон. От Веры это, разумеется, не укрылось, и она поинтересовалась, откуда все эти вещи.

- Шеф, это вещи шефа, вовремя нашелся я.
- Может, он у тебя еще и косуху носит? спросила она, усаживаясь на стуле, который пару минут назад занимал Толик. Оригинальный, должно быть, товарищ.
- О, да, тот еще тип, лихорадочно соображал я. Постоянно нахожу здесь чтонибудь, когда прихожу на дежурство. Как-то раз даже набитое чучело медведя нашел. Потом куда-то задевалось, правда.

Неся всю эту чушь, я ухитрился поставить пакет со съестными припасами так, что он загородил лежащий на столе мобильник. Если Вера еще могла поверить в то, что человек способен оставить здесь свою одежду, то насчет телефона я уже не был уверен. Пока она осматривала помещение, я незаметно смахнул Эрикссон в ящик стола, попутно выключив его. Хотя кто мне может сейчас позвонить? Хе, разве что Выкидыши из шкафа.

- Неплохой офис, подытожила она, строго и со вкусом.
- Мгм, промычал я с набитым ртом.

Хот-доги оказались еще теплыми и необычайно вкусными. Я не успел поужинать дома, и потому хорошо проваренная сосиска, нежное тесто, расплавленный сыр, теплый майонез и кетчуп были встречены радостным урчанием моего желудка. С моих губ и по подбородку стекал сок, но я ничего не мог поделать – мне хотелось как можно скорее проглотить всю эту вкуснотищу.

– Эх ты, голодное дитя Поволжья, – покачала головой Вера и круганулась в кресле.

Вскоре с «горячими собаками» было покончено, и я достал из пакета термос. Отвинтив белую пластиковую чашку, я налил в нее кофе. Однажды Вера спросила меня: «Если ты любишь молоко и сахар, то кофе-то тут при чем?». Однако сейчас она приготовила его именно так, как я больше всего люблю – положив много молока и сахара.

Немного отпив горячего напитка, я откинулся в кресле. Жизнь прекрасна и лучше не бывает.

– Кстати, – вспомнил я, облизнувшись, – а что было во второй руке?

Запустив руку под свитерок, Вера выудила оттуда упаковку с презервативами и протянула ее мне.

– Но ты не волнуйся, я бы все равно тебя сначала накормила, – заверила она. – А это так, десерт.

Ага, подумал я, значит, в качестве десерта у нас намечается секс. А Толик с Денисом, спрятанные в шкафу и тесно прижатые друг к другу, будут все это видеть и слышать. Интересно, у кого из них первым возникнет эрекция? И как к этому отнесется сосед?

- Ты чего улыбаешься? спросила Вера.
- Да так, вспомнилось кое-что.
- У тебя здесь камер наблюдения или микрофонов нет?

Ну, если под камерой наблюдения понимать кабинку, или, вернее сказать, шкафчик с вуайеристами, то ответ утвердительный.

- Сомневаюсь, видеотехника в другом офисе. Здесь кухонные принадлежности микроволновки, миксеры всякие. А ты боишься, что тебя?...
- Ничего я не боюсь. Но вдруг твой шеф после просмотра кассеты взглянет на тебя другими глазами? Глядишь, и прибавку даст.

Иногда ее логика ставила меня в тупик.

– Расслабься, это я пошутила.

Как и ее юмор, кстати.

Вера встала со своего места и, подойдя сзади, положила руки мне на плечи. Я почувствовал ее губы у самой мочки моего уха.

– Итак, – спросила она, – ты уже созрел для сладенького?

Я опять бросил взгляд на шкаф, в котором прятались двое Вериных Выкидышей. Между дверцами была небольшая щелка, и я не сомневался, что они наблюдали за всем сквозь нее. Против Толика я ничего не имел – милый парень, недалек, зато силен и уверен в себе. Денис... Вот Денис – совсем другое дело. Было в нем что-то гаденькое, отталкивающее, и потому он мне не нравился. Это и побудило меня подыграть Вере.

- Я как раз собираюсь им заняться, — громко произнес я и крутанул кресло вбок так, чтобы невольным наблюдателям все было очень хорошо видно. Получалось прямо-таки Λ айвшоу 10 , не хуже, чем в каком-нибудь там Амстердаме. Не будучи ни разу зрителем, я дебютирую сразу на сцене.

Музыку в студию! Выключите свет, дайте прожектора!

Громче! Громче!!!

Па-па-пам! Па-ра-ру-рам! В голове уже играл известный стрип-мотив.

Раздеваясь, Вера, вероятно, гадала, что за улыбка обосновалась у меня на лице, но вопроса не задала. Возможно, она приняла ее на свой счет. Сняв свитерок и лиф под воображаемую мною музыку, она уселась ко мне на колени.

Мне было весело, и не последней причиной тому были Выкидыпи, спрятанные в шкафу и вынужденные наблюдать за всем этим развратом. Я подмигнул Вере, легонько притопывая ногой. Что со мной происходит? Внутри разливалось пьянящее чувство вседозволенности. Она вопросительно улыбнулась, такой Вера мне нравилась больше всего – кошкой, ждущей продолжения событий. И почему-то именно такой она мне казалась настоящей. Я поцеловал ее.

Па-ру-рам!

Кровь стучала в висках, руки ощупывали приятные округлости партнерши. Все мое тело двигалось в такт охватившей меня музыке, следуя ритму, известному только мне одному.

.

 $^{^{10}}$ Live Show (англ.) – живое выступление.

Я был единственный, кто полностью владел ситуацией. Верочка не знала о шкафе, Выкидыши не смели высунуть оттуда носа. А я играл роль, которую сам же и придумал.

Давай, давай, Вера! Если бы ты знала о том, что сейчас происходит на самом деле, то оценила бы все по достоинству. Ведь моя забава чисто в твоем духе.

К новому щекочущему чувству бесшабашного веселья прибавилось хорошо знакомое старое – меня охватил трепет возбуждения. С еще большей силой и настоящим упоением я принялся ласкать Верины груди. Не переставая целовать меня, она дрожащими от нетерпения руками ухватилась за мой ремень.

И в тот миг я увидел нас глазами Выкидышей. Я сижу в кресле, а Вера плавно опускается на колени, раздвигает мои ноги. Парни, наверное, ерзают, не находят себе места.

Через неопределенный промежуток сладкого времени я с трудом поднимаю Веру обратно на колени и пытаюсь умерить ее пыл. Мои поцелуи перемещаются с ее лица на тело, каждый плавный изгиб которого я успел изучить, и пристрастия которого я знал лучше, чем свои собственные.

«Мы разошлись не на шутку!» – с невольным ужасом и одновременно удовлетворением замечаю я. Ну, разве возможно теперь остановиться? Осталось только избавиться от мешающей одежды и...

Пам-па-бам! Бам!

Думаю, все это точно закончилось бы весьма горячей сценой на офисном столе, но до меня дошло, что все эти «пам» и «бам» раздаются уже не в моей голове. Дверь в третий раз за эту ночь затряслась под ударами.

Сцена с замешательством повторилась, отчего у меня возникло ощущение дежа вю.

- Ты кого-то ждешь? сдунув с глаз налипший локон, пробормотала возбужденная Вера.
 - Нет, но если это шеф, то на моей работе можно ставить крест.

Кивнув, она, покачиваясь, слезла с меня и быстро натянула юбку и свитер.

- Отсюда не выйти на окнах решетки.
- Сижу за решеткой в темнице сырой, начала декламировать Вера, поднимая с пола свои сапоги-чулки.
 - Ты бы лучше помогла мне, огрызнулся я, застегивая джинсы.
- В отличие от Выкидышей, она оказалась довольно сообразительной и указала мне на шкаф, где те прятались.
 - Только не туда! Там соковыжималки, нашелся я.

К счастью, в примыкающей комнате стоял еще один шкаф. Молясь о том, чтобы и он оказался пуст, я открыл дверцу и вздохнул с облегчением — пару коробок с кухонными комбайнами нетрудно вытащить наружу. Что я по-быстрому и сделал.

- Полезай! приказал я, освободив место. И чтобы ни звуку!
- На вешалке моя одежда, сними ее, это были последние Верины слова.

И нельзя забывать про одежду Дениса и Толика в основной комнате.

В дверь снова постучали. А еще говорят, что дежа вю объясняется нейрофизиологическими отклонениями. Как бы не так!

Вернувшись в главную комнату, я схватил вещи двух Выкидышей и открыл двери шкафа, в котором те прятались. Они сидели коленями друг к другу и сверлили меня сердитыми взглядами.

- Я все понимаю, сказал я, в спешке кидая на них одежду, но на этот раз, похоже, и вправду шеф. Потерпите еще немного.
- Бля, твою мать, если он тут задержится, я выйду и придушу его. А потом тебя, пригрозил Толик.
 - А потом Веру, злобно тявкнул Дёня.

Слова последнего прозвучали уже из-за дверей шкафа – я успел закрыть их. В прихожей я схватил с вешалки пальто и шапку Веры и закинул их в шкаф, где она сидела.

Моя подруга мило улыбнулась и протянула ладонь, на которой лежал пока еще неиспользованный презерватив.

– Потом, – пообещал я и закрыл дверь.

Хотя прошло не больше полминуты, мне казалось, что я сильно задержался с открыванием двери. Посмотрев в глазок, я убедился, что это действительно шеф.

- Паша, ты чего так... так долго? поинтересовался он, когда я открыл дверь.
- Извините, Андрей Юрьевич, заснул.
- Вам молодым хоро... хорошо, произнес он, проходя в прихожую, а вот у нас, стариков со сном проблемы.

Речь шефа была размазанной и не совсем внятной – верный признак того, что он где-то основательно предавался алкогольной интоксикации. Пока он неуклюже раздевался, я прикидывал, через сколько же он отрубится.

– Опять меня эта су... сука выгнала. Ну, выпил, ну задержа... ался. С кем не бывает? Она же знает... я работаю. А она думает, что я с кем-то...

Попытка снять ботинки, не развязывая шнурки, привела к тому, что он чуть не повалился на пол. Я схватил его за ворот помятого пиджака в последний момент.

- Андрей Юрьевич, вы не дома, здесь разуваться не надо, напомнил я ему.
- Не надо? в его поросячьих глазках что-то всколыхнулось. Отлично, а то эта стерва посто... постоянно приказывает мне разуваться. Ей пар... ик!.. паркет, видите ли, жалко. Сука!

О ком он говорил, не составляло труда догадаться. Конечно, о своей жене. Эти разговоры я слышал не раз, и по ним можно было построить совсем не лестное мнение о ней. Ревнивая до безумия стерва, для которой скандал был также естественен, как глоток воздуха. Если она и вправду была такой, то почему он не развелся с ней до сих пор? Загадка.

Предоставив свое плечо в качестве опоры, я помог своему сорокапятилетнему шефу добраться до дивана, где тот уселся и принялся снова плакаться мне в жилетку. Я заранее знал все, что он скажет, но перебивать не собирался. Я и так уже ходил по тонкому льду, спрятав в конторе сразу трех посторонних.

Излив свою душу, он возжелал выпивку и направил меня в соседнюю комнату к сейфу, где хранилась непочатая бутылка французского коньяка. Проходя мимо Вериного шкафа, я не удержался и подмигнул. В ответ я услышал легкое постукивание ее лакированных ногтей по дереву.

Набрав названный им код, я достал коньяк...

Через полтора часа шеф отключился. Я и сам еле держался на ногах – коньяк и поздний час сделали свое дело. Так, сейчас главное не ошибиться, сказал я сам себе, определяя дальнейший план действий.

Хотя в моей голове плескалось хмельное море, я все сделал правильно.

Первой я выпустил Веру. Она попыталась напомнить мне о «сладеньком», но, увидев мое никудышное состояние, сразу все поняла и, чмокнув в щеку, быстро удалилась. Затем настала очередь Дениса с Толиком. Однако, вернувшись в комнату, я обнаружил, что звери уже выбрались из клеток сами и теперь разминали свои изрядно затекшие конечности.

Кажется, Толик хотел что-то сделать со мной, потому что двинулся ко мне с очень недобрым выражением лица, но Денис его остановил. Первый все еще косился на меня, когда я закрывал за ними дверь, а потом...

Потом я выключил свет в офисе, улегся на диван рядом с храпящим шефом и сомкнул веки. Вселенная вращалась перед глазами, и я беспомощно падал в черную бездонную пропасть.

В ту ночь мне снилось, что в дверь конторы снова стучали. На этот раз пожаловали мои родители, и мне жизненно необходимо было спрятать от них шефа. А оба шкафа были

уже заняты, и я никак не мог объяснить ему почему. К счастью, вскоре кошмары уступили место здоровому крепкому сну.

Глава пятнадцатая

ЗАГОВОР

Когда я проснулся, за окном уже было светло, и доносившиеся оттуда звуки говорили об активной жизни города. Бросив взгляд на настенные часы, я увидел, что время около десяти утра, и выругался.

По субботам контора начинала работать ближе к обеду, и потому никто меня не разбудил – просто некому было. Андрей Юрьевич, по всей видимости, проснулся раньше и спокойно удалился, оставив меня досыпать. А в институте у меня сегодня две пары с восьми утра. Даже если я мигом отправлюсь туда, то успею только к концу второй.

Торопиться смысла не было, и потому, закрыв контору на ключ, я отправился к себе домой.

Обед уже был почти готов, когда в прихожей зазвонил телефон. Денис.

- Ты сейчас дома будешь? спросил он, даже не поздоровавшись.
- Вообще-то да. А что?
- Отлично, жди меня, я скоро приеду.

И гудки. Пожав плечами, я положил трубку и вернулся на кухню.

Видимо, есть на этом свете справедливость – я успел поесть до прихода главного Выкидыша (именовать его так про себя постепенно входило в привычку). На этот раз Денис пожаловал один, без Толика. Когда я поинтересовался насчет последнего, он сказал, что «не пасет» его.

– Послушай, – начал Дёня, пододвигая табурет к себе, – пока мы вчера томились в шкафу, а ты развлекался с Верой и пьянствовал со своим начальником...

Я хотел объяснить ему, что никакое это было не развлечение, а скорее вынужденная необходимость, но он вскинул руки, словно отмахиваясь.

 Это не имеет значения, – сказал он, облокотившись на стол. – Важно то, что я коечто понял за этот вечер.

Денис замолчал, ожидая, что я задам очевидный вопрос. Решив, что лучше всего побыстрому подыграть ему, я спросил:

- Ну и что же ты понял?
- А то, что Вера не всесильна.
- Это ты, конечно, Америку открыл.
- Ты не понял, я не о физическом всесилии. Дело в том, что ты, я, все мы привыкли к мысли, что Вера всегда управляет обстоятельствами, да она и не давала повода думать иначе. Для нас Вера это стихия, которой нельзя прекословить. Кстати, налей мне кофе, пожалуйста. Со сливками, если тебя не затруднит.

Я до сих пор не мог привыкнуть к наглости Дениса, но как порядочный хозяин поднялся, чтобы выполнить его просьбу. Пока я возился с посудой, Дёня повернулся к столу боком и оперся спиной о стену. Положив ноги на соседний табурет, он продолжил свою речь.

– Она находит такие пути, чтобы всегда оказываться на высоте. Устраиваемые ею тесты, всевозможные козни являются продуктом ее коварного ума. Они далеко не случайны, как все мы думали в свое время. И потом, мы изначально находимся в заведомо невыгодном положении – Вера знает условия игры, а нам приходится их разгадывать. Потому-то она всегда на несколько шагов впереди.

Денис расселся на полкухни, вытянув свои дурацкие ноги до середины. Я, не сказав ни слова, обощел это препятствие, поставил чашку с дымящимся кофе перед ним, и уселся слушать дальше. Пока что я не понимал, к чему он клонит.

- Кроме того, она знает все наши слабые места и пользуется ими, чтобы оказаться в руководящей позиции, так сказать. Вот Толик, например сильный, уверенный, решительный. Как по-твоему Вера подмяла его под себя?
 - Не знаю, я задумался. Наверное, с помощью секса.
- Ну да, конечно, Денис сделал глоток из чашки и сморщил нос. Толик этого секса знаешь, сколько повидал? Причем и такого, какой Вере даже не снился.

Меня задело такое замечание.

- Не знаю. А ты знаешь? переспросил я, глядя на него.
- Да... Ну, то есть, догадываюсь. Предостаточно.

Ой, а не скрываешь ли ты что от меня, Дёня-солнышко?

- Очень просто. Она изобразила заблудшую, но избалованную девочку. Этакий энфан террибль¹¹, который просто несносен, но им нельзя не восторгаться. Девки, с которыми Толик встречался до той поры, были безынициативны и недалеки. Это как раз то, что ему, как будущему семьянину, нужно. Таких, как они, знаешь ли, легко к ногтю прижать я тут главный, так что не рыпайся и точка. А Вера оказалась для него яркой, недосягаемой звездочкой. Такую хочется сорвать, хотя знаешь, что обожжешься. Она капризничала, вызывала зависть у его друзей, умело играла на его мужском достоинстве, отчего он чувствовал себя на высоте. Все очень просто, друг мой.
 - Ну, хорошо. А ты?
- Я? он отвел взгляд в сторону. В моем случае она избрала иную тактику. Сыграла роль внимательной ученицы, которой было приятно все объяснять. С ней я чувствовал себя настоящим гуру. Она слушала меня буквально с открытым ртом, постоянно подчеркивала мой ум и способности, пока не оказалось слишком поздно. Я очень привязался к ней и уже не мог обходиться без ее внимания.

Мне показалось странным, что он использовал слово «привязался». Неужели только это? А как же любовь?

- А ты, продолжил он, допивая кофе, с тобой все одновременно проще и сложнее. Проще в том плане, что она не нацепила на себя какую-то определенную маску, хотя и с тобой она не такая, какая есть по-настоящему.
 - Разве ты знаешь, какая она по-настоящему?
- Нет, Денис покачал головой и достал сигарету, мне кажется, никто из нас этого не узнает...
 - Эй, прервал я его, когда тот щелкнул зажигалкой. Курить на балконе.

Денис замер, словно вор, пойманный с поличным, а затем вопросительно глянул на форточку. Я кивнул в ответ и поднялся с места, пропуская его к окну.

- Она прямолинейна и сексуальна вот что можно сказать о ней, когда она с тобой.
- В кухню ворвались первые клубы женственно-мягкого Парламента. Едва успев обозначиться в комнате, они смешались с промозглым осенним воздухом. Мне тоже захотелось курить, но я сдержался. Не буду же я просить сигареты у Дениса, если он сам не предлагает!
 - Сексуальна? А с вами у нее было не так?
 - Нет. И не спрашивай меня, почему. Я не знаю.

¹¹ Enfant terrible (франц.) – ужасный ребенок.

- Ладно. А почему сложнее?
- Да потому что она меняет модель поведения с тобой. То ласкова, то холодна. Причем, она холодеет после определенных моментов помнишь, тот случай с крышей и недавнее оккультное представление. Возможно, это объясняется сроком. Все-таки, с тобой она провела больше времени, чем со мной и с Толиком почти пять месяцев, и пока не думает расставаться.
 - Ну, допустим. К чему ты мне все это рассказываешь?
 - А вот к чему.

И Денис мне объяснил. Чем больше он говорил, тем меньше мне все это нравилось. Нет, в том, что он предлагал, ничего особо плохого не было. Если угодно, это как раз напоминало то, что Вера вытворяла со всеми нами. И все же что-то в его предложении мне не нравилось. Я не мог ему возразить, у меня не хватало аргументов.

- Да, такое, наверное, можно устроить. Но зачем?
- Как это зачем? Денис опешил от моего вопроса. Неужели ты не хочешь дать отведать ей собственного зелья? Неужели не хочешь сравнять счет?
 - Я не веду счет, и не считаю все это игрой.
- А вот она считает, запальчиво ответил он. Ты воспринимаешь все Верины поступки всерьез, в то время как для нее это лишь очередное развлечение.
- Но это не повод, Денис. То, что ты предложил, похоже на глупую детскую забаву. Я уверен, что Вера имеет причины, чтобы так себя вести, просто нам они неизвестны. Но кем будем мы, если поступим так безо всякого на то основания?

Мой гость замолчал. Закусив губу, он оценивающе смотрел на меня.

- Скажи, наконец, обратился он, ты любишь ее? По-настоящему любишь?
- Да, люблю, с готовностью ответил я.
- Но как ты можешь любить, если совсем не знаешь ее? Получается, что ты любишь тот образ, который она избрала себе, будучи с тобой.

Видя недоверие на моем лице, он объяснил:

- Не думаешь же ты, что она на самом деле такая, какой ты ее видишь. Ведь с Толиком она вела себя иначе, со мной тоже. Да и ты не исключение. Суть в том, что никто из нас не знаком с настоящей Верой, а она нас знала и знает как облупленных. И поэтому из всех нас только она имела объективное право говорить, любит она кого-нибудь или нет.
- Почему ты считаешь, что я не знаю Веру? Я пробыл с ней заметно дольше, чем ты или Толик, возразил я.
- По-твоему срок что-то меняет? Денис едва заметно улыбнулся. Пашка, пойми, она тебя все это время тестировала. Она знает, кто ты такой на самом деле. И я даже не исключаю мысли о том, что теперь она знает тебя лучше, чем ты сам. А что ты знаешь о ней? Какая она по-твоему: добрая или злая, справедливая или эгоистичная, честная или лживая?
 - Я думаю, она хорошая.
- Хорошая! фыркнул он. Ты думаешь, но ты не уверен. А она уверена в том, что знает про тебя.
- Хорошо, пускай я ее не знаю, начал раздражаться я. Но при чем тут то, что ты предлагаешь?
- При том! Ты получищь возможность узнать настоящую Веру. Устроить ей тест и получить результаты, после которых сможещь делать выводы о том, кто она по-настоящему. Она не будет ожидать проверки, потому что по ее мнению ты на такое просто не способен. Соответственно, ее поведение в данной ситуации будет естественным, что и требуется для достоверных результатов.

В его словах был здравый смысл, но я все еще колебался.

– Ты ничего не теряешь, Павел, – продолжал уговаривать он. – Если в ходе нашей проверки окажется, что она, как ты говоришь «хорошая», то твоя любовь к ней будет иметь

все шансы на будущее. Но если выяснится, что она не обладает той порядочностью, которую требует от своих мужчин, то тебе придется пересмотреть свое отношение к ней, снять пресловутые розовые очки. Так или иначе, ты только в выигрыше.

И я решился.

Для начала надо было, чтобы Вера обратила на меня внимание.

Денис сказал: «Если Веру что и может пробить, так это равнодушие. Ее можно любить и ненавидеть, уважать и презирать. Ее можно превозносить до небес и посылать куда подальше. Но ее нельзя игнорировать, для нее это сродни поражению».

Я так и поступил. Когда она пришла ко мне в понедельник вечером, я почти не смотрел в ее сторону, вяло отзывался на поцелуи, почти ничего не говорил сам, а на вопросы отвечал односложно. В общем, всячески показывал, что на меня напала хандра.

Разумеется, от Веры не могло ускользнуть такое мое настроение.

- У тебя сегодня банный день, что ли? не выдержала она.
- Нет.
- А чего тогда паришься?

Я рассказал ей. Все, как просил Денис.

Он предупредил: «Конечно, такая история звучит не очень-то правдоподобно, но ты для нее хорошо изученная территория. Она считает, что знает тебя, и потому не будет ждать чего-то еще кроме правды. Она настолько привыкла быть первой во всем, что для нее недопустима сама мысль о том, что кто-то может ее перехитрить».

Суть моей истории была такова. На меня наехал начальник. Да, тот самый, Андрей Юрьевич. Как наехал? Сказал, что в мое дежурство пропали не до конца оформленные банковские документы, которыми кто-то воспользовался и получил по ним приличную сумму денег.

Нет, я не брал этих бумаг. За кого ты меня принимаешь? Где лежали? Говорит, что в сейфе. Да, да, там еще коньяк стоял, который я доставал. Почему в милицию не обратился? Не знаю, возможно, он считает, что без милиции он скорее выбьет из меня деньги. Ты спрашиваешь, какие? Да те самые. Он уже намекнул на то, что, если я не возмещу пропажу бумаг на этой неделе, то меня посадят на счетчик. Что потом? Суп с котом! Потом ко мне придут его люди и потолкуют со мной о моей жилплощади.

Нет, Вера, я не смог его разубедить. Он твердо уверен в том, что именно я взял эти бумаги и потом превратил их в деньги. Какая разница, был ли я сегодня в институте? Алиби? Он мне сразу сказал, что мне достаточно было забрать документы, а кто-то другой их бы обналичил. Заявить на него в милицию? Тогда мне точно кранты — не только квартиру заберут, но еще и самого укокошат. Или сделают калекой на всю жизнь. Как тебе такая перспектива? Не бойся?! Ага, тебе легко говорить, а ты побудь-ка на моем месте.

И все в таком же духе.

Вера задала мне еще несколько вопросов о моем шефе, работе и конторе, после чего погрузилась в молчание. По ее глазам было видно, что она перебирает всевозможные решения. Но какие мысли крутились у нее в голове?

- Который час? нарушила она тишину через некоторое время.
- Без пяти восемь.
- В таком случае, она поднялась с кровати, я еще успею.

У порога Вера обернулась:

- Не жди меня сегодня.
- Ты куда?
- Мне нужно встретиться кое с кем. А сиденьем на месте делу не поможешь.

Она бодро поскакала вниз по ступенькам, а я, закрыв дверь, ощутил неприятный холодок в желудке. Я вдруг понял, что, стоя на вершине горы, запустил вниз небольшой

снежок, который с каждым оборотом будет увеличиваться в размерах, пока не разрастется до огромного снежного кома. И тогда с ним уже никто не справится.

Прошло три дня, и я разволновался не на шутку. Вера не звонила, и я не знал, что и думать. Но я был твердо уверен, что она как-то решает мою «проблему».

Самые дурные мысли упорно лезли ко мне голову и не желали покидать ее. То я думал, что Вера успела предпринять какие-то меры по отношению к моему ничего не подозревающему начальнику, и вот-вот грянет беда. Тогда пострадает невинный человек. То мне казалось, что все случится наоборот, и Андрей Юрьевич совсем не столь безобиден, каким я его считаю. Например, он может вычислить то, что Вера наводит о нем справки и замышляет что-то против, и тогда уже ей грозит опасность.

Я терзался сомнениями, не зная с кем можно поговорить. Денис пожимал плечами, когда я пытался поделиться с ним своими тревогами.

– Псов войны уже не остановить, – сказал он. – Что зачато, то начато.

Ага, тебе-то легко говорить, Эйнштейн. Не твоя работа, а скорей и того больше, на кону. Ждать утешений от Толика мог только олигофрен, а я таковым не являлся. Потому и не делился с ним.

Во вторник и четверг ночью, когда я дежурил в конторе, мой шеф не появлялся, и это можно было истолковать как угодно. Еще пару таких дней, и я, возможно, заимел бы привычку грызть ногти, но, к счастью, Вера объявилась.

Я услышал звонок телефона, еще когда подходил к своей двери. Все пары в институте уже закончились, и впереди, как я думал, был очередной дурацкий день. Я и не представлял себе, насколько дурацким он окажется.

Открыв дверь в квартиру, я бросился к телефону.

- $-A_{\Lambda\Lambda0}!$
- Паш, это я, Верин голос в трубке был приглушенным, неразборчивым.
- Послушай, я тут чуть с ума не сошел!

Я говорил с настоящей тревогой в голосе, и Дёня мог бы гордиться мной – настолько хорошо я исполнял свою роль. Но в тот момент я не играл, и мне было наплевать на Дениса, на этот тест, на все вообще. Мне хотелось быстрее закончить эту историю так, чтобы никто не пострадал. Ни Вера, ни я, ни мой начальник.

– Я все понимаю, Павлик, но сейчас не могу долго разговаривать. Тут возникла нехорошая ситуация, появились осложнения.

У меня похолодело в животе. Мои дурные предчувствия сбывались.

– Слушай внимательно и делай все, как я говорю. Понял?

Я машинально кивнул.

– Записывай адрес кафешки.

Пока я записывал, по моей спине скатились первые капельки пота.

- Будь там через час. Если я не смогу, то к тебе подойдет кто-нибудь другой. Он тебе все объяснит. А теперь мне пора делать ноги.
 - Вера, что случилось? в моем голосе сквозило неподдельное смятение.
 - Извини, по телефону никак. Приезжай туда. Целую! И вот еще что.
 - $-\Delta a$?
 - Будь осторожен.

И она повесила трубку.

Я посмотрел на себя в зеркало. Мне совсем не понравилось бледное лицо, смотревшее на меня оттуда.

В воздухе кружились первые снежинки. Пушистыми опахалами они неспешно парили вниз. Снега было так много, что асфальт очень быстро покрылся чистым белым

покрывалом. Ноябрь, наконец-то, разродился зимой. Прохожие на улице в большинстве своем радовались долгожданному снегу, кое-кто ловил его руками, пробовал на вкус. Люди как-то подобрели, и чуть ли не на каждом шагу можно было услышать разговоры о зиме, изменившейся погоде и Новом Годе.

К сожалению, я не разделял их чувств. Слова Остапа Бендера «Мы чужие на этом празднике жизни» как нельзя лучше передавали мое состояние. Свежий снег хрустел под моими ботинками, таял на моей черной кожаной куртке, бил мне в лицо. Но внутри я был холоднее, чем он.

Место встречи я нашел довольно быстро. Оно находилось в самом центре города в подвальчике за книжным магазином, что делало его неприметным для случайных прохожих. Когда я спустился в названное Верой кафе (вывеска неуверенно гласила, что это пиццерия), то ни ее, ни других знакомых лиц там не увидел. Усевшись за один из свободных столов, я огляделся. Вероятно, не столь давно это была обычная общепитовская закусочная. Новый хозяин постарался приукрасить доставшееся ему помещение, но без капитального ремонта это было, увы, практически невозможно.

Грубый кафельный пол под ногами, столы и стулья, сделанные, похоже, еще при самом царе Горохе, стены, покрашенные в дурацкую желтую краску – все это окружало меня, не стесняясь своей уродливости. Если что и успело существенно преобразиться, так это прилавок. Теперь он больше походил на барную стойку, так как был сделан из дерева, а рядом с ним стояло несколько высоких круглых стульев. Долговязый мужик в белой рубашке, которому явно было за тридцать, стоял за прилавком и равнодушно смотрел в мою сторону.

- Я ненадолго, кивнул я ему, мне тут встречу назначили.
- Парень, у нас тут не клуб знакомств, устало заметил он. Если собираешься торчать здесь, то бери что-нибудь.
 - А что у вас самое дешевое?
 - Кофе, например.
 - Тогда мне чашечку, пожалуйста.

В дальнем углу кафе сидели пара алкашей и тихой сапой уговаривали бутылку дешевого портвейна, что-то упорно доказывая друг другу. Я посмотрел на часы – прошло больше часа с телефонного звонка, а Веры до сих пор нет. Ситуация нравилась мне все меньше.

– Парень, чё ждешь, пока остынет? Забирай давай свой кофе!

Я подошел к прилавку и вежливо поинтересовался, сколько я должен. Продавец назвал сумму.

- Это вы столько за экзотический интерьер берете или чашка входит в стоимость? не выдержал я, выкладывая запрошенное количество денег.
 - Развелось фраеров, понимаешь. Что ты, что она. Не нравится проваливай.
 - Что:
 - Проваливай, говорю, если не нравится.
 - Нет, до этого вы сказали «она». Кто «она»?
 - Да была тут одна недавно, сказал продавец. Такая же язва.
 - Вера? Вы видели Веру?

Мои пальцы вцепились в прилавок. Продавец смерил меня подозрительным взглядом.

- Да хрен знает, как ее там звали. Их высочество, видишь ли, не соизволило представиться.
 - Что она сказала?
- Сказала, что еще не видала, чтобы такой отвратительный кофе, так дорого стоил.
 Да чего ей надо? У нас пиццерия, а не кафетерий вообще-то!
 - Нет, я про другое. Она просила что-нибудь мне передать?

- Ничего не просила. Посидела, выхлебала свой кофе и через некоторое время вообще смоталась. Я оборачиваюсь, а ее уже и след простыл.
- И это все? Ничего больше не было? Она была одна или с кем-то? вопросы так и сыпались из меня.
 - Да. Нет. Одна. Что-то еще?
 - Нет, ничего.

Я взял кофе и вернулся к своему столику. Попивая горячий приторно сладкий напиток, я смотрел на пустующее помещение пиццерии и долговязый силуэт бармена. Снаружи уже, наверное, смеркалось, но я об этом мог только догадываться – окон в подвале не предусматривалось.

Значит, Вера была здесь, но почему-то не дождалась меня. Почему? Может, ей грозит опасность? Возможно, она что-то успела натворить с моим шефом, и теперь выяснилось, что он ей не по зубам. Мне оставалось лишь сидеть и ждать. И для меня сейчас это было самым трудным занятием из всех возможных. Я достал сигарету и закурил, слава Богу, хоть это здесь не возбранялось.

Время близилось к вечеру, и в так называемую пиццерию стали заходить люди, возвращавшиеся с работы, чтобы пропустить по сто грамм и расслабиться. Помещение было наполовину заполнено, когда дверь, скрипнув в очередной раз, открылась. В проеме показался человек со знакомой копной вьющихся темных волос. Хотя баки он, по всей видимости сбрил, я все равно легко узнал в нем Марика.

В первую же секунду я понял, что что-то не так – мой знакомый клептоман запыхался, и его глаза были чуть ли не на выкате. Увидев меня, он ринулся к моему столику и попытался все объяснить:

- Пашка, выручай! Я не знаю как, но они меня выследили. Верка сказала, что она их отвлекла, но...
- Кто тебя выследил? спросил я, ощутив как неприятный ком в животе разрастается, словно раковая клетка. Что случилось? Где Вера?
 - Неважно. Сейчас нужно делать ноги, пока они не нашли нас!
 - Кто не нашел?

Дверь в кафе снова открылась. Марик обернулся и приглушенно взвыл:

– Они здесь!

В кафе ввалились двое здоровых парней. Они рыскали глазами по помещению, и не трудно было догадаться, кто им нужен. Черные кожаные куртки и спортивные трико с кроссовками явно говорили о том, что они не из общества книголюбов. Узрев Марика и меня, они подошли к нам. Один положил огромную ручищу на плечо моему гостю и силой усадил его напротив меня, а сам уселся рядом. Второй подвинул меня к стене и сел сбоку.

Вблизи эти двое смотрелись еще более накачанными, чем мне показалось вначале. Они были во всем похожи – в одежде, в очень коротких стрижках, в больших кистях со сбитыми костяшками и в абсолютно пустых глазах. Будь сейчас Вера здесь, она наверняка бы спросила, не одно ли у них яйцо на двоих. Но мне было не до шуток.

Я решил, что Марик вот-вот потеряет сознание. Он весь побледнел и даже, как мне показалось, немного усох. Да, мне тоже было страшно, очень страшно, но я еще помнил о Вере. Господи, в какую историю она вляпалась? В какую историю я втянул ее?

Тот, что сидел напротив меня потер ежик на голове ладонью и цыкнул:

- Ну, чё? Приехали?
- Я... я не понимаю.
- А чё тут понимать? спросил тот, что сидел сбоку. Все просто. Ты звонишь своей сучке, чтобы она приехала, и тогда ты, может, уйдешь отсюда не на сломанных ногах.
 - Почему? Что она вам сделала? в моем голосе слышалась неприкрытая истерика.
 - Тебя это ебёт?

Ебёт, – машинально ответил я, не успев спохватиться.

Сидевший рядом со мной громила повернулся с ухмылкой, от которой мне стало не по себе.

Твоя сучка сделала то, чего не должна была делать. Теперь она за это ответит.
 Если не она, то ты и твой лохатый друг будете отвечать за нее. Выбирай, – сказал он и заговорщически добавил. – Только ты ведь все равно скажешь нам, где она.

Пот лил с меня в три ручья. Как я хотел отмотать время на несколько дней назад, чтобы отменить идиотский тест, придуманный Денисом. Но было поздно.

– Я не знаю ее номера, я даже не знаю, где она живет, – сделал я честную попытку.

Громила, сидевший с Мариком, схватил того за правую руку и положил ее на стол. Марик смотрел на происходившее большими черными глазами, его лицо было не просто белым, а почти прозрачным. Я вдруг понял, что сейчас стану свидетелем чего-то нехорошего.

Верзила схватил указательный палец и со всей силы отогнул его назад. Я услышал резкий хруст, и Марик взвизгнул. Он мелко и часто задышал, почти как роженица, смотря на свою руку и не веря собственным глазам. Темное помещение поплыло перед глазами и мне стало дурно. Я отвернул взгляд от его пальца, который торчал под неестественным углом.

- Следующий палец будет твой, пообещал мой сосед. Меня не волнует как, но ты ее найдешь, и скажешь, чтобы она топала сюда поскорее. Иначе палец будет только началом.
- Позвони от него, кивнул другой на продавца, который усиленно делал вид, что не замечает нашу компанию.

Люди, сидевшие неподалеку, были поглощены своими заботами, своими разговорами, своей водкой. Никто никому на этом свете не нужен. Никто никому просто так не помогает. Если кто-то и способен тебе помочь, то только ты сам.

Сердце мое колотилось так, как еще не колотилось никогда в жизни. В голове возникла кристально чистая ясность мышления, я видел все возможные варианты поведения, но знал, что у меня есть только один из них. Я закрыл глаза.

Не знаю, как чувствуют себя те, кто прыгают с высоченного трамплина в воду, но сейчас я ощущал себя именно так – назад дороги нет, под ногами дрожащая опора, впереди лишь один единственный шаг, а затем свободное падение.

Я сделал вдох.

Я сделал выдох.

И я прыгнул.

Глава шестнадцатая

ГОРЬКАЯ ПРАВДА

– Хорошо, я позвоню Вере. Только, пожалуйста, отпустите его, – кивнул я на Марика. – Иначе с ним точно что-нибудь случится.

На Марика и вправду было страшно смотреть. По бледности его лицо могло соперничать с ликами мертвых, которые я регулярно наблюдал в анатомичке.

Громилы обменялись взглядом, и тот, что сидел рядом со мной, кивнул.

- Короче, слушай сюда, сказал его товарищ Марику. Ты сейчас тихо, спокойно пойдешь к себе домой или куда вы там педрилы ходите, когда обосретесь, и не будешь высовывать носа. Если надумаешь звонить в ментуру, то мы тебя из-под земли достанем. И сделаем еще больнее. А потом ты сдохнешь. Понял?
 - Мгм, Марик кивнул, поджав губы.

Руку со сломанным пальцем он держал прижатой к груди, а его глаза смотрели в какую-то точку над моей головой – словно никого рядом и не было.

– А теперь вали отсюда, – презрительно бросил его сосед и чуть отодвинул свой стул, чтобы дать Марику протиснуться.

Выходя из кафе, он обернулся и посмотрел на меня кротким взглядом. Я видел, что он хотел мне что-то сказать, но все же не решился, и покинул заведение.

- Ну чё, звонить будешь? спросил сидевший рядом со мной, точно так же отодвигая свой стул. Телефон под прилавком.
 - Не надо, у меня свой есть.

Я вытащил Эрикссон и включил его. Бандиты переглянулись и тот, что сидел напротив, спросил:

- Это ты, типа, студент, что ли?
- Студент, кивнул я.

Набрав номер и дождавшись ответа, я объяснил Вере, где жду ее, и что она должна приехать как можно скорее. Конец связи.

- Ну вот, так бы сразу и позвонил, сказал второй, когда я вырубил трубку. Не пришлось бы тогда и тому педику пальцы выкручивать.
 - Э, слышь, браток, второй протянул ко мне руку, дай-ка трубу глянуть.

Я протянул ему свой мобильник, решив, что лучше не спорить. Он повертел ее в руках и как бы между прочим заметил:

– Я, типа, тоже собираюсь обзавестись мобилой, да все не решил, какую взять. А твоя мне понравилась. Ты же не против, если я у тебя ее возьму, да?

В животе заиграло неприятное ноющее чувство. Я прекрасно понимал, что он просто-напросто отнимает у меня сотовый. Конечно, я мог бы из-за этого устроить сцену. Но стоит ли телефон сломанного пальца или того больше? Сомневаюсь.

И все равно мне было неприятно от самой мысли, что у меня отнимают что-то мое.

Ничего, суки, подумал я, со злобой глядя, как он прячет Эрикссон во внутренний карман своей куртки, и на нашей улице перевернется фургон с печеньем.

Фургон перевернулся ровно через пятнадцать минут, когда приехала Вера. Точнее, когда должна была приехать она. В общем, это надо было видеть.

Дверь в кафе в очередной раз отворилась, и ближайший ко мне бандит в недоумении начал приподниматься. В помещение вошел Толик, а следом за ним еще трое таких же внушительно больших парней, как он сам. Мои соседи не на шутку струхнули, сообразив, что вместо одной Веры к ним пожаловали сразу четыре.

Толик был, как всегда, спокоен, я бы даже сказал, флегматичен. Он подошел к нашему столику и, положив руки на плечи моим новым знакомым, рывком усадил их на место со словами:

– Куда торопимся, девчонки?

Сам он присел рядом, а за соседним столиком, прогнав компанию алкашей, расположились двое его спутников и уставились на нас. Еще один, совершенно лысый, в длинном кожаном плаще, стоял у прилавка, что-то тихо объясняя продавцу, который поспешно кивал в ответ.

На Толиковом ежике блестело несколько снежинок, уши немного торчали в стороны, но в остальном он выглядел весьма авторитетно. По крайней мере для бандитов, судя по их изменившимся лицам. Они молчали.

Посетители кафе тайком косились на обилие квадратных силуэтов и бритых голов.

– Мне тут сказали, – облокотившись на стол и нахмурившись, проговорил Толик, – что вы ждете Веру. Это так?

Парочка молча кивнула.

– Так вот, парни, Веры не будет. Я вместо нее, понятно?

Они снова дружно кивнули.

– Ну, давайте. Чё вы хотели ей сказать?

- Да, ниче мы не хотели. Так, вообще.
- Нет, так дело не пойдет. Вы выдернули меня, моих пацанов. А теперь говорите, что это все зря? Ни хера, за базар надо отвечать.
 - Да мы-то чё? Это ж он звонил, бандит кивнул на меня.
- Он мой друг, чеканя каждое слово, пояснил Толик. И зря он звонить мне не будет. Если позвонил, значит, вы ждали Верку. Я уже сказал, что я вместо нее. И чё теперь?

Тот в плаще, что разговаривал с продавцом, подошел к нашему столику и тихо поинтересовался, не пора ли нам всем сходить отлить. Толик сказал, что уже давно пора. Моим двум знакомым помогли подняться и отвели их в служебный туалет, так как другого тут, по всей видимости, не имелось. Толик чуть задержался, пропустив их вперед.

- Надеюсь, ты правильно меня поймешь, если я скажу, что готов расцеловать тебя? с облегчением спросил я.
 - Только при пацанах не говори, ухмыльнулся он. Ну, чё с этими?

Я объяснил, как все было.

- Ладно, я пошел к своим. Сейчас разберемся, что к чему. А ты сиди здесь.
- Я с тобой!

Он обернулся и покачал головой:

– Не советую.

Что-то в его взгляде заставило меня усесться обратно.

-
 Ладно, ладно. Ты только узнай у них, чего там Вера натворила. Вдруг ей оп
асность грозит.
 - Не учи ученого, бросил Толик и скрылся в коридоре.

И все-таки, какой он молодец, подумал я, вспомнив свой телефонный звонок «Вере». Так быстро все понять и среагировать.

Я чувствовал себя окрыленным. Да, конечно, еще рано радоваться, но пока что у нас наметилась передышка. А потом, глядишь, может, о чем-то договоримся с этими бандитами или с теми, кто за ними стоит.

Почувствовав на себе взгляд продавца, я обернулся. Теперь тот смотрел на меня иначе, хоть и немного затравленно, но с уважением.

– Еще кофе, – крикнул я ему, театрально щелкнув пальцами, – и на этот раз хорошего.

Толик появился минут через десять. На его лице было очень редкое для него выражение – задумчивость. Он не спеша подошел к столику, за которым я сидел, и, опершись на него руками, уставился на меня. Костяшки его пальцев были перепачканы кровью.

- Ну что, узнал что-нибудь?
- Наверное, тебе лучше самому все это услышать, покачал он головой. Пошли.

Я в нетерпении поднялся на ноги и последовал за ним.

– Что они сказали, а?

Но он промолчал. Оказавшись перед туалетом, Толик пнул белую дверь, пожелтевшую от времени, и мы вошли внутрь.

Туалет я описывать не буду. Если хоть раз побываешь в таком заведении, то легко представить, как оно выглядит — грязно и неухожено. Все мое внимание заняли двое бандитов, стоявшие на коленях среди мутных луж и темных грязных пятен на коричневом кафеле. Друзья Толика ненавязчиво окружили их. Лысый в плаще стоял у писсуара, второй — с белобрысым ежиком и свиной мордой — у мойки, третий просто у окна, их позы были расслаблены, а руки скрещены на груди. Однако было ясно, что вырваться они тем двоим не дадут. Недавние агрессоры утирали кровь, льющуюся из разбитых носов, со злобой посматривая на меня.

Толик подошел к ним и приказал:

- Повторите все для него. Только быстро.
- А чего повторять? быстро заговорил тот, что сломал Марику палец. Это она нас попросила все устроить. Сказала, припугните его хорошенько, но не перебарщивайте. Если будет спрашивать, то вы от Андрея Юрьевича. А потом...

Мне показалось, что земля вот-вот уйдет у меня из под ног. Два противоположных чувства боролись за то, чтобы овладеть мной. Первым было облегчение от мысли, что весь этот кошмар оказался очередной проверкой Веры, и нам ничего не грозит. Но в то же время я испытывал настоящую ярость оттого, что меня так жестоко разыграли. Ведь я волновался за нее по-настоящему, а она посмеялась надо мной. И еще напомнила мне, что я трус.

Ярость росла во мне с каждой секундой. И справедливая мысль о том, что я в какомто смысле заслужил это – ведь именно я заварил всю кашу – в данный миг звучала неубедительно.

Парни рассказывали подробности, но меня это уже мало интересовало. Хотя один вопрос я все же задал:

- А как же палец Марка? Это тоже было подстроено?
- Он у него уже давно был сломан, и с тех пор не сросся. А хруст он сам сделал.
- Как?
- Пальцами другой руки. Ты же на нее не смотрел тогда.

Понятно. Вера, как опытный режиссер, внесла в эту сцену элемент, который бы убедил меня в реальности происходящего. И я на него купился. А кто бы не купился?

Когда они закончили свой рассказ о том, как Вера попросила их разыграть меня, я спросил:

- Почему? Зачем вы это сделали? Она вам заплатила или что-то еще?
- Мы ей обязаны кое-чем.
- Чем?
- Не все ли равно?

Толик сделал шаг к парочке и занес кулак:

– Говори! – рявкнул он.

Мой недавний сосед по столу затравленно посмотрел на него снизу вверх. На его опухшем от ударов лице уже проступали первые синяки. Левый глаз заплыл и больше смахивал на какой-то экзотический лиловый фрукт. Мне стало его жалко.

– Она нам просто помогла, понимаешь. Выручила, когда все отвернулись, – с надрывом произнес он. – Если ты в такой же ситуёвине окажешься, то поймешь, о чем я.

Мой бывший одноклассник сделал к ним еще один шаг.

– Толик, не надо!

Он обернулся и нехотя опустил кулак.

– Ну, и чё теперь будем делать?

«Пацаны» Толика смотрели то на него, то на меня. Вероятно, они не могли понять, какая связь существует между ним и мной, лохом по их понятиям. Связь, которая позволяла мне указывать ему и которая заставляла его спрашивать у меня, что делать дальше.

– Для начала вы можете отдать мне мой мобильник.

Они поспешили это сделать.

– Теперь можете встать на ноги.

Ярость, кипевшая во мне, придавала моему голосу авторитетность, а моим мыслям – ясность.

Бросая недоверчивые взгляды на окруживших их парней, эти двое поднялись.

- Я так понимаю, что Вера ждет от вас результатов. То, что здесь произошло, останется между нами. Об этом ей ни слова, понятно?
 - А что мы ей скажем? Мы же должны ей что-то сказать.

Я включил мобильник и набрал номер Дениса, но приятный женский голос сообщил мне, что абонент недоступен, и попросил перезвонить позже. Тогда, порывшись в карманах,

я нашел мятый проездной за сентябрь, на обратной стороне которого написал телефонный номер, и протянул его им.

– Прежде чем встретиться с Верой, вы дозвонитесь вот по этому номеру. Спросите Дениса. Объясните ему все, он скажет, что нужно говорить Вере. А потом вы забудете все что здесь произошло. И тогда у вас не будет проблем, понятно?

Они слушали меня, Толик слушал меня, его дружки слушали меня. Туалет был моей сценой, и я был гвоздем программы.

– А теперь можете идти.

Кто-то из парней спросил:

-Толян?

Тот лишь молчаливо кивнул, и парочка, недавно вселявшая в меня настоящий ужас, спешным шагом покинула туалет. Занавес.

– Ты, в натуре, как Майкл Корлеоне¹² базарил, – добродушно заметил лысый, сбрасывая суровое выражение с лица.

Все рассмеялись. Я воспринял это в качестве комплимента, хотя только смутно догадывался, о ком он говорит.

– Все, парни, финита бля комедия, – бодро произнес Толик. – Уходим.

Они начали покидать туалет один за другим.

– Ну, а ты чё будешь делать?

Я посмотрел на Толика, и он одобрительно кивнул, увидев неприкрытую злость в моих глазах.

– Поговорю с Верой.

Она пришла ко мне в тот же вечер. Веселая, с покрасневшими от первого мороза щеками и горящими глазами, она вошла в мою квартиру с видом победительницы. Вера еще не знала, что я настроен весьма решительно.

- На улице обалденная погода, просветила она меня, пошли гулять.
- Чуть позже, мой голос был сух. А пока проходи, разговор есть.
- Ну тебя, затворника.

Она махнула рукой и прошла в зал, где разлеглась на моей кровати. Я же встал у косяка и, скрестив руки на груди, уставился на нее. Молча. Не мигая. Не отводя взгляда.

Долго она не выдержала.

- Нравлюсь? - кокетливо спросила Вера и приняла весьма аппетитную позу.

Однако за внешней веселостью я различил настороженность, подводящую меня к выяснению отношений. Я промолчал.

– Ну, хорошо, - с ее лица спала маска притворства, - в этот раз, допустим, я перегнула палку.

Она слезла с кровати и уселась на полу, обняв колени руками.

- Ты не перегнула палку. Ты ее вообще, на фиг, сломала.
- А что такого? Ну, подумаешь, пошутила неудачно, ее голос чуть дрожал. Я находил это странным.
- Нет, Вера, это не неудачная шутка. Это просто... просто низкий поступок с твоей стороны. Нельзя так поступать с людьми. Особенно с теми, кому ты не безразлична.

Я выбрал верный тон – спокойный, рассудительный, так говорят родители со своими нашкодившими детьми, умные родители. Криком я бы ничего не добился.

Она повесила голову.

– Я говорю не об испуге, Вера, – продолжал я, – а о другом. Да, я хороший трус, мы оба это знаем. Но зачем лишний раз напоминать мне об этом? Если бы ты просто проверяла мою храбрость...

¹² Главный персонаж романа Марио Пьюзо «Крестный отец», впоследствии экранизированного.

При слове «проверяла» она на мгновение посмотрела на меня, но потом снова уткнулась лбом в колени.

-... я бы это еще понял. Но нет, ты сыграла на другом. Я боялся, что с тобой что-то произошло, и весь твой спектакль еще больше убедил меня в этом.

Опустившись перед ней, я взял ее руки в свои.

– Я боялся за тебя, а ты жестоко посмеялась над моими чувствами, Вера. Вот что непростительно. Зачем ты меня мучаешь? В чем я виноват перед тобой?

Когда она подняла голову, я увидел в ее глазах слезы.

– Прости.

Она выдернула свои руки из моих, словно я был чумной.

– Прости, – повторила она, – иногда на меня находит что-то такое и я...

Не закончив мысль, она поднялась на ноги и нетвердой походкой вышла из комнаты. Через некоторое время вернулась с клочком бумаги в руке.

– Что это? – спросил я, принимая его.

На листке был записан телефонный номер и имя «Алик».

- Мой подарок тебе, - утирая слезу, сказала она и вяло улыбнулась. - Я все-таки нашла управу на твоего шефа.

Она мне все объяснила.

Андрей Юрьевич лет шесть назад по совету друзей переписал все, что у него имелось – машины, квартиру, деньги и даже фирму – на свою супругу, а сам остался гол как сокол. Жена оказалась порядочной стервой и, как только почувствовала, что он у нее на крючке, принялась вести себя так, как ей заблагорассудится. В конце концов, развестись он с ней не мог, иначе бы потерял абсолютно все. А отписывать имущество и фирму обратно ему она, конечно же, не собиралась. И потому, оказавшись заложником собственного благосостояния, он был вынужден терпеть ее выходки.

Однако в последнее время его благоверная начала сама задумываться о том, чтобы найти себе мужа порасторопнее да посимпатичнее. Но без весомых причин делать это она не решалась, потому что могли возникнуть серьезные неувязки с родительскими правами. Андрей Юрьевич пригрозил, что попытайся она развестись, он сделает все, чтобы дети достались ему. Конечно, она не очень-то верила своему мужу, который больше говорил, чем делал, но некоторые связи у него все же имелись, и потому в ее душе поселились сомнения.

- Откуда ты все это узнала? спросил я Веру.
- У меня есть свои каналы.

Измена подходила как нельзя кстати, и, что немаловажно, суд в таком случае безоговорочно принял бы сторону жены. Именно на это била Вера. В один из вечеров она устроила случайную встречу с моим шефом, чуть не попав под колеса его Ауди. Потом они поехали в ресторан, а после в гостиницу.

Я слушал Веру, и во мне зрело дурное предчувствие. Мне казалось, что она рассказывает все это, чтобы подготовить меня к самому худшему.

– Затевая все это, я знала, на что шла. Достаточно было нескольких фотографий – твой босс с полуголой девкой, то есть со мной, на коленях. Это почти готовый развод и в то же время всего лишь видимость измены. Поначалу все шло хорошо, он посадил меня к себе в автомобиль, сначала хотел отвезти в больницу, но я убедила, что у меня ничего не сломано. Тогда он решил искупить свою вину и отвез в ресторан. Там мы разговорились, выпили. Потом мы поехали к нему в контору, а вот дальше… – на миг Вера остановилась, словно раздумывая над чем-то, и затем торопливо добавила: – произошло то, что я не планировала. Он потерял над собой контроль.

Я отчаянно замотал головой, отказываясь верить ее словам.

Да, Паша. Я спала с ним, – глухо произнесла она и, криво усмехнувшись, добавила:
 Если это, конечно, можно назвать пересыпом.

В моем животе вспорхнули миллионы ледяных бабочек и тут же разлетелись в разные стороны. Ноги заныли, словно от дикой усталости, а сердце начало неровно выстукивать. Даже голова закружилась.

- Он тебя изнасиловал?
- Изнасиловал? Почему сразу... она бросила на меня растерянный взгляд. Хотя да, может и... но, понимаешь, все дело в том... в том, что отчасти я и сама пошла на это.
 - Сама? Нет, Вера, этого не может быть!

Она смотрела на меня с сожалением и, как мне казалось, даже с испугом.

– Прости, Паша... – начала было она, но сморщилась и отвернулась. – Он приставал ко мне, и вначале я честно отбивалась. Но что могла сделать одна против взрослого мужчины, который уже все решил. Я даже успокоила себя мыслью, что так будет... куда убедительнее. Понимаешь? Иногда лучше сделать раз и наверняка, чем после идти на новые жертвы.

Я отказывался верить в это. Я не мог представить себе, что тихий, почти всегда пьяненький Андрей Юрьевич изнасиловал девушку, которую я люблю. Но до недавнего времени я много чего не мог себе представить.

– Пока все это происходило, я старалась не смотреть в окно. Там стоял мой знакомый, которого я попросила щелкнуть несколько снимков. Ни он, ни я не были готовы к тому, что произошло. Но он все сделал, как я просила.

Пока мой шеф спал, она отправилась к своему другу Алику, работавшему в милиции, и написала заявление. Он помог ей пройти осмотр и сдать необходимые анализы, которые подкрепляли более чем серьезный компромат на моего шефа.

– Сейчас это заявление лежит у него в столе, тебе нужно только позвонить, и он пустит бумагу в дело или же, наоборот, зарубит. Но сначала поговори со своим боссом. Предложи простой обмен – уверяю, он отстанет от тебя, и ты заберешь мое заявление. Обязательно скажи, что помимо заявления у тебя есть фотографии, которые его жена найдет весьма интересными.

Перед глазами у меня все плыло, голова ежесекундно разрывалась на тысячи кусочков. Я чувствовал себя раздавленным, убитым.

– Вот так, Паша, – вздохнула она и, не дожидаясь моих слов, торопливо вышла в прихожую.

Я последовал за ней и увидел, что она одевается. Да, наверное, лучше будет, если она оставит меня одного на какое-то время.

- Как ты могла пойти на это? в моем голосе смешались горечь, презрение и ужас.
- Пойми, так лучше всего. От обычного обвинения много не добъешься, а вот с фотографиями он не отвертится.

Она говорила, не смея поднять глаза, вместо этого предпочитая возиться с обувью.

- Да даже если бы и так. Почему ты со мной не посоветовалась? Мы бы придумали что-нибудь другое.
- Не обманывай себя, Паша, не придумали бы. Надежнее решения я не видела, ты бы тоже не нашел. Так мы бы и сидели, пока беда не грянула.
 - Беда уже грянула, глухо произнес я.
- Да почему! Я ведь... ну как же, сбивчиво начала она, но в бессилии махнула рукой. – Да пойми, же ты наконец. Я ведь это сделала для тебя, чтобы помочь тебе. Твой потный босс мне и даром не нужен!

Она уже обулась, поднялась, и на ее глазах опять были слезы. Она по-прежнему смотрела куда-то в пол, в стену, только не на меня.

– Это ничего не меняет.

Мне хотелось умереть. Забыть себя, ее, всю эту историю, раствориться в эфире навсегда.

– Этот секс... Паша, пойми... даже не секс вовсе. Механизм, физиология – все только из-за крайней необходимости. Такой он для меня ничего не значит. Почему он значит что-то для тебя? Скажи, почему?

Мне было противно слушать Веру, но еще противней было быть собой – ведь это с моей подачи все завертелось. Хоть тест и был придуман Денисом, но именно я принял окончательное решение – не надо обманывать себя хотя бы в этом. Она пытается оправдать собственное бессилие жертвой во благое дело. Но никакого благого дела не было, и ее жертва оказалась никому не нужной. И в этом моя вина.

Меньше всего на свете я хотел открыться ей сейчас, рассказать о своих чувствах, о своей любви. Большего всего я хотел, чтобы она узнала правду. Но только не от меня, нет.

Вера еще какое-то время стояла, застыв в ожидании ответа. Не получив его, она вздохнула, накинула пальто и притянула меня к себе. Ее растекшаяся тушь размазалась по моим щекам, но в тот момент я чувствовал лишь ее горячие медовые губы. И еще сердце, колотившееся в ее груди.

- Я ухожу, наконец, произнесла она.
- Куда?
- Не знаю. Мне нужно разобраться в себе, шмыгнув носом, ответила она. Мы с тобой слишком далеко зашли, Паша, и теперь даже я не знаю, что делать дальше. Я ведь тоже не рассчитывала, что все так затянется.
 - Ты прощаешься со мной?

Теперь мне стало страшно по другой причине.

– Пока да, – впервые за этот вечер она счастливо улыбнулась, – но через какое-то время я вернусь. Дождись меня, обязательно дождись.

С этими словами она покинула мою квартиру. Несколько секунд я стоял на месте, пытаясь все переварить, но затем стряхнул оцепенение и выбежал на площадку.

Вера спускалась по лестнице и уже дошла до второго этажа. Я видел ее в лестничном пролете, освещенном тусклым светом лампочек на этажах. Она шла, глядя себе под ноги, ее плечи были опущены. Такой одинокой, такой уязвимой показалась она мне в этот момент. Услышав шум сверху, она подняла голову и, увидев меня, улыбнулась. Но лучше бы Вера плакала — на ее слезы было бы не так больно смотреть, как на эту вымученную, полную горечи улыбку.

И только из-за этой улыбки я пошел за ней. Мои ладони скользили по изрезанным перилам, а глаза были прикованы к Вере.

- Обещай, что ты еще придешь, бросил я, спускаясь вниз, и мой голос эхом прошелся по всем этажам. Даже если ты решишь бросить меня, все равно обещай, что придешь хотя бы сказать мне об этом.
 - Хорошо, обещаю! крикнула Вера и, ускорив шаг, выбежала из подъезда.

Когда я вышел на улицу, там уже никого не было. Снег рыхлыми хлопьями падал на землю, было темно, промозгло и холодно.

На следующий день я позвонил Алику. Он сказал, что Вера с ним уже связалась и мне не следует ни о чем волноваться. Я наплел ему какую-то историю и дал отбой. Чуть позже, когда я брал расчет в конторе, сам Андрей Юрьевич поинтересовался, чем вызван мой уход.

– Учебы много, не справляюсь, – ответил я, стараясь не смотреть на него.

Я не испытывал к нему сильной ненависти, как должен был бы, будучи рогоносцем. Возможно, потому что это мы с Верой воспользовались им. Возможно, потому что я до сих пор не мог поверить, будто он способен на изнасилование. Но работать и дальше в его конторе, где все произошло, я уже не мог.

«После всего этого я понял лишь одно. Если ты не готов играть в ее игры, то лучше не играй. Принимай в них участие, будь испытуемым, но не становись на ее место. Это слишком большая ответственность, и последствия могут быть самыми непредсказуемыми».

Отложив ручку, я откинулся и перечитал последнюю запись в дневнике. Прошло несколько дней с тех пор, как Вера ушла от меня. На этот раз я даже не пытался ее найти, так как знал, что она этого не хочет. Я немного успокоился, но это ничего не значило – боль потери мертвой хваткой вцепилась в меня и не желала отпускать. Меня терзали постоянные мысли о Вере, я вспоминал ее смех, ее глаза, ее тело. Без нее я чувствовал, будто мне вырезали сердце, оставив взамен глухую непреходящую боль.

Закончив читать, я выключил свет и улегся спать. Ночь за окном овладела городом, и в свете фонарей тихо падал снег. Я заснул, но даже во сне Вера не пришла ко мне.

Так потянулись долгие месяцы ожидания.

Глава семнадцатая

новый год

Я в задумчивости стоял у окна, потягивая пиво из алюминиевой банки. Снаружи смеркалось, и в соседних домах все чаще зажигались огни. Я стоял один, в темноте.

Заканчивался ноябрь – уже две недели прошло в одиночестве, однако Вера так и не объявилась. Она даже ни разу не позвонила. Первые дни я искал спасение в своем дневнике, куда, словно последние увядшие листья, падали мои грустные мысли и воспоминания о ней. Но по прошествии первой недели весь самоанализ сошел на нет.

«Ничего нового. Достали занятия и постоянная зубрежка. По MTV крутят один и тот же отстой. Надоело готовить, надоело стирать, вообще все надоело. Может, переехать обратно к родителям?».

Или чуть позже с перерывом в три дня:

«Высыпаюсь до тошноты. С тех пор, как ушла Вера, и я уволился с работы, у меня появилась уйма свободного времени. Чем заняться? Медицина навевает на меня тоску, а общаться остается только с одногруппниками. Сегодня я опять сидел дома, вспоминал Веру и смотрел телевизор. Весь день тупо болит голова. Завтра нужно будет сходить к родителям, навестить их, а то еще обидятся на то, что я давно у них не был. Погода шепчет: «Займи, но выпей». И вправду, напиться, что ли?».

Сквозь щели в оконной раме в комнату проникал холодный сибирский ветер. Я, отхлебнул пива, подошел к комоду, который служил мне письменным столом, и включил настольную лампу. Полумрак рассеялся – я увидел перед собой раскрытый учебник по гистологии, пару незавершенных рисунков органов чувств, еще одну банку темного пива и пачку «Winston». Вытащив сигарету, я вернулся к окну. Не знаю, почему, но в последнее время я любил подолгу стоять у окна, наблюдая за тем, что происходит не в моей жизни.

«Такое ощущение, будто я теперь смотрю жизнь по черно-белому телевизору. Исчезла Вера, и вместе с ней пропали краски, потускнели цвета. Все окружающее имеет какой-то скучный серый оттенок.

Каждый новый день превращается в настоящее мучение. Я просыпаюсь с мыслями о Вере, я чищу зубы перед зеркалом, думая о ней, в троллейбусе меня заботит не предстоящая сессия, а то, где Вера сейчас, все ли с ней в порядке. На занятиях меня отвлекают от воспоминаний о ней, отчего я злюсь и становлюсь кандидатом на отчисление. Любая целующаяся парочка для меня словно пощечина. Оставшийся день и вечер я тоже думаю о ней, как, впрочем, и когда засыпаю. Но хуже всего в выходные».

«Разве я не ценю качество?» – именно такой фразой пестрели рекламные плакаты любимых мною сигарет. Огромные щиты, заполонившие город, стояли на главных улицах и четко запечатлелись в моем сознании. Да, разве я его не ценю? Точнее, ее. Хотя понятие

качества, наверное, нельзя примерять к живому человеку, но все же — ценил ли я Веру? Красивая, умная, энергичная, загадочная. Несмотря на все недоразумения, мы были с ней хорошей парой. Были? Но она же обещала вернуться! Более того, сейчас, сильнее чем когдалибо, я чувствую, как все мое существо загибается вдали от нее. Вера, пожалуйста...

«Я виноват и каюсь в своем малодушии. Мне не следовало соглашаться на предложение Дениса, а поступать честно и прямо, тогда Вера до сих пор была бы со мной. Я готов терпеть любые ее причуды, лишь бы снова увидеть ее».

Сделав глубокую затяжку, я закрыл глаза. Мы слишком навалились на Веру. Под «мы» я имею ввиду наш триумвират, Выкидышей, которые помогли мне нарушить ее планы, ускорить события, после чего все пошло насмарку. В конце концов, это нечестно – трое на одного. То есть, на одну, но это не важно.

Я вполне справлялся в одиночку – не соблазнился на секс втроем, сумел найти Веру через Марика, полез за ней на карниз и даже проявил мужество. Что мне мешало и дальше оставаться самим собой?

Прогудевшая за окном машина прервала мои размышления. Открыв глаза, я оглядел улицу. Было уже совсем темно, но в тусклом свете фонарей я четко различил мужскую фигуру, неподвижно замершую на месте. Странно.

«25 ноября. Днем я более получаса наблюдал за подозрительным типом в длинном черном пальто, который торчал у меня под окнами и чего-то ждал. Тут что-то не так».

Опять? Кажется, за мной наблюдают. Может, его подослала Вера? Но зачем ей это надо? Выкидыпи? Они тоже давненько не появлялись, но им проще зайти и поговорить. Не вижу смысла. Может, до Андрея Юрьевича, наконец, дошли слухи о выходке Веры, и он решил мне отомстить? Уж кто-кто, а он после всей этой истории точно в накладе не остался. Тоже отпадает.

Запиликал мобильник, валявшийся на телевизоре. Я сделал несколько шагов в полумраке комнаты и взял аппарат в руки. На табло телефона высветился абсолютно незнакомый мне номер. Вдруг это Вера?

– Алло? – взволнованно ответил я, но услышал лишь короткие гудки.

Когда я вернулся к окну, то обнаружил только пустую улицу, покрытую тонким слоем грязного ноябрьского снега. Было тихо, как в морге.

Прошла еще одна мучительная неделя. Однажды утром я услышал звонок в дверь, а, открыв, обрадовался нежданному гостю.

- Здорово, Пашок.
- Ого! Какие люди. Только не говори, что снова «на пять сек». Ты уже давно у меня не появлялся.
- Угу, вот заскочил... начал было Толик и улыбнулся, на пять сек. Дольше не могу, парни в машине ждут.

Но все же, пожав мне руку, он вошел в квартиру.

Сегодня он пришел один. На нем был темно-синий пуховик, раздувающий еще больше его массивную фигуру, спортивные штаны и зимние ботинки с тупым носком, да пряжкой сбоку. Словом, вполне обычный для него «прикид».

- Дело есть, - серьезно проговорил Толик, поигрывая барсеткой.

Я молча кивнул в ответ, понимая, что просто так он бы не приехал. Но я все равно был благодарен ему за визит.

- Ты тут, типа, не при деньгах.
- А откуда тебе...
- Ну, брось ты, перебил меня Толик. Всяко понятно, раз на работе не появляещься, значит, и не платят ни фига. А на одну стипуху жить подохнуть проще.

Да уж, согласился я, с такими доводами не поспоришь.

- Короче, тут один кент аптеку открывает. Презервативы, таблетки, остальная байда, то есть, как и везде. Народ у нас больной, сам знаешь: вода плохая, ТЭЦ травит, да еще этот реактор под боком бизнес что надо, одним словом. Так этому мужику персонал требуется, медики, там, продавцы всякие. Пойдешь?
 - Но я же не фармацевт!
- И чё? Деньги, что ли, лишние? Ты не боись, никуда не встрянешь. Крышу, сам понимаешь, обеспечим. Зарплата черным налом, без всяких вычетов. При этом с законниками все шито-крыто никакого криминала.
- Ты не понимаешь. Чтобы в аптеке работать, нужно фармацевтом быть, а я лечащий врач. Меня совсем другому учат.
- Эх, Пашка, не знаешь ты настоящей жизни. Думаешь, кого-то волнует кто ты такой и что можешь? Ни фига, главное кто тебя поставил. Сечешь?

Видя мое несогласие, он продолжил:

- Ну как хочешь, мое дело предложить.
- Спасибо, конечно, но не получится. Я сам найду работу, не волнуйся.
- Ну да, творческий поиск это, типа, круго, пробормотал он и, немного помолчав, добавил: Кстати, а как там Верка?
 - Как-как никак, нету ее, вяло заметил я.
 - Чё, до сих пор не появлялась? сощурившись, спросил он.
- Я уныло кивнул головой. Толик понимающе вздохнул, шевельнув своими оттопыренными ушами.
- Λ адно тогда, бывай, сказал он, поворачиваясь к выходу. Сегодня он и правда приехал на «пять сек».
 - Погоди, я с тобой, придержал я его за пуховик. Мусор выкину.

Мне хотелось хоть немного отсрочить свое одиночество. Накинув куртку и захватив мусорный пакет, я вышел вслед за Толиком и запер квартиру. По лестнице мы спускались молча.

- Ты, это, заходи как-нибудь. Пивка попьем, сказал я, когда мы уже вышли на улицу.
 - Ладно, как-нибудь. Ща не до того, бывай.

В девятке Толика дожидались его приятели. Сев к ним, он махнул мне на прощание рукой. Машина тронулась с места и, выехав со двора, скрылась за домом. Таким был последний визит Толика в этом веке. Даже Выкидыши меня покинули.

До мусорки я шел в самом дурацком расположении духа. Впрочем, и на обратном пути к дому ничего не изменилось. Но когда я на всякий случай заглянул в свой почтовый ящик, мое сердце радостно забилось. В ящике лежало письмо. Без адреса. Без отправителя. Девственно чистый белый конверт.

«Привет, Паша!» – распечатав конверт, я узнал ее почерк. Это была Вера! Мне даже показалось, что бумага пахнет ее духами, хотя, конечно, это была всего лишь игра воображения.

Чем больше я читал, тем больше преображался мир вокруг меня. Тусклые краски подъезда окрасились в радужные тона. Вера написала мне! Она помнит меня. Она думает обо мне. Еще не все потеряно!

«Как ты живешь? О чем думаешь? Впрочем, это все риторические вопросы – ответить мне ты все равно не сможешь. Поэтому давай лучше я расскажу тебе о себе.

Сейчас я далеко от тебя и даже не знаю, увидимся ли мы снова. Нам довелось многое пережить вместе, и за это время я поняла, что привязалась к тебе. Не то чтобы я не могу без тебя, но лучше уж быть с тобой. Думаю, ты меня понимаешь.

Не знаю, как ты относишься ко мне после всего, что произошло. Я согласна, я порядком натворила и, как всегда, разгребать завалы пришлось тебе. Но я не хочу, чтобы

ты ненавидел или презирал меня за то, чего я не делала. Собственно, поэтому я и пишу это письмо.

В тот вечер я тебя обманула! Я не спала с твоим начальником. После того, как были сделаны фотографии, я сбежала от него, и тут в меня словно бес вселился, как это обычно со мной бывает. Мне вдруг захотелось увидеть твою реакцию на новость о моем изнасиловании. Не знаю, откуда все это взялось, но я придумала продолжение моей эскапады. Что же, я узнала твою реакцию. Но только теперь понимаю, насколько это было жестоко с моей стороны.

Не знаю, сможешь ли ты меня простить за все, но, во всяком случае, ты будешь знать обо мне правду. Прости меня, если сможешь!

Bepa».

Дочитав письмо, я крепко сжал его в руке, зажмурился и глубоко вздохнул. На глаза наворачивались слезы. Конечно, я был безумно рад тому, что на самом деле Вера мне не изменяла, и не менее сильно огорчен, что она мне соврала, но сейчас не это было главное. Я все бы ей простил, только бы она вернулась. Лишь бы у нас все было как прежде. Пусть опять будут тесты, пусть она приходит и уходит, когда захочет, главное не потерять ее окончательно. Я боялся этого больше всего, но именно это, похоже, и грозило произойти. Перечитав письмо еще раз, я только лишний раз убедился в том, что Вера прощается со мной. Раскаиваясь в своей лжи, она не давала никакой надежды на будущее.

Понурив голову, я медленно пошел вверх по лестнице.

Неделя до Нового года. Город преображался на глазах. Улицы заполнялись светящимися украшениями — гирляндами, многочисленными елками, и электрифицированными салютами, которые беспрестанно мигали лампочками, изображая разноцветные взрывы пиротехники. Самыми популярными украшениями были связки лампочек, которые попеременно зажигались и создавали эффект спускающейся лесенки. Они были установлены в окнах каждого магазина, любой уважающей себя конторы.

«Да уж. А мне совсем не до праздников. Я сильно отстаю в институте и до сих пор не представляю, как и с кем буду справлять Новый год. Похоже, я был прав насчет Веры. Ее нет и, скорее всего, не будет. Письменно извинившись передо мной, она, наверное, успокоилась и решила меня не ворошить свое прошлое, в котором я застрял. Времени прошло немало, и, думаю, она даже успела найти мне замену. Такие, как она, без внимания точно не останутся. Наверняка, рядом с ней сейчас какой-нибудь более удачливый ухажер. К тому же, еще и при деньгах... Да, пошла она! Дура! Избалованная девчонка... Ведь, не смотря ни на что, я все равно жду ее! Ни минуты не проходит, чтобы я о ней не вспоминал. Вера, Вера, ну неужели я тебя все-таки потеряю? Неужели я тебя уже потерял?» Я не хотел в это верить.

Чем оживленнее люди вокруг меня готовились к празднику, тем в большее уныние я впадал. Похоже, еще немного и я бы ударился в стихоплетство.

Время от времени кто-то названивал мне на сотовый с разных номеров, но в ответ я слышал лишь дыхание, приглушенное сопенье, а затем – гудки. На Веру это было не похоже, а всякие шутники меня мало волновали. В конце концов, это могли быть мои завистливые одногруппники, разузнавшие мой номер. Мне даже надоело наблюдать за незнакомцем в черном пальто, появляющимся раз в три-четыре вечера и расхаживающим под моим окном. Психов везде хватает. Какое мне дело еще до одного убогого?

Я сдал кое-какие зачеты, обрубил половину хвостов, ровно столько, чтобы меня вычеркнули из черных списков на отчисление. Оставшиеся хвосты приходились на философию, гистологию и английский. С физкультурой же, напротив — все легко уладилось. Мама мне в два счета сделала справку, и вместо посещения нужно было подготовить небольшой реферат, который я благополучно списал у старшекурсников. Только вот интересно, если у большинства моих одногруппников родители работают врачами, то кто же тогда ходит на физкультуру?

«31 декабря. Я один одинешенек. Веру в Новый год уже точно можно не ждать».

Я твердо решил, что просижу весь праздник дома, у телевизора. Для приличия, конечно, заскочу к родителям, побуду немного и уйду. Что я там забыл? К ним придут друзья, всем будет весело, а мной прочно завладела хандра. Не хочется людям праздник портить своей кислой физиономией. Ну и ладно, это даже оригинально – Новый год в одиночку. Будет о чем вспомнить.

Маятниковые часы, стоявшие в углу возле двери на балкон, показывали половину восьмого. Я лежал на кровати и пялился в старенький «Горизонт», который излучал сегодня столько счастья, веселья и надежды, что хотелось на стенку лезть от тоски. Дошло до того, что я стал подумывать, а не остаться ли у родителей – все же не один буду.

Мама уже звонила и спрашивала, во сколько меня ждать. Я не сказал ничего вразумительного, сославшись на то, что мне нездоровится и хотелось бы выспаться перед бессонной ночью. Нехотя я поднялся с кровати и подошел к шифоньеру. Никто теперь не следил за моим внешним видом, поэтому в последнее время я распустился. Реже стирал одежду, мог ходить в одних и тех же носках по четыре дня и дольше, брился два раза в неделю. Но сегодня нужно было выглядеть прилично, праздник как-никак. Завтра официально наступает новый век, торжество неимоверное, пропади оно пропадом!

– Пришел наконец-то! – мама выбежала мне навстречу, улыбаясь и суетясь. – Ну, давай быстренько, раздевайся и за стол, все гости уже пришли.

В одной руке она держала ножик, в другой – луковицу, а на праздничную белую блузу был накинут старенький фартук. Судя по всему, она еще не закончила с приготовлениями. Значит, я ничуть не опоздал.

Неуклюже обняв (ей мешали нож и луковица), она поцеловала меня в лоб и крепко прижала к себе. От нее пахло духами и домашним уютом. И что удивительно, мне полегчало. Хоть я по-прежнему болел Верой, тяжесть в груди немного отпустила.

Из большой комнаты доносились многочисленные голоса, шумел телевизор, играла музыка. Мне совсем не хотелось идти туда со своим подавленным настроением, улыбаться гостям, поддерживать нудные застольные беседы. Все что мне было нужно, так это Вера – лекарство от всех болезней – веселая, непринужденная, родная. Да, как это ни странно, за прошедшие полгода она стала мне роднее, чем все вместе взятые в этой квартире.

– Ну, что ты встал на пороге, как бедный родственник, быстренько-быстренько, – сказала мама и скрылась на кухне. Через секунду-другую, она выбежала в зал, держа в руке большую салатницу с селедкой под шубой. Видимо, она относила последние блюда в комнату, где сидели уже подвыпившие и веселые гости.

Пока я раздевался, из комнаты вышел Сергей Михайлович, муж тети Любы, в руке он держал видеокамеру с оттопыренным экранчиком.

- Здравствуйте, молодой человек, с наступающим, - пробасил он, протягивая руку.

Хоть он и обращался ко мне, его взгляд был устремлен на экран видеокамеры, отчего он смахивал на страдающего жутким косоглазием человека, который не может смотреть на тех, с кем здоровается.

– Здрастье, вас также, – ответил я, невольно крякнув от его твердой мужской хватки.

Сергей Михайлович был полковником, человеком серьезным, целеустремленным и прямолинейным, впрочем, как и все военные. Однажды мама сказала о нем: «Именно такой мужчина и нужен Любе, чтобы смог совладать с ее бурным характером». Только сейчас до меня дошло, что она никогда не ставила вопрос другим боком: какая женщина нужна самому Сергею Михайловичу?

- Ваши пожелания к Новому году? спросил он, все так же пристально наблюдая за мной в экранчик камеры. Давай. Только по-мужски, четко и внятно.
 - Эээ... промямлил я, пытаясь отделаться от мыслей о женском эгоизме.

Мне нечего было сказать. Тем более, перед ним я всегда терялся, взгляд непроизвольно уходил в сторону, и на лице расплывалась неуправляемая идиотская улыбка. Только сейчас мне было не до улыбок, и я молчал.

– Сережа! Не мучай мальчика, – пришла мне на помощь тетя Λ юба, внезапно вынырнувшая из комнаты. Она схватила меня за руки и потащила к гостям. – Пойдем, пойдем, не слушай его.

Дядя Сережа пытался еще немного заснять сцену моего появления, но тетя Люба сердито поджала губы и недобро посмотрела в его сторону.

– Ты посмотри, какой парень вымахал! Штрафную, штрафную ему, – раздавались со всех сторон громкие возгласы гостей, когда я, наконец, попал в зал. – Какой курс? Как учишься? Со специальностью определился? Жениться не собираешься?

Обводя взглядом присутствующих гостей, я вяло отвечал на расспросы, лишь бы меня оставили в покое. Здесь собрались в основном медики, мамины коллеги и подруги по институту. Тетя Люба с дядей Сережей, тетя Маша с мужем, Надежда Алексеевна с восьмилетним Димкой, тетя Лена, тетя Зоя, медсестра Тома со своим другом Михаилом, Борис Семенович, еще двое незнакомых мне женщин, и, конечно, бабушка. Несмотря на такое скопление народа, ощущение одиночества не покидало меня ни на секунду. Я уже вышел из того возраста, когда мог свободно чувствовать себя среди взрослых, и еще не дорос до того, чтобы общаться с ними на равных. Они, разумеется, всячески делали вид, что принимают меня за своего, но разница все же ощущалась.

Наконец, мне налили водку, отец объявил всем, что я стал уже совсем взрослым, живу отдельно и даже зарабатываю кое-какие деньги себе на жизнь. Надо было его поправить, напомнить о моем увольнении, но гости так увлеченно обсуждали папины слова, что я не решился и молча выпил отведенные мне сотню грамм под всеобщее ободрение.

Место возле меня пустовало, и я поинтересовался у тети Любы, кого еще не хватает.

– А, это доча Марии. Кстати, вот и она, легка на помине, – улыбаясь, сказала та, указывая на дверной проем за моей спиной, – знакомьтесь.

Обернувшись, я увидел пухленькую девчонку, одетую в неопределенную мешковатую одежду красно-оранжевых тонов. Волосы у нее были коротко острижены, покрашены в ярко-рыжий цвет и поставлены ежиком. На аккуратном округлом лице с симпатичным слегка вздернутым носом гуляла жизнерадостная улыбка, глаза были широко открыты, она с интересом разглядывала гостей. На первый взгляд ей было лет шестнадцать, но, позже я узнал, что мы с ней одногодки.

Привет, меня зовут Вита, – весело сказала она, усаживаясь со мной рядом. – Или Виталина, если полностью.

Вита? Какое странное имя. Каждый медик знает, что это жизнь в переводе с латыни.

– А меня – Паша, – сказал я и, вздохнув, добавил: – Просто Паша.

Мое имя переводилось куда прозаичней – маленький.

- Ага, хихикнула Виталина. Мы вообще-то на одном потоке с тобой учимся.
- Шутипь? я нахмурил брови. Нет, конечно, логично, что дети медиков учатся в меде, сейчас в ВУЗ поступают исключительно по блату, но... Что-то я тебя совсем не припоминаю.
 - Да я недавно покрасилась. Как-нибудь покажу старую фотку, ухохочешься.

Ответить я ничего уже не успел, так как у меня в кармане запиликал сотовый телефон. Черт, похоже, я сунул его туда не задумываясь. Самое гадкое в нашей жизни заключается в том, что мы сильно привыкаем к каким-то мелочам. А потом попадаемся на них.

- Алло! сказал я, обратив внимание на то, что все гости притихли и уставились на меня. В трубке раздавались предательские короткие гудки. Я убрал телефон, чувствуя, что все больше краснею под добрым десятком удивленных взглядов.
 - А мальчик-то с сотовым, нарушила тишину Вита. Твой?

– Что ты! Друг одолжил на недельку, – быстро открестился я, мысленно поблагодарив Виту за подкинутую идею.

Всех, кажется, убедил такой ответ, и я перестал быть центром внимания. Хорошо хоть, в это время мамы не было в комнате – отцу-то все равно, а вот она бы точно попыталась докопаться до истины.

В праздничной атмосфере я на время как-то забыл о своей хандре, и у нас с Витой завязался разговор. Она расспрашивала меня о тех вещах, которые обычно интересуют людей, которые учатся вместе. Что сдал, что не сдал, какие преподы нравятся, а каких на дух не переносишь.

Удовлетворяя ее любопытство, я наблюдал за ней и понял, что Виту в общем-то не портит ее полнота. Маленькая и пышненькая она походила на Юлю Чичерину, с таким же сипловато-хулиганским голосом и немного мальчишескими повадками. При этом она обладала всем, что необходимо женщине. Только женщине не в моем вкусе. Я не очень жаловал ее напористость, а главное – нагловатость, которая была явно частью ее вздорного характера.

Покончив с расспросами, Вита принялась сама рассказывать о себе, причем, явно не задумываясь над тем, будет ли мне это интересно. Она то и дело перебивала меня, словно боялась, что не успеет выложить все мысли, занимающие сейчас ее рыжую голову. И без того шаткий интерес к ней окончательно пропал, и я стал водить глазами по сторонам.

Вскоре подошла мама. Проголодавшиеся гости стали заранее нахваливать хозяйку, сделали громче музыку, опять включили камеру и принялись разбирать салаты. Застучали вилки, отовсюду послышалось: «А вам этого положить?», «Положите того пару ложечек», «Все, все, хватит!». И над самым ухом: «Паша, обслужи соседку».

- А? Да, конечно, я отрешенно потянулся за салатом, но Вита справилась сама, и сейчас проворно заполняла мою тарелку разнообразными праздничными яствами.
- Да ладно, заулыбалась она, видя мои попытки заняться самообслуживанием. Сиди спокойно, все пучком.

Вскоре посыпались первые тосты, звон бокалов, за ними последовали вторые и третьи, все они были благополучно записаны на видеопленку, копии которой долгие годы хранили семьи присутствующих. Интересно, просматривали ли они их на досуге или держали просто как бессмысленную реликвию?

Я до сих пор помню восторженные речи и веселый смех счастливых людей в этот семейный праздник. Да, отличное мероприятие, но вскоре я понял, что мне уже пора. Вероятно, это водка сделала свое черное дело – вернулась прежняя меланхолия. Встав из-за стола, я подошел к маме и шепнул ей на ухо о том, что ухожу.

- Но, Павлик, ведь все только начинается, с этими словами она ухватилась за рукав моего свитера, словно хотела удержать меня, если не уговорами, так силой.
- Я был непоколебим, мне срочно нужно было идти, иначе я опоздаю на празднование с одногруппниками. Пришлось выдумать такое оправдание, чтобы удалиться без шума.
 - Сынок, ты хотя бы пельменей дождись.

Нет, я решил не оставаться здесь больше ни секунды.

– Но чай с тортом ты просто обязан попробовать!

Нет, нет и нет!

– В таком случае хоть подожди, пока я тебе еды домой соберу. Праздник все-таки.

От этого я отказаться не мог.

Наш разговор не мог ускользнуть от внимания Виты:

- Марина Андреевна, мне тоже пора, Паша заодно меня проводит. Так ведь? Дура, тебя мне еще не хватало.
- Да-да, конечно, буркнул я в ответ.

Беспомощно улыбнувшись, мама обреченно вздохнула, словно принимая мой уход как нечто неизбежное, и отпустила рукав. Как я понял, Вита была образцово-показательной девочкой в глазах взрослых. Может, немного необычной и самостоятельной, но она нравилась всем, в том числе моей требовательной маме. Поэтому, увидев, что надо мной взял опеку такой «примерный ребенок», она смягчилась и отступила.

- Ну вот, молодые нас покидают, громко продекламировал отец, до этого все больше общавшийся со своей рюмкой. Неутомимая камера в руках дяди Сережи устремилась в нашу сторону и взяла крупным планом мое недовольное лицо.
- За молодых! выкрикнул раскрасневшийся Михаил, вскочив на ноги. Сам он был существенно моложе большинства сидевших за столом, поэтому его тост был встречен дружным смехом. Мы с Витой опрокинули по последней рюмке.

Кто-то из гостей крикнул «Горько!» и тут же захохотал довольный своей шуткой, но на него зашикали. На этой ноте мы с Витой и удалились.

На улице было очень холодно. Вот уже вторую зиму Новый год проходил в экстремальных условиях. Однако сорокаградусный мороз и лютый пронизывающий ветер удерживали сибиряков дома лишь до поры до времени. Когда начинал действовать алкоголь, обильно потреблявшийся почти в каждом доме, люди скопом вываливались наружу, не обращая внимания на суровый климат, и веселились.

Но мне было грустно и холодно. Я хотел лишь одного – быстрее добраться до своей квартиры. Но теперь придется провожать эту навязчивую дуру, Виту. Полцарства за такси!

- Тебе куда? спросил я, пряча нос в мохеровый шарф и заправляя перчатки в рукава не слишком теплой куртки.
- Да тут, рядом, проговорила Вита. Изо рта у нее шел пар. У тебя сигареты есть?
 А то у меня уши опухли, пока я там сидела без курева.

Я молча кивнул, не особенно удивившись – значит, не такая уж она и пай-девочка, как думают взрослые. Мы вытащили по сигарете и пошли в нужную ей сторону. Уже через пару минут у меня замерзли ноги, и я с завистью поглядывал на свою спутницу, шедшую рядом. Виталина была одета гораздо теплее – коричневая дубленка длинной до голени, теплый мохнатый капюшон, прячущий рыжий ежик ее головы, и массивные кожаные ботинки на толстой подошве. Глядя на ее энергичную походку, вспомнилась Чичерина и ее «Жара, жара!».

– Обними меня, сразу теплее станет, – сказала Вита и, не дожидаясь ответа, прижалась ко мне. Я так замерз, что не раздумывая принял ее соседство.

Теперь мы шли медленней, как диковинный зверь о четырех ногах. Однако нельзя было не признать, что такая вот близость к ее пышным формам мне нравилась.

- Ты потом куда? поинтересовалась Вита, прижавшаяся ко мне сзади. Ее голос прозвучал у самого моего уха. Не хочешь ко мне? Мои предки у твоих остаются квартира до завтра свободна. Вот мы и решили с друзьями праздник справить.
 - Не... я домой. К одиннадцати за мной должны заехать.
 - Кто?
 - Друзья.
 - Какие друзья?
 - Кирилл с Женей. Знаешь таких? спросил я, и Вита кивнула в ответ.

Еще бы! Я сглупил, назвав своих одногруппников.

– Мы с ними уже давно договорились, – подкрепил я первую ложь второй.

Оказывается, когда жизнь, как, впрочем, и ее тезка вынуждала, я мог вполне сносно врать. Но, конечно, в меру и по необходимости.

– Ну-ну, – многозначительно отметила Вита, – как хочешь, но ты приходи, если они вдруг не заедут. Обещаю, что не пожалеешь, – она заговорщицки подмигнула мне и усмехнулась.

Странная какая-то. Зачем я ей вдруг понадобился? Я не настолько веселый парень, чтобы меня запросто принимали в свою компанию, и не такой симпатичный и обаятельный, чтобы в меня влюблялись с первого взгляда. Кроме того, я не сделал ровным счетом ничего, чтобы ей понравиться. А Вита, похоже, положила на меня взгляд. Или глаз? Впрочем, какая мне разница, что там она на меня положила? Все равно, так не бывает. Наверное, она просто решила пофлиртовать со мной.

– Вот мы и пришли, – объявила она, резко остановившись, но все еще держась за меня, отчего я чуть не поскользнулся. – Пока, что ли, мальчик с сотовым.

Я обернулся к ней.

– Пока.

Наступило молчание. Вита продолжала стоять передо мной и внимательно смотреть в мои глаза. Наши лица находились совсем рядом. Так мы и стояли, выдыхая клубы пара, которые смешивались и ускользали вверх в причудливом танце. Я вдруг понял, что, сам того не желая, поддержал совершенно ненужную мне неловкую паузу, угодил в ловушку, ввязался в игру-симпатию между мужчиной и женщиной, которая обязывала участников к вполне определенным действиям.

– Пока, – твердо повторил я, сделав попытку вырваться из западни.

Но не тут-то было! Девушка ухватила меня за куртку и, настойчиво притянув к себе, чмокнула в щеку. На морозе это имело особый, обжигающе-шокирующий эффект.

Я в растерянности уставился на нее, а Вита, пожав плечами, с довольным выражением лица развернулась и зашагала в сторону подъезда. Обернувшись на мгновение, она помахала рукой, а я все стоял и думал, зачем она сделала это. Неужели я настолько ей симпатичен? А что, если бы она поцеловала меня по-настоящему, в губы? Смог бы я дать нужный отпор или ответил тем же? Ведь это предательство, самая настоящая измена моей Вере.

После недолгих размышлений я медленно побрел к себе домой.

Глава восемнадцатая

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

Проводив Виту, я зашел в киоск возле дома и купил бутылку водки. Дома я распечатал ее и, не переодеваясь, завалился на кровать. Настроение было препоганое.

Мне предстояло провести новогоднюю ночь в полном одиночестве. Рассчитывать на внезапное Верино появление, которое и раньше-то было маловероятно, сейчас точно не приходилось, а Выкидышам я без нее, похоже, не очень-то нужен. С одногруппниками я, конечно, ни о чем не договаривался, а от предложения Виталины отказался. Впрочем, отказался ли я? Скорее всего, она просто не слишком сильно этого хотела. Будь она понастойчивее, я бы точно поддался на ее уговоры. Все-таки я не железный.

Да, у меня есть Вера. Наверное, есть. Я сделал небольшой глоток прозрачной жидкости и сморщился. Та самая Вера, которая ушла от меня, но прислала письмо. Та Вера, которая строила мне козни, пока была рядом, издевалась, проверяла самыми неприятными способами, а главное не любила. Вера, которая щедро одаривала меня своим телом, и секс с которой был просто великолепен. Та Вера, которая.... не важно. Допустим, она вернется. Что дальше? Секс сексом, но все же, если хорошо подумать, любя ее, могу ли я рассчитывать на взаимность? Мы пробыли вместе уже полгода, а за этот немалый срок влечение и симпатия должны были перерасти в нечто большее. К сожалению, ничего такого с ее стороны я не заметил. Получается, Денис был прав, когда говорил, что Вера никогда меня не любила и любить не собирается? Получается, был прав. Но что же... разве нужна мне тогда Вера и наши с ней отношения? Получается, не нужны.

Вроде бы все понятно и очевидно, но, тем не менее, не убедительно. Как ни круги, но я опять хотел быть с ней и готов был ждать ее, сколько потребуется. Тупо пялясь в экран телевизора, я лежал на кровати, думал, пока думалось, и медленно пил водку прямо из горла.

Я оказался не прав, Новый Год в полном одиночестве – это грустно, но я нашел выход – напиться до беспамятства. Мне это удалось. Хотя телевизор работал всю ночь, в голове у меня сохранились лишь какие-то обрывочные образы – например, совместное пение Децла с Кобзоном по первому каналу, реклама «Моей певицы» Мумий Тролля по МТV – но в целом, Новый Год, который нес с собой помимо всего прочего еще и начало нового века, для меня остался сплошным мутным пятном, ничем не отличающимся от других таких же мутных пятен повседневной жизни.

Проглотив убойную дозу алкоголя вместе с так называемым праздничным настроением, я наконец заснул.

Разбудила меня телефонная трель. Даже спросонья я сообразил, что отвечать ни в коем случае нельзя – ведь меня якобы не было дома, но через несколько секунд понял – звонили на сотовый

- Алло, да, слушаю, растерянно пробормотал я, пьяно радуясь тому, что кто-то вдруг вспомнил обо мне. Кто-то... с незнакомым номером.
 - Алло, алло! Паша? Ты где?

Так, все понятно.

– Вита?

Прилипла, как банный лист! И без нее тошно.

- Да-да, ты там, случаем, не передумал? Может, все-таки придешь?
- Ууу... приехать? Нет-нет, выдавил я, пытаясь совладать с ватным языком. Мы тут веселимся... вовсю. Разве что позже... когда народ поуляжется.

Слушай, Вит-та-лина, отвали, а? Плохо мне!

– Ага, – протянула она. – Постой, сейчас трубочку передам.

Сделав пару неловких движений, я все-таки умудрился занести номер в память телефона, не относя аппарат далеко от уха. Жизнь учит меня предусмотрительности.

– Алло, Паша? – вскоре услышал я низкий мужской голос в трубке. Затем прозвучал еще один. – Привет, Пашка.

До меня не сразу дошло, кто это, а когда я сообразил, то поспешно нажал на кнопку сброса. Елки-зеленые, надо же было так завраться. Два мгновенно охвативших меня чувства – стыд и злость – потеснили опьянение. В голове вновь ожила неприятная ясность, от которой я пытался избавиться еще до того, как начал глушить ее алкоголем.

Опять запиликал телефон, но на этот раз я не ответил и вместо этого отключил его вообще. Дернул же меня черт что-то объяснять Вите. С другой стороны, какое ее дело? Хочу и сижу один, грущу! Никто мне не нужен. Да и откуда мне было знать, что она празднует Новый год именно с теми самыми Кириллом и Женей? А вдруг она специально нашла их, чтобы разоблачить меня? Плевать!

Но все же звонок Виты сделал одно доброе дело – он меня немного взбодрил, и я решил прогуляться. На этот раз одевшись потеплее, я отправился на местную елку. В ночи, пестро окрашенной елочными гирляндами и фонарями, был слышен смех, крики. Народ отрывался всей гурьбой. Казалось, веселье разлилось в морозном воздухе, и его можно было пощупать руками. Временами кто-то пускал ракеты, отчего темное небо на короткие мгновения окрапивалось в яркие цвета. Стоя в стороне, я смотрел на этот праздник и с болью в сердце думал о том, как сильно мне не хватает Веры. Так я стоял и смотрел на чужое веселье, пока окончательно не замерз.

Наверное, этот Новый год так и остался бы самым грустным и тоскливым праздником в моей жизни, если бы не одно событие, буквально перевернувшее все с ног на голову.

В десять часов вечера, первого января две тысячи первого года, в дверь раздался звонок. Настроение со вчерашнего дня у меня только ухудшилось, и вида пришедших поздравлять меня родителей я бы сейчас не вынес. Никого другого я не ждал. Разве что Вита? С нее станется.

Однако на пороге стоял Лешик. В руках он держал белого персидского котенка с милым розовым бантиком и открыткой на шее.

Хоть и говорят, что незваный гость хуже татарина, но мое сердце радостно забилось, а на душе разом полегчало. Сомнений быть не могло – Λ ешик посланник Верочки, и раз он пришел, значит она обо мне все-таки не забыла.

- Здорово, гаркнул Алексей. С наступившим тебя, Паша!
- Привет, и тебя также! воскликнул я. Ты заходи, не стой на пороге-то.

Массивный Лешик еле протиснулся ко мне в прихожую. Возможно, я несколько преувеличиваю, но нам вдвоем там было явно тесновато. На Верином брате был серый пиджак, под ним теплый свитер, на ногах – мощные ботинки на толстой подошве, темносиние джинсы. Не слишком тепло, подумал я, значит, за рулем.

- Это тебе от Веры, презент так сказать, сказал Лешик то, что я от него и ожидал услышать, и бережно передал мне котенка, который выглядел почти игрушечным в его ручищах. Пока я снимал привязанную к котенку поздравительную открытку, верзила добавил: Ну ладно, я пойду.
- Подожди! Что значит, пойдешь? Хотя бы посиди для приличия, остановил я его.
 Это не было жестом принятой вежливости, я действительно хотел с ним поговорить. Расспросить о Вере, отблагодарить гостеприимством за то, что он принес мне надежду на лучшее, да и вообще, провести немного времени с живым человеком. Мне надоело быть затворником и страдать от давящего одиночества, тоски и грусти.
 - Какие мои годы! Сяду еще, усмехнулся Верин брат, но все же стал разуваться.

Пока он снимал ботинки, я рассмотрел принесенный им подарок. Белоснежный перс с приплюснутым носиком испуганно хлопал глазами, глядя на меня. Он легко помещался в моих ладонях. Хоть он был маленьким и очень пушистым, я все же ухитрился исследовать его на предмет пола. Оказалось, что это пацан. На шее, помимо открытки, у него висела небольшая бирка с надписью: «Луций Фабий Сципион (Луцик)».

В нагрузку к подарку шла малюсенькая открытка. На ней была изображена пихтовая веточка и елочный шар, а внутри я нашел следующие строки:

Век росинки — Он и есть век росинки, не более, И все же, и все же... ¹³

Что это? Просто поздравление? Если да, то довольно странное. Я тряхнул головой и перечитал послание еще раз. Наверное, здесь как всегда что-нибудь зашифровано. Какойнибудь намек на будущее? Трудно сказать, однако чувствуется смутная надежда на Верино возвращение. Уточнить бы у Лешика. Он-то наверняка все знает.

- Проходи в комнату, сейчас чайку поставлю, проговорил я, глядя на своего гостя.
 Алексей усмехнулся в ответ и достал еще один «презент».
- А это уже от меня, весело сказал он. В руке у него была зажата двухлитровая бутыль с белой мутноватой жидкостью. Первачом не побрезгуешь?

Увидав сомнение на моем лице, он добавил:

- Да ты не волнуйся, это у меня бабка родная самогон варит, так что все чисто.
- А почему бы и нет? Общаться под градусом нам явно будет легче.
- Наливай, улыбнулся я.

 13 Хайку классика японской поэзии Исса (1763-1827).

_

Двадцать минут спустя. Лешик развалился на стуле. Я сижу на кровати. Между нами стол, принесенный из кухни, на нем стоят две тарелки с салатом, рюмки, бутыль самогона и трехлитровая банка малосольных огурцов. Салаты я прихватил из дома в Новый год, огурцы были припасены «на всякий пожарный». Все естественные биохимические реакции, вызванные самогоном, уже протекают в наших организмах, но пока это слабо ощущается.

Пять минут назад прозвучал тост.

– Так что, Пашка, учись, одним словом. Давай – за силу воли!

Усевшись за стол, мы разговорились, что называется, за жизнь. Я все лелеял надежду на то, чтобы выведать у Лешика планы Верочки, но он как-то сразу направил беседу в другое русло, и мне оставалось только поддержать его. Он рассказал мне о своих ученических мытарствах. Оказывается, он старше меня всего на каких-то пять лет, хотя я и ощущал себя рядом с ним мальчишкой. Школу Верин брат закончил в девяносто четвертом, поступил на юрфак в университет, а через год понял, что юриспруденция не для него, и без сожаления бросил. Поступив на платное отделение международных отношений, он некоторое время пытался найти себя в новой области знаний. Но жизнь внесла свои коррективы — вскоре Алексей распрощался и с этим начинанием. «Ты молодец, второй год держишься», сказал он обо мне. «Смотри не останавливайся! Учиться легко, важно знать, чего ты хочешь, и не забивать на учебу. Так что, Пашка, учись, одним словом. Давай…»

 - За понимание! – тост десять минут спустя. Опрокинули по полной рюмке. По животу растеклось ощущение жидкого огня.

С восьмого класса Алексей занимался различными единоборствами. «Начинал я, Пашка, с простых, но жестоких – карате киокёсенкай, дзюдо боевое. Но это так, баловство, серьезно говорю, больше себя калечишь. Позже занялся рукопашкой, а затем с головой ушел в джиу-джитсу». Школой для него были именно тренировки, а не скучные уроки за партой. На поступлении в ВУЗ настоял его отец. «Поэтому ничего и не вышло! Не мое это было, не мое!». В спортзал в отличие от университета он наведывался каждый день и даже на выходных.

Когда Лешика выперли с международных отношений, им всерьез заинтересовались в Военкомате. «Весной девяносто пистого мне пришла повестка. Я чуть с ума не сошел». Парень, тогда уже плечистый и высокий, в свободное время помогал инструктору вести тренировки. Неоднократный призер контактных боев был прямым кандидатом на отправку в Чечню. «Ты бы знал, как родители переполошились! А что толку?» Тренер подсуетился, и появилась реальная возможность служить в президентских войсках. Но по-настоящему помогли друзья. За два месяца они собрали необходимую сумму в полторы тысячи долларов и купили ему белый билет. Спустя год Алексей, проработав вышибалой в «Коок», вернул долг. «Работа без особого умственного напряжения, но мне нравится. По крайней мере, я занимаюсь тем, что действительно умею и люблю». Еще два года общения с клубными товарищами и он купил себе машину, а затем двухкомнатную квартиру.

Не знаю, потянуло ли Лешика на откровенность нежелание говорить о Вере или что-то еще, но слушать его было интересно. Треская огурцы и попивая самогон, я глядел на него – уверенного, взрослого и обеспеченного мужика, которому была бы рада любая женщина – и думал, как сильно проигрываю на его фоне. В моей тесной небогатой квартире, в моей пресной жизни таким, как он, не было и не могло быть места. Однако в веселом настроении, да еще под самогоном, эти мысли не очень-то трогали меня. Все-таки насколько лучше напиваться за компанию!

Ну что? Готов? – спросил в очередной раз Лешик. – Поехали!

Двадцать минут спустя в голове крутится одна назойливая мысль. В жизнеописании Лешика не было ни слова о Вере! Даже если он и не хочет о ней говорить, то все равно както странно. Ведь они брат и сестра. «Да она ж дородная...тьфу! Двоюродная сестра мне, Вера, – пояснил Лешик, тряхнув головой, – кроме того, ты же знаешь, как она не любит о себе рассказывать». Я-то знаю, но все-таки... Лешик бормочет что-то невнятное (тост?), опять встряхивает головой, словно спохватившись, и наполняет рюмки самогоном. Залпом выпиваем их содержимое. Це-два-аш-пять-о-аш вливается в организм, и по телу растекается сладкая нега. Процессы в коре головного мозга затормаживаются, и чувства притупляются. На меня нападает зевота и усталость, но в то же время просыпается небывалая любовь ко всему миру, которая, впрочем, довольно быстро сменяется флегматичным отупением. Тяжело вздыхая, я достаю сигареты, предлагаю Лешику. Курим. На кухне жалобно мяукает мой подарок. Продолжаем курить.

Двенадцать минут первого. Забулькал звук в телевизоре. Силясь, пытаюсь вспомнить, когда и зачем мы его включили. Кажется, Лешик выходил в прихожую кому-то позвонить, а я пытался навести порядок на столе. Нужно было убрать опустошенные тарелки с салатами, но закружилась голова, и я уселся прямо на пол. Добравшись до телевизора, я включил его и уперся лбом в сундук, на котором тот восседал. Провал.

Сейчас я сидел на кровати и смотрел в сторону источника булькающего звука, но видел лишь стены. Или потолок? Лешик вещал где-то неподалеку.

«Подожди». Встаю. Качаясь, делаю шаг и врезаюсь коленом в ножку стола. Вроде, не много выпили, а меня как будто обезболивающим обкололи. Ничего не чувствую.

Замутненный взгляд немного проясняется. Лешик с дымящейся сигаретой в зубах, облокотившись на стол, испытующе смотрит в мою сторону.

«Н-ну?» – спрашиваю я. В голове, вроде, ясно, только заплетается язык. Руки и ноги совершенно меня не слушаются. Я стою, покачиваясь, рядом с кроватью и столом. Ну и куда ты собрался? Сажусь.

Еще полчаса спустя. Алексей произнес тост. За храбрость.

Я честно признался, что экстремальные виды спорта не для меня. Лешик путем обрывочных фраз и возгласов поделился со мной своими первыми переживаниями о соревнованиях, историями травм и поражений. Жаль, что мне никогда не придется драться. То есть, получать по морде, скорее всего, придется, но чтобы так, как он – это вряд ли. Не такой я человек, наверное.

Попытка показать мне несколько смертоносных приемов закончилась плачевно – мы перевернули стол и все, что на нем было. Хорошо хоть плотно закупоренная бутыль самогона не пострадала. Ползая по полу, мы пытались сгрести салаты, но только сильнее размазали их по ковру, смеялись как ненормальные.

Четыре минуты третьего или три минуты четвертого? Маятниковые часы плывут перед глазами. Шторм в нашей гавани нехилый. В центре «каюты» Лешик — на потолке блики света от стоваттной свечи — в углу сундук с необъятным «Горизонтом». Как истинный моряк, с заносом в обе стороны, я еле добрел до ванны и умылся.

«Пашка, крепись! Осталось совсем чуток» – обещал Лешик, наливая еще по одной. На этот раз пили без закуси. В отличие от моего гостя я совершенно окосел. Долго не мог понять, где потерял носок. А! Вспомнил. В салате перепачкал, да в ванну кинул.

– И, это... Верунчик-то когда подойдет? – вдруг осмелев спросил я, вылавливая пальцами малосольный огурец из банки. – Не знаешь?.. случаем.

Лешик уставился на меня в недоумении.

Пятнадцать минут полудрема, сквозь который изредка прорывался звук телевизора. Кажется, там пел Розенбаум. Или Круг? Мерно тикали часы, мой новогодний подарок, Луцик, немного освоился и сейчас умывался, сидя у батареи. Алексей, увидев, что я открыл глаза, тут же потянулся за бутылью. «С простых, Пашка, надо начинать!..» – успел сказать он

совершенно трезвым голосом, прежде чем уснуть, уткнувшись лбом в стол. На улице уже светало. Я прикрыл глаза и тоже провалился в сон.

- Хватит дрыхнуть, гаркнул Лешик, тряся меня за плечо.
- Трахнуть? Кого?– промямлил я, послушно принимая рюмку, которую протягивал мне гость.
 - Надо еще за терпение... Да. Пьем за терпение!
 - Паша! Паша! громкий голос обрывает мой сон.
 - А? так неохота раскрывать слипшиеся веки. Гудит в голове.
 - Паша, просыпайся уже!
 - Что? Достал уже! Поспать дай.

Лешик опять навис надо мной и орал мне прямо в ухо. Ну что за человек? Никакого сострадания! Я отвернулся.

- Ты спишь или притворяешься? – он толкнул меня кулаком в спину.

Вот мудак!

- Нучётенадо? Отвали.
- Рано спать. Давай еще опрокинем.
- He... я замахал руками, и от тряски к горлу подступила тошнота. Эту? Эту я пропущу.

Кажется, я и так перебрал. Хорошо хоть никто этого не видит. А Вера?

- Верочка-то где? Где?.. Нету? Чё один-то приперся?
- Ууу, да ты приуныл, приятель. За стойкость дух-ха!

«Ха» он выдохнул после того, как запрокинул голову и вылил в рот содержимое рюмки. Затем он заставил меня сделать то же самое. Ощущение как после карусели. Все куда-то падаешь, падаешь...

- Вера, Вера пришла! Вставай!
- А?.. Правда? ничего не понимаю.
- Да нет, это я так, пошутил. В общем, давай по последней и на этом закругляемся.
 Вставай! Выпрямляйся. За прямоту, что ли?

 Λ ешик лижет меня в лицо. Фу-ты, пакость какая! Я дернулся к стене. Нет, это Λ уцик. Кышш! Кышш! Скидываю кота на пол.

Утро. Я лежу на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Ноет голова, немного подташнивает, но в целом состояние терпимое, если учесть, сколько мы выпили. Кстати, а сколько мы выпили? Я открываю глаза и переворачиваюсь на спину.

- О, проснулся, сказал Лешик. Он был бодр, как огурчик, и сидел на стуле возле кровати, дожидаясь моего пробуждения. Как состояние?
- Уфф, я тяжело вздохнул и усмехнулся, о чем тут же пожалел. Где-то в области затылка у меня развертывались нешуточные боевые действия с применением тяжелой артиллерии. И, кажется, мозг терпел поражение.
- Понятно, состояние не стояния. Нужно подзаправиться. Я тут яичницу с колбасой поджарил.

Вскоре мы уже сидели на кухне. Алексей с аппетитом поглощал приготовленную им же еду, а я вяло ковырялся вилкой в тарелке. Сама мысль о еде вызывала тошноту.

В квартире царил полный разгром. В ванной я каким-то образом умудрился свалить полку с зубными щетками и шампунем, в комнате мы размазали салаты по ковру, когда уронили стол, а на диване нагадил Луций. В общем-то, прибираться будет не слишком

приятно, да и с полчаса у меня это точно займет. Наводить порядок в своей маленькой квартире при авторитетном Алексее мне было почему-то неудобно. Он-то уж точно у себя дома не прибирается – наверняка, нанимает кого-то, по нему видно, что он мелочами быта не отягощен.

Когда завтрак подошел к концу, Верин брат засобирался, и тогда в дверь раздался звонок.

– Вера? – неуверенно спросил я Лешика.

Он отрицательно покачал головой.

Я открыл дверь, готовый к любым неожиданностям. На пороге стояли Выкидыши.

– Пашка! С Новым годом тебя! – сказал Толик, радостно врываясь в квартиру и вручая мне пластиковый ящик с шампанским, под весом которого я чуть не согнулся.

Изо рта у него несло перегаром наверное похлеще, чем у меня, а под глазами красовались бледно-синие круги от прошедших праздничных пьянок. За ним семенил еще более датый Дёня и тот лысый из пиццерии, что был среди дружков Толика, когда он приехал меня выручать.

– С Новым годом! С Новым годом!

Гости не помещались в прихожей, поэтому разувались по очереди. Парни были навеселе, им уж точно не пришлось проводить Новый год в одиночестве. Но, главное, они вспомнили обо мне и пришли навестить, пусть даже второго числа.

– Знакомьтесь, – радушно проговорил я, когда из кухни выглянул насторожившийся Лешик. – Алексей, двоюродный брат Веры. А это, мои друзья.

Разом умолк галдеж. Товарищ Толика, сторонний человек, и тот, наверное, почувствовал напряжение, возникшее в душном послепраздничном воздухе моей квартиры. Лица Выкидышей при виде Алексея напряглись, веселье и радость куда-то улетучились.

Мой вчерашний гость сделал уверенный шаг к новым гостям и протянул им руку:

- Алексей.
- Анатолий.
- Денис.
- Сергей, можно просто Косматый.

Гости обменялись рукопожатиями, и в воздухе опять повисло тягостное молчание. Еще ничего не понимая, я все же попытался спасти положение:

– Ну, проходите же, не стойте в дверях.

Выкидыши отошли, и их место занял Алексей:

– Ладно, мне пора, – проговорил он, спешно обуваясь.

Толик с Денисом провожали его хищными взглядами. Косматый безразлично жевал жвачку.

– Пока, до встречи, – бросил Верин брат, и я закрыл за ним дверь.

Не успел я обернуться, как на меня накинулся Толик и, схватив за грудки, припер к стене. Он был в ярости:

- Какого хрена он тут делал?
- Что? я недоуменно уставился на него.
- Ты чё, предупредить не мог! Мобилу выключил, баляяя...
- Да в чем, собственно, дело? Ну, пришел Λ ешик, ну впустил я его к себе. Случайно же вышло, что он с вами пересекся. Что тут такого?
- Что такого? Да ты разве не понимаешь, что он нас теперь Верке заложит! возмущенно заявил Денис, нервно прохаживаясь по комнате. Что он тебе говорил?

Я вкратце описал вечер. Объяснил, что Лешик никакой не шпион и, тем более, не «засланец», как упорно называл его Денис. Он принес мне подарок от Веры и решил выпить со мной по случаю праздника.

- Про нас он что спрашивал? хмуро поинтересовался Толик.
- Да не знает он ничего, недовольно ответил я.

-Точнее, до этого момента не знал! – зловеще произнес Денис.

Я осекся. А ведь он прав! Теперь Вера будет в курсе того, что я общаюсь с «ее бывшими», и она будет явно недовольна. Я посмотрел на Дениса, который лихорадочно расхаживал по комнате.

- По коням! вдруг решительно воскликнул он.
- Что? отозвались мы одновременно с Толиком. Косматый с интересом посмотрел на нас, даже перестав жевать на мгновенье. Денис пояснил:
 - Нужно его остановить.
- Понял, нет проблем, быстро сообразил Толик, и троица бодро направилась к двери.

Я один почему-то ничего не понял. Зачем мы его будем останавливать? Что мы можем... Черт! Неужели они хотят устроить ему то же, что тем бандитам в кафе?

В мгновение ока я натянул джинсы, свитер, схватил шарф и, не завязывая шнурки на ботинках, бросился за перехватчиками. Догнав их на лестнице, я обратился к Толику:

- Он ведь Верин брат!
- Ну и что? недоуменно спросил он.
- Что вы с ним хотите сделать? взволнованно спросил я, но Толик быстрым шагом спускаясь по ступенькам, мне не ответил.

Глава девятнадцатая

ПОГОНЯ

Как только мы выскочили на улицу, пикнули две машины. Одна – девятка моего бывшего одноклассника, а вторая, подержанная белая Тойота – его друга. Толик с Косматым открыли их пейджерами почти одновременно.

- Пашка, ты к кому? спросил меня Толик.
- К вам, конечно!
- Ладно, Серег, тогда ты один, бросил он Косматому, и тот кивнул ему в ответ. Держим связь! добавил Толик, демонстративно приложив ладонь с растопыренными пальцами к уху, изображая мобильник.

Косматый исчез в своей машине, а мы с Денисом уселись в девятку. Толик завел двигатель, еще не успевший остыть.

– Ага, ты сейчас до главной, а потом вниз. Мы через четвертую поликлинику поедем, – распоряжался Денис, прижав к уху свой телефон. – Бэха серая, номер... постой, кажется... пять шесть девять. Да, точно. Нет, далеко не убежит.

Я удивился его наблюдательности. Не знаю, почему Денис подумал, что Лешик едет именно в город, но возражать я не стал — ему видней. Мне же еще предстояло решить, на чьей я стороне. Сама мысль о том, что Выкидыши наедут на Алексея, который был мне симпатичен, пугала меня. Но при этом не очень-то хотелось, чтобы Вера узнала о моей связи с Выкидышами. И все же Вера находилась где-то далеко и не торопилась появляться, а вот Алексей был здесь и сейчас, и, возможно, ему угрожала опасность.

Косматый рванул с места, Толик выкрутил руль до упора, развернулся и поехал следом за ним. На углу дома, как и хотел Денис, мы разминулись. Тойота умчалась далеко вперед и превратилась для нас в мелкую точку.

На прямых участках дороги мой бывший одноклассник держал скорость не менее восьмидесяти километров в час. Он не боялся ни бога, ни черта, ни даже ГАИ – радародетектор заблаговременно предупреждал об опасности. Жуткий гололед, на котором нас со свистом заносило на поворотах, был похоже для него делом привычным. Крепко удерживая руль, Толик прищурено смотрел вперед. Он был сама целеустремленность. Денис тем временем оживленно изучал карту города, разложенную у него на коленях, изредка давая

указания Косматому по телефону, а иногда и Толику. Я же со страхом следил за дорогой. Мне, не приученному с детства к автомобилям, казалось, что мы вот-вот выйдем на встречную полосу, собьем зазевавшегося пешехода или врежемся в чужой автомобиль. Нарваться на особо ретивых блюстителей порядка было бы сейчас настоящим спасением, но где они эти блюстители, когда так нужны? Я то и дело вскрикивал, умоляя Толика ехать осторожней и сбавить скорость.

– Заткнешься ты или нет? – наконец возмутился тот, стальные нервы которого тоже были на пределе, и я заткнулся.

За окном пролетел кабельный завод, по правую сторону сразу за поворотом – Телецентр, далее мост через реку Ушайку, и сейчас мы поднимались в гору к Дому Книги.

Время шло, и мы до сих пор еще не догнали Алексея. У меня появилась надежда на то, что мы его вообще не догоним.

- Нашел!? радостно вскрикнул Дёня, услышав возглас Косматого в трубке.
- Что вы с ним будете делать? спросил я.
- Тише! шикнул Денис, нахмурив брови. А? Не расслышал, еще раз. Не тот? Твою мать! Высматривай, он точно где-то там.
 - Я не позволю его трогать, несмело пробормотал я.
- Чего? скривился Денис, обернувшись назад. Паша, ты запарил. Сколько мы уже с твоей Верой маемся? А теперь, когда потрачено уйма времени и сил, ты хочешь нас откровенно кинуть? Вот скажи, чего ты так боишься за этого Алексея?
- Ну, поддержал его Толик, не отрывая глаз от дороги. Потолкуем о том, о сем. Ничё с ним не будет. Объясним ему, чего надо сказать Верке, а чего говорить не надо, Дёнька у нас по таким делам мастак. Может, чё нового про Верку узнаем.
- Конечно! Кроме того, это реальный шанс выйти сухими из воды. Не знаю как тебе, но мне не хотелось бы давать Вере козырь. А сведения о нас это однозначный козырь. Она и так слишком много знает.

Я неуверенно кивнул. Мы остановились на светофоре.

- Нам туда, проговорил я, указывая налево по дороге в сторону Академгородка, где находился клуб «Kook».
 - А ты откуда знаешь? оба Выкидыша подозрительно посмотрели на меня.
 - Он, вроде, говорил, что рядом с работой живет. А работает он в «Kook». Денис почему-то насупился.
 - Ну, чего молчишь? обратился к нему Толик. Косматому скажи.
- А? Хорошо, произнес Денис, задумчиво почесывая затылок, и набрал номер. Наверное, варианты просчитывает, Чикатилло. Алло, это я! Новые сведения давай, в Академ шуруй. Ну? Да, да, уверен. Все, отбой.
 - Слушай, а что он тебе еще говорил? Вы случайно с ним не спелись?
- Ну, может, и спелись, сказал я, наблюдая за тем, как напрягся Денис, хотя скорее спились, потому что после третьей рюмки я ничего не помню . Хотя... Постой-ка! Помню, он все какие-то тосты странные произносил.

Толик пропустил это мимо ушей, а Денис, напротив, заинтересовался:

- Ну, и что это за тосты были?
- Странные какие-то, повторил я. В голове перемешались все события прошедшего месяца. Ожидание Веры, депрессия, родственники, Вита. Но что говорил Алексей? А, вспомнил! Они у него краткие были, как у генерала в «Национальной охоте», причем он их, похоже, не с потолка брал, а с разговором увязывал.

Больше ничего не вспоминалось. Самогон был добротный – голова была чистая, вот лишь мутило чуток, – да только в голове одни белые пятна. Амнезия, чтоб ее! Хорошо хоть до делирия¹⁴ дело не дошло.

– То, что они были краткие, нам ничего не дает, – сказал Дёня, пока Толик напряженно следил за дорогой, – ты лучше, постарайся их дословно вспомнить, а еще лучше в той последовательности, в которой он их произносил. Думаю, в них что-то есть.

Я послушно кивнул и напряг свою память. Начало беседы я еще более или менее помнил. Лешик про учебу говорил, потом...

- За понимание, перед ним... за силу воли, дальше... как же там дальше-то было?
- Вот уж не знаю, сам вспоминай.
- Кажется за храбрость, а потом за терпение.
- −И все?
- Нет, по-моему еще что-то.

Медициной доказано, что человек ничего не забывает, все хранится в его необъятной памяти, нужно только уметь находить зацепки и выуживать прошлое из мутного омута психики. Поэтому я вздохнул и копнул еще глубже в свои хмельные воспоминания.

– За стойкость духа и прямоту! – внезапно вспомнив, выкрикнул я.

Главный Выкидыш задумался. Минуту-другую мы ехали в относительной тишине, если не считать редких замечаний Толика по поводу пешеходов, которые так и лезли под колеса, а затем Денис многозначительно хмыкнул.

- И? Тебе это ничего не напоминает? в его тон вкралось злорадное спокойствие.
- Нет, честно признался я.
- Воля, понимание или, если хочешь, сострадание, храбрость, терпение, стойкость духа, прямота, четко проговорил он. Тесты-тосты! До сих пор не доходит, что ли?

В голове прояснилось настолько, что я чуть было не увидел себя со стороны. Не может быть! Значит, Алексей всего лишь играл роль по Верочкиному сценарию. А эта пьянка ничто иное, как хорошо продуманный спектакль. Ну, братец Лешик, от тебя я такого не ожидал. Хотя, да, не впервой, не впервой. Мне вдруг вспомнилось его поведение на дискотеке. В который раз убеждаюсь, никому нельзя доверять!

– О! Как оно тебе? – победоносно заявил Дёня. – Чуешь? Тебя как младенца провели, а ты жалеть его вздумал. Тьфу! У них с Верой, знаешь ли, все ложь на лжи построено.

Я тяжело вздохнул, признавая его интеллектуальное превосходство. Но лицо Дениса передернулось, и следующая тирада имела несколько иной эмоциональный оттенок:

Я это еще по своему опыту знаю. Никому нельзя доверять! Ты пытаешься быть искренним, не кривишь душой, а наталкиваешься на одно лицемерие, притворство, фальшь, в голосе Главного Выкидыша сквозила тоска, которой раньше за ним не наблюдалось.
 Общаешься, веришь, и в один прекрасный день понимаешь, что попал на театрализованное представление, где все знают свои роли, и только одному тебе приходится импровизировать. Пашка, если ты до сих пор не разочаровался в Вере, то теперь самое время...

Не знаю, что бы еще успел наговорить Денис, но впереди замаячил знакомый серый БМВ, и я затаил дыхание. Толик нажал на газ, машина взревела и устремилась вслед за беглецом. Мы въезжали на знакомую гору, ведущую к Академгородку. Ничего не подозревающий Алексей спокойно ехал к себе домой. Вырвавшись вперед и прижимая БМВ к правому краю дороги, Толик начал сигналить.

Несколько мгновений я наблюдал за удивленным взглядом Лешика, направленным в нашу сторону, а потом немым упреком, который мог относиться только ко мне. Верин брат,

¹⁴ Делирий (от лат . delirium – безумие) — болезненное состояние психики. Образный бред (сочетание бреда со зрительными галлюцинациями). Встречается при хроническом алкоголизме, тяжелых инфекционных процессах, сосудистых поражениях головного мозга.

очевидно, не думал, что так получится. Мне стало безумно стыдно. Но неопределенность на его лице сменилась гремучей смесью холодной расчетливости и злобы — он ударил по тормозам, и мы оказались далеко впереди. Толик заматерился, также сбросил скорость и дал задний ход. БМВ тем временем сделала резкий поворот и помчалась по дороге, уходящей в сторону от нашей.

– Йй-у-уху! – дико заорал Дёня. – Настоящая погоня!

Толик лишь улыбнулся каким-то зловещим оскалом и нажал педаль газа до упора. Нашли чему радоваться! Нас заносило на поворотах, встречающиеся машины отчаянно сигналили, но мы не сбавляли скорости. Я сидел как на иголках.

Весь Академгородок представлял собой площадь в несколько кварталов средней величины с четырьмя-пятью крупными улицами. Заезд на него был один единственный, который объединял в себя две основные дороги. Первая вела с действующего кладбища, вторая — с одной из центральных улиц нашего города, по которой мы сюда и приехали. Таким образом, у Лешика было только два способа избежать нашего преследования. Либо скрыться внутри самого городка, быстро спрятав машину в гараже, либо вырваться в город и переждать. Так как в нескольких минутах езды от городка находился Косматый, который наверняка не пропустит его машину, то нашей задачей было не терять Алексея из виду и постараться поймать его в тот момент, когда он покинет свой автомобиль. Так все обрисовал нам Дёнис.

Главный Выкидыш также отметил, что БМВ все-таки помощнее девятки Толика, а Лешик – водитель довольно опытный, в чем мы уже имели возможность убедиться. Поэтому мы все-таки можем упустить его. К слову сказать, машина Алексея до сих пор маячила впереди нас – Толик держался что надо.

Когда впереди показался поворот, который Лешик благополучно миновал, Денис радостно завопил и заулюлюкал.

– Йес! Йес! Йес! Влево, влево давай, – возбужденно закричал он.

Толик без лишних вопросов последовал его совету.

– Он прямиком к лесу едет, и если он там не собирается оставаться, то должен будет свернуть на следующем повороте, – пояснил наш стратег. – Тут-то мы его и поймаем.

Толик тоже довольно неплохо знал эти места и дальше уже действовал самостоятельно. Сделав небольшой крюк, практически не сбавляя скорости – поворот налево, поворот направо, подъезд к дороге, которая являлась следующим поворотом (на нее и должен был свернуть Лешик), – мы на секунду остановились. Справа, как и предполагал Денис, на нас несся серый БМВ.

– Вперед проезжай, давай вперед, – заверещал Денис. Толик колебался. – Ну же, перегороди ему дорогу!

Взревел мотор, и мы выехали на середину дороги, перекрыв проезжую часть. Лешик поздно заметил это препятствие. Он резко ударил по тормозам и его автомобиль бешено завилял – видимо, водитель вертел рулем, пытаясь сообразить, как объехать девятку Толика. В результате машина, несущаяся на скорости более ста километров в час, шурша покрышками по обледеневшему асфальту, беспомощно полетела вперед, прямо в нашу сторону.

Бешено застучало сердце, я с животным ужасом наблюдал за тем, как потерявший управление автомобиль весом больше тонны стремительно надвигался на нас, и с этим уже ничего нельзя было поделать. Не растерялся один Толик. Грязно выругавшись, он до упора вдавил педаль газа в пол и в последнее мгновение увел автомобиль от удара. Лешик со свистом пронесся мимо. Его БМВ развернуло на сто восемьдесят градусов и выбросило на обочину. Влетев в сугроб, автомобиль остановился.

Повисла гробовая тишина. Моей первой мыслью было «как там Лешик... жив?», первая же мысль Толика обратилась в действие – он резко открыл дверь, вырвался из девятки

и так же резко ее захлопнул. О чем думал Дёня, мне было неизвестно. Он сидел и молчал, как завороженный.

Пикнула сигнализация – значит, мы с ним остались взаперти.

- Куда он? растерянно воскликнул я. Мне стало страшно за Толика, который решил один на один столкнуться с мастером по рукопашному бою.
 - Сиди. Ничего он твоему Лешику не сделает, сквозь зубы процедил Денис.

Ну-ну, это еще кто кому сделает, подумал я и прилип к стеклу.

Толик за несколько секунд преодолел расстояние между машинами. За эти мгновения его противник успел открыть дверь и сейчас, покачиваясь, выбирался наружу. На лбу у Λ ешика виднелась красная ниточка крови.

– Хых! – выдохнул он, когда Толик врезался ему плечом в грудь.

Этим ударом мой бывший одноклассник свалил Алексея в сугроб. Следующий удар упавший получил ногой под ребра. Я видел Толика таким разъяренным всего второй раз в жизни, и мне стало немного не по себе, когда я в деталях вспомнил про первый.

– Куда? – взревел он, нанося очередной удар поверженному противнику. – Сбежать от нас хотел, падла!?

Лешик, уткнувшись лицом в снег, неловко прикрывался. Он вздрагивал от каждого удара и, казалось, был сломлен под внезапным натиском противника. Когда Толик нагнулся и, перевернув его, схватил за грудки, я увидел лицо поверженного: холодный презрительный взгляд, сведенные в ненависти брови и раздутые ноздри. Следующий удар получил уже Толик. Алексей рванул его за пуховик, со всего маху взрезавшись ему лбом в переносицу. Выкидыш вскрикнул и, раскинув руки, отпрянул назад.

Алексей тем временем рывком поднялся на ноги. Он был почти на голову выше своего противника, шире в плечах и гораздо опытнее, если верить его рассказам. Я не на шутку перепугался и забарабанил по стеклу, пытаясь достучаться до дерущихся. Пока еще не поздно и никто серьезно не пострадал, они должны остановиться! Денис, сидевший до этого момента буквально с открытым ртом, опомнился и зашипел на меня:

– Да тише ты! Угомонись!

Я в напряжении замер, уставившись в обледенелое стекло. На этот раз опять досталось Толику. Он еще не успел опомниться от первого удара и беспомощно размазывал по лицу хлынувшую из носа кровь, как Лешик въехал ему ногой под коленную чашечку, одновременно нанеся сокрушающий удар локтем в челюсть. Толик вскрикнул, мотнулся в сторону и, схватившись руками за голову, повалился на бок. Верин брат прыгнул на него, ухватился и, пропустив свою руку под шеей, сделал удушающий захват.

Он что-то говорил поверженному Выкидышу, но нам в машине совсем ничего не было слышно. Я в исступлении начал рваться наружу, дергать ручку двери, барабанить по стеклу. В один момент до меня вдруг дошло, как вырваться из плена. Дрожащими от волнения руками я стал открывать окно – стекло медленно опускалось. Таким нехитрым способом можно было вырваться из плена и попытаться остановить это безумие, пока оно еще не зашло слишком далеко.

Денис отрешенно наблюдал за моими действиями, вялый и разочарованный с того самого момента, как Толик проиграл бой. Я же в своей неуклюжей, неприспособленной для приключений куртке пытался выбраться из машины, но из-за волнения у меня это никак не получалось. Я молотил в воздухе руками, пытаясь пролезть через окно, цеплялся за корпус и отталкивался ногами в салоне. Сигнализация среагировала на мои движения и сейчас орала, как бешенная. Я немного подался назад.

– Вообще-то сигналка только снаружи запирает, – перекрывая страшный рев, крикнул Дёня.

Я замер и медленно перевел взгляд с Толика, который в полубессознательном состоянии слушал Лешика, на этого сукиного сына Дениса. Он смотрел на меня в упор, расчетливый стратег – в его глазах не было ни извинения, ни раскаяния. Всегда отдающий

отчет своим действиям, Денис сознательно тянул с моим высвобождением до последнего момента. Хорошо, мы тебе это припомним.

Я заворочался и окончательно влез в салон. В этот момент послышался гул приближающегося автомобиля, заскрипели тормоза — на место происшествия прибыл Косматый. Мне стало дурно.

«Уа-уа-уа! Др-др-др! Уа-уа!» – блажила сигналка, переключаясь с одного режима на другой.

Открылась дверь Тойоты, и друг Толика в своем длиннополом кожаном плаще выскользнул наружу. Я поднял пипку двери, с силой дернул за ручку и вывалился из салона. Лешик встрепенулся, Толик мотнул головой — они, конечно, тоже слышали приближение Тойоты. Перекатываясь по снегу, я с ужасом заметил, что в руках у Косматого зажат дробовик. Самый настоящий винчестер с прикладом и передергивающимся затвором.

Время остановилось. Я пораженно впился взглядом в оружие.

Косматый делает шаг, другой. Я слышу хруст ботинок по снегу, который кажется громче воя сигнализации.

Лешик вскакивает на ноги, и у меня пересыхает в горле.

Одинокая мысль в пустоте, заполнившей мою голову: он же не будет стрелять?

Стон из пересохшего горла. Вскакиваю, пытаюсь бежать к ним, но, запнувшись, падаю. Встряхиваю головой, избавляясь от прилипшего к лицу снега, и поднимаю взгляд.

Косматый ударом приклада сбивает руки Лешика, поднятые в защите, бьет ногой по икре верзилы. Тот вскрикивает, цепляется за оружие, тянет его на себя, и завязывается борьба. Косматый получает от Алексея несколько болезненных ударов ногами, но дробовик не выпускает. Слышится остервенелая ругань, а воздух наполняется стальным запахом злобы.

Кряхтя, приподнимается Толик, он хватается за ноги топчущегося в борьбе Лешика, пытается удержать их, помешать тому двигаться. Верин брат, не ожидавший нападения снизу, еще несколько мгновений отчаянно сопротивляется, но затем начинает путаться в своих движениях, пропускать частые удары Косматого, который, судя по всему, тоже далеко не новичок в этом деле. В итоге Алексей падает на землю и получает несколько ударов в живот и ребра.

Я, все это время парализованный стремительностью событий, истопино начинаю кричать и умолять их остановиться, но не удостаиваюсь даже мимолетного взгляда. Меня переполняет отчаяние.

Что с ними происходит? Да разве же это люди?

На глаза наворачиваются слезы обиды. Упираясь руками в землю, я подтягиваюсь и сажусь в бессилии что-либо предпринять, так как этих двоих уже не остановить.

– Ты, мудак, – отхаркиваясь кровью, выдыхает Толик. – Думаешь, играть с тобой будем? Думаешь, раз от Верки пришел, так все можно? Следить, шпионить за нами, да? В эти ее игры играть, да?

Толик еще не отдышался, поэтому его голос подрагивает и звучит не слишком авторитетно, он чувствует это и злится еще сильней. Все его тело протестует против нечестной победы и вторжения Косматого. Я вижу, как он нервно сжимает и разжимает кулаки, напоминая быка, быющего по земле копытом.

Косматый более спокоен, он, хоть и получил несколько ударов, но устоял на ногах и остался при оружии, а это самое главное. Наступив Λ ешику ногой на грудь, он держал поверженного на прицеле, ожидая приказа от своего товарища

- Чмо! – вырывается у Толика, он продолжает дальше оскорблять Вериного брата. – Урод! Думаешь так вот просто от нас отделаться. Бодаться вздумал!

Он хотел еще что-то сказать, но, передумав, со всего размаху пнул Алексея в бок.

- Толик! Подожди, окрикиваю я его, поднявшись на ноги.
- Заткнись! бросает он, даже не посмотрев в мою сторону.

Я нерешительно приближаюсь к нему, но получаю тычок в грудь. Толик!..

– Пашка, лучше заткнись, бля, а то тоже получишь! – он грубо обрывает меня на полуслове. Я униженно замолкаю.

За моей спиной вырастает фигура Дениса. Толик немного успокаивается, но все равно еще на взводе. Воспользовавшись возникшей паузой, Главный Выкидыш берет инициативу в свои руки.

– Алексей, – как-то неуверенно начинает он, – ты прекрасно знаешь, почему мы здесь. Мы не хотим тебе причинять вред, ты должен нас просто выслушать.

Толик хмурится. По его раздраженному лицу видно, что сдержанный тон Дениса ему не по душе.

- Ты пришел к Пашке, втерся к нему в доверие с одной лишь целью вытянуть из него как можно больше информации и донести Вере. Ты во всем следовал ее наставлениям и получил по заслугам, Лешик хотел было возразить, но Денис поднял руку, заставляя его дослушать мысль. Нам надоела бесчестная игра! Мы хотим справедливости и... он замешкался. Мы хотим справедливости. Нам нужна Вера, а не ее трусливые гонцы.
- Будет вам еще Вера, мало не покажется, отозвался Λ ешик. Но тебе-то она зачем, Δ енис? Ты же...
- Э-не! Так дело не пойдет, перебивает его Главный Выкидыш, злобно впиваясь взглядом. Все, о чем мы говорим, останется между нами, как и тот факт, что ты видел нас вместе с Пашей. Понятно? Иначе тебе же будет хуже.

Лешик молчит в ответ.

– Нет, Денис, – вклиниваюсь я в разговор. – Отпустите его немедленно!

Вся троица – Толик, Денис, Косматый, – а также лежащий на снегу под дулом дробовика Алексей, поворачивают головы в мою сторону, удивляясь неожиданному вмешательству с моей стороны.

- Отпустите его, повторяю я, вкладывая в слова прибывающую уверенность в собственной правоте. Он пришел ко мне, а не к вам. Его прислала Вера, девушка, которую я, не смотря ни на что, люблю и буду любить. Алексей передал мне ее поздравления и подарок. Я был действительно рад его появлению и знаю, что он остался у меня по собственному желанию, за что я ему очень благодарен. Он был единственный, кто почувствовал насколько тяжело без любимого человека в те дни, когда кругом все веселы и счастливы. Я завидую Вере потому, что у нее есть такой замечательный брат, пускай даже двоюродный.
- Он ей не брат, вырывается у Дёни, но он тут же осекается под презрительным взглядом Алексея.

У нас от удивления вытягиваются лица.

- А ты откуда знаешь? хрипло спрашивает Толик, потирая ушибленную челюсть.
- Мы знакомы не понаслышке, горько усмехается верзила на снегу.
- Это не имеет значения! То, что вначале подразумевалось как помощь, постепенно переросло в навязанную опеку, сказал я, сердито обводя глазами Выкидышей. Вы зашли слишком далеко, дорогие друзья мои. Спасибо вам за все, но такой помощи мне не надо!

Оба Выкидыша еще некоторое время смотрят на меня. Я вижу, как с их лиц постепенно сходит жесткость. И только Косматому все равно, он по-прежнему держит Алексея под прицелом и равнодушно смотрит на нас.

– А сейчас Алексей может идти, куда ему вздумается, и говорить с Верой, о чем угодно, – говорю я напоследок и подаю поверженному руку.

Лешик поднимается на ноги и отряхивается. Выкидыши напряженно смотрят на меня, но молчат. Я провожаю взглядом огромную фигуру человека, которого я еще недавно считал Вериным родственником, и осматриваю своих недавних друзей. Даже у Дени нет для меня слов. Мне хочется что-то еще сказать, но мое недавнее красноречие куда-то улетучилось. Вздохнув, я молча покидаю их.

Пока я шел к автобусной остановке, мимо меня пронесся серебристый БМВ Лешика, и я опять вспомнил о Вере. Увижу ли я ее после всего, что случилось сегодня? Что она скажет, узнав о таком вероломстве с моей стороны? Я бы даже назвал это ВЕРАломством.

Простит она меня или навсегда разочаруется и потеряет интерес ко мне – бессовестному трусу и обманщику, неспособному самостоятельно разобраться в собственных проблемах?

– Паша! – вдруг раздается знакомый голос, и я оборачиваюсь.

Девятка Толика, поравнявшись со мной, медленно катится рядом. Денис, выглядывает из окна.

- Отвали!
- Да ладно, иди, мы тебе не мешаем. Просто, я хотел напомнить о тестах, взволнованно говорит Денис. – Лешик перечислил четыре из тех, которые ты уже прошел, и назвал два новых.

Я ускоряю шаг.

– Запомни! Следующим, скорее всего, будет стойкость духа, а за ним прямота. Что это означает, я пока точно не знаю, но...

Я затыкаю уши руками и резко поворачиваю в другую сторону. Машина проезжает дальше и притормаживает. Сидящие внутри ждут, что я все же сдамся и вернусь к ним, но я настроен вполне решительно. Спустя полминуты, взревев, девятка улетает вдаль.

И я остаюсь один.

Глава двадцатая

ЖИЗНЬ ПРЕПОДНОСИТ СЮРПРИЗЫ

К шампанскому, которое мне досталось от Выкидышей, я даже не притронулся. Разве что вытащил все бутылки из коробки и поставил в холодильник, чтобы в случае чего были наготове. Желание пить спиртное, как это было в новогоднюю ночь, пропало напрочь. Я стал меньше курить, а если и курил, то только на балконе. Случай с дракой сделал меня более собранным и целеустремленным. Я наконец-то начал понимать, что никто кроме меня не сможет спасти наши с Верой отношения. Только я сам, мои решения и действия. Поэтому я трудился и упорно ждал.

Под трудом я имею в виду учебу – после непродолжительных новогодних каникул наступило время сессии, и мне нужно было прикладывать немалые усилия, чтобы сохранить стипендию. Установка на победу помогла быстро расправиться с оставшимися зачетами и перейти к экзаменам. Их было всего два – Гистология и Анатомия. Учить, или вернее, зубрить приходилось до ночи, а порой и до угра.

Ждал я Веру по-разному. Иногда, в редкие минуты свободного времени я садился за свой дневник и записывал воспоминания и мысли о ней. Дневник был последней ниточкой, которая связывала меня с Верой, и мне не хотелось обрывать ее.

А еще я ухаживал за ее подарком, Луцием, следил, чтобы с ним ничего плохого не приключилось. Говорят, что домашние животные перенимают характер своих хозяев и становятся даже чем-то внешне похожими на них, потому я старался воспитывать котенка, чтобы он не походил на меня во всем – только в хорошем. Думаю, Вере бы такой подход понравился.

Белый перс с симпатичной приплюснутой мордочкой оказался одним из тех немногих представителей своей породы, которые имеют разноцветные глаза. Поначалу я не обращал на это внимания, но спустя некоторое время интенсивность окраски усилилась, и стало заметно, что один глаз у Луцика был густо-оранжевого цвета, а второй – небесно-

голубого. Один из моих одногруппников, побывав у меня в гостях, прозвал его за это Мурлином Мэнсоном.

Первая ночь для маленького, беспомощного котенка оказалась самой страшной и мучительной – неудивительно, ведь это была ночь нашей с Алексеем пьянки. Впрочем, вторая оказалась ненамного лучше. Лу, как я начал его звать для простоты, окруженный странными запахами, незнакомыми предметами и звуками, жалобно мяукал то в коридоре, то на кухне, то возле моей кровати, безуспешно разыскивая свою мать, братьев и сестер – хоть кого-нибудь, к кому он мог бы прижаться в поисках спасения. Какое-то время я просто не обращал на него внимания, но вскоре не выдержал и взял к себе под одеяло. С тех пор мы подружились.

Я старался быть заботливым и понимающим хозяином. Наверное, не последнюю роль в таком отношении к котенку сыграло мое обучение в медицинском университете – ведь именно так хороший врач должен обращаться со своими пациентами. Я нашел деньги и купил кошачий лоток для туалета, хороший наполнитель, мышку-игрушку, чтобы Лу было чем занять себя, когда меня нет дома. Кроме того, чтобы лучше понимать своего питомца, я раскошелился на книгу по уходу за кошками. Из нее я узнал, как надо ухаживать за требовательной шерстью персов, и теперь через день припудривал котенка тальком, а затем тщательно расчесывал его гребнем.

Присутствие Луция, маленького верного друга, – вероятно, единственного настоящего друга в те дни – ободряло меня и скрашивало тягостное одиночество. С ним я продолжал надеяться на то, что Вера, являющаяся мне около двух месяцев только во снах, вернется, не смотря ни на что, и мы снова будем вместе.

Я никогда не был примерным учеником, но сессию, как ни странно, сдал на отлично. Видимо, и в этом мне помогли мысли о Вере, мое стремление стать лучше и желанней для нее. Подошел конец января, и снова началась учеба.

– Смотри, – сипловато произнес кто-то, нарушив блаженную полудрему, в которую я погрузился на скучной паре по истории медицины. – Ну же, смотри.

Я приоткрыл глаза и ужаснулся – рядом со мной сидела Вита. Нет, она была очень даже хороша собой – живой взгляд, все тот же веселый рыжий ежик, пухлые яркие губы и вздернутый нос. Меня напугал не ее внешний вид, а то, что она опять оказалась рядом со мной. Я никак не мог отделаться от ощущения, что она меня преследует.

Пальцы Виты пододвинули ко мне студенческий билет с ее старой фотографией. С потрепанного документа смотрела пухленькая, глазастая и наивная девчонка. Длинные темные волосы и яркий макияж ее прошлого образа оставляли желать лучшего.

- Ну, как? едва сдерживая улыбку, поинтересовалась Вита.
- Сейчас гораздо лучше, прокомментировал я.

Надеюсь, она не вспомнит о досадном происшествии на Новом Году? Хорошо бы.

- Сама знаю. Как ты?
- Нормально, сессию на отлично сдал, похвастался я, на всякий случай уводя разговор от больной для меня темы.
 - Молодец, я тоже, сказала Вита, и начало разговору было положено.

Лекция выдалась на редкость нудной, поэтому я был не прочь занять это время болтовней. Раз уж мы учимся вместе и, так или иначе, будем видеть друг друга, то, пожалуй, не стоит изображать из себя буку. Я охотно подкидывал темы для разговора и даже шутил. Так мы проговорили целую пару, к концу которой я стал гораздо проще относиться к Вите. Когда мы уже вышли в коридор, Виталина, ненавязчиво взяв меня под руку, прошептала мне на ухо:

– Займи мне в следующий раз место. Окей?

Я насторожился. Кажется, простой дружбой Вита ограничиваться не намерена. Она опять слишком явно выражала свою заинтересованность мной, и это поневоле настораживало.

– Ладно, – как можно более непринужденно ответил я. – Займу коли сам приду.

Мне нужно было хорошенько поразмыслить над тем, как вести себя с Витой. Лучше всего держать ее на расстоянии, но вот получится ли это сделать? С такой-то ее напористостью.

Не придумав ничего лучшего, я стал избегать Виталину – пропустил одно занятие, второе, третье. Каждый пропуск обеспечивал мне дополнительный вопрос на экзамене, но это было лучше, чем попасть с ней в какую-нибудь неловкую ситуацию.

Конечно, полностью исчезнуть мне не удалось. Мы не раз пересекались в коридоре, частенько выходили в одно время из учебных корпусов. Я всегда старался пройти мимо нее незаметно или свести наше общение к минимуму, но однажды мы столкнулись в троллейбусе. С этим уже ничего нельзя было поделать.

- Привет, сказала Вита, выглядывая из своего теплого капюшона.
- Привет.

Уж не знаю, что было написано на моем лице в тот миг, но удовольствия там точно не было. Как я ни бегал от Виты, но мы все равно оказались один на один. И ужасная давка в троллейбусе, еще больше сближала нас. Мы стояли совсем рядом.

- Ты куда? беззаботно спросила она так, словно мы виделись совсем недавно.
- Домой, сказал я. А ты?

Она не успела ответить – троллейбус дернулся, и народ резко покачнулся. Чтобы не упасть, Вита ухватилась за мою куртку. Я затаил дыхание, когда почувствовал ее ногу между своих двух.

– Ничего, если я за тебя буду держаться? – невинно спросила она, придвигаясь ко мне еще ближе.

Я ощутил легкое, но навязчивое желание, осторожно просыпающееся в глубинах моего подсознания. Из курса психологии я знал, что по Фрейду «Оно», относящееся к нижним, животным пластам психики, любит действовать быстро и наверняка. «Оно» ищет самый короткий путь достижения цели. Наверное, то самое «Оно» и запретило мне сопротивляться. Его единогласно поддержали все органы чувств. Стоило мне только прислушаться к ним, как я ощутил горячее дыхание Виты, перемешанное с клубничным запахом жевательной резинки, сладкий аромат туалетной воды на ее нежной шее, увидел блеск ее глаз, открыто смотревших на меня.

– А я решила по магазинам прошвырнуться, да что-нибудь из музыки прикупить. Не хочешь со мной?

Я нетвердо замотал головой.

– Пойдем, – прошептала Вита и еще плотнее придвинулась ко мне. – Ну же.

Если бы не это ее дурацкое «ну же», которое лишний раз напомнило мне о моей беспомощности, я бы, может, и согласился, но внезапно очнувшийся рассудок уже забил тревогу. Что со мной происходит? Действительно ли я хочу этого? К чему меня это приведет? И, конечно, я вспомнил Веру. Словно канатоходец, недавно раскачивавшийся над пропастью, я обрел равновесие и теперь уже без труда удерживал его.

– Сегодня не могу, извини, – отказался я и был горд собственной стойкости.

Почувствовав уверенность в моем окрепшем голосе, Вита оставила меня в покое. До поры до времени, как я понял.

Ежедневно, когда я возвращался с занятий, Луций встречал меня радостным мурлыканием вперемешку с недовольным мяуканьем по поводу моего долгого отсутствия. Он скучал по мне, и только, заслышав звук ключа в замочной скважине, усаживался перед

дверью и ждал, когда я войду внутрь. За этим традиционным приветствием шла кормежка животного (точнее двух, включая и меня), а после мы вместе ложились на кровать и отдыхали.

Иногда я брал в руки свой дневник. Листая его страницы, я пытался строить планы на будущее, давать оценку прошлому, но вскоре понял, что это бесполезно и даже смешно. Пока Вера не вернется (если она вообще вернется), я не могу тешиться призрачными надеждами, постоянно вспоминая ее. Это слишком жестоко по отношению к себе и попахивает самобичеванием.

«Стоит ли ждать Веру?» – такой была первая строчка, появившаяся в дневнике после столкновения с Витой в троллейбусе. Она вертелась в моей голове весь день, как навязчивая мелодия.

Я пристально вглядывался в написанную фразу, пытаясь уловить все, что за ней кроется. Этот вопрос рвался наружу уже давно, но только сейчас был высказан окончательно. Итак, Вера ушла от меня в конце ноября. В начале декабря она прислала извинительное, но ничего не обещающее письмо. Почти месяц я не получал от нее никаких вестей. В Новый Год она послала мне гонца, чтобы вручить подарок. Значит, она не забыла обо мне. Тянет время? Судя по всему. Даже если судить по ее письму, она не может определиться, нужен я ей или нет. В таком случае, не все потеряно. Но! Не стоит забывать о происшествии с Выкидышами. Итак, Лешик возвращается к Вере и рассказывает обо всем.

Я теряюсь в догадках – какова будет ее реакция? Злость? Разочарование? В любом случае, ничего хорошего. Тогда, может, зря я жду ее, зря надеюсь на данное ею обещание?

Мои размышления прервал звонок Эрикссона. Посмотрев на номер звонящего, я в первый момент решил не отвечать, но, поразмыслив, пришел к выводу, что пока мне хватает увиливания от встреч с одной Виталиной – больше не надо.

– Здравствуй, Толик, – со вздохом ответил я.

Похоже, мой бывший одноклассник чувствовал такую же неловкость, как и \mathfrak{n} – он не знал, что ему говорить после недавних событий.

– Привет, это... Пашка, – неуверенно начал он. – Ты там все еще дуешься?

Он даже усмехнулся, но я-то знал, что этот смешок только выдавал его напряжение. Я невольно сжалился над Толиком.

- Не бери в голову. Считай, что все, проехали.
- Ну и отлично, а то мы тут... какой-то гам перекрыл его голос, и потому я не расслышал его слов, ... хочет. Ты не против?
 - Не против, вырвалось у меня, прежде чем я попросил его повторить фразу.
 - Привет, Павел.

Это был уже Денис. Если к Толику я не имел каких-либо серьезных претензий, то его товарищ по-прежнему был мне неприятен.

– Я тут тебе хотел сказать... Черт!.. Подожди!

Опять какой-то шум. Через некоторое время он стих.

- Наконец-то! А то в таком скопище говорить невозможно.
- _ Ты гле?
- Да мы с Толей сидим в одном клубе, а тут сейчас представление устраивают стриптиз со зрителями. Ну, толпа и орет, сам понимаешь. Но это все неинтересно и не важно. Что я, голых баб не видал, что ли?

Ага, подумал я, может, вам и неинтересно. А я на «голодном пайке» уже почти три месяца сижу, без женской-то ласки.

– Короче, я сейчас говорю из туалета. Похоже, это самое спокойное место во всем клубе, если не считать парочки в соседней кабинке. Вот послушай.

Я услышал какое-то кряхтенье и затем явно женский стон. Он, что, издевается надо мной?

- Что тебе надо? грубо спросил я.
- Я всего лишь хотел убедиться, что у нас по-прежнему все в силе. Я имею в виду с Верой и вообще.
 - Не знаю, Денис, честно ответил я. Я пока еще ничего не решил.
- Ты-то, может, и не решил, а вот Вера все за тебя уже решила. Вспомни тосты Алексея, она же еще не покончила с тобой. Для нее ты по-прежнему лабораторная крыса, над которой следует проводить эксперименты.

Сам ты крыса!

- Денис, если она появится... когда она появится, я постараюсь разобраться с ней самостоятельно.
- Паша, вот только не обманывай сам себя. Неужели, ты думаешь, у тебя одного хватит сил, чтобы противостоять Вериным фокусам. Такая самоуверенность может привести к весьма плачевным последствиям, уж кому как не тебе знать это.
 - Что-нибудь да придумаю, я решил твердо стоять на своем.
- Судя по тостам, у Веры был план еще до Нового года, а ты до сих пор топчешься на одном месте. Разве я не прав?

Этот разговор начал меня раздражать:

- А тебе-то что с этого?
- Я... Мы всего лишь хотим помочь тебе. Не отворачивайся от помощи, когда тебе ее бескорыстно предлагают.

Я не мог отрицать того, что пока не знаю, как поступить с Верой, как заставить ее прекратить свои дурацкие тесты. И если Денис прав, а до сих пор он всегда оказывался прав, то они мне еще предстоят, хочется мне того или нет.

Чтобы не разговаривать на тему, к которой не был готов, я перешел к другой:

- Скажи, а откуда ты знаешь, что Алексей не брат Веры?
- Я его видел в «Коок» несколько раз, он действительно там вышибалой работает. Разговорились как-то, ну, он мне все и рассказал о себе. Родителей у него нет, родни в радиусе нескольких сот километров тоже. Ни братьев, ни сестер, вообще никого. Ну и потом... Постой, а ты сам-то в «Коок» бывал? словно спохватившись, спросил он.
 - Ни разу. А что?
 - Да так, ничего. Слушай, тут за стенкой, похоже, кончают, так что и мне пора.
 - Чего пора?
 - Разговор заканчивать, говорю, пора. Аккумулятор почти на нуле.
 - А, ну ладно тогда. Пока.
 - Пока. И будь готов к тестам!

После разговора с Денисом ко мне вернулось чувство раздражения и даже злости, которое я порой испытывал, находясь рядом с Верой и терпя все ее выходки. В конце концов, что ей мешает появиться, дать о себе знать? Хотя бы весточку, чтобы я успокоился. Но нет.

Я дал ей три дня на то, чтобы она объявилась. Отпущенный срок вышел, и я позволил ей думать еще столько же, но не больше. Вторые три дня истекли, и я решил, что между нами все кончено.

В конце концов, что я для нее – игрушка? Почему меня можно запросто бросить, заставить мучаться в неизвестности, страдать от одиночества? Все, хватит! Сама виновата! Первым делом я сменил замок на двери своей квартиры – теперь, даже если она появится, то попасть ко мне будет не так-то просто.

Кроме того, я решил назло Вере начать открыто встречаться с Виталиной. В конце концов, зря я ее в чем-то подозревал. Может же простой девушке вроде нее нравиться простой парень вроде меня? Запросто может. Так почему бы не попробовать этот вариант, тем более что вот она – рядом, стоит только протянуть руку.

Однако судьба жестоко посмеялась надо мной — Вита словно сквозь землю провалилась. Она перестала появляться на занятиях, и никто ее не видел. Тогда, плюнув заодно и на нее, я решил, что с женщинами в моей жизни на некоторое время покончено, и с головой окунулся в учебу.

Но не тут-то было! Вита появилась внезапно через неделю, и сразу атаковала.

– О, какие люди и без охраны! – проговорила Виталина, увидев меня.

Я как раз вышел на крыльцо института покурить, а она была уже тут как тут.

- Привет, давненько не виделись, ответил я ей, и былая уверенность в собственных силах улетучилась вместе с густым дымом, который выдохнула моя знакомая.
- А ты заметил? быстро отреагировала она. Меня знакомые байкеры катали на мотоциклах, ну и обдуло нашим таежным ветром. Слегла, считай, на неделю.

Нос Виты быстро покраснел на морозе. Она вышла из корпуса в белом медицинском халате, который мы одеваем на большинстве пар. Под ним, кстати, проглядывалось не так уж и много одежды. Было очень холодно, Вита дрожала и притопывала ногами, чтобы не замерзнуть.

- У-уфф, выдохнула она и затянулась в последний раз. Не замерз?
- Не успел еще, честно ответил я ей, шмыгнув носом.

Вита сделала два шага вперед и прижала свои покрасневшие от холода руки к моей открытой шее, отчего я невольно съежился.

– Чувствуешь? – проговорила она, обвив меня руками, и тут же пояснила. – Греюсь.

Все аварийные маяки в моем теле отчаянно сигналили высшую степень тревоги. Курить почему-то расхотелось. Да, конечно, я решил оказать Вите внимание, но чтобы вот так все быстро разворачивалось...

Я не хотел, чтобы она стала для меня второй Верой, и потому решил не торопиться. Только не с ней. Только не в этот раз.

Однако на следующий день Вита обратилась ко мне со странной просьбой, значение которой объяснялось одним единственным словом – постель. Да, Вита решила сломить мое сопротивление окончательно и бесповоротно. Я читал это в ее глазах, в том, как она слишком близко ко мне стояла, и как держала мою руку в своей.

- Паша, мне нужно заехать к тебе и переписать пропущенные лекции.
- Давай я завтра притащу их на занятия? исследовал я симптомы на случай ложной тревоги.
 - С ума сошел? Послезавтра же коллоквиум по физиологии!
- Ну, если только ближе к вечеру... Мне еще к родителям надо сегодня успеть заскочить.
 - Да хоть ночью, и она многообещающе улыбнулась.

После этих слов сомнений в ее намерениях у меня уже не оставалось!

Итак, в половину шестого, когда уже начинало темнеть, Вита зашла за мной к моим родителям. Мама была очень удивлена и, более того, обрадована. Мне показалось, что в ее радости и взгляде сквозило что-то фальшивое. Я заподозрил заговор.

Но если Вита и действовала по наводке матери, то не могла же она лечь ко мне в постель по ее прихоти? Значит, я на самом деле ей нравлюсь и не так важно, что подтолкнуло ее к наступлению.

Мы добирались до моего дома вместе. Я жутко волновался и не раз успел пожалеть, что согласился на плохо прикрытое предложение Виты. Может, зря я так быстро решился на более серьезные отношения? Разумеется, я изголодался по женской ласке, но история моих похождений с Верой послужила хорошим уроком – в нагрузку к сексу прилагается еще и

человек. Как там, в анекдоте заявил поручик Ржевский? Кажется, «секс – не повод для знакомства». К сожалению, в реальной жизни все обстоит как раз наоборот.

Было уже совсем темно, когда мы вошли в подъезд, и я начал придумывать отговорки, внутренне осознавая их нелепость и несвоевременность. Я ругал себя за свою нерешительность, но тогда бы я не был собой, если бы делал столь серьезный шаг без раздумий. Мы молча поднимались наверх, каждый занятый собственными мыслями.

Что-то вдруг шевельнулось у меня в груди. Ну почему ты не пришла ко мне, Вера? Почему даже не побеспокоилась обо мне в эти трудные дни? Дала бы мне хоть один намек! Один единственный! Вера! Чтобы я был уверен в твоем возвращении, в том, что я тебе не безразличен! В том, что за всеми этими проверками стояла девушка, способная любить не меньше, чем я. Вера, признайся — это ты бросила меня, а не я предаю тебя. Признай хотя бы это, раз уж ты не можешь открыто сказать о том, что не любишь меня.

– Луций? – привычно окликнул я своего питомца, когда открыл дверь квартиры.
 Вита прошла за мной следом, но кота по прежнему не наблюдалось. – Кыс-кыс-кыс. Луцик!
 Где ты?

В прихожей было темно – хоть глаз выколи. Включив свет, я скинул куртку и помог Виталине раздеться. В тесном помещении стоял уличный холод, пахло морозным воздухом. Видимо, я неплотно закрыл балкон, когда выходил курить этим угром.

 $-\Lambda$ уцик? – повторил я, но никто не выбежал мне на встречу и не замурлыкал.

Это было совершенно не похоже на моего маленького друга. Я поискал на кухне, в ванной, залез под кровать, заглянул под комод, в шифоньер. Присев на кровать, Вита терпеливо ждала, пока я решу свои проблемы.

Но где кот? Неужели я не заметил, как Лу выбежал на площадку? Нет-нет, он очень боится ходить туда, после того, как впервые услышал лай соседской овчарки. Что еще остается? Балкон!

По телу пробежался зловещий холодок, и я бросился к открытой двери злополучного балкона. Там никого не было. Я почувствовал, как у меня подкосились ноги, а в глазах предательски помутнело от внезапной мысли, пришедшей мне в голову. Я медленно подошел к перилам и посмотрел вниз.

Тускло светили фонари. Вначале я видел лишь белое покрывало снега, темные пятна голых кустов и мусора, но вскоре различил едва заметное движение справа, прямо под моим балконом. Белый пушистый комок лежал на покрытом коркой льда асфальте и отчаянно мяукал.

– Боже мой, Луцик, – пробормотал я и, успев лишь обуться, стремглав бросился из квартиры наружу, под балкон, где лежал мой маленький глупый питомец.

Луций кашлял, и изо рта у него шла красноватая слюна.

 $-\Lambda$ у, Λ у, — шептал я как в бреду, поднимая его со снега и нежно прижимая к себе. — Как так получилось?.. Какая же я сволочь!

Удерживая слезы только, чтобы их не увидела Вита, я принес его домой и уложил на кровать. Виталина побледнела как полотно, когда увидела перебитого котенка. Она переживала вместе со мной, хотя первый раз в жизни видела моего питомца. Пытаясь быть как можно более осторожными, мы осмотрели его на предмет повреждений. К счастью, у него не было никаких открытых ран, однако при ходьбе он заметно хромал.

Было уже довольно поздно, когда моя гостья взяла тетрадки и удалилась к себе домой. Не могу сказать с полной уверенностью, входил ли секс в ее намерения, однако после всего произошедшего, о нем и речи быть не могло. Что бы там не готовила для меня судьба, в ту ночь свою кровать я делил не с Витой, а с Λ уциком.

На следующий день я отнес животное к ветеринару. Специалист тщательно обследовал его и сказал, что у Лу сильный ушиб передней левой лапы, а также незначительное повреждение внутренних органов. По мнению врача ничего серьезного в

этом не было, и при правильном уходе котенок должен быстро поправиться. Я немного успокоился.

Первые дни Луцика приходилось кормить с пипетки. Нужно было постоянно следить за ним, потому что непоседливый котенок так и норовил покинуть специально приготовленное для него место, в то время как ему полагался полный покой.

Я не ходил на учебу несколько дней и пропустил важный коллоквиум по физиологии. Но мне было все равно. В те дни для меня существовал только маленький Лу, которого я просто обязан был поднять на ноги. Вернее, на лапы. Я старался изо всех сил, следовал всем правилам и записывал свои наблюдения в дневник. Получилось так, что на некоторое время подарок Веры вытеснил ее саму с этих страниц.

Вита, по идее, должна была занести мне тетради или хотя бы поинтересоваться по телефону о том, когда я собираюсь показаться на учебе, и как здоровье моего питомца. Но она не появлялась. Что-то было странное и непонятное для меня в поведении этой девушки. Во всем она поступала как-то нелогично, и я, вероятно, поспешил в тот вечер с выводами о ее намерениях. Котенок невольно помог мне избавиться от иллюзий.

Но все же у меня оставались сомнения.

Прошло еще три недели. Февраль подходил к концу, а это означало только одно – очень скоро мне исполнится девятнадцать лет. Решение о том, как отметить это событие, я принял довольно просто – рассудил логически.

У меня не было друзей, настоящих друзей, кого бы я мог пригласить к себе. Те, с кем я учился в институте, с трудом тянули на товарищей. Денис мне до сих пор был неприятен, и я не хотел бы видеть его на моем празднике. Что касается Толика... Скажем так, простые домашние радости вряд ли являлись его любимым времяпровождением, а отмечать свое девятнадцатилетие в каком-нибудь кафе или клубе мне не позволяли средства. Потому я решил никого не приглашать и справить праздник скромно, только с родителями.

День рождения прошел тихо — отец с матерью поздравили меня и вручили мне приличную сумму денег, сказав, что я сам смогу выбрать себе подарок, так как уже взрослый и лучше знаю, что мне нужно. Не осталась в стороне и бабушка, тепло обняв, она расцеловала меня, пожелала слушаться родителей, хорошо учиться и побольше кушать (ей почему-то вечно кажется, что я слишком худой). Несмотря на свое слабое здоровье, она связала мне шерстяные носки и варежки. Искренние теплые слова моих близких глубоко тронули меня. Во всей кутерьме с Верой, Выкидышами и Витой я совсем о них позабыл.

Почему-то весь праздник я ждал, что появится Вита. Ведь она знает, где живут мои родители. И уж наверняка в курсе, что у меня день рождения. Но она так и не появилась, отчего я немного взгрустнул. Все же мне хотелось, чтобы рядом со мной была девушка, которую я мог бы назвать своей и с гордостью, а не как в последний раз, краснея от стыда, представить родителям. Вероятно, я просто устал от одиночества и хотел определенного постоянства.

Наконец, когда я уже больше не мог вместить в себя ни одну ложку салата или чашку чая, наступило время прощаться. Нагрузив меня всякими вкусностями с праздничного стола, родители проводили меня до остановки.

Пока я ехал в маршрутке по вечерним улицам родного города, на меня снова нашла грусть. На этот раз от того, что мне предстоит вернуться в холодную темную квартиру. После теплого приема и любви предков мне не хотелось провести еще одну ночь в одиночестве. Но поворачивать назад было поздно – я уже подъезжал к своему дому.

В подъезде на всех этажах кто-то ввинтил новые лампочки, в свете которых отчетливо читались настенные произведения местных аборигенов. Одно из них меня даже позабавило. На стене между вторым и третьим этажами красовалась надпись неизвестного классика: «Серый черт». Пресловутый Сергей, впрочем, не остался в долгу, потому что дальше он нацарапал «Леха манда». Алексей, видимо, не потерпел такого положения дел и

еще дальше поставил прежнюю надпись. Сергей же стоял на своем. И битва титанов продолжалась до тех пор, пока хватало стены. В результате победила «манда».

Поднявшись на родной пятый этаж, я обомлел. Перед моей дверью стояла огромная картонная коробка в человеческий рост, перевязанная красным бантом. Но обомлел я вовсе не из-за этого. Рядом с коробкой на корточках, прислонившись к стене, сидела моя Вера и смотрела на меня. В легкой курточке, брюках, без шапки.

– Вот, хотела сделать тебе подарок, а тебя дома не оказалось. Пришлось выбираться из ящика, – виновато улыбнулась она и показала на разодранный бок картонной коробки. – Извини, что испортила сюрприз.

Не помню, как метнулся к ней, но в следующее мгновение я уже обнимал и целовал ее. Подняв ее на ноги, я, шептал, как мне было тяжело без нее, сколько я всего пережил. Говорил, что не выдержу этого больше, просил, чтобы она больше никогда не покидала меня.

Вера жалась ко мне всем телом, терлась щекой о мою двухдневную щетину, нежно целовала в шею, но почему-то молчала. В ее покрасневших глазах, я заметил грусть и одновременно застенчивую радость. Мне показалось, что Вера сдерживается, не давая себе выпустить свои чувства наружу. Может, поэтому она не проронила ни слова?

Все эти мысли и наблюдения пролетали где-то вдалеке, словно были и не моими вовсе. Голова у меня в тот момент была полна ощущением ее нежной кожи под моими пальцами, запахом ее духов, блеском ее глаз и удивительной улыбкой, однажды увидев которую, можно было счастливо умереть.

Уж не знаю, возможно выпитое за этот вечер сыграло свою роль, но я мысленно представил себе Веру эдакой сказочной феей, которая в очередной раз спасала меня от дурной судьбы.

- .– Моя героиня, прошептал я, зарывшись в ее волосы.
- Мой героин, не растерявшись, ответила она и мягко рассмеялась. Все-таки здорово, что она вернулась!

Глава двадцать первая

ВСЕ НОВОЕ – ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Первую неделю я совсем не притрагивался к дневнику, только к Вере. Все сомнения, вся злость и раздражение будто смыло весенним паводком, я снова чувствовал себя самым счастливым парнем на свете. Проблемы в институте казались смехотворными, и я преодолевал их с необычайной легкостью. Одиночество представлялось мне чем-то далеким и нереальным. С возвращением Веры я вновь обрел былую силу и уверенность в себе.

Луций к тому времени окончательно поправился, и, если не считать того, что балконную дверь он теперь обходил стороной, догадаться о его лётных экспериментах было невозможно. Я решил не рассказывать Вере об этом несчастном случае, посчитав, что незачем расстраивать ее, раз уж все закончилось благополучно.

Поначалу я опасался, что рано или поздно она заведет разговор о Выкидышах, о которых ей мог рассказать Алексей. Но она молчала. Значило ли это то, что ее так называемый брат ничего ей не говорил, или то, что пока она не хотела заострять на этом внимание, я не знал. Но кое о чем она все же спросила:

- Скажи, обратилась она ко мне в первое же наше утро за завтраком, почему ты сменил замок на двери?
- Я... подожди, сказал я, дожевывая гренку: Я был зол на тебя и не хотел, чтобы ты появлялась в моей жизни.
 - Глупыш. Неужели какие-то дурацкие замки могут остановить меня?
 - Но вчера-то они тебя остановили.

- Да, но только вчера.
- Бе-бе-бе! я показал ей язык.
- Сам такой!

Мы еще некоторое время продолжали дружески препираться в том же духе, пока все не закончилось, как это обычно заканчивается с Верой — смятыми простынями, вспотевшими телами и двумя довольными улыбками.

Я видел, что время разлуки изменило и Веру тоже. Она посвежела, но не столько внешне, сколько душой. Как и я, она стала спокойнее, улыбка чаще посещала ее лицо, а грубые слова и едкие замечания были теперь большой редкостью. Но все же подо всей этой новизной скрывалась прежняя Вера — сильная и принципиальная. Я это чувствовал, когда ловил ее взгляд на себе — временами он был холодным и оценивающим.

В остальном же все обстояло просто идеально. Теперь Вера почти что жила у меня и даже пыталась делать что-то по дому, правда, это получалось у нее еще хуже, чем у меня. Но, самое главное, что она старалась.

- Что это? удивленно спросил я однажды, заглянув в большую кастрюлю на плите. Зачем тебе клейстер?
- Сам ты клейстер, смущенно улыбнувшись, ответила Вера. Это наш сегодняшний ужин.

С тех пор она частенько баловала меня подобными «деликатесами». Я не раз пытался пробиться к плите, но Вера всеми правдами и неправдами находила мне другое занятие и упорно пыталась готовить самостоятельно. Хорошо, хоть никто из нас не отравился.

Что касается уборки по дому, то мы занимались ею вместе, примерно раз в три дня. Здесь ощущался значительный прогресс. Ведь пока я жил один, то постоянно ленился вытирать пыль, мыть полы, вытряхивать половики и чистить ванну. Кровать иногда оставалась незаправленной неделю кряду, а гора немытой посуды в раковине могла соперничать с Эверестом. С Верой такие проблемы решались довольно быстро. Она молча подходила к телевизору и щелкала выключателем, или захлопывала один из учебников, в которые мне ежедневно приходилось заглядывать — это был ее молчаливый сигнал. И мы приступали к уборке.

В своей новой ипостаси мы напоминали молодую семью. Меня это очень радовало, потому что теперь в моей жизни появились так необходимые мне постоянство и размеренность. Я уже не ревновал Веру и не изводил себя всякими догадками, как раньше, если она не приходила домой ночевать. Во мне открылась какая-то новая степень доверия к ней. Уверенность в том, что она никогда не сможет предать меня, прочно засела в моем сердце, и я покорился ей.

Если меня что и напрягало, так это ее «не любовь». Я силился найти глубину в наших отношениях, но ничего не выходило. С ее стороны я ощущал лишь привязанность и симпатию, не больше. Несмотря на возросшее понимание между нами, я до сих пор боялся напугать Веру словами о своих истинных чувствах и терпеливо ждал своего часа.

«Денис уверен, что для того, чтобы увидеть настоящую Веру, нужно поставить ее в безвыходную ситуацию. Тогда она больше не сможет играть спектакль и откроет свое настоящее лицо. Я так не считаю. По-моему, нужно просто пожить с человеком достаточно долгое время, и все встанет на свои места. Ведь играть постоянно, изо дня в день, никому не по силам!».

Я с интересом разглядывал в Вере человека. Прислушивался к ее словам, узнавал о ее привычках, интересах. Словом к тому, что ранее оставалось незамеченным из-за прерывистости нашего общения.

Оказывается, Вера очень любила музыку и книги. На следующий же день после своего возвращения она притащила новенький музыкальный центр «Sony» и целый ворох

кассет с дисками в придачу. Здесь было все. Начиная от неизвестных мне групп 60-ых и заканчивая последними новинками в жанрах, о существовании которых я даже не подозревал. Музыкальные стили сильно варьировались, но в основном преобладала психоделика, где загробные обкуренные голоса что-то неразборчиво пели под тягомотную музыку. Что и говорить, я, «попсятник», как она ласково меня обзывала, по ее словам, не очень-то поощрял этот выбор! Но и не препятствовал.

Книги у Веры тоже были странные. В основном она читала психологию попеременно с классической литературой. Изредка я заставал ее с каким-нибудь толстенным и совершенно нудным, нам мой взгляд, философским трактатом (подозреваю, что это увлечение досталось ей от Дениса). Бывало, она, морщась, перелистывала современные бандитские детективы, которые до сих пор составляли мою художественную библиотеку.

– И как ты читаешь эту чернуху? – спросила она у меня как-то.

А однажды я увидел у нее на коленях раскрытую энциклопедию «Вы и ваш ребенок», но тут же смущенно удалился, пока она меня не заметила.

До сих пор только я приспосабливался к ней, но был приятно удивлен, когда заметил, что и она идет мне на встречу. Вера легко переносила мои причуды. Например, она всегда чувствовала, когда я устал и не хочу заниматься домашними делами, какими бы неотложными они не были, и делала все сама. Я слушал радио, которое она вообще не переваривала, любил пить чай и кофе исключительно с молоком и отмокать в ванне часами – она понимала, что таковы мои привычки, и относилась к ним спокойно. Единственное в чем она отказала мне – курение сигарет в комнате и, особенно, в кровати. Тут она была непреклонна.

Впрочем, и у самой Веры хватало маленьких странностей. Приходя домой, я не раз ловил ее на том, что она танцевала или пела под какой-нибудь очередной непризнанный хит или композицию несправедливо забытого гения. Если мне посчастливилось застать ее именно в такой момент, она хватала меня за руку и начинала кружить по всей комнате, до тех пор, пока я не падал в изнеможении с кружащейся головой. За особое старание мне полагалось особое вознаграждение. Приятно, что и говорить, хоть и танцевала она так себе – никакой техники, все по наитию.

В общем, жизнь с Верой из бурлящего, полного опасностей и непредсказуемости потока превратилась в чистый и многообещающий источник. Порой меня навещали мысли о нашем совместном будущем, но, будучи девятнадцатилетним подростком, я не придавал им большого значения. Рано еще о таком думать, когда вся жизнь впереди.

Не знаю как, но Денис пронюхал, что Вера вернулась. На восьмой день идиллии он позвонил мне, когда я сидел на паре, и с ходу принялся расспрашивать о ней. Я извинился перед преподавателем, который бросил на меня недобрый взгляд, и попросил разрешения выйти из аудитории. Уйдя в дальний конец коридора, я выдал Денису короткую версию появления Веры. Его особенно заинтересовал тот факт, что она стала добрее.

- С чего бы это она так оттаяла? недоверчиво усмехнувшись, спросил он.
- Понятия не имею.
- Она тебе, случаем, предложение не сделала?
- Дурак, что ли?
- Да ладно, шучу я.

Он также поинтересовался, не начала ли еще Вера проводить свои тесты. Я сказал, что ничего такого не заметил. Живем и живем себе, очень даже неплохо.

- Ты давай, не расслабляйся там. Учти, первый тест на стойкость духа, так что тебе, во что бы то ни стало надо проявить терпение и выдержку.
- Живы будем, не помрем, сухо сказал я, дав понять, что пока не хочу рассуждать на эту тему.

Денис еще походил вокруг да около, пока не задал, казалось бы, самый главный, мучавший его вопрос:

- Она что-нибудь знает?
- В смысле?
- Про нас, Выкидышей, ей что-нибудь известно?
- Кажется, нет. Она ничего не сказала по этому поводу, но ты же знаешь, как хорошо она может скрывать что-то, когда ей это надо.

Если не считать прощаний, то на этом наш разговор закончился.

Я почувствовал, что что-то не так, как только вошел в квартиру. Было семь вечера, а это для меня довольно поздно. С недавних пор у меня выработался четкий маршрут дом-институт-дом с редкими случайными отклонениями, и потому я приходил гораздо раньше. Сегодня я пришел с опозданием, так как снова стал подыскивать себе работу.

Я решил, что теперь, с возвращением Веры, я должен взяться за ум. Это касалось и денег в том числе – если до сих пор я мог существовать на стипендию, то теперь ее не хватало. Я снова хотел вернуться к обязанностям сторожа. Что мне еще оставалось с моей-то учебой? А так, работа не пыльная – заперся на ночь, да спи себе. С третьего курса начнется практика, тогда можно и по специальности работу найти (правда, денег она больших не принесет при нынешних-то зарплатах врачей). Но пока, набравшись наглости, я обходил всякие конторы и увеселительные места, спрашивая о том, не нужен ли им сторож. Поначалу я стеснялся, терялся, но вскоре понял, что не прошу чужого, не прошу лишнего, всего лишь хочу найти себе честный заработок. И во время разговора я научился смотреть прямо в глаза.

Об этом я думал, когда шел домой. Пока поднимался по ступенькам и открывал дверь, я тоже думал об этом. Но как только я вошел в квартиру, мысли о работе мгновенно отступили перед охватившим меня недобрым предчувствием. Смутно я начал догадываться, что «лафа кончилась».

Меня не выбежал встречать Луций, а он это делал всегда, когда сидел дома один. Значит, кто-то здесь уже есть. Кроме того, в квартире не горел свет – получается, этот кто-то не хотел, чтобы его раньше времени обнаружили.

Вернее, ее. Такой тихий прием мог означать только одно – Вера приготовила мне какой-то сюрприз, причем, скорее всего, не из приятных. Неужели сегодня, в канун восьмого марта она решила продолжить свои тесты? Господи, когда ей все это надоест, и она станет нормальной?

Но пока я решил подыграть ей. Сделав вид, что ничего не подозреваю, я включил свет в прихожей и принялся раздеваться. Нарочно встав спиной к общей комнате, я снимал пальто, и в этот момент все вокруг потемнело. Что-то легло мне на глаза, что-то мягкое, и полностью закрыло мой обзор. Доигрался!

Привет, – произнесла Вера за моей спиной. – У меня для тебя есть небольшой сюрприз.

Вот, так я и думал. Она обняла меня за талию и прижалась всем телом. Ее волосы щекотали мою шею, я снова, против собственной воли, растворялся в ней, в ее удивительном запахе и женственной ауре.

- Какой? - стараясь скрыть раздражение, спросил я.

Повязка на моем лице сразу вызвала определенные мысли о садомазохизме – плетках, цепях, связанных руках и всем таком прочем. В голове тут же всплыл давнишний сатанинский ритуал, и я подумал, что Вера вполне могла вернуться к уже пройденным забавам. Так сказать, для закрепления материала.

- Если я отвечу, то он уже перестанет быть сюрпризом. Не так ли?
 Снизу раздалось мяуканье, и я почувствовал, как о мою ногу трется Луцик.
 Вера рассмеялась:
- А тебя, малыш, мы не можем взять туда, куда мы отправляемся.

Я вспомнил нашу прошлогоднюю поездку в ночной клуб и немного успокоился.

- Мы выходим в свет? поинтересовался я.
- И еще в какой! усмехнулась она.

У меня возникло ощущение дежа вю, когда мы ехали в такси, которое вызвала Вера. Точно так же я ехал с ней и с Алексеем в ночной клуб несколько месяцев назад. Точно так же не знал, что ждет меня впереди. Разница заключалась в том, что тогда мне разрешалось смотреть в окно и наблюдать за пролетающим мимо городом. Теперь же мои глаза плотно закрывала повязка. Не знаю, как я выглядел со стороны, но, думаю, водитель такси точно принял нас за извращенную любовную парочку. Которой мы, собственно, и являлись.

Все так же с повязкой на глазах, придерживаемый за руку Верой-поводырем, словно слепой, я вышел из такси. Пока она расплачивалась, я тщетно пытался определить наше местоположение. Неподалеку я слышал приглушенную музыку и голоса — мы могли быть где угодно. Я все еще пытался услышать что-то, что дало бы мне ключ к разгадке, но Вера потянула меня за руку.

– Не волнуйся, мы очень скоро будем на месте, – сказала она, все так же настойчиво увлекая меня за собой. Я ощущал полную беспомощность.

Через минуту мы вошли в какое-то помещение – громкая музыка навалилась на меня, и я окончательно потерял всякие ориентиры. Вере пришлось говорить мне в самое ухо, чтобы я мог расслышать ее:

- Садись здесь.
- А ты? обеспокоено спросил я.

Но вместо ответа Вера силой усадила меня на высокий круглый табурет, я ощутил ее пальцы у меня на затылке, и в следующее мгновение повязка спала с моего лица. В глаза брызнул мягко-синий неоновый свет. Казалось, что он исходит отовсюду одновременно. Через некоторое время глаза привыкли к освещению, и я огляделся.

Мы сидели в ночном клубе, но он ни в какое сравнение не шел с Pall Mall, в котором мне довелось побывать в прошлый раз. Здесь все было сделано с большим размахом и гораздо более стильно. Догадываюсь, что и вход сюда стоил гораздо дороже – если это новый тест Веры, то он обошелся ей в копеечку.

Удобные на вид диванные уголки, сделанные в форме полукруга, были выстроены в ряд вдоль стены, напротив бара, у которого мы сидели. У каждого такого уголка имелся свой круглый столик, на котором стояла коническая неоновая лампа, изливавшая все тот же синий цвет. В лампе плавали какие-то бесформенные кругляши, напоминавшие гигантские бактерии. Диванчики, обитые красной кожей, представляли собой отдельные ячейки, создавая обманчивое впечатление обособленности для разместившихся в них. Из девяти таких ячеек заняты были лишь пять, да и те не полностью. За тремя сидели молодые парни, за двумя – девушки.

Противоположную от ячеек стену, то есть, с той стороны, где сидели мы, занимал бар. Я еще нигде не видел такого. Сказать, что он был длинным, значит, ничего не сказать. Сама стойка протянулась метров на двадцать в длину, вдоль которой стояли высокие круглые табуреты. На одном из таких сидел я. За стойкой находилось два бармена, однако сейчас у них почти не было работы.

Кроме меня и Веры у бара сидело еще несколько человек. Если быть точнее, пятеро мужчин, причислить которых к молодежи было просто невозможно – самому молодому на вид было не менее тридцати пяти. Все они сидели поодиночке и что-то попивали. Самый ближний, увидев мой изучающий взгляд, склонил голову в знак приветствия. Из вежливости я кивнул в ответ, хотя видел его впервые.

- Ну, что скажешь? вкрадчиво спросила Вера у меня за спиной.
- Я развернулся к ней.
- А что ты хочешь услышать? осторожно заметил я.

Вполне возможно, что тест уже начался, и каждое слово теперь надо обдумывать.

- Не порти момент, просто скажи, как тебе тут.
- Ну, красиво, конечно... Только не оригинально, знаешь ли. Все это уже было, ответил я с напускной усталостью в голосе.
- Да от тебя и такого не дождешься, бросила она в ответ, но тут же, спохватившись, добавила более мягко: Прости, это я сгоряча.

Она обняла меня и поцеловала в макушку, словно извиняясь за вырвавшиеся слова, но на душе все равно стало гадко.

Ведь она права. Почему я никогда об этом не думал? Все эти походы по клубам, кладбищам, крышам и другие приключения. С момента нашего знакомства Вера, и только Вера, вносила хоть какое-то разнообразие в нашу совместную и, конечно, мою личную жизнь. Я всегда боготворил ее в своем дневнике за способность выдергивать меня из ругины, но никогда сам не предпринимал подобных попыток.

С другой стороны, почему я должен выступать в роли клоуна? Еще понятно, когда поначалу люди лезут из кожи вон, чтобы понравиться друг другу, но позже, спустя полгода, обычно все устаканивается и уступает место нежности, любви, в конце концов. Да, были страсть, приключения, постоянное волнение. Но любовь, любовь-то где? Почему Вера до сих пор избегает этого слова? Может быть, действительно, нас связывает только привязанность, и она, осознавая это, старается подменить полноценные отношения вот такими вот изюминками?

Мне на плечо опустилась рука. Оглянувшись, я увидел того самого мужчину, который со мной поздоровался.

- Извините, что вмешиваюсь, сказал он, переведя взгляд с Веры на меня, но мне кажется, я впервые вижу вас здесь, и потому решил подойти, познакомиться.
 - Вы можете сказать моему другу, где мы находимся? спросила его Вера.
 - Я не совсем понимаю, ответил он, смущенный неожиданным вопросом.
 - Просто скажите, что это за место.
 - Это Kook. Разве вы не знали?
 - А что такое Kook? продолжала Вера.
 - Kook это клуб.
 - Какой клуб?
- Клуб, где собираются люди... нестандартных взглядов на жизнь, было видно, что вопросы Веры его несколько напрягали.
 - А проще можете сказать?
- Я следил за этим спектаклем, не понимая, к чему клонит Вера. Мужчина, тем временем, озадаченно смотрел на нас.
 - Извините, сказал он через несколько секунд, кажется, я ошибся. Всего доброго.
- И он удалился к своему табурету, оглянувшись напоследок. Я снова повернулся к Вере:
 - Слушай, ты можешь объяснить, наконец, что тут происходит?

Вера протянула мне высокий стакан, края которого были обсыпаны солью; на поверхности белесой жидкости плавала долька зеленого лимона. Второй стакан с тем же напитком направился прямиком к ее губам.

 Маргарита, обожаю этот напиток, – отхлебнув, сказала она и поставила стакан на место.

Во мне медленно начала закипать злость – за почти четыре месяца отсутствия Веры я позабыл, что значит превратиться в марионетку, чьи веревочки во время выступления вдруг обрезали и заставили саму исполнять неизвестную ей роль. Иначе говоря, я злился, оттого что она снова разыгрывала спектакль.

– Ну, хорошо, – видимо, почувствовав мой настрой, произнесла она. – На самом деле все очень просто. Мы в клубе Коок, а Коок – это гей-клуб.

Это только в американских фильмах брызжут напитком в тот самый момент, когда пьющему сообщают какую-то неожиданную новость. Я же молча проглотил свою Маргариту, даже не почувствовав толком вкуса.

- Гей-клуб? Kook? Все очень просто? с каждым вопросом я злился все больше.
- Ну, да, улыбнулась она. А ты что подумал?
- А что я мог подумать? Мне закрыли глаза, отвезли на другой конец города, затащили в гей-клуб. И после этого меня спрашивают, что я мог подумать?
- Малыш, только не бузи. Все-таки завтра восьмое марта. Считай, что сегодняшний вечер это своеобразный подарок мне.

Раз, два, три. Дыхание ровное, спокойное. Всегда помогает.

- Подумать только, произнес я, обводя помещение новым взглядом, гей-клуб.
- Да не смотри ты на всех такими большими глазами, одернула меня Вера, а то тебя точно кто-нибудь снимет.
 - Снимет? Этого еще не хватало!
- А почему бы и нет? беззаботно заметила моя подруга и улыбнулась. Ты вполне... ничего по их меркам, и тело что надо. Жилистое немного, зато, если хорошенько раскрутить, может работать всю ночь.

Обернувшись к Вере, я терпеливо ждал объяснений. Она, как ни в чем не бывало, пила свой напиток.

– Ммм! – кивнула она с полным ртом куда-то за мою спину.

Я нисколько не удивился, увидев Алексея, который вышел из больших дверей, ведущих куда-то вглубь клуба. Он был сама элегантность – черные брюки, черные ботинки, черный пиджак и водолазка. Разумеется, тоже черная. Он шагал прямо к нам, широко улыбаясь.

– Вера, Паша, вот так встреча! Каким ветром вас сюда занесло, да тем более во вторник?

А при чем здесь вторник?

Алексей пожал мне руку и обнял Веру так, что она взвизгнула. Она несильно толкнула его кулачком в грудь:

- Больно же, ты, бык!
- Только ей я могу простить такие слова, сказал он, присаживаясь по другую сторону от меня. Больше никому.

Все еще изображая притворное недовольство, Вера поднялась со своего места:

- Ну, ладно, мальчики, вы тут пока посидите, а я сбегаю кое-куда.
- Куда еще? обернулся я к ней.
- Не задавай глупых вопросов...
- Знаю, знаю, раздраженно продолжил я, не получишь глупых ответов.

Чмокнув меня в нос, она удалилась, и я повернулся в сторону Алексея. Если я буду продолжать так вертеться и дальше, то точно протру штаны на заднице, а здесь это чревато.

Лешик сидел и, улыбаясь, смотрел на меня.

– Ну, тебя, Пашка, занесло. Из всех мест именно сюда!

И я решил, какого черта? Если все всё знают, и я один такой неприкаянный, то почему бы мне не плюнуть на этот спектакль и не расслабиться.

- $-\Lambda$ ёш, вздохнул я, хоть ты объясни, что здесь происходит.
- A мне почем знать? Вот, увидел вас и подошел поздороваться. Опять Вера, небось, фортеля выкидывает.
- Это я уже и сам понял. Все это, я развел руками, в чем тут дело? Вера сказала, что это гей-клуб.
- Вообще-то, это не совсем так. Здесь, конечно, собираются педики, и лесбиянки, как видишь, но не они одни. Здесь так же собирается то, что называется богемой. Ну,

знаешь, золотая молодежь. Хотя по мне, что педики, что богема – один хрен. Все они одинаковы, тупые, инфантильные сосунки.

- А что сегодня здесь происходит? Ты упомянул вторник.
- У нас это называется цветной вторник. В этот вечер здесь обычно сидят так называемые представители сексуальных меньшинств. И только они.

Последние слова он произнес с явной издевкой.

- Голубые?
- И розовые тоже, я про девчонок. А чуть позже приходят взрослые папики, и снимают себе того, кто согласится. Соглашаются почти все – купить новую шмотку каждый хочет, но ведь на это нужны деньги.

Я оглядел сидевших парней и девчонок внимательней. Если бы мне не сказали, что они проститутки, я бы сам не подумал. С виду вполне обычные.

Рассматривая это «потерянное поколение», я подумал: Коок это не гей-клуб, а бордель. Несмотря на свою дороговизну и крутость простой бордель. От этой мысли мне стало гораздо легче, и я почувствовал себя гораздо свободнее.

- Кстати, о папиках. Кое-кто из них уже пришел, Леша кивнул на мужчину, недавно подходившего к нам. Хотя, как мне кажется, тут все давным-давно друг друга перетрахали. Новых задниц, пардон, лиц я здесь уже давненько не видал.
 - И как здесь публика? Разнимать часто приходится? поинтересовался я.
- Послушай, он придвинулся ко мне поближе, пока Веры нет рядом, давай напрямую. Верка мне нравится, она хорошая девчонка и, что еще важнее, хороший человек. Как ты уже понял, я не ее брат. Но это не имеет значения с тех пор, как мы познакомились, я все время исполняю роль этого самого брата. Несколько раз вытаскивал ее из разных ситуаций, в которые она влипала. Не то чтобы по глупости, но...

Он замялся в поисках нужного слова.

– Короче, мне кажется, ты ей нравишься. Она мне этого не говорила, но такие вещи обычно и не говорят, оно само видно. С другими парнями она обращалась, как со швалью. Никогда не появлялась с ними на людях, словно стыдилась. А ты... с тобой у нее все подругому. И поэтому я ничего ей не сказал о том случае. Ни-че-го. Думаю, если ты ей так нравишься, то заслуживаешь этот шанс. Считай, что ничего не было, а дальше разбирайтесь сами.

Я не мог ответить иначе, кроме как:

- Спасибо.
- Ты, самое главное, не подведи ее.

Пообещать ему это я уже не успел, потому что неподалеку показалась Вера. Наши взгляды устремились в ее сторону, и тут у меня еле слышно, на фоне льющейся отовсюду музыки, запиликал телефон. Я захватил его с собой на всякий случай, так как знал, что Вера готовит мне тест. Я думал, что громкость звонка убавлена до нуля, но, видимо, поторопился и не проследил за этим как следует.

Ловким движением я запустил руку под кофту и на ощупь нажал «Cancel». Лешик бросил на меня выразительный взгляд, но я покачал головой – ничего особенного. Вера звонка не услышала.

- О чем вы тут болтали без меня? поинтересовалась она, приблизившись к нам.
- А о чем могут говорить два симпатичных парня в гей-клубе?

Она звонко рассмеялась моим словам, откинув голову назад. Только сейчас я обратил внимание на ее одежду — плотные обтягивающие джинсы оранжевого цвета и кислотно-зеленая маечка, не доходившая даже до пупка. Блестками на маечке было выведено «Young, Dumb & Full of Cum». Если она хотела изобразить из себя шестнадцатилетнюю соску, то это ей почти удалось.

- В таком случае пошли, сказала она и потянула меня за руку.
- Куда?

- Знакомиться с аборигенами.

Алексей тоже встал:

– Ладно, я пошел смотреть за порядком и все такое. Если что, зовите.

Вера кивнула и, потащив меня за собой, направилась к одному из столиков, за которым сидела группа молодых людей.

Проходя мимо меня, Алексей едва слышно бросил:

– Не забудь тост.

Глава двадцать вторая

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО

«Не забудь тост». Это могло означать только одно – Алексей знал или хотя бы догадывался о том, что все происходящее является очередным тестом Веры. Эх, если бы Вера пришла на пару минут позже, я бы успел выведать у него суть проверки и то, как мне лучше вести себя этим вечером. Теперь же придется действовать вслепую.

Насколько я помню, последние два тоста, произнесенных Алексеем, были «За стойкость духа» и «За прямоту». Учитывая, что это первый тест, проводимый Верой после ее возвращения, то, получается, она будет проверять мою стойкость духа.

Действительно, где как не в гей-клубе можно проверить стойкость духа? Тем более что голубых я никогда не понимал. Впрочем, если Вера хочет проверить, смогу ли я сдержаться и не показать своего отношения к ним, то – пожалуйста. Я спокойно стерплю все, что будет происходить сегодняшним вечером. И пройду этот дурацкий тест.

Мы приблизились к одному из столиков в глубине зала. За ним сидели, как я понял, те самые представители меньшинств, о которых говорил Алексей — парни в возрасте от шестнадцати до двадцати с хвостиком. Они замолчали и уставились на нас. Тогда Вера взяла инициативу в свои руки.

– Привет, вы не знаете нас, а мы не знаем вас. Мой брат, Павлик, – слегка на распев произнесла она и ткнула в меня большим пальцем, – стеснялся придти сюда, хотя я знаю, что его тянет к мальчишкам. Он еще ни разу не пробовал, но в последнее время только об этом и думает. Поэтому я и затащила его сюда, хотя сама бываю здесь редко. Меня зовут Вероника, и я лесбиянка.

Я удивился не столько смыслу сказанного, а тому, как это было сказано. Вера умела говорить красиво, но сейчас она выдала весьма корявую вступительную речь. С чего бы это?

Геи молчали, продолжая разглядывать нас.

– Ну, что же вы, мальчики, совсем новичков в свои ряды не принимаете? Я-то думала, среди вас девственники ценятся.

Они по-прежнему молчали. Такой прием меня начал напрягать. Почему они молчат? Если им что-то не нравится, то могли бы просто по-человечески послать.

– Как знаете, ребята. Не хотите знакомиться, не надо, а мы пойдем к другому столику. Счастливо оставаться. Тоже мне, продвинутые молодые люди.

Последние слова она произнесла уже разворачиваясь, однако ее остановил голос сидевшего в центре:

– Постой-ка.

Я посмотрел на того, кто нарушил молчание. Парень лет девятнадцати, немного взъерошенные мелированные волосы, тонкие очки в роговой оправе. На нем была надета черная, плотно обтягивающая майка с короткими рукавами, на которой белыми буквами

было выведено Degenerate Art¹⁵. Он прищурившись смотрел на меня, и через некоторое время я отвел взгляд.

- Да он не гей, наконец выдал он.
- Конечно, не гей. Он ведь ни разу даже не пробовал, Вера по-прежнему играла роль моего адвоката.
- А это не имеет никакого значения. Геями рождаются, в них это дремлет до поры до времени, и нужно что-то или кто-то, при этих словах парень слегка улыбнулся, чтобы разбудить подавляемые обществом чувства. Но даже в таком сонном состоянии эта сексуальность видна, а в нем я ее совсем не вижу. Он обычный скучный натурал.
 - Откуда ты можешь это знать? заинтересовалась Вера.

Я уже давно научился читать между строк, когда дело касалось ее слов, и потому уловил весьма умело скрываемое презрение.

- У нас свои методы, - он плавно кивнул головой, словно подтверждая свои слова. - Но я еще никогда не отказывался поговорить с симпатичным натуралом. Как знать, кем он отсюда сегодня выйдет.

Сидящие за столиком одобрительно закивали. Мне так и хотелось послать его великим могучим куда подальше. Но ведь нельзя! Ради Веры, только ради нее одной.

Мы уселись на пустующие места, и образовалась неловкая пауза. Ее снова нарушил тот же парень. Как я понял, он был лидером этой компании.

– В общем так, меня зовут Жорж. А это Питер, Славик и Элтон, – назвал он своих соседей, поочередно указывая на них рукой.

Питер просто кивнул, а Славик и Элтон одарили нас сладенькими улыбочками. Видимо, желая быстрее растопить лед, Жорж вернулся к теме, которую они обсуждали, до того как Вера прервала их.

– И вот последняя тема. На этот раз, в форме притчи.

Я повнимательнее оглядел своих соседей. Все они были чем-то похожи друг на друга, может модными причесочками, может шнурками-подвесочками, а может, они все просто одевались в одном магазине – одежда на них была с иголочки, все самое стильное и самое недешевое. Да и позы их оставляли желать лучшего. Какие-то неестественные и уж больно расслабленные. Только Жорж сидел более или менее прямо, не считая манерно изогнутого плечика.

– Итак, слушайте, – сказал он и наизусть, без единой запинки, прочитал следующую притчу:

Жил в поселке мудрый Нури-бей, Средь старейшин был он уважаем. Он женой доволен был своей, Той, чей юный взгляд казался раем.

Как-то раз, не в срок домой придя, У порога он застал слугу в смущеньи. «Господин», слуга ему сказал, «Женщина внушает подозренье.

Целый день стоит пред сундуком, Что у вас в дому с начала века. От других его отличье в том,

¹⁵ Degenerate Art (англ.) – «вырождающееся искусство». Термин, появившийся в нацисткой Германии в начале тридцатых годов двадцатого века, который обозначал почти все формы искусства неарийского происхождения, а также все модернистские виды творчества. В качестве синонимов также употреблялись «еврейское искусство» и «большевистское искусство».

Что вместить он может человека».

«Ну и что же?», молвил Нури-бей. «Там одежда старая хранится. Не могу по милости твоей В женушке родной я усомниться».

«Может, есть там ношенный халат. Ну, а может, есть и что иное. Не дала она мне кинуть взгляд В тот сундук, прикрыв его собою».

Со слугой поднялся Нури-бей И застал красавицу в смущеньи. «Приоткрой сундук», сказал он ей. «Нам сундук внушает подозренье».

«Все мужчины женщине враги», Крикнула жена ему отважно. «Вам важны сомнения слуги? А мое вам мнение не важно?

Это он безгрешен, как пророк? Он навел на злое подозренье?» «Он, не он ли», муж ее изрек. «Приоткрой нам крышку на мгновенье».

«Ах, сундук открыть я не могу, Заперт он». «Дай ключ мне от запора». «Вниз сошлите вашего слугу, Пусть не видит он решенья спора».

Вниз сошел слуга, оставшись не при чем, Вниз сошла красотка без признанья. И один остался он пред сундуком, Как Адам пред деревом познанья.

Вот уж месяц глянул из-за туч, Пала ночи легкая прохлада, И, опасный позабросив ключ, Он позвал садовников из сада.

И сундук садовники снесли В сад к стене от дома дальней. И зарыли тот они сундук, Как источник зла и скрытой тайны. 16

Жорж затих и окинул взглядом окружающих.

- Кто что думает по этому поводу?

¹⁶ Поэтическая обработка сказки бродячих дервишей «Древний сундук Нури-бея» из сборника «Сказки Дервишей» Идрис Шаха. Автор поэтической обработки неизвестен.

Его друзья занимались каждый своим делом – Элтон со Славиком мило переглядывались, а Питер отрешенно курил, наблюдая за выдыхаемым им же дымом.

– Так-так, не отвлекаемся, – сказал он, постучав по столу пальцем. – Кто-нибудь выскажетесь. По-вашему он правильно поступил? Или ему следовало все же вскрыть сундук?

Отвлекшись от своих занятий, они уставились на него. Наконец, Славик, изогнув брови и неопределенно взмахнув рукой, произнес:

– Правильно, Жоржик, правильно. Этот Нури-бей поступил совсем неплохо. Ну и что же теперь, из-за каждой фигни себе жизнь какать? Меньше знаешь, слаще спишь.

Остальные заулыбались и поддержали его кивками. Вера молча наблюдала за малопонятным мне разговором. И, что самое странное, не вмешивалась, хотя всегда высказывала свое мнение, даже когда ее об этом не спрашивали. Особенно, если ее об этом не спрашивали.

– А вам не кажется, что знание не может быть плохим? Ты можешь знать о плохом, но само знание пойдет тебе только на пользу. И потом, если бы там был человек, то Нурибей узнал бы об этом. Возможно, и отпустил бы. А так он, может быть, стал убийцей, взял грех на душу. Что скажете?

На этот раз высказался Элтон:

- Ну, может, ты и прав, конечно. Хотя по мне так, грехом больше, грехом меньше. И вообще, пора уже идти танцевать.
- Да погоди ты со своими танцевать. Посиди пока, пусть твой зад немного отдохнет,
 Жорж сердито взмахнул рукой, словно оттоняя назойливую муху.
 Я все-таки хочу услышать от вас что-нибудь дельное.
 - Ну, услышал уже. Не будь такой занудкой, поджав губы, заявил Славик.
- $-\Lambda$ адно, разочаровавшись в своих друзьях, Жорж обратился ко мне: Ну, а ты что скажешь?

Я задумался, а не очередной ли это Верин тест. Вполне может быть, что все происходящее не случайность, а заранее продуманный спектакль. И эти голубые – актеры. Совсем как было в кафе с Мариком и братками. Я мог поддержать сидящих рядом, а мог ответить и иначе – по своему. Что нужно Вере? Чего ждет Жорж?

- А я бы вскрыл сундук, решил я ответить честно.
- Интересно. Почему это?

Жорж заметно оживился и даже немного подался вперед.

- Потому что в противном случае я бы мучался. Мне бы хотелось узнать, что в том сундуке, мне бы хотелось знать, верна ли мне жена. Все это грызло бы меня изнутри, и через какое-то время я бы все равно раскопал сундук, только чтобы успокоиться.
 - И ты не боишься такого знания?
 - Боюсь. А что делать? От правды не уйдешь.
- Браво! воскликнул Жорж и окинул меня ласково-одобрительным взглядом. Учитесь, мальчики, как надо излагать свои мысли.

«Мальчики» недовольно покосились на меня.

- К сказанному я хочу еще добавить то, что знание несет с собой в качестве нагрузки определенную долю ответственности, продолжил Жорж.
 - Боже мой, какой еще ответственности? спросил молчавший до этого Питер.
- Ответственности за свои дальнейшие действия, за дальнейшие мысли, терпеливо пояснил Жорж. Это ведь проще всего похоронить проблему. Но это уже, пардон, эскапизм. Представь, что он себе говорил, когда приказал захоронить сундук. Что-то вроде, лучше мне не знать, если моя жена мне изменила, и не оказаться рогоносцем. Или, наоборот не окажется ли так, что я стану в ее глазах ревнивым дураком? В конечном итоге он оставил этот вопрос на волю Божью, хотя должен был решить его сам, как подобает мужчине. Но он не был готов к тому, что ему придется жить со своим поступком и с тем, что

он мог бы обнаружить или не обнаружить в сундуке. Он не был готов к такой ответственности и потому похоронил ее вместе с сундуком.

- Иными словами, он поступил как страус, проронила Вера.
- Точно, как страус, усмехнулся Жорж.

С этого момента беседа потекла более гладко. Теперь Жорж оставил попытки разговорить остальных и обратил все свое внимание на нас с Верой. Правда, отвечал больше я, а Вера в основном отмалчивалась, что было совсем на нее не похоже. В связи с этим я окончательно уверился в том, что все происходящее является спектаклем, где основная роль принадлежит не ей, а мне и Жоржу.

Помещение постепенно заполнялось, приходили люди постарше – как мужчины, так и женщины. Примерно через час в клубе не осталось ни одного свободного места, и все вновь прибывшие проходили в большие двери в конце помещения. Поинтересовавшись, я узнал, что там находится танцпол. Шум многочисленных голосов и музыка, лившаяся из динамиков, подвешенных под потолком, не давали услышать то, что творилось за этими дверьми.

Густой синий цвет и выпитое пиво давили на меня, однако мой язык жил собственной жизнью – я говорил не умолкая. Мне действительно было интересно здесь, хотя единственным толковым собеседником все же оставался Жорж, его друзья по-прежнему вяло участвовали в разговоре. На какое-то время я даже забыл о его сексуальной ориентации.

Когда терпеть уже не было сил, я встал из-за стола и, извинившись, нетвердой походкой направился в туалет. Вера подмигнула мне вслед. Толкнув дверь в уборную, я чуть не ослеп от яркого белого света и зажмурил глаза. Открыв их через несколько мгновений, я прошел к писсуарам, встроенным в дальнюю стену.

Пока я облегчался, мне вспомнился детский анекдот, в котором американцу, французу и русскому нужно было подарить сказочному царю величайшее в мире удовольствие. И победил, разумеется, русский, напоивший царя пивом и долгое время не дававший ему помочиться. Простые физиологические радости, блин!

Я так погрузился в это удовольствие, что даже не услышал, как скрипнула входная дверь. Я лишь почувствовал, как тонкая нежная ладонь легла мне на ягодицы и легонько провела по ним. Теперь понятно, зачем Вера подмигнула мне вслед! Будучи достаточно пьяным, сейчас я был готов на все. Секс в туалете гей-клуба? Почему бы и нет.

Оглянувшись, я увидел ее улыбку. Вера кивнула мне и продолжала легонько гладить мои ягодицы. Ее вторая рука поглаживала мне спину, массировала плечи, сбрасывая накопившееся в них напряжение, и ласково ерошила мои волосы. Вскоре я ощутил, как у меня наступает эрекция. Повернув голову обратно к стене, выложенной белым кафелем, я закрыл глаза. Из меня продолжало литься, как из бездонного бочонка.

Вскоре ее нежные руки нашли новую цель, перебравшись к расстегнутой ширинке. Она разомкнула мне пальцы, что по-прежнему держали мой детородный орган. И начала легко касаться его пальцами. К тому времени он уже стал, так сказать, работоспособным.

Легкие касания постепенно перешли в более настойчивые поглаживания. Наслаждение нарастало почти болезненными скачками с каждым новым движением ее пальцев, которыми она сжимала меня.

Хмель, адреналин и возбуждение смешались в моей голове. Я уже ни о чем не мог думать, я забыл, где нахожусь, и мог лишь резко дышать, слыша стук собственного сердца в ушах. Сейчас все мое существо сосредоточилось в том напрягшемся куске плоти, что ласкали ее пальцы.

Прикоснувшись к моей щеке, ее губы соскользнули к шее, которую она принялась обжигать чувственными поцелуями, и мое возбуждение превысило все допустимые пределы. Моя рука скользнула вверх по ее спине, к волосам, которые я так любил гладить. Однако вместо пышной прически я нащупал короткую стрижку. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять это.

Открыв глаза, я увидел Жоржа, чьи глаза, казавшиеся более крупными из-за очков, аж помутнели от возбуждения. Он улыбнулся и снова поцеловал меня в шею. Еще не до конца осознавая происходящее, я бросил взгляд вниз и увидел то, что должен был увидеть – это его руки так умело возбуждали меня последнюю минуту.

Теперь к возбуждению и опьянению прибавился еще и ужас. Мне стало страшно. Отчего, я и сам не мог понять, просто страшно. Руки Жоржа по-прежнему ласкали меня, и в голове вдруг возникла крамольная мысль. А что если дать ему закончить начатое? Тем более, что оргазм совсем близко.

И вот тогда я отшатнулся от него. Борясь с непослушным замком, я все же спрятал свой член, к тому времени достигший приличных размеров и потому не желавший сгибаться, и застегнул ширинку. Повернувшись вбок, я увидел Веру у стены напротив. Она стояла, скрестив руки на груди, и дьявольски улыбалась.

– Прости, Паша, – оправдывался Жорж, – я хотел сделать все мягко, нежно.

Сейчас мне хотелось убить его, убить Веру, а потом, возможно, и себя. Мои глаза хотели видеть их кровь, разбрызганную по идеально чистому белому кафелю, а мои щеки пылали от стыда, который только усиливался еще не спавшим возбуждением. Вера все стояла и улыбалась, по-прежнему не проронив ни слова. Интересно, в какой момент ее руки сменили руки Жоржа? Впрочем, какая на хрен разница — он и так уже сделал более чем достаточно.

- Я думал, что тебя нужно очень мягко инициировать, продолжал он. Я думал, что тебе понравится.
- A ему и понравилось, подала голос Вера. Разве ты этого не почувствовал? У него до сих пор стоит.

Так вот, значит, в чем заключался ее тест. Она ждет от меня, что я сейчас устрою здесь сцену? Начну оправдываться, накинусь на Жоржа с кулаками или накричу на нее.

Хрен на, Вера! Как бы мне этого ни хотелось, как бы ты этого ни хотела, я не доставлю тебе такого удовольствия. Даже не надейся!

Отдышавшись, я повернулся к Жоржу:

- Ничего, ничего. Возможно, ты был прав, и я на самом деле не готов к этому. Прости, я переоценил свои... Короче, давай попросту забудем обо всем.
- Если хочешь, мы можем потом снова попробовать. Ты еще не знаешь, какой у меня язык.
 - Нет. Спасибо, конечно, но нет.

Жорж протянул мне свою руку.

– Друзья? – спросил он.

Его рука блестела от моих выделений, и это очень сильно смущало меня. Он смотрел на меня с надеждой, взгляд Веры за моей спиной ощущался почти физически. Я вдруг понял, что вот она, кульминация этого вечера — та самая проверка, ради которой все и затевалось. Если мне и нужна стойкость духа, то именно сейчас.

Успокоив себя мыслью, что свое не в падло, я пожал его вялую липкую ладонь и сказал:

– Друзья.

Я торжествующе посмотрел на Веру. Ее взгляд стал холодным и непроницаемым.

– Ну-ну, – процедила она и покинула туалет.

Вернувшись, мы обнаружили за столиком только Веру и Питера. Элтон и Славик, не дождавшись нас, ушли танцевать. Питер предложил мне потанцевать с ним, но я отказался, сославшись на то, что мне пора домой, так как завтра у меня с утра первая пара. Пока мы прощались, Жорж не спускал с меня глаз. Я же, напротив, не мог смотреть на него, все еще испытывая злость и смущенье. На прощанье он снова пожал мне руку, и я почувствовал, что в ней что-то есть.

Только в маршрутке, сидя рядом с Верой, я разжал кулак и обнаружил в нем свернутый клочок бумаги, на котором был нацарапан телефон Жоржа.

- Ну и как тебе эта компания? голос Веры вывел меня из задумчивости.
- Парни, как парни. Можно поговорить, осторожно ответил я.
- Ненавижу педиков, холодно бросила она.

Если бы Вера не отвернулась при этом к окну, я бы не придал ее словам особого значения. Обычно она всегда все говорила, глядя прямо в глаза, сейчас же она была не способна на это. Почему?

– Неужели? – поинтересовался я. – А кто меня тогда в «Kook» затащил? Уж не ты ли, лесбиянка моя?

Вера резко повернула голову в мою сторону. Я видел, что она готова сказать что-то весьма едкое в мой адрес, но в последний момент сдержалась, и снова уставилась в окно.

Я ничего не понимал. Ведь я прошел ее тест. Неужели это так испортило ей настроение? Может, она хотела, чтобы я, напротив, завалил его? Устроил бы ей истерику в туалете, дал бы выход своим истинным чувствам?

Хочешь, не хочешь, решил я, а с Денисом обсудить все это придется. Я повернулся к своему окну и уставился на затихший город.

Проснулся я примерно через час после того, как мы с Верой улеглись спать. У меня снова была эрекция, а горячее тело Веры, лежащее рядом, только усиливало возбуждение. Стараясь не разбудить ее раньше времени, я начал с ласк.

Мои поцелуи порхали по ее телу словно бабочки, а пальцы теребили довольно быстро набухшую точку между ее ног. Я и не почувствовал, когда именно она проснулась, однако подергивания тела, прерывистое дыхание и едва различимый шепот говорили о том, что Вера уже не спит.

Через какое-то время ее руки сомкнулись у меня за спиной и потянули на себя. Я оказался сверху, и ее пальцы, не теряя ни секунды, помогли мне войти в нее. Невыразимо сладкие жар и влага – единственное, что я ощущал в сплетении наших тел.

В самый ответственный момент она прошептала, подражая Жоржу:

– Я думал, что тебя нужно очень мягко инициировать. Я думал, что тебе понравится.

И я представил его в моей кровати, подо мной, с закинутыми мне на плечи ногами. Естественно, ни о каком сексе дальше и речи быть не могло.

– Да пошла ты! – не выдержал я и улегся на свою половину кровати.

Из всего, что произошло за сегодняшний вечер, последнее все же было самым обидным. Я ощутил, как давно забытая злость на Веру возрождается во мне, и на этот раз она не желала отступать.

Глава двадцать третья

ПИЩА ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

«Середина марта. Морозы, свирепствовавшие всю зиму, отступили. На смену им пришел промозглый, готовый разразиться весной переходный сезон. Градусник постоянно колеблется в своем мнении относительно погоды и то и дело норовит дотянуться до нуля. Он вселяет в меня надежду на скорое пробуждение жизни, чувств и ослабленных холодом зимней спячки отношений. На улице стало значительно теплее, однако снег тяжелым покрывалом все еще лежит на тротуарах и пока не собирается сдаваться».

Мой верный дневник всегда со мной. Я стою на тротуаре неподалеку от Буфф-сада и в раздумье перелистываю потрепанные страницы общей тетради. Занятия кончились полтора часа назад, я уже успел забежать к родителям и перекусить.

За спиной раздается хриплый визг клаксона, и я оборачиваюсь.

Але! Склифосовский, – весело кричит Толик, высовываясь из окна своей девятки.
 Бросай сигарету и поехали.

Растерянно кивнув ему в ответ, я затягиваюсь напоследок и сажусь внутрь.

- Ну, чё там у тебя?
- Что? переспрашиваю я.
- Чё случилось, говорю. Не просто так ведь звонил.

Я задумываюсь на секунду, вспоминая события прошедших двух недель. Наша с Верой жизнь, быт, секс, общение, недавний поход в гей-клуб, Жорж, Верино презрение и насмешки, снова быт, снова общение. Дальше все как в тумане. С каждым днем между нами все меньше понимания.

– Хотя ладно, – говорит Толик, не дав мне ответить, – ща до сауны доберемся, там сразу и мне, и Дёньке все расскажешь.

Не считая заезда в близлежащий киоск, до работы Толика мы добирались меньше минуты. Хотя могли бы и пешком пройтись – место назначения находилось совсем рядом, в двухстах метрах вниз по улице.

Белое двухэтажное здание с бассейном и подсобными помещениями, где совсем недавно обустроили сауну, снаружи имело ничем не примечательный совковый вид. Точно такой же, как в те далекие времена, когда меня здесь учили плавать. Но как только мы зашли внутрь, я тотчас избавился от обманчивого первого впечатления. Похоже, здесь крутились немалые деньги.

Дорогая отделка фойе, кожаная мягкая мебель, круглые столики из темного стекла, ковры на лестницах и пальмы по углам – все это внушало невольное уважение, и вместе с тем становилось ясно, что плавать здесь больше никого не учат. Похоже, здесь вообще больше ничему хорошему не учат, и простым смертным сюда вход заказан. Со своей простецкой внешностью, тощим кошельком в кармане я здесь был явно лишний. От подобных мыслей мне стало немного не по себе.

Навстречу нам вышел крепкий парень лет двадцати пяти с небритой бульдожьей мордой и мохеровым шарфом, повязанным вокруг шеи. Он протянул руку моему однокласснику и просипел:

– Этот тебя уже там ждет.

Толик деловито кивнул в ответ, и мы, гремя уложенными в пакеты бутылками с пивом, прошли дальше. Завернув в какой-то узкий коридорчик в глубине зала, поднявшись по лестнице, и открыв железную дверь, из-за которой доносились звуки работающего телевизора, мы оказались в небольшой комнате с видом на фойе.

Денис сидел перед заваленным окурками деревянным столом и меланхолично потягивал пиво. Помимо него в комнате находился невысокий парень крепкого телосложения. Тот лежал на животе на полу и увлеченно следил за футбольным матчем по телевизору. Денис был явно не в восторге от такой компании: на его лице отражалась скука и раздражение. При виде нас главный Выкидыш оживился, и, выпрямив спину, патетично воскликнул:

– С возвращением в наши ряды, Павел!

Расположившись в соседней комнате, все внутреннее убранство которой составляли широкая двуспальная кровать, столик и несколько стульев, мы выгрузили «Крюгер» из пакетов, и расселись вокруг стола. Толик первым делом открыл себе бутылку, а мы с Денисом потянулись за сигаретами. Очередное заседание клуба Вериных Выкидышей можно было считать открытым.

Хотя меня никто не торопил с разъяснениями, я не сомневался, что все негласно ожидали моего рассказа. Еще бы! После разрыва с Выкидышами я вдруг опять обращаюсь к

ним за советом. Они, наверняка, решили, что у меня есть веские причины поступать таким образом. И эти причины у меня действительно были.

– Не ладится у меня с Верой последнее время, – начал я. – Ерунда какая-то.

Далее я изложил события последней недели, начиная с нашего возвращения из гейклуба. Вера сильно изменилась с тех пор. Нет, внешне все осталось неизменным – она так же часто приходила ко мне, помогала по дому, слушала свою странную музыку, и чувство юмора у нее было на месте. Но я замечал нарастающее в ней напряжение, видел немой укор, сквозящий в ее взгляде и поведении.

Не знай я ее лучше, то сказал бы, что Вера в растерянности. С угра она постоянно сидела у меня дома, о чем-то сосредоточенно размышляя или читая. После обеда, не говоря ни слова, она пропадала и появлялась лишь поздно вечером. Я весь извелся. Вера ничего не желала объяснять, а я не знал, как к ней подступиться. Вчера, не выдержав, я обратился к Выкидышам.

Денис, как всегда, взявший на себя роль председателя нашего собрания, заинтересовался жизнью Веры, спросил, когда она переехала и как нам все это время жилось вместе. Пришлось рассказать ему о быте, а также несвойственном Вере приспособленческом поведении. Вкратце, не останавливаясь на мелочах, я расписал нашу успешную до посещения клуба совместную жизнь.

- Чё-то не пойму, то у вас все ништяк, то ни с того ни с сего шняга какая-то. С чего она взъелась-то? –сказал Толик, выслушав мой рассказ и опустошив первую бутылку.
 - Действительно, что послужило причиной вашей размолвки? спросил Денис.

Честно говоря, я до последнего надеялся умолчать о происшествии в гей-клубе. Ведь даже если Денис со своей широтой взглядов поймет меня, то Толик любые вопросы с сексуальными меньшинствами явно готов решать исключительно на кулаках. Но останавливаться теперь было как-то нелепо. Выкидыши навряд ли смогут помочь мне не узнав самого главного. Поэтому рассказать о гей-клубе придется, только сделать это надо осторожно, тщательно подбирая слова.

Начал я с упоминания о тостах Алексея, моего прихода домой и повязки, нацепленной мне на лицо. Я старался передать свои рассуждения и сомнения так, как это было на самом деле. Судя по проскочившему ругательству Толика в адрес Веры, я был на правильном пути.

Вскоре, не заостряя внимания на геях, я добрался до сцены в туалете. Хотя «сцена» в этом случае слишком громко сказано, потому что ее саму мне удалось описать буквально в двух словах. Главный упор был сделан на мое доверие Верочке и ее «подставу».

- Ну и? Чё дальше? потирая руки, проговорил Толик.
- А ты как думаешь?
- Ага, ты ему морду начистил! Пра-ально, тут и рассказывать нечего.

Я отрицательно мотнул головой.

– Нет? – Толик непонимающе уставился на меня. – Неужто он тебя отмочалил?

Тут подал голос Денис, на его лице гуляла странноватая улыбка:

– Анатолий, друг мой, ты забываешь о тестах. Паша был предупрежден, что следующим его ждет тест на стойкость духа. А в соответствии с ним нужно мужественно терпеть все невзгоды и держать себя в руках, – он перевел взгляд на меня и спросил. – А ты держал себя в руках, ведь так?

Все верно, только не я держал себя в руках, а меня подержали. Черт! Этот поганый Жорж до сих пор снится мне в кошмарах.

Тяжело вздохнув, я подтвердил его слова кивком головы.

- Ты чё, сдурел? Какой тут, на хрен, тест?! - громко возмутился Толик. - Ему какойто урод в штаны залез, а ты... Да за такие дела... да я вообще бы эту дуру по стенке размазал, ясно?

Угрюмо переведя взгляд в сторону окна, я отхлебнул свое пиво.

- Нонсенс! Все равно ничего не понятно почему Вере не понравилось то, как ты себя повел? продолжил Денис. Вспомни, может, ты что-нибудь перепутал в тот день с Лешиком? Пьян ведь был.
- Да нет, не перепутал, мой голос казался глухим и далеким, чувствовал я себя неважно, вначале точно было «за стойкость духа», а потом «за прямоту».
 - Может, тогда он ошибся?

Я пожал плечами.

– Херней маетесь, – буркнул мой бывший одноклассник. – По мне, так вообще, пора тебе, Пашка, с этой ненормальной завязывать, я Дёньке уже об этом говорил. Раз такая херня с ней постоянно получается, так чё зазря волноваться? Найдем мы тебе, Пашка, другую бабу, отвечаю. Заживешь, как человек.

Лицо у него было и впрямь озабоченное. Что мне нравилось в Толике в отличие от Дениса, так это его прямота. Он, огромный как самосвал здоровяк, в такие минуты выглядел наивным ребенком, чьи слова объяснялись единственно возможным образом – буквально. И переживал он все по-настоящему. А в его, казалось бы, нелепых советах я видел искреннее желание помочь мне.

Через некоторое время Толик с бутылкой пива в руке поднялся с места и стал степенно расхаживать по комнате, отмеряя ее своими геркулесовыми шагами. Но заниматься физкультурой ему пришлось недолго – зазвонил мобильник, и Толик отошел в сторону, чтобы поговорить.

– Слушай, а что происходило за те четыре месяца, пока не было Веры? – задумчиво спросил Денис, мерно покачиваясь на стуле. – Мне кажется, разгадка кроется именно в этом, мало изученном нами периоде. Что скажешь?

Я неопределенно пожал плечами. Не знаю, но за все время моего одиночества, Вера дала знать о себе лишь дважды. Первый раз письмом, о котором, как и о мнимом пересыпе с начальником, я не хотел рассказывать Выкидышам. Второй – когда ко мне в гости пожаловал Алексей. Об этом Выкидыши прекрасно осведомлены. Они даже открытку со странным поздравлением видели. Что я ему еще могу рассказать?

– Очень важно, чтобы ты вспомнил каждую мелочь. Все может оказаться существенным в нашем расследовании, – отсутствующе пробормотал Денис, не переставая мучить стул, на котором нервно раскачивался

Стараясь не обращать внимания на самозваного лейтенанта Коломбо, я напряг память. Мне хотелось самому найти разгадку, понять, что я сделал не так в тот вечер, и хоть раз превзойти Дениса в сообразительности, пусть даже с его наводки.

Что особенного ты можешь вспомнить из этого периода? Подумай, может, когдато Вера намекнула на то, что передумала проводить эти тесты или заменила их другими, а мы этого не заметили.

Итак. Конец ноября, Вера меня покидает, я впадаю в депрессию. Мне становится невыносимо тяжело, и я все чаще обращаюсь к своему дневнику. Ага, припоминаю, были какие-то звонки по телефону непонятно от кого. Но разве из этого можно выудить чтонибудь ценное? Идем дальше. Письмо. Вера говорит правду и просит прощение за свой обман. О будущем и тем более о тестах ни слова. Не знаю почему, только мне все же хочется утаить это от Выкидышей. Пользы для дела, как мне кажется, от такого откровения не будет, а вот сохранить личное и не дать его на растерзание Денису – достаточно важно. Потом... потом Новый Год, родители, гости, появление Лешика... об этом Денис все знает, пропускаем... сессия, Вита... Вита? Погоди-ка! А еще первая встреча с ней, провожание, разговор в троллейбусе...

- Ну, кажется, еще есть о чем рассказать. Хотя, навряд ли это поможет.
- Колись! деловито сказал Денис и подвинулся ближе.
- Да уж, вымолвил он, когда я закончил свой рассказ. Странно все это.

Толик вышел по своим делам, и мы сидели с Денисом в комнате одни. Маленькое помещение, оклеенное серыми рельефными обоями, не шло ни в какое сравнение с фойе сауны. Я обратил на это внимание только сейчас, когда от меня больше ничего не требовалось. Денис перестал задавать вопросы и погрузился в размышления.

Хотя стол, стулья и кровать выглядели достаточно новыми, скудность обстановки угнетала. Сомнений быть не могло, эта комната служила вполне определенным целям. Каким, я уже давно догадывался, а доносящаяся из коридора развязная девичья болтовня и смех лишь подтверждали это. Под вывеской сауны здесь процветала проституция — бизнес вполне узаконенный в наше время, если судить по тому, что ни одна местная газета не обходилась без рекламы услуг подобного рода.

Судя по оживленности в стенах здания, народ потихоньку прибывал. Через какихнибудь три часа заведение начнет свою ночную жизнь. Пора отсюда сматываться.

- Сдается мне, агент твоя Вита. Чувствуется почерк Веры, вдруг заявил Денис.
- Неужели?
- Тогда твоя история трактуется иначе, ухмыльнулся Главный Выкидыш. Слушай. Если Вита действовала по указке Веры, то получается, она реализовывала очередной ее тест. Какой, спрашивается? Безусловно на стойкость духа, ведь он следующий в списке Алексея.

Денис придвинул к себе сразу две бутылки пива и открыл обе. Отпив из одной, он стал развивать мысль дальше:

- И ты его прошел. Ну, тут все просто не купился на ее смазливую пухленькую (хе-хе) фигурку и доступность. Правда, с кошаком тебе повезло, но, по большому счету, это не важно. Ну? Дошло, что происходит дальше?
 - Дошло. Не дурак.
- Дурак не дурак, но сам-то не догадался! высокомерно заметил Дёня. Короче, пролетел ты, Пашок, как фанера, да что там, просто как сверхзвуковой самолет, над Парижем. Прав Толик лучше бы в морду Жоржу... голубому этому дал.
 - Совсем вы меня своими тестами с толку сбили, в сердцах заявил я.
- Мы? искренне изумился он. Ты ведь сам о них рассказал, да еще Лешика своего защищал. Был бы ты поразумней в то время, не злился бы на нас попусту, не было бы между нами разрыва. Возможно, у меня родились бы своевременные идеи на этот счет.

Я ничего не ответил. Главный Выкидыш тем временем вальяжным, полным достоинства движением извлек сигарету из лежащей на столе пачки. Закурив, он отхлебнул пива и добавил:

– Тоже мне гений – связать прямоту с геями. Теперь понятно, почему Вера осталась недовольной. Она ждала от тебя совсем другого, ведь на самом деле это был тест на прямоту, а ты сдержался и тем самым с треском провалил его.

От дальнейших оправданий меня спас Толик, вошедший в комнату.

– Hy, чё надумали? – спросил он.

Через пару минут и Толик уже был в курсе событий. Убить бы Дениса за такой красочный рассказ, честное слово. Теперь в глазах своего бывшего одноклассника я, наверное, опустился ниже плинтуса.

- Ну, а я чё говорил? бесстрастно заявил Толик. А вы все тесты, тесты. Ни фига! Дерьмо полное.
- Кстати, кстати! О тестах, сказал Денис, вытянув указательный палец вверх, словно вспомнил что-то важное. Пока у нас контакты не ладились, я времени зря не терял и думал над положением вещей в принципе.

Он выдержал театральную паузу, а затем медленно наклонился к нам.

- Так вот. Прежде всего я задался вопросом о главном. А именно, что же, в конце концов, тестирует Вера?
 - Пашку, что же еще, буркнул в ответ Толик.

Денис сдержанно усмехнулся и вопросительно посмотрел на меня.

- Черты характера, наверное.
- Не совсем. Ведь если взять эту идею в чистом виде, то нетрудно составить список всех возможных личностных характеристик и проследить ход мыслей Веры. Но фактическое положение вещей заставляет отбросить эту гипотезу. Тесты Веры не только не охватывают даже трети этих характеристик, но и настырно дублируются.

Он набрал побольше воздуха, чтобы продолжить, но его прервал Толик:

– Это, ты хоть и не на сходняке, но выражайся нормально, без словесного поноса.

По выражению лица Дениса я понял, что тот не любит, когда его перебивают.

- Короче, в этом есть своеобразная логика! продолжил он. Вере незачем мыслить в научных категориях, ею должны руководить жизненные установки. Все мы знаем, что большинство черт человека видно невооруженным взглядом. Это только в дотошных психологических тестах можно встретить вопросы наподобие «достаточно ли вы активны?», «довольны ли вы собой?», «трудно ли вас вывести из себя?» и так далее. А в реальной жизни для проницательного человека может хватить и пяти минут общения, чтобы рассказать о вас все, или почти все.
 - Опять он за свое! вздохнул Толик и с чувством приложился к бутылке.
- Это самое «почти все», сокрытое до поры до времени в глубине человеческой личности, и занимает Веру. Она начинает копаться во мне, в тебе, голубчик, в Толике, вскрывая такие качества, которые ей не удалось разглядеть в инкубационный период ваших отношений. Они же, как правило, являются, наиболее слабыми сторонами, гнойниками твоей души. Понятно?

На «гнойниках» Толик усмехнулся.

– Ты об этом уже говорил, – заметил я.

Мне показалось странным, что в речи Дениса стали проскакивать врачебные термины. Может, он решил, что так до меня быстрей дойдет? Хитрец.

- Не перебивай. Так вот, если ты проваливаешь тест (а ты его гарантированно проваливаешь, ведь она априори¹⁷ в более выгодных условиях), то Вера предлагает тебе попробовать еще раз, и еще, пока не надоест. Она дает тебе время осознать свои ошибки и исправиться. Так, я сдавал свой тест на верность трижды, а ты дважды. Этакое самолечение под ее чутким руководством.
 - Не понял. Какая еще верность? в замешательстве пробормотал я.
- Ну же, Павел, не будь таким тормозом. Сила воли или стойкость духа суть одно и то же. Только в первом случае тебе, когда ты был в ночном клубе, предлагалось принять моментальное решение, а в случае с Витой хорошенько обдумать свою измену. Или верность. Отсюда и названия.

Денис легким движением поправил прическу и уселся обратно, откинувшись на спинку стула. Я уже давно заметил, что когда он умничает, то почему-то начинает самовлюбленно кривляться. Вот, урод.

- Что касается теста на прямолинейность, то и его ты сдавал его дважды. И оба раза провалил. Вспоминаешь? Первый раз это было на дискотеке, когда Лешик назвал тебя братом Веры, второй – с Жоржиком. Ну, тут спорно, конечно.
 - А ты?

– А что я? – сощурившись, спросил Денис. – И мне с этим тестом помучаться пришлось, пока в очередной раз своим умом не дошел, как надо поступить. Толику, кстати, Вера такой тест не предъявляла. Зато он порядком на сострадании и сообразительности буксовал. Пока ты не появился.

Толик угрюмо кивнул головой в подтверждение его слов.

– Замечу, что моя сообразительность Веру особо не волновала, – гордо заявил главный Выкидыш. – А ты, Пашок дважды на такой тест нарывался. Первый раз, что

¹⁷ От латинского apriori (из предшествующего) – изначально.

удивительно, сам справился. Помнишь? Когда Вера в первый раз ушла (после Марика), а ты ее вычислил. А второй я... мы тебе помогли. С братками в кафе. Согласен?

Ох, и не знаю даже. Все сразу и в голове не укладывается.

После нескольких секунд размышлений, я, смочив горло пивом, сказал:

- Денис, я все равно не пойму, зачем Вере понадобилось выдавать мне список тестов? В тот день, когда Алексей приходил со своими тостами. Не вписывается это в твою теорию.
- Почему же не вписывается?.. он опять стал нервно покачиваться на стуле. Для Веры все эти тесты ужасно занимательная штука. Ей, видимо, показалось забавным раскрыть часть карт и лишний раз проверить твою смекалку. Что в этом такого?
 - Но в этом списке нет и половины названных тобой тестов!
- Да, он в задумчивости провел рукой по гладко выбритому подбородку и принялся теребить свои рыжие усики. – Действительно странно. Следы путает, стерва.
 - А сообразительности, ни в первом, ни во втором случае там вообще нет!
 - Согласен. Действительно странно, повторил он.

Толик все пил пиво. Меня уже мутило от выпитого, а ему похоже хоть бы хны.

- A! воскликнул Денис и вскочил с места. Так с разборками в кафе, разве это тест? Точнее, ведь это не ее тест, а твой!
 - Мой?!
- Наш, в смысле. Мы ведь его придумали, помнишь? А она попыталась ответить нам тем же и прокололась. Это была наша победа!

Я вспомнил о своем начальнике, слезах Веры, ее лжи и оправданиях. Конечно, она сама виновата в том, что решила меня обмануть. Но при этом она все же помогла мне с моей несуществующей проблемой. Не сочини мы все это, не было бы ни братков в кафе, ни слез у меня дома, ни лжи, ни трех месяцев одиночества. С ненавистью я посмотрел на Дениса, мне захотелось врезать ему за его идиотские идеи и самоуверенность, из-за которых произошло уже столько неприятностей.

– Хотя, странно, почему она тогда сбежала от тебя? – почти шепотом сказал Дёня.

Вот-вот, подумал я. Но нет. От меня ему этого никогда не узнать. Наверное, еще и потому что я до сих пор чуть ли не физически ощущал свою вину и стыдился собственного малодушия.

- Что же мне теперь делать? спросил я, желая отвлечься от неприятных мыслей.
- Не знаю. Жди.

Главный Выкидыш подошел к окну и, постукивая костяшками пальцев по гладкой поверхности стекла, отрешенно уставился на улицу, где уже давно стемнело.

– И это вся твоя теория? – процедил я сквозь зубы.

Он никак на это не отреагировал. Толик, наконец-то захмелев, смотрел по сторонам, останавливая свой тяжелый взгляд то на мне, то на Денисе. Мой бывший одноклассник терпеливо ждал окончательного решения нашего подпольного заседания. Неожиданно Главный Выкидыш отвлекся от созерцания заоконных достопримечательностей:

- До меня не доходит вся эта ситуация с бытом. Может, она пытается пробудить в тебе интерес? То есть, пожив вместе, передать часть своих пристрастий, увлечений. Ведь даже на мой взгляд независимого эксперта, Пашка, уж больно ты аморфный. И в этом твоя основная проблема.
 - He пудри мозги, авторитетно пробурчал Толик. Чё ему конкретно делать?
- Объясняю, чиста, популярно, с издевкой произнес Денис. Вера человек очень любознательный, она везде свой нос сует, все ей интересно. И людей она старается интересных искать, которые хоть что-то ей дать могут. Вот я, например, приоткрыл для нее завесу в мир философии и психологии на свою, как оказалось, голову, Толик периодически учил ее на машине ездить, в спортзалы водил. А что дал ей ты, Павлуша?

Я почесал затылок. Мне нечего было ответить.

- Трупики вместе вы не вскрывали, вяло пошутил он, психопатов не исследовали. Что вообще может быть в тебе интересного? Загадка!
 - Ну, если ты оскорблять... обиженно проговорил я.
- Упаси бог! Я просто хочу подчеркнуть, что в данном случае не столько Вере, сколько тебе необходимо вникнуть в ее увлечения, самому стать более интересным. Тогда, возможно, она изменит свое поведение. Или, увы, вам придется расстаться. Судя по всему, времени осталось совсем мало.
 - А тесты? Вдруг я еще покажу себя.
- Ты!? Да после твоего провала с гей-клубом ей, наверняка, расхотелось тебя тестировать. Кажется, и так все понятно.

Я опечаленно повесил голову.

– Пашка, не унывай, – почти по-отцовски заметил Толик. – Я вначале тоже сильно парился, а потом подумал – да черт с ней, с этой Веркой. Мало ли баб кругом? Потрахаться, так вообще в любой день найдем, сам понимаешь, какая у нас тут сауна. А для души... херня все это.

Не нужно было быть психологом, чтобы понять – Толик убеждает не столько меня, сколько себя. Потеря Веры до сих пор занозой сидела в его сердце.

– Нужны ему твои бляди, – злорадно усмехнулся Дёня. – Пашок – человек мировой души, добрый малый, и с первой попавшейся ему неинтересно.

Если бы не вступившийся Толик, я бы точно врезал этому Денису.

– Заткнись, понял! Тошно человеку, а ты ему еще на мозги капаешь.

Секунд пятнадцать в комнате стояла гробовая типпина. Только в коридоре и за стенкой, как бы насмехаясь надо мной, слышался вульгарный смех «ночных бабочек» и голоса их клиентов. Хотя нынче нам готовы продавать все что угодно, только плати деньги, мне кажется, в этом случае есть какая-то ущербность – покупать себе секс. Какой может быть секс без любви, привязанности, симпатии, наконец? Как можно спать с женщиной, зная, что ей до тебя нет дела? Надеюсь, я до такого не докачусь.

- Да ладно, чего уж там. Сам в такой ситуации побывал, сказал Дёня. Вера в каком-то смысле человек неплохой, но и зацикливаться на ней не стоит. Тем более, ведет она себя просто по-хамски. Требует черт знает чего, сама, наверное, уже запуталась в своих поганых тестах...
- Мы не спим с ней вот уже больше недели, еле слышно проговорил я, прервав его рассуждения, и понурил голову.
 - Оп-па! тут же воскликнул Толик. Мне эта история знакома.

Денис нахмурился:

– Почему ты раньше об этом не сказал?

Я неопределенно пожал плечами, Толик почесал бритый затылок.

— Тогда ясно, Пашок, чё ты разволновался. Базару нет — херня полная, а то я раньше никак врубиться не мог. Ты все — «не такая», да «не такая стала». Какая, блин на фиг, «не такая»? Теперь понятно — не дает, значит, кинет скоро. Сто пудов, ты даже не сомневайся!

Спасибо тебе, Толик, на добром слове, обнадежил.

– Хм. Если подумать, то ее действия вполне закономерны, – неловко улыбнувшись, заметил Денис. – Ты провалил последний тест с ориентацией и заслуживаешь наказания. Вето на секс – по той же части. Но тебя, очевидно, интересует иное – как долго это может продолжаться? Насколько высока степень твоей вины в понимании Веры, а, следовательно, и мера ответственности?

Я кивнул головой.

– Могу тебя успокоить – Вера не из тех, кто вначале придумывает как обидеться, и только потом – зачем это нужно. Навряд ли запрет на половую жизнь вообще имеет какиелибо сроки. Скорее, ты должен просто искупить свою вину.

- Искупить вину?
- Ну да, исправиться, излечиться, выкарабкаться. Понимаешь, сделать что-нибудь, совпадающее с ее дурацким планом. Я же говорю, она эгоцентристка. Хотя это касается не только ее, а, скорее, всех женщин. Все они равняют нас под одну гребенку феминистических идеалов, которые они почерпнули из своих дамских романов и журнала Cosmopolitan.

Хорошо он рассуждает, складно – это не ему мучаться воздержанием. Рассуждать можно было долго, но сходу проблемы не решаются. Денис дал пищу для размышлений, осталось подумать самому. Глядишь, будет какой-то толк.

Заботливо пикнули часы, я глянул на них и понял, что:

– Мне пора. Вера ждет.

Выкидыши ничего против не имели. Только, когда я уже был у двери, Толик осторожно спросил:

– Ты, это... Точно не хочешь расслабиться? – он недвусмысленно кивнул в сторону соседней комнаты.

Я отрицательно мотнул головой, и Толик понимающе вздохнул. Сунув сигарету в рот, Денис закурил и сказал напоследок:

– Не волнуйся, Пашка. Пока мы одно целое – никакая Вера с нами не совладает, это я тебе обещаю. Главное, поддерживай связь.

На улице было сыро, темно и одиноко. Съежившись и сунув руки в карманы, я быстрым шагом направился в сторону остановки.

Миновав автостоянку слева от сауны, я пошел вдоль ограды Городского сада. Карусели и аттракционы за ее чертой, остановленные в октябре прошлого года и еще не включавшиеся в этом сезоне, мрачными силуэтами высились в темноте, нагнетая и без того невеселое настроение. С поздней осени и до ранней весны парк всегда пустовал, не считая редких посетителей крытых кафе на его территории. И лишь в теплое время года здесь сутки напролет гремела музыка, слышалось пение приглашенных в кафе музыкантов, повсюду шатались пьяные. Сейчас – тишина, мертвяк.

За Городским садом мне предстояло пройти небольшой скверик возле Дома Ученых, в котором всегда было полно собак. В скверике, конечно, а не в Доме Ученых. Они собирались там целыми стаями, рыскали вокруг и в панике отшатывались при приближении первого встречного. Было немного жутковато, когда они начинали выть, а я в это время шел неподалеку, но, по большому счету, они вызывали у меня, скорее, чувство жалости, чем страха.

Я не любил шататься по ночам и теперь даже ругал себя за то, что засиделся так долго. Тем более, когда дома меня ждала Вера. Тем более... навстречу мне шли две внушительных размеров фигуры. Я ускорил шаг.

- Стоять! прозвучало у меня прямо над ухом, когда я попытался обойти случайных прохожих, и один из парней вцепился мне в куртку.
 - Что? воскликнул я, дернувшись вперед. Чего надо? Отпустите!

В голове промелькнула дурная мысль: «Кажется, влип».

- Ты чего? Пашка!
- A? я перестал трепыхаться и обернулся в сторону говорящего.
- Блин, ты чего так перепугался? Свои же.

Передо мной стоял Марк с каким-то неизвестным типом. Одеты они были примечательно, не без выпендрежа. И как я его сразу не признал? Любят эти музыканты одеваться как чокнутые. Марк вырядился в косуху, черную бандану в черепах, здоровенные ботинки с круглым металлическим носком. Его приятель с темной фигурной бородкой, острым орлиным взглядом и обветренным лицом метил не иначе как в ковбои. На нем красовались соответствующая широкополая шляпа, теплый свитер, кожаная жилетка, а на

ногах – казаки с декоративными шпорами. Будь рядом Вера, она бы точно съязвила чтонибудь насчет бала-маскарада.

- Куда торопишься? Домой, что ли? спросил Марк.
- Ага, ответил я, еще не отдышавшись.
- Как бодрость духа? прохрипел он, заговорщицки пихнув меня кулаком в грудь. Уже готовишься к завтрашнему?

Я непонимающе уставился на него.

– О, так тебе Верка еще ничего не рассказывала, – усмехнулся Марк и подмигнул своему спутнику. Тот улыбнулся каким-то недобрым оскалом. – Значит, скажет еще. Жди.

Ага, с нетерпением, подумал я. Не было печали...

– Ну, давай тогда, Верке привет, – сказал Марик, похлопывая меня по плечу. Я кивнул, и уже почти развернулся, чтобы идти дальше, но он добавил: – О! Стой.

С этим словами Марк сунул руку в рюкзак, который он держал в руках.

Та-да-дада!!! – вырвался на волю незатейливый пассаж ревущих гитар. Марик поднял вверх указательный палец:

– Музыка, – сказал он и рассмеялся как ребенок, довольный своей шуткой.

О чем говорил Марк? Что опять задумала Вера? Будет ли это очередной проверкой моих способностей? Если да, то каких? Будем ли мы после этого вместе во всем или навсегда расстанемся? — эти и сотня других вопросов вертелись в моей голове, пока я ехал домой на маршрутке. Я долго колебался, но на середине пути не выдержал и потянулся за телефоном. Набирая номер, я невольно сравнил себя с наркоманом, который тянется за очередной дозой «дури».

– Алло, Денис?

Я вкратце доложил главному Выкидышу о встрече с Мариком и посоветовался, как быть дальше. Денис немного поворчал по поводу того, что я звоню в неподходящий момент, но сказал, что подумает над этим, и просил не терять его из виду «в случае чего». На том и порешили. Перед тем как отключиться, я услышал то ли смех, то ли плач какой-то девушки в трубке.

Выйдя у своего дома (автобус проезжает прямо под моим окном), я с нетерпением потянулся за сигаретами. Жутко хотелось курить. Я обшарил все карманы, но так и не обнаружил зажигалки. Чертов Марик, клептоман недорезанный! Опять за свое.

Мельком глянув наверх, я увидел, что в моей комнате горит свет. Значит, Вера уже дома. В таком случае курево подождет.

Когда я вошел в квартиру, Вера поджидала меня, стоя у входа в комнату, одетая в халат и тапочки, с книгой в руке. В ногах у нее вертелся Λ уцик.

- Где гуляешь? не отрываясь от книги, спросила она.
- С учебы возвращаюсь... буркнул я, снимая куртку с шапкой.
- Это ты целых четыре часа возвращаешься? Помнится, во вторник ты всегда рано заканчиваешь.

Если так пойдет и дальше, то я вообще скоро разучусь заканчивать, злобно подумал я, но сказать это вслух не решился.

Положив шарф и перчатки на холодильник, я разулся и недовольно добавил:

- Еще к родителям заходил.
- Угу, звонила. Ты от них в пять вечера ушел, а сейчас половина девятого.

До чего же она дотошная, ей как всегда, все известно. Я присел на корточки, потеребил Луция за ухом. Моя чекистка терпеливо ждала.

– Что за настырное любопытство? – не выдержав, буркнул я. – Почему-то о своих похождениях ты мне не докладываешься.

Вера оторвалась от книги и пристально посмотрела на нас с Лу сверху вниз. Подозреваю, что в этот момент у меня было весьма сердитое выражение лица. Может поэтому Вера не стала со мной перепираться. Сдержано усмехнувшись, она проговорила:

– Извини, я не со зла. Просто совсем тебя заждалась.

Несмотря на ее отступную, секса в этот вечер я так и не добился.

Глава двадцать четвертая

ΗΟΒΟΕ ΑΜΠΛΥΑ

Среда для нашей группы – день тяжелый. С раннего утра у нас стоят две пары биохимии, за ними физиология и в конце дня, когда половина аудитории в изнеможении распластывается на партах, а оставшаяся часть занимается чем попало, но только не предметом, нас еще пытаются учить иностранному языку. Избежать этой пытки, сославшись на то, что ты и так все знаешь и даже готов доказать это лишь бы не сидеть на скучной паре, почти что невозможно – каждый пропуск отражается на сложности экзамена, а это чревато.

Ошалев от убойной дозы знаний, в перерыве я вышел на крыльцо, чтобы покурить и взбодриться. Морозный уличный воздух все еще хранил сырость вчерашнего вечера, однако лужи уже подстыли и затянулись тонкой коркой льда. На плечах у меня была куртка, и потому я не сильно мерз. Изо рта шел пар вперемешку с дымом. Хотелось бы так стоять и стоять, не возвращаясь ни на какую пару.

Далеко за спиной затарахтел мотор какой-то колымаги. Я неподвижно стоял на крыльце и неторопливо вытягивал из сигареты дым и, наслаждаясь редкими мгновениями покоя и безмятежности, выдыхал его. Говорят, сигареты – убежище нервных людей. Я себя таковым не считал, но знал точно, что они мне помогали. Становилось как-то спокойнее, многие заботы отходили на второй план.

Звук мотора приближался и, когда он подобрался ко мне совсем близко, я нехотя повернулся. К зданию института на видавшем виды мотоцикле «Урал» подъехал щуплый мотоциклист во всем черном. У мотоцикла даже люлька имелась. Такой когда-то был у моего деда.

Я ухмыльнулся. Никогда не понимал этих мотоциклистов. Целыми днями они готовы колесить по дорогам, будоража публику, как будто им больше заняться нечем. Помню, когда я еще ходил в класс, наверное, пятый, носился у нас во дворе некий Петрович – снял глушитель, умник, и каждое утро будил всю округу хрипами своего «Восхода». Но потом подрос, вырвался на улицы города, и тут же вляпался в ДТП. Видимо, серьезно вляпался, так как больше о Петровиче я ничего не слышал.

Мотоциклист тем временем заглушил мотор и повернул голову в мою сторону. На крыльце стояло еще несколько человек, но смотрел он, как мне показалось, прямо на меня. Понять точно было невозможно, так как его лицо было спрятано под забралом шлема. Одет он был в кожаные, выпачканные брызгами грязи штаны с металлическими клепками, приталенную замшевую куртку на меху и мощные бутсы на толстой подошве. Грязночерный «Урал» был разрисован языками пламени и устрашающими изображениями огнедышащих монстров. Но даже со всей этой внешне грозной атрибутикой горе-байкер вызвал у меня лишь сочувственную улыбку. Жалко мне этих полоумных, честное слово.

Несмотря на мой безразличный вид, мотоциклист продолжал пялиться на меня, словно не он, а я мог вызывать любопытство. Так прошло с полминуты, и это начинало меня раздражать.

Кто он такой? Что ему надо? – думал я.

– Ну что, безлошадный, своих не узнаешь? – наконец, спросил мотоциклист.

Из-за шлема голос казался очень глухим и непривычным, но я все равно угадал, кто это, и поэтому вздрогнул от неожиданности. Вот кого-кого, а Веру этот странный человек мне явно не напоминал.

– Язык проглотил, что ли? – Вера сняла шлем, высвободив свои длинные светлые волосы, и улыбнулась. – Неужели я так состарилась за это утро?

Мои губы неуверенно дрогнули в ответ, и я пожал плечами:

– Просто не думал увидеть тебя здесь в это время.

Сойдя с мотоцикла, Вера подошла ко мне и заключила в свои крепкие объятия. Почувствовав ее тепло, я немного успокоился, однако весь этот дурацкий маскарад попрежнему тревожил меня. Выждав несколько секунд, я не преминул поинтересоваться причиной ее появления, но, как всегда, не добился вразумительного ответа.

 Только не вздумай портить сюрприз своими дурацкими расспросами, – шутя, пригрозила мне она. – Придет время, и все тайное станет явным, а пока просто доверься и садись рядом.

Значит, вот о чем мне говорил Марик! Нет, так дело не пойдет.

- Никуда я не сяду. У меня, если хочешь знать, контрольный срез по физиологии.
- Ну ты посмотри, ни дать, ни взять отличник! усмехнулась моя подруга. Можно подумать, ты к нему готовился.
 - Готовился не готовился это неважно, главное попытаться, а там сдам как-нибудь.
- Да ладно, себя-то хоть не обманывай, воскликнула она и потянула меня за рукав.
 Видела я твою физиологию, «как-нибудь» там не прокатит.

Я тяжело вздохнул и, все еще удерживаясь на месте, сделал последнюю попытку:

– Но у меня вещи в аудитории. А возвращаться уже нехорошо, могут не отпустить.

Вера прищурила глаза и бросила взгляд за мое плечо.

- Ay-y! - раздалось у меня прямо за спиной. - Приветики.

Перед глазами замаячили знакомый рыжий ежик, коричневая дубленка с мохнатым капюшоном, и я почувствовал горячий поцелуй в щеку. Передо мной стояла полная весенней свежести жизнерадостная Вита. Она улыбалась и протягивала мне мои вещи, оставленные в аудитории – шапку с шарфом, сумку и перчатки.

– Держи-держи, быстренько, – сказала она мне, и тут же обратилась к Вере: – Не хочет, да? Как мы с тобой и думали? Ничего, я уже со всеми договорилась, все в норме.

Мне совершенно не нравилось то, что события опять диктуют мне условия.

- Только не надо столбняком стоять, толкнула меня локтем Вита. Я сказала Михалычу, что у тебя живот скрутило. Он разрешил тебе в следующий раз переписать.
 - Ну же, бери и поехали, приказала Вера, видя охвативший меня ступор.

Деваться было некуда. В голову закрались мысли о настоящей верности, дружбе и, как ни странно, благих намерениях. Вспомнился вчерашний разговор с Выкидышами и предположение Дениса о том, кто есть Вита на самом деле. Его мысли подтвердились — Вера и Вита заодно. Кругом одни шпионы. В Новый год они меня жестоко разыграли, в какой-то мере даже предали, обманули, и сейчас толкают неизвестно на что. Выкидыши, а точнее Денис, помог заранее разобраться в этом болоте. Так кто настоящий друг после этого? Кому стоит верить и на кого можно положиться?

Угрюмо кивнув головой, я покорно принял вещи и повернулся к мотоциклу.

 Эй, в обмен на сигаретку! – моя несостоявшаяся измена обхватила меня руками, не давая сдвинуться.

Не знаю, что было написано у меня на физиономии в тот момент, но Вита, еле сдерживаясь от смеха, сделала невинное лицо, подначивая и одновременно издеваясь надо мной. Стало еще обидней.

- Да что ты дуешься, в самом деле? - она отпустила меня. - Я ведь с пары, у меня никотиновый голод. Могу еще и не то ляпнуть.

И, правда, что это со мной? Насколько я помню, Вита всегда смеется, как пресловутая девочка в каске из анекдота. Наверное, для человека с ее диагнозом это нормально.

Пытаясь выглядеть непринужденно, я выполнил ее просьбу. Она закурила и, сделав первую затяжку, удовлетворенно выдохнула дым вверх.

Откинув клеенку, покрывающую коляску, я полез внутрь. Сзади был прикреплено запасное колесо, заляпанное грязью, и я, конечно, о него запачкался. Мне не хотелось сидеть в люльке, но раскуроченное место за водителем было еще хуже. Забыв о сигарете, Вита, улыбаясь, следила за моими неумелыми телодвижениями. Вера ограничилась неопределенным «хм». Пока я устраивался, она грациозно уселась на мотоцикл, надела шлем, и с одного пинка завела мотор. «Урал» приглушенно заурчал и приготовился к старту.

- Ладно, Витка, пока. Спасибо тебе за все! бросила Вера, помахав рукой нашей общей подруге, и, не дожидаясь пока я взгромозжу свой шлем на голову, рванула с места.
- Аривидерчи. И удачи вам! голос Виты потонул в клубах едкого дыма и тарахтении мотоцикла.

Отъехав от института, мы вывернули на центральную улицу города, и тут Вера Мимо СВИСТОМ проносились колонны университета скорости. co радиоэлектроники, «Сибирское бистро», кирпичное здание мэрии, Дом офицеров. Несмотря на преклонный возраст, мотоцикл ехал с приличной скоростью, давно превысившей разумные по моим меркам пределы. В шлеме, который сужал обзор наполовину, наблюдать за разбегающимся в разные стороны асфальтом и машинами было вдвойне страшнее. Я с опаской поглядывал на Веру, которой такое времяпрепровождение, похоже, нравилось. А если ей что-то нравится, она это так просто не отпустит. В голове замаячили фотографии аварий и изувеченные трупы, которые я не раз видел на своей «любимой» анатомке. Водитель Вера явно неопытный, на дорогах слякотно, местами даже скользко, руки и ноги коченеют. Как пить дать, вляпаемся в аварию.

Мотоцика ощутимо тряхнуло на очередной колдобине, и Вера скинула скорость.

– Если замерзнешь, там одеяло в ногах! Вытащишь! – крикнула она.

Желания простыть у меня не было, поэтому я последовал ее совету и укутался в, пока еще холодное, ватное одеяло.

- Вера! Слышишь? окликнул я ее.
- А? Говори громче! теряясь в порывах ветра, глухо раздалось из под шлема.
- У тебя права-то хоть есть?! выкрикнул я.

Она повернула голову в мою сторону. Готов биться об заклад, что Вера в этот момент улыбалась своей издевательской улыбкой.

– Если я скажу «да», это тебя успокоит?

Я предпочел не докапываться до истины. Удовлетворившись моим молчанием, Вера отвернулась.

- Не знал о таких твоих увлечениях, бросил я.
- Ничего не слышно, говори громче!
- Да ладно, махнул я рукой.

Будь что будет.

Спустя несколько минут мы уже были на месте. Город у нас небольшой, и вся его центральная часть располагается буквально в радиусе трех-четырех километров. Мы прибыли в самое сердце города — на набережную возле Драматического театра. Совсем рядом располагалась площадь Ленина с памятником народному вождю, чуть дальше по дороге — центральный универмаг, в сторону поперек проезжей части — Ленинский райвоенкомат, здание, недолюбливаемое мной по вполне очевидным причинам. В обратном

направлении, откуда мы приехали, находилась областная администрация и здание Восточно-Нефтяной компании.

Шлем меня окончательно доконал, поэтому, когда мы подъезжали к реке, я его снял и с удовольствием подставил лицо ветру. Слева была река, а справа — Драмтеатр. Я вспомнил, как летом мы здесь купались с Верой, как потом она читала мне японскую поэзию и делала массаж. Как давно это было, и каким наивным показался я себе тогдашний.

Впереди, куда, сбавив скорость, подъезжали мы с Верой, расположилась разношерстная компания из пяти мотоциклистов. Двое из них развалились на своих колымагах, остальные курили, спустившись к реке, и о чем-то негромко беседовали.

Если эти неандертальцы кого-то ждали, то явно не нас. Но все-таки наше появление вызвало в их рядах небольшое оживление. Один из лежащих на мотоцикле выпрямился, другой – улыбнулся, курильщики тоже обратили заинтересованные взгляды в нашу сторону. Приглядевшись, я узнал среди последних вчерашнего спутника Марка – ковбоя со шпорами. Он-то и подошел к нам первым.

– Здравствуй-здравствуй, красавица, – сказал он, обращаясь к Вере и совсем не глядя на меня, будто я и не человек вовсе. – Очень рад, что ты все же вырвалась к нам сегодня. Как твое ничего? Все так же весела и невинна?

К моему удивлению, Вера приняла этого клоуна без тени насмешки, я бы даже сказал радушно:

 Привет, Микки. У меня все тип-топ, – сказала она и, не снимая перчаток, протянула ему руку.

Бравый Микки, которому на вид было лет двадцать пять, галантно поправил свою шляпу, и с нескрываемым удовольствием, написанном на обветренном лице, помог ей сойти на землю.

Пока я выбирался из люльки, что вышло у меня более умело, чем залезание в нее, они перебросились парой-тройкой общих фраз. Так разговаривают малознакомые люди, до этого практически не общавшиеся. От меня не ускользнули неестественность и наигранность в словах и жестах Веры. Что она задумала? По каким правилам ведется игра?

Не придумав ничего лучше, я решил придерживаться выжидательной тактики, и молча наблюдал за происходящим до тех пор, пока на меня, наконец, не обратили внимание.

- Кстати, Мик, познакомься, это мой друг, Павлик, небрежно сообщила Вера.
- Павел, поправил я ее. Еще не хватало, чтобы этот дебил называл меня Павликом. Хватит с меня одного Дениса с его издевками.
 - Да? Кажется, мы уже чуть-чуть знакомы.

Микки плутовато улыбнулся (фигурная бородка придавала ему люциферовский вид) и до боли сжал мне руку. Далее, в сопровождении этого горе-ковбоя мы двинулись к остальным мотоциклистам. Вера уже не раз успела обозвать их «байкерами», но я скептически относился к ее словам. В моем понятии байкеры — это здоровенные мужики на «харлеях», с веселыми всегда пьяными улыбками на бородатых лицах, большими кулаками, широкой, по-детски распахнутой, душой и большегрудыми телками сзади.

То, что я видел здесь, слабо соответствовало моим представлениям. Не было никаких бородатых мужиков, ни «харлеев», ни, тем более, телок. Из девушек тут была только моя миниатюрная Вера. Но раз «байкеры», так «байкеры». Пусть будет так, если им нравится. Чем бы дитё не тешилось, как говорится.

– Знакомьтесь, это Бегемот, в миру Андрей, – Мик указал на розовощекого здоровяка в черной бандане, сидевшего за рулем тёмно-синего агрегата с круглой выдающейся фарой впереди. – Счастливый обладатель «Урал Соло».

Андрей, не слезая с байка, почтительно кивнул Вере и протянул руку мне.

– Павел, – сказал я, пожимая мясистую ладонь байкера.

Его мотоцика выглядел хоть и мощно, но несколько старомодно. Мик еще раз окинул его взглядом и принялся объяснять Вере:

- Относительно новый байк с исправлением основных огрехов конвейерного производства. Мощность тридцать шесть лошадиных сил, максимальная скорость сто тридцать километров в час (в жизни, к сожалению, немного не дотягивает). Из классического черного цвета перекрашен в темно-синий, крылья дополнительно обработаны хромом, принципиальные решения в конструкцию и ходовую часть не вносились.
- Но в скором времени намечаются, заметил Бегемот. Ему явно льстило, что его машине уделяется столько внимания.

Вера уперла руки в бока. Слушая объяснения Микки, она то и дело хмурилась и с серьезным видом кивала ему в ответ, будто прекрасно разбиралась в теме, однако я-то видел, что мысли ее витали в другом месте.

Судя по всему, она уже втерлась в доверие этих молодцов — Микки болтал с явным воодушевлением, парень, сидевший на соседнем с Андреем мотоциклом, поглядывал на нее с нескрываемым интересом, да и оставшиеся двое курильщиков, хоть и держались в стороне, но то и дело бросали на нас любопытные взгляды.

Не зная куда приткнуться, я чувствовал себя полным идиотом в этой компании. Как можно стоять и выслушивать характеристики мотоциклов, когда ты вообще ни в зуб ногой? Я в жизни не интересовался машинами, вождением и, тем более, мотоциклами, а если Вера и пытается увлечь меня таким образом (или заинтересовать чем-то новым по мнению Дениса), то совершенно напрасно.

Покончив с Бегемотом, Мик бегло представил нам щуплого паренька Ефима на своем ковровском 18 латанном-перелатанном Курьере, длинноволосого и коренастого Бориса по кличке Бакен на ухоженном тяжеловесе «Днепр-650», а также очкарика Сёму (Стилет) с гитарой на «ИЖ Юпитер 5». Последний изменил свой мотоцикл просто до неузнаваемости. Мне приходилось встречать Юпитеры и раньше, но, если бы мне не сказали, что у этого доходяги Юпитер, я бы в жизни не догадался. Представляю, сколько он времени угробил на него. И охота людям возиться с какой-то железякой?

 А вот и мое детище, – довольно заметил Мик, уводя нас к стоящему в стороне мотоциклу с обилием блестящих хромированных деталей. Его любимец был выкрашен в черный с плавными бордовыми переходами цвет. – Прошу любить и жаловать – Урал Вояж.

Байк действительно выглядел что надо, и выгодно отличался от остальных, пусть даже хорошо ухоженных и усовершенствованных мотоциклов. Высокая рулевая вилка с торчащими вверх круглыми зеркальцами заднего обзора, обтекаемый каплевидный бак, стильная спинка заднего сиденья, вздернутые кверху выхлопные трубы — все это придавало ему самый настоящий «харлеевский», по моим понятиям, вид. Нечто подобное обычно показывают в Голливудских фильмах, но я никогда не думал, что увижу такое вблизи.

- Купил я его недавно. Ощущения от езды, сама понимаешь, двоякие: слабая рама, неустойчивый передок, жестковатая коробка. Но зато, с лицом довольного хозяина он положил руку на кожаное сиденье своего мотоцикла, очень удобная посадка, достаточно хороший передний тормоз, и просто отпадный, по меркам нашего города, вид. Что скажешь, Вера?
 - Действительно, эпатажно, едва слышно произнесла она.
 - Что? переспросил Мик.

– Элегантно, говорю. Мне нравится, – на этот раз громче отозвалась Вера. С видом знатока поглаживая «Вояж» по баку, она при этом незаметно разглядывала себя в зеркальце мотоцикла.

¹⁸ Ковров, город (с 1778) в Российской Федерации, Владимирская область. Широко известен в кругах мотоциклистов благодаря заводу имени В. А. Дегтярева (ЗиД), наряду со стрелковым оружием, выпускающим мотоциклы («Птаха», «Пилот», «Сова», «Курьер» и др.).

Их пальцы находились в неприятной для меня близости друг от друга. Еще чутьчуть, и они соприкоснутся. Не зная, что добавить, я кинул:

– Неплохо.

Мик лишь усмехнулся и повернулся ко мне спиной, выражая свое презрение. Однако я добился своего – контакт пальцев не состоялся.

Вера в задумчивости прошлась вокруг мотоцикла. Покрутила руль, попробовала нажать на ручку тормоза (или это было сцепление?), рискнула присесть на сиденье, а затем осторожно обратилась к Микки:

– Все это хорошо... но как из моего «Уралища» чоппер¹⁹ сделать?

Какой еще чоппер? Откуда она набралась таких слов? Я вообще что-то не помню, чтобы Вера хоть раз говорила о мотоциклах. Не видел я, чтобы она читала соответствующие журналы или приходила домой с масляными пятнами на одежде. Уж не разыгрывает ли она Мика?

– Не все сразу, детка. Переделка – разговор особый, – почесав бородку, уклончиво произнес тот.

Взяв мою девушку под руку, словно так и надо, этот урод повел ее от меня вдоль по набережной, пустившись в объяснения сложности переделки. Вера даже не обернулась.

К промозглому сибирскому ветру, присоединился весенний снежок, повеяло холодом от реки, сырые ботинки практически не грели ноги, а я все стоял с раскрытым ртом и смотрел на их удаляющиеся фигуры. На душе было поганей некуда.

В раздумье я закурил.

Мое одиночество длилось довольно долго. Но что мне оставалось делать? Вера бродила вдалеке с этим клоуном Микки, остальные байкеры вели разговор на малопонятные технические темы. Мной завладела хандра, я отрешенно пялился на обледеневшую реку и курил. Что и говорить, чужой я тут. Мне здесь явно не место.

Но и Вере тоже. Увлечение байкерством — это не походило на мою подругу. Согласно ее философии жизнь не признает рамок и границ, все находится в развитии и постоянно меняется. Поэтому, чтобы преуспеть в жизни, необходимо быть, как сама жизнь — не ограниченным. А байкеры — это, как ни крути, стадо. Пускай они там твердят о свободе, о ветре в лицо, о героях асфальта и прочей туфте, но все равно они следуют каким-то своим установленным принципам, у них есть свои вожаки и правила. А значит, они по-своему ограничены. Нет, Вера явно не байкер. И ее поведение сейчас — еще одна игра, да только я один догадываюсь об этом, а остальные купились. Вот идиоты!

С такими мыслями у меня улучшилось настроение, а после того, как я нашел одно преимущество своего положения – будучи «безлошадным», я мог выпить – оно так и вовсе стало превосходным. Не замедлив этим воспользоваться, я прогулялся за пивом до недавно отстроенного киоска на площади.

Идя обратно к сборищу, я раздумывал над новым амплуа Веры. Меня подмывало бросить все и отправиться домой. Если в этом заключался очередной тест, то я запутался в Вере окончательно. Тесты-тосты, дискотеки-гопотеки, гей-клубы, а теперь еще и байкеры. Разве можно так измываться над человеком? А ведь я далеко не первый, кто испытывает на себе ее фокусы... Выкидыши!

Как нельзя кстати вспомнились они. Завернув к Драмтеатру, я спрятался за каменным возвышением и достал телефон.

Денис не отвечал, и мне пришлось позвонить своему бывшему однокласснику.

– Алло, Толик, ты сейчас где?

¹⁹ «Чоппер» (амер. chopper - велосипед с высоким рулём и сиденьем, а также изготовленный на заказ мотоцикл) – серийный мотоцикл с мощным мотором, полностью избавленный от частей, не имеющих что-либо общего с движением мотоцикла.

- Пашок? Да я на Лагерном, в Тимирязево к пацанам надо смотаться. А чё случилось-то? Могу пригнать, если срочно.
 - Да пока не очень, ответил я и вкратце рассказал о том, что учудила Вера.

Толик громогласно расхохотался в трубку.

– Моя школа! – довольно заметил он. – Ничего страшного, тачка, мотик – один хрен разница. Путёво она катается, так что, поди, не убъется. Только вот насчет этого кренделя, Мика... Дёнька, говоришь, не отвечает? Жаль, он бы чё-нибудь посоветовал.

Я спросил, не договаривались ли они о встрече.

– Ну, он в сауну обещался вечерком заглянуть, а сейчас... не пасу я его, в натуре! Чё сказать-то тебе? Пока не переживай, а потом поглядим. Если что, я на связи, как морду надо будет бить, ха-ха, звони. И Дёньку постарайся выцепить, он мозговитый, стопудово чтонибудь придумает.

Конец разговора. Но и на том спасибо.

Вернувшись обратно с бутылкой пива, я обратил внимание на смену обстановки. Встреча теперь больше походила на праздник, чем на выездную сессию инвалидов умственного труда, как было до этого. Народ вел себя поживей. Основательно тарахтя и выбрасывая плотные сгустки выхлопов в воздух, мотоциклисты гордо разъезжали вдоль по набережной и красовались перед зданием городской администрации. Со всех сторон подтягивались люди — поклонники мотоспорта и просто зеваки — они, тыча пальцами в байкеров, вели бурное обсуждение этого явления, довольно необычного для нашего провинциального города.

Прибавилось и мотофанатов. К уже знакомым мне байкерам присоединился курносый парень в бейсболке с торчащими из под нее белокурыми вихрами, и серьгой в ухе. Он восседал на красном совдеповского вида мотоцикле с белой надписью на баке – «Чезет». Невдалеке в кожанке нараспашку нарезал круги другой паренек примерно моего возраста. Его агрегатом был оранжевый «ИЖ Юпитер 5», как и у представленного нам очкастого Стилета, но только без переделки. Мне вспомнились времена «Ласкового мая», перестройки, рокеров и рэкетиров. Конечно, я был тогда еще маленький, но чувства переживал схожие. Все-таки, далеко еще нашим колхозным умельцам до настоящих байкеров, слишком все это совком попахивает.

Я остановился, вглядываясь в разношерстную толпу. Веры поблизости видно не было. Настроение после разговора с Толиком и первого глотка «Старого Мельника» немного улучшилось – расхотелось уходить прямо сейчас и даже появилось нездоровое желание узнать, что же будет дальше.

Оп! – выкрикнули мне в самое ухо, и я ударился зубами о бутылку.

Возле меня из ниоткуда возникла Вера. Судя по выражению лица, она была в хорошем расположении духа.

- Где это ты гуляешь? поинтересовалась она.
- Не поверишь, но у меня к тебе точно такой же вопрос, выдержав ее пытливый взгляд, ответил я.

Вера звонко рассмеялась и, высоко закинув руки мне на плечи, поцеловала взасос.

– Эх, и оторвемся же мы сегодня! – воскликнула она и начала кружить меня по всей площади в странном первобытном танце.

Я не сопротивлялся, потому что было приятно чувствовать ее внимание, теплое дыхание, слегка возбуждающее соприкосновение наших тел, действенное даже сквозь толстую теплую одежду, и на секунду поддался ее настроению. Но мимо нас с ревом пронесся один из байкеров и вернул меня к реальности происходящего.

Наверное, я тормоз, да только...

– ... ничего не понимаю. Зачем мы тут? Что у них сегодня за тусовка?

Вера остановилась и оглядела меня с ног до головы каким-то безумным взглядом.

– Эх, валенок ты сибирский! Да это же открытие мотосезона. Чуешь?..

С этими словами она выхватила бутылку у меня из рук и, с жадностью отхлебнув из нее пиво, опять закружилась по дороге.

- А не рановато? На улице снег еще не растаял! крикнул я ей.
- Для нас в самый раз, Паша. Для нас в самый раз!

Она кружилась под редкими снежинками, поблизости разъезжали ненаигравшиеся в «бибики» парни, чуть дальше росла толпа зрителей. В воздухе повисло ожидание чего-то грандиозного – нет, не со стороны байкеров, а со стороны Веры. И тогда я по-настоящему пожалел, что ввязался в это приключение.

Глава двадцать пятая

КОРОЛЬ ДОРОГИ

Рев, дым и визг шин по асфальту.

– Пять! Четыре! Три! Два!..

Я заворожено гляжу на происходящее. С момента прибытия на набережную прошло полтора часа, и число байков, вместе с нашим «Уралом», выросло до двенадцати, то есть, на четыре больше, чем после моего возвращения из киоска. Среди рядовых байкеров прибыл один умелец на Jawa-350, красном мотоцикле с весьма округлыми формами, отчего он смотрелся древнее всех остальных. Еще один был на темно-зеленом «Днепре» с коляской, выглядевшем так угрожающе, что оставалось только взгромоздить на него пулемет и можно было смело отправляться на войну.

Самыми последними явились лидеры. Точнее, лидером из них был только один. Второй являлся, как я понял, кем-то вроде авторитета — приезжий из Питера матерый байкер, которого местные аборигены давно ждали с нетерпением.

Лидер и организатор тусовки был невысоким сухопарым мужичком лет тридцати пяти с длинными до плеч темными выощимися волосами и густой бородой, разросшейся на половину лица. В его маленьких, как бы вдавленных в череп, глазах сочетались удивительные ясность ума и бойкость шаловливого мальчишки. Он был так же энергичен и ловок в движениях, говорил быстро, но мелодично, был приветлив и внимателен к каждому. Вагнер, как называли его остальные, первым делом оставил своего железного коня и обошел народ, чтобы пожать всем руки, представить гостя и познакомиться с новыми лицами, которыми являлись только мы с Верой.

До нас он добрался как раз в тот момент, когда байкеры, возбужденные и готовые к началу представления, самостоятельно организовались и делали отжиг шин на прямой дороге, идущей вдоль реки. Процедура отжига, как я понял, заключалась в резком ускорении с удержанием мотоцикла и дальнейшем его отпускании. При этом вначале слышался резкий визг колес по асфальту, затем гонщик срывался с места и со свистом улетал вперед.

– Пять! Четыре! Три! Два! Один! Пошел!!!

На этот раз «запустили» хиленький «Курьер» с Ефимом.

Вагнер с Питерским гостем, дородным мужиком лет сорока, носившим странное прозвище Корень, приблизились к нам с Верой. Предводитель тусовки с искреннем интересом выслушал безобразно фальшивую речь Веры о том, что она «балдеет» от байкерского движения, что мотоцикл для нее – это «символ свободы и романтики», мол, она безумно рада познакомиться с таким известным в байкерской среде человеком и мечтает однажды стать полноценным членом клуба. Далее Вера начала откровенно пускать слюни по поводу питерского гостя, но это было уже из ряда вон даже для Вагнера – тот остановил ее легким жестом руки и повернулся ко мне.

– Меня зовут Па...

- Это Доктор, перебила меня Вера. Он просто еще немного стесняется называть свое погоняло здесь, все-таки малознакомые люди...
- Окей, окей, мягко прервал ее Вагнер. Но, мне кажется, парень выскажется самостоятельно. Так ведь... Доктор? Тебе тоже нравится байкерское движение?

Я снова оказался на перепутье. С одной стороны, мое мнение насчет мотоциклистов нисколько не изменилось, то есть, как и прежде, оставалось неодобрительным. С другой, я не хотел обидеть человека, который понравился мне своей человечностью. И я решился.

- Если честно, никакой я не байкер, а, можно даже сказать, противник мотоспорта. Я совсем не разбираюсь в мотоциклах и не хочу в них разбираться. Скорее уж, когда-нибудь мне придется разбираться в самих мотоциклистах... после аварий, - тут я, конечно, переборщил, но сама фраза мне понравилась. Увидев непонимающий взгляд предводителя, мне пришлось пояснить. - Я учусь на врача. А здесь оказался случайно, подруга затащила.

Вагнер широко улыбнулся.

– Ты молодец, – он похлопал меня по плечу. – Каждому свое место в жизни, не правда ли? Важно понимать это, и принимать. Кто-то тяготеет к уюту, спокойствию, определенности. Для нас же главное – это романтика, ощущение свободы... ради такого можно многим поступиться.

Мимо нас с довольным выражением лица пронесся Бегемот на своем Урале Соло. Глядя ему вслед, Вагнер добавил:

– Ведь байкеры сумасшедшие по своей сути люди: нам нужны дорога, скорость, ветер в лицо и приключения. То, что для других лишь ревущая и пышущая дымом машина, для нас – ключ к жизни и, одновременно, музыка, идущая из глубины души. Говорят, что мы какие-то не такие, не от мира сего, понимаешь? И они правы, ведь нам подавай первобытное наслаждение, а обычные люди страшатся этого. Инстинкт самосохранения никогда не позволит им доверить себя машине и рисковать жизнью только, чтобы почувствовать пьянящий адреналин. Если угодно, нами движет живой азарт, интерес к постоянной борьбе с демонами, как вокруг, так и внутри себя. Мы живем этими чувствами.

... Три! Два! Один! Пошел!!!

Следующий час был насыщен зрелищами. Байкеры успели посоревноваться в дрэгрейсинге, скоростном заезде на короткую дистанцию, в ходе которого одновременно стартуют несколько мотоциклов и наперегонки несутся к финишной черте, побороться на руках (армрестлинг), «погоняться» на самого медленного и пометать дротики на ходу. Вера не отставала и носилась вместе со всеми, ввязываясь в любые, порой самые идиотские конкурсы. Я часто оставался в одиночестве, но старался не выдавать своей обиды. Если Вера и хотела что-то в очередной раз проверить, то я до сих пор не понимал, что именно.

Людям было весело, о чем свидетельствовал большой наплыв зевак на набережную, но торчать здесь дальше становилось опасным. Нашей компанией уже дважды интересовалась милиция, и Вагнер едва с ними поладил. Да и ребята, опьяненные вниманием толпы, перестали чувствовать грань дозволенного: поступило предложение метать дротики в наполненные водой презервативы, начались пивные конкурсы, мотоциклы все чаще вырывались за пределы набережной, и кое-кто (не трудно догадаться, кто именно) уже успел прокатиться с пустой коляской вверх-вниз по ступенькам Драмтеатра.

Лидер принял решение выехать за город. Как я понял, «пикник на природе» планировался изначально и не был сиюминутным решением. Но все же стоило поторопиться, так как наши байкеры, непривычные к массовым мероприятиям, совсем потеряли голову. Питерский гость заметил, что у них, в городе на Неве, где мотоциклистов собирается на порядок больше, вот уже несколько лет подряд праздники проводятся более организованно. Люди заранее договариваются с милицией и ДПС, находят спонсоров и даже арендуют стадионы.

Хотя Корень не сказал этого в открытую, да и вообще вел себя дружелюбно, мне в голову лезло нехорошее слово «провинция». Но оно быстро уступило место непререкаемой истине – не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Опять пошел снег, от воды тянуло холодом. Байкеры немного угомонились и сейчас выстроились в одну шеренгу вдоль реки. Вагнер, как настоящий полководец, делал смотр «полку», объезжая его на своем Yamaha XJ 600 – спортивном черно-красном красавце японского происхождения. По словам Микки, который постоянно торчал рядом с нами и тараторил без умолку, его мотоцикл имел восемьдесят лошадиных сил, против двадцатисорока ураловских, наибольшую скорость двести километров в час и разгонялся до сотни в считанные секунды.

Но мне было не до него. Я понимал, что мощи мотоцикла, в люльке которого я оказался, вполне достаточно, чтобы обеспечить мне группу инвалидности или вообще распрощаться с жизнью. Все, что я видел, так это подвыпившую Веру за рулем, надоедливого мотофанатика на «Вояже» и десяток других сумасшедших под боком. А ехать с разудалой бесшабашной компанией черт знает куда по скользкой дороге — еще то удовольствие.

Когда Вагнер дал команду стартовать, и одновременно взревели все двенадцать двигателей, я пожалел, что к своим девятнадцати годам не знаю ни одной молитвы, и ни во что не верю. Вот разобьюсь, и не будет больше Паши – он просто исчезнет с лица Земли. Никакого там рая, ада, загробной жизни или перерождения. В такие вот моменты мне совершенно не хочется быть материалистом, да будущая профессия обязывает.

Колонна зашевелилась, байки выстроились по парам и поползли к выезду на главную улицу. Тут же посыпались неприятности. Еще не успев покинуть набережную, Вера стала не по-детски дурить. Мотаясь из стороны в сторону, то ускоряясь, то наоборот замедляясь, она постоянно нарушала строй. Ее примеру с радостью последовал Мик, ехавший до сих пор в колесо с нами, и вскоре зараза передалась остальным мотоциклистам. Конечно, им было весело, но мы выезжали на улицы города и теперь представляли реальную угрозу для окружающих. К счастью, Вагнер быстро взял ситуацию под контроль: прокатившись до хвоста и обратно, он сумел восстановить порядок и призвал к благоразумию. Мое уважение к нему росло.

По городу мы ехали как банда клоунов. Все обращали на нас внимание, тыкали пальцами, высовывались из окон своих автомобилей, домов или останавливались на тротуаре, чтобы поглазеть на нашу процессию. Спрятавшись за забралом шлема, я поглубже уселся в коляску и укрылся одеялом, желая остаться инкогнито в глазах «поклонников». Я не мечтал о славе «колясочника», тем более, что не имел к байкерам никакого отношения. Вера же красовалась, как могла, и даже специально высвободила волосы из под шлема, предоставив их на волю ветра. Будучи единственной девушкой среди байкеров, она получала двойное внимание прохожих и, наверное, десятерное Микки. Он по-прежнему вился вокруг нас и сильно раздражал меня.

- Паша, не рви так сильно газ на поворотах, внезапно обратился он ко мне.
- Я уставился на него как на дурака. Он этого не понял.
- Накидывая скорость, с чувством поворачивай ручку управления дросселем, понимаешь? У тебя же там есть дроссель? Ну вот и поворачивай его... с чувством.

Вера бросила на меня беглый взгляд и предательски расхохоталась. Насупившись, я скрестил руки на груди и отвернулся. Никому не хочется быть козлом отпущения. Но пока, наверное, лучше не дергаться. После гей-клуба с Верой и так трудно ладить, и если я опять не угадаю чего ей надо, то могу снова вляпаться в какую-нибудь неприятную историю. Черт возьми, вот бы связаться с Денисом! Уж он точно посоветует, как мне быть.

И все-таки, как хочется плюнуть на тесты, на Выкидышей, на Веру, и отправить всех по одному хорошо известному, трехбуквенному адресу!

Впереди показался поворот, мы подъезжали к Лагерному саду, а затем должны были ехать в сторону, противоположную деревни Тимирязево, в которую собирался Толик. Байкеры сбросили скорость, и Мик немного сдал назад. На душе полегчало.

Вскоре, когда я окончательно примерз к люльке, мы выехали за черту города. Слева вилось железнодорожное полотно, справа – редкие деревянные домики и лес. Мокрый снег облеплял забрало шлема и мешал наблюдать за дорогой, мне то и дело приходилось оттирать его. Байкеры притихли, и теперь ехали спокойно, без прежних лихачеств. По словам Веры, мы направлялись на Синий утес. Это такое место с невысокими серыми скалами около реки в двадцати километрах от нашего города.

По пути участники мероприятия запаслись пивом, а также кое-чем покрепче, собрали деньги на мясо для шашлыков, о котором заранее побеспокоился Борис, закупили хлеба. Мне, якобы с удобством расположившемуся в люльке, то и дело подкидывали дровишек, случайно подобранных на дороге. Багажник, расположенный в задней части коляски, был уже забит до отказа, и поэтому дрова бросали прямо ко мне на колени. Правда, большая часть груза все же оседала в коляске военного «Днепра», в которой не было пассажира.

Мик еще раз десять подъезжал к нам и пытался сразить Веру своим несуществующим остроумием. Вера поддерживала его, хотя куда более вяло, чем прежде. Сказывались утомительные условия поездки, а может, он ей просто надоел.

Впереди нас ждал долгий спуск с горы, за которой раскинулась небольшая деревушка Аникино с прилегающими к ней дачными участками. Первым ехал Корень, рядом с ним Бегемот на «Соло», далее Ефим, два «ИЖа» – Стилет и другой, неизвестный байкер, – потом мы с Верой. Назад я не смотрел, было неудобно разворачиваться, да и не хотелось видеть рожу Микки (хоть бы его дурацкую шляпу ветром снесло!). Колонна расстроилась, машин было мало, а дорога позволяла ехать по двое и даже по трое рядом.

Вагнер время от времени курсировал взад-вперед, проверяя, не потеряли ли мы кого по пути. Его езда отличалась изяществом, выдававшим богатый опыт. Он то легко уходил вперед, то плавно, словно на бреющем полете скидывал обороты, внимательно выслушивал реплики байкеров, давал краткие, но дельные указания. Его спортбайк, шелестя шинами, скользил по асфальту, словно силой мысли повинуясь своему хозяину. В какой-то момент я даже позавидовал ему, но тут же одернул свои глупые мысли. Я человек домашний, и петь серенады ветру, чтобы, раскинув однажды мозгами по асфальту, уже не собрать их, не в моем духе. Пусть этим занимаются другие, а я постою в стороне...

– Xe-e-ей! – вдруг выкрикнул Вагнер и, победоносно вскинув правую руку вверх, резко рванул вперед, приглашая остальных последовать его примеру.

Ну вот, только успокоились и опять за свое... Я судорожно вцепился в люльку.

– Эге-гей! – поддержал его парень на «Чезете» сзади и заорал, что есть мочи: – РАЗОЙДИСЬ!!! ДОРОГУ!!!

Видимо, он хотел прорваться вперед и полететь вслед за лидером, но Веру это лишь раззадорило — она специально не давала ему проходу или, точнее говоря, проезду. Наш «Урал» со зловещим клокотанием набирал скорость. Оживились и другие байкеры: Бегемот потихоньку отрывался от нас, гудели набирающие скорость «ИЖи». Корень с Вагнером на спортбайках уже давно умчались вперед. Я с опаской поглядывал на раму люльки и мотоцикла, в соединении которых что-то начало дребезжать. Господи, лишь бы эта махина не развалилась на части.

А спуск тем временем становился круче.

Наконец, «Чезет», сделав обманный маневр, обощел нас. Мотоциклист в шутку погрозил кулаком Вере, а она ответила ему тем же. Вместе с «Чезетом» вырвался байкер на

«Яве», он помахал нам рукой. Все тяжеловесы – мы и гонщики на «Днепрах» – остались сзади, но Вера даже не думала сдаваться. Мик специально висел на хвосте, выдерживая дистанцию.

По встречной полосе промчался «Камаз», обдав всех грязным талым снегом. Байкеры метнулись вправо, и мы вмиг оказались у края шоссе. Колесо люльки ехало, наверное, по самой кромке дороги, и ельник, растущий совсем рядом, беспощадно хлестал меня по голове. Когда одна из веток весьма болезненно царапнула шею, я невольно вскрикнул.

Вера глянула на меня, и резко вильнула вбок по направлению к «Вояжу». Очутившись посредине своей полосы, мотоцикл тряхнуло на одной из выбоин. Он опять набирал скорость и, кажется, начинал взлетать. Дорога все также круго уходила вниз, спуск казался бесконечным.

Я перестал чувствовать неровности дороги, но нет – переднее колесо, как и прежде, шуршало по асфальту. Это я поднимался в небо – люлька отрывалась от земли! Мы медленно заваливались на левый бок.

Вера!! – не своим голосом крикнул я.

Она тоже заметила крен и, с силой мотнув телом вправо, попыталась выровняться, но грузный мотоцикл упорно ехал с поднятой люлькой. Тогда я всем весом навалился на правый бок, чуть не перевалившись за борт. Сзади запрыгали, тут же пропав из виду, дроващепки, слетевшие с моих колен. Послышался удар колеса о землю, «Урал» принял устойчивое положение, и Вера опять накинула скорость.

Мы несемся по крутому шоссе, словно падаем в бездонную яму, мелькают – пионерлагерь в глубине леса, кусты в чаще, знаки вдоль дороги, ельник – слышится мой пронзительный вопль:

– ВЕРА!! Сбрасывай скорость! Слышишь!?

Нас дернуло на очередной кочке, хрипло кашлянул мотор. От силы удара я охнул и откинулся на спинку сиденья.

– Вера! Слышишь?!?

Микки, до сих пор старавшийся держать дистанцию, вдруг пошел на обгон. В тот момент, когда его байк поравнялся с нами, он истошно завопил:

– Я о ней мечтал всю жизнь... наконец мои желанья сбылись, вот она... вот она!..

Я подумал, что чокнутей придурка я еще не видел, но, когда в ответ завизжала Вера, до меня дошло, что это слова песни, а не признание в любви:

– Вся блестит и манит взгляд... на такой не грех отправиться в ад, вот она, вот она!.. 20

«Курьер», несущийся впереди, сбросил скорость, и пение подхватил Ефим:

- Чем дальше тем больше, чем больше тем сильней. Все те же, все то же, а день все холодне-е-е-ей!!!
 - Я... КОРОЛЬ ДОРОГИ! Я... КОРОЛЬ ОТ БОГА!
- В АД ИЛИ РАЙ... САМА ВЫБИРА-А-АЙ!.. орали во всю глотку мотоциклисты вместе с Верой.

К моему облегчению Микки с Ефимом начали сбавлять скорость. Я думал, Вера последует их примеру, но не тут-то было. Вокруг нас происходили какие-то странные перестановки, и вскоре до меня дошло, что байкеры выстраивались клином, который возглавляли мы с Верой.

...Жить как все мне скучно, мне и смерть игрушка. Скорость в крови, удачу лови!..

Начал дико сигналить клаксон — Вериных рук дело. Кажется, наступил тот редкий момент, когда она не отдавала себе отчета в своих действиях. Склон становился более пологим, но моя подруга восполнила это увеличением скорости. Мы догнали Сёму, а Бакен

.

 $^{^{20}}$ Ария, 1995 «Ночь короче дня», Король дороги.

на Днепре, приложив нечеловеческие усилия, догнал нас. Клин расширился и теперь состоял из пяти мотоциклов.

– Я... КОРОЛЬ ДОРОГИ! Я... КОРОЛЬ ОТ БОГА!

Кто-то издал «рык», прибавив газу. Другой поддержал его, и теперь байкеры крутили ручки газа одновременно, немного гасили скорость, и опять рычали пятью мотоциклами.

Кажется, я сходил с ума. Все превратилось в чудовищный одуряющий гул, в котором слились рев мотоциклов, порывы встречного ветра, безумные выкрики и пение гонщиков. Мне было не по себе, и, оглядываясь по сторонам, я безуспешно искал способ положить конец этой вакханалии. Но, к счастью, склон заканчивался, и впереди уже виднелся поворот, за которым будет мост, спортивная база и (слава тебе, Господи!) крутой подъем к деревне.

Внезапно из-за поворота выскакивает желтый москвич-пикап, в суматохе клин рассыпается – фланги прижимаются каждый к своему боку. Но мы находимся в середине, а Вера, дрожа от возбуждения, продолжает гнать вперед. Я бросаю взгляд то на нее, то на быстро надвигающийся автомобиль. Она в своем уме? Мы же сейчас врежемся!

Испуганный водитель Москвичонка тоже не знает куда деваться: по бокам на него надвигаются бывшие фланги клина, по центру – мы.

Я вжимаюсь в люльку, Вера, наконец, отчаянно дергает рулем – мотоцика ведет юзом влево. Теперь никто не управляет нами – мы движемся по инерции.

Мерное шуршание покрышек по обледенелой дороге.

Ветер, режущий уши,

случайные брызги и крик.

Рев мотора, вгрызающийся в холодный воздух.

Москвич проносится мимо – мы летим прямо на «Вояж» Микки. Шлем набекрень. Ощущение свободного падения. СТОЛКНОВЕНИЕ НЕИЗБЕЖНО.

... в ад или рай? Сама выбирай!..

Клокотание мотора. Звук шоркающих асфальт шин.

Микки притормаживает, наш «Урал», освободившись от цепкой хватки заноса, вырывается вперед, а у меня с губ срывается вздох облегчения. Я только сейчас замечаю, что не дышал все это время. Через несколько секунд раздается всеобщее улюлюканье, напомнившее мне клетку с обезьянами.

Мы постепенно сбавляем скорость. Я понемногу успокаиваюсь, и мое сердце уже бьется не так быстро. Врассыпную мотоциклы переезжают мост и, наконец, останавливаются на площадке перед спортивной базой. Здесь нас поджидает Вагнер и остальные, ушедшие вперед байкеры.

Пока очевидцы едва не произошедшей аварии рассказывали остальным о случившемся и смаковали подробности, я, с трудом успокоившись, вылез из люльки и нетвердой походкой направился к Вере.

В одиночестве она стояла на мосту и смотрела куда-то вдаль. Маленькая речушка внизу еще не полностью освободилась ото льда, вдали на склоне небольшого холма виднелся ряд дачных домиков. Дул сильный ветер в лицо.

– Послушай, Вера, это тебе не игрушки! Ты же чуть нас не угробила! Слышишь, меня?! Если хочешь, дури сама, но меня не впутывай. Знаешь, каково сидеть в этой хлипкой кишке, когда на тебя несется машина, а ты ничего не можешь сделать?

Она не отвечала и продолжала смотреть вдаль.

– Слышишь? – я потянул ее за плечо. – В такие приключения я ввязываться не желаю. Понятно? Ну что ты молчишь?

Она поддалась, медленно развернувшись в мою сторону. Вид у нее был виноватый, но все же не настолько, чтобы я ей посочувствовал. Глядя в ее глаза, я пытался догадаться, о

чем же она сейчас думает. Что дальше ждать от нее? Грустно улыбнувшись, Вера нежно притянула мою голову к себе и поцеловала в лоб.

- Ты хочешь домой? тихо спросила она без всякой издевки в голосе.
- Я... ты... ну, почему ты сразу так?

Задумчиво покусывая нижнюю губу, она кивнула головой. Ее рука ласково гладила мою щеку. Я попытался выдавить из себя слова, которые заставили бы ее понять, каково мне сейчас, но никак не мог совладать с эмоциями. Вздохнув, я махнул рукой и отошел в сторону. Вытащив из кармана куртки пачку сигарет, я закурил.

«Непринятые вызовы: 1». Пара нажатий на кнопки верного Эриксона, и я выясняю, что в 16:07, то есть, двадцать четыре минуты назад, звонил Денис. Думаю, он уже связался с Толиком и теперь в курсе происходящего.

Украдкой осмотревшись вокруг, я убедился, что поблизости никого нет и можно спокойно разговаривать. Пока байкеры обсуждают свои подвиги, я вышел вроде как по нужде. На самом деле я спрятался под мостом, чтобы созвониться с Выкидышами.

- Алло, алло, Денис? негромко говорил я в сложенную у трубки ладонь, чтобы меня не было слышно.
- Наконец-то! Я уж думал, пора некрологи в газетах просматривать. Как ты там, живой еще?
 - Да нормально, то есть, более менее, облегченно вздохнул я, услышав его голос.
 - Тогда подожди.

На том конце я услышал, какой-то писк, а затем громкую речь Толика, причем совершенно не в наш адрес.

- ...да. Алло? Ну, чего там?
- Вы уже в сауне? озадаченно спросил я.
- Вот ты тормоз!.. воскликнул Денис. О конференц-связи никогда не слышал?
- Я в Тимирязевке сейчас, пояснил Толик. А он в городе.

Решив не выяснять технические подробности, я рассказал им про гонки на трассе. Выкидыши молчали в течение всего моего рассказа. Первым высказался Дёня:

- Паша, по-моему, тут все ясно. Она хочет от тебя избавиться.
- Дурак, что ли? возмутился Толик. Верка без башни, конечно. Но зачем ей на мокруху-то идти?
 - Да я не о том! Вера показывает Паше, что он ей надоел. Так яснее?
 - Ну, буркнул Толик. То есть, нет.
 - Тогда мне непонятно, почему она на мосту себя так странно вела, сказал я.
 - Пашок, чё у тебя голос как из задницы? опять Толик.
 - Под мостом сижу, приходится тихо говорить! Не отвлекайтесь. Что скажете?

Денис ничего не ответил, наверное, задумался. Толик что-то пропыхтел, а потом раздраженно заявил в трубку:

- Да ну тебя, Пашок. Нам-то, на хрен, откуда все известно? Это же ты с Веркой гуляешь, ты ее трахаешь. Вот и действуй сам, а мы подтра... тьфу! подстрахуем если чё.
- О майн Гот, о майн Гот, пробормотал Денис. Я, кажется... Постойте! Я, кажется, начинаю все понимать. Слушай! Слушай меня, друг мой! Вера аллегорически показывает, что твоя жизнь в ее руках. Но с точки зрения традиций патриархата, преобладающих в нашем обществе, все должно быть наоборот. Ты мужчина, и получается, ты должен обладать женщиной, а не она тобой. Понимаешь, к чему я клоню?
 - Это ты со мной разговариваешь?
- Не язви. Дело не в аморфности, как я говорил прежде, а, скорее, в активности... так сказать, мужском, руководящем начале. Ты привык, что все за тебя решает Вера, но разве женщина может выдержать это? Сам подумай, ей нужна опора, а не размазня какая-то под боком...

- Ну вас... сказал Толик и отключился.
- ...поэтому решения нужно принимать тебе. Командовать, быть более жестким, что ли. Как конкретно, не знаю. Думай. Ради всего святого думай!
 - Пашка?

Закончив разговор, я уже собрался вылезать из-под моста, но увидел, как на табло трубки высветился номер Толика.

– Да? Слушаю, только быстро.

Наверху уже с минуту ревели моторы.

- Ты это... говорил, там Ямашка какая-то была, да?
- Да здесь полно их. Ямаха, Чезет, два Днепра и два Урала еще.
- Это... продиктуй пару их номеров. Глянь, по-быстрому.
- Зачем? вырвалось у меня.

Наверху завелся еще один мотор. В таком шуме невозможно было нормально разговаривать, и потому я без лишних споров выглянул наружу. Осторожно, чтобы меня не заметили, я вытянул шею и продиктовал Толику четыре первых попавшихся номера. Надеюсь, он правильно их записал во всем этом гаме.

- Ага, хорошо, понял.
- А зачем тебе? все-таки спросил я.
- Чего? Ни хрена не слышно.
- Зачем тебе номера?
- Бля, звук как из консервной банки.

Он еще что-то пробормотал, но я ничего не расслышал. Отключившись, я пошел наверх. Под мостом сидеть, конечно, хорошо, безопасно. Да только впереди меня ждет тест, а его надо бы пройти.

Глава двадцать шестая

РОЖДЕНИЕ ДОКТОРА

Пока я карабкался по обледенелой земле, выбираясь из-под моста на дорогу, в голове не переставали крутиться слова Дениса. Почему он так волновался, когда читал свои наставления? Не думаю, что он заботился обо мне с таким рвением. Уж больно это попахивало личным, но чем конкретно, мне было неизвестно.

Я вылез наружу, и байкеры встретили меня взрывом дружного хохота.

 О, Павлик! Что, никак просраться не мог? – покатываясь от смеха, простонал Микки. – Прохватило бедолагу после такой-то поездочки?

Неприятно, когда оказываешься предметом тупой и злобной шутки. Вдвойне неприятно, когда над ней все смеются и смотрят при этом на тебя.

Вера сидела за рулем «Урала» с опущенным забралом шлема. Не знаю, смеялась ли она вместе с остальными. Надеюсь, что нет.

Мы тебя уже семь минут ждем, – холодно сказала она, повернувшись в мою сторону.

Я лишь пожал плечами и, растолкав оставшиеся в коляске дрова, уселся на свое законное место.

Поднявшись в гору, да проехав мимо местного кладбища, мы оказались в деревне Аникино. Дорога надвое рассекла деревню, которая состояла из небольших бревенчатых домов обычных для Сибири. В это время года здесь не было ничего примечательного, ни на чем не задерживался одержимый первобытной романтикой взгляд байкера. Даже люди,

обитавшие здесь, не могли занять его внимание. Ведь какой интерес красоваться перед ними? Деревня и в Африке деревня.

После случая на спуске Вагнер стал внимательнее следить за построением. Он высказал мысль, что произвольное движение, хоть и отражает дух байкеров, но так и до аварии не далеко, и предложил потренироваться в организованном передвижении. Так как парами мы уже ездили, следующей была «цепь».

Мотоциклы выстроились наподобие звеньев цепи: ведущий байк как бы зажали с двух сторон два других мотоцикла, ехавших чуть позади – их передние колеса шли вровень с его задним. Следующий мотоцикл расположился между ними, но еще чуть дальше – его переднее колесо находилось между их задними и двигалось вровень с ними. И так далее.

До места мы добрались без приключений. Правда, благодаря моему водителю, цепь то и дело рвалась. Сказывалась Верина неопытность и ее назойливое желание прибавить скорость на любом мало-мальски прямом участке. Вагнер, конечно, тоже обожал быструю езду, и недавнее происшествие ничуть не повлияло на эту его страсть, да только сама идея строя требовала не единоличного, а совместного ускорения. Он сердился, помногу раз повторяя простейшие указания, а иногда даже пропускал крепкие словечки в наш адрес. Вместе с ним злились и остальные байкеры — наш мотоцикл превращался в белую ворону, в безупречно слаженной компании. Хоть за рулем была Вера, все равно часть вины почему-то ощущал я. Наверное, так себя чувствует невольный соучастник преступления. Думаю, Вера прекрасно понимала это и легко могла исправиться, но действовала наперекор всем назло. Почему, я терялся в догадках.

Итак, позади остались Аникино, дачи, желтые знаки «Осторожно, газопровод!», знакомые каждому водителю, хоть раз бывавшему в этих краях, подъемы и спуски, и даже деревня Каларово, стоящая бок о бок с тем самым местом, которое и называется Синий утес.

Если в лесу и на полях, что мы видели по дороге, снега с начала весны не убавилось, то каменный берег возле реки на Синем утесе был почти гол. Дров мы привезли слишком мало, а найти их здесь, в такую сырость было довольно сложно.

Байкеры жутко проголодались и замерзли. Казалось бы, стоит всем поднатужиться и качественный отдых обеспечен, но нет – действовали они на редкость вяло и неслаженно. Вагнер попытался разбить людей на группы – по подготовке мангала, сборке дров, розжигу костра, организации вечера, – но царящие повсюду разболтанность и лень рушили все его планы. Люди не хотели вкалывать, они приехали сюда отдыхать. Поэтому все пустилось на самотек и продвигалось намного медленнее, чем могло бы быть, действуй байкеры с желанием.

Ефим взялся за ремонт своего мотоцикла. На подъезде к реке он завалился на бок – помял переднее крыло, разбил одно из зеркал заднего обзора и повредил ручку сцепления. Сёма (Стилет) с минуту протирал свои очки, а затем расчехлил гитару и принялся тренькать на ней, напевая себе что-то под нос и поминутно настраивая инструмент. Паренек с «Чезета» вместе с «Явистом», начистив до блеска крылья своих мотоциклов, неспешно собирали мангал. Бакен разбирался с шампурами и мясом, Бегемот наблюдал за развитием событий и, сидя на своем «Соло», потягивал пиво. Питерский гость вместе с плюнувшим на всеобщую лень Вагнером обсуждали дальнейшие мероприятия. Владелец Днепра с люлькой, парень с оранжевого «Юпитера», Микки, Вера и я поехали за дровами в лес. Неприязни к нам больше не наблюдалось, но я все равно старался не высовываться и добросовестно участвовал в обустройстве лагеря. Вера же вела себя наравне со всеми. Иначе говоря, достаточно безответственно и распущено.

С горем пополам, к семи вечера (а приехали мы в пять) был разожжен костер, а через полчаса первая партия шашлыков уже шипела над раскаленными углями. Дежурить посадили меня, так как остальной народ готовился к увеселительным мероприятиям. Время от времени я отлучался и ходил смотреть, как они расчищали площадку, таскали дрова для

кострищ, которым предстоит освещать уже темнеющую местность, искали необходимый инвентарь и обсуждали предстоящие забавы. Я не настаивал на том, чтобы Вера сидела рядом со мной, но в душе надеялся, что я для нее важнее, чем все эти мотоциклисты. Я ждал и ждал, а Вера все не подходила и не подходила.

Когда первая порция шашлыков была готова, я объявил об этом народу, придя на место соревнований. Однако голод как будто отступил, и никто не клюнул на мое приглашение. Пришлось возвращаться за шашлыками и раздавать их чуть ли не насильно. Все были настолько увлечены или напились пива, что совсем забыли поблагодарить меня за оказанную им услугу (кроме Вагнера и Веры, разумеется). А Мик даже посмеялся, назвав меня «гарсоном», но зато я подсунул ему самый непрожареный шашлык. Теперь посмотрим, кого из нас прохватит!

Начинало темнеть. Вернувшись на место, я еще раз оценил запасливость Бакена. Согласно моим подсчетам мяса должно было хватить на три-четыре порции каждому. Конечно, при таком наплевательском отношении ко мне можно было свалить свою обязанность на кого-нибудь другого, но тогда повар лишился бы удовольствия присутствовать на байкерском многоборье. Хотя что там может быть интересного? Я поправил на плечах одеяло и водрузил следующую порцию увешанных шампуров на мангал из камней. Взяв свой первый шашлык, я с наслаждением впился в сочное мясо.

Кто-то усиленно тряс меня за плечи.

- Паша, Паша! Не спи, замерзнешь.
- А!.. Вера? видимо, я задремал у костра.
- Шеф, у тебя уже все мясо сгорело! весело сказала она и поцеловала меня в лоб. Бросай свои шашлыки, пойдем смотреть на шоу, которое «маст гоу он».

Угли успели потухнуть, в лесу стояла кромешная тьма.

- Сколько время? зевая, поинтересовался я и встряхнул головой.
- Какая разница? обхватив меня руками, Вера потянула меня вверх. Вставай, лежебока.

Вместо того чтобы подняться, я повалился на нее, и мы оба оказались на земле, причем в довольно пикантном положении. Она тихо усмехнулась, но приняла мои ласки без сопротивления. Только сейчас я обратил внимание на то, что она сильно пьяна. От нее разило пивом и водкой, движения были развязные, а в глазах я заметил дотоле незнакомую мне тупую отрешенность. Еще несколько минут мы лежали на стылой земле, но ничего достойного упоминания не происходило. Если раньше, несмотря на холод, эта сцена закончилась бы хорошим сексом, то теперь Вера не снизошла даже до петтинга. Мне больше не надо было доказательств, что она потеряла ко мне интерес. Я окончательно пал духом.

На месте представления, которое находилось в двухстах метрах вверх по реке, вовсю ревели мотоциклы, слышались громкие перебранки и выкрики участников. Вокруг арены полыхали костры, в руках байкеров горели самодельные факелы. В центре расчищенной площадки стояло четыре байка. Каждый был направлен в одну из сторон света так, что вместе они образовывали крест. Возле них суетились Бегемот, Борис, Вагнер и Микки, а остальные восемь мотоциклистов стояли неподалеку и с интересом наблюдали за происходящим.

Вскоре четверо участников сели на свои мотоциклы и стали медленно разъезжаться в разные стороны. Оказалось, что они связаны между собой веревками и, отъехав на некоторое расстояние, начинали тянуть друг друга, прямо как в басне про лебедя, рака и щуку, в разные стороны. Веревки натянулись, взревели моторы и борьба пошла.

– Байкерское сумо, – прокричала Вера мне в ухо. – Кто кого перетянет.

Кивнув головой, я присел на корточки и вынул сигарету из пачки. Общая усталость и надвигающаяся головная боль совсем меня не радовали. Измотавшись поездкой, я хотел поскорее вернуться домой.

В байкерском сумо себя попробовал каждый. Вначале старались подбирать участников по весу и мощности, но так как мотоциклов было не слишком много, то вскоре стали соревноваться, кто с кем хотел. Один раз Вера даже исхитрилась уговорить меня сесть в коляску и таким образом тоже поучаствовать в борьбе. Я, конечно, добавил мотоциклу веса, но победить нам так и не удалось. Однако Веру это ничуть не расстроило, и она продолжала веселиться напропалую.

За сумо последовал конкурс на самого медленного, еще позже закатывали обрезки толстых, почти метр в диаметре, труб, невесть откуда взявшихся на берегу, в импровизированные ворота, толкая их передним колесом мотоцикла. И, конечно же, пили пиво. Доходила половина девятого, паренек моего возраста на оранжевом Юпитере засобирался домой, вместе с ним уехал и мужик на военном Днепре с коляской. Рев уносящихся вдаль мотоциклов байкеры провожали дружным волчьим воем. Всем было весело, о возвращении в город, как я понял, пока можно было и не мечтать. Вера налегала на пиво, временами мешая ее водкой, и я был всерьез обеспокоен тем, попадем ли мы туда сегодня вообще.

В качестве следующего мероприятия затеяли борьбу. На центр площадки вышли Бегемот с Питерским гостем и с криками накинулись друг на друга. Делая жестокие броски, выкручивая руки и ноги в болевых приемах, они наносили и принимали мощные удары в живот, грудь и кувыркались по земле. Бегемот расшиб себе локоть, Корень к середине боя стал прихрамывать, задыхаться и вскоре оказался на лопатках. Публика ликовала, Бегемот вошел в раж, жестами и криками доказывая, что среди присутствующих ему нет равных.

– Ну!! Кто следующий?!? Кто на Бегемота?!? – орал он, неуклюже размахивая руками. – Давай!! Еще хочу!!

Никто не горел желанием пробороздить мордой камни, и потому добровольцы не объявлялись.

– Давайте! Кто против меня?!? Хоть все сразу! – продолжал кричать он.

Я ВЫСКОЧИЛ НА СЕРЕДИНУ. Точнее, пулей вылетел вперед, когда меня со всей силы пихнули в спину. Мельком оглянувшись назад, я поймал ухмыляющуюся физиономию ковбоя-переростка Микки. Вот мудила хренов!

– Ты?! – не веря собственным глазам, загоготал Бегемот. Не дав опомниться, он схватил меня за грудки и дернул на себя.

Байкеры нестройными пьяными голосами улюлюкали, поддерживая то ли меня, то ли ополоумевшего Бегемота. Едва удерживаясь на ногах, я попытался вырваться, отталкиваясь руками, коленями, дергаясь еще раз, и еще.

- НЕТ! Я не...
- Ну, давай! ДАВАЙ!– заревел Бегемот и с легкостью приподнял меня над землей.
- HET! Отпусти! застонал я, чуть не плача. Я не сам, постой, меня...

Бегемот, кажется, ничего не слышал и принялся трясти меня со всей силы, словно тряпичную куклу.

– Отпусти!! Я, я не буду, не буду! – меня душило отчаяние, и мой голос переходил на визг. – Пожалуйста, отпусти! Слышишь, не надо! Я больше не буду!

Я и сам не понимал, чего именно я «больше не буду», но в тот момент мне было все равно, лишь бы он отпустил меня. Байкеры хохотали до слез, некоторые чуть ли не катались по земле, видя эту унизительную картину. Вера заливалась вместе со всеми.

Стой! Отпусти его, – наконец, вытирая глаза от смеха, выкрикнул Вагнер. – Угомонись, Бегемот.

Андрей послушно опустил меня на землю. Я отшатнулся от него, чем вызвал очередную волну смеха, и, сгорая от стыда, ринулся прочь, не разбирая дороги.

Какое-то время я несся вверх по горке, от реки, по направлению к городу, но вскоре опомнился. Что я делаю? До города километров двадцать, не меньше, на улице холодища, темнота, а в этом месте, в такое время вряд ли я встречу на дороге хоть одну машину. Да если и встречу, кто меня пустит к себе? И захочу ли я сам сесть к незнакомым людям?

На глаза наворачивались слезы обиды. Я устал от приключений и мне сильно хотелось попасть домой. Один или с Верой – уже не имело значения. Я выжал из себя все, что мог. Я шел у нее на поводу, зачастую ценой собственного унижения. Но ей этого мало, ее аппетит постоянно растет. Я стараюсь быть терпеливым ей, однако всему есть предел. Совсем чужой, покинутый и никому не нужный. Вера, я же не железный...

Ну почему? Почему это происходит с нами? Разве честно обходиться так с любимым человеком? Неужели это настолько необходимо? Вера! Я еще люблю тебя, но с каждой твоей выходкой эта любовь отдает все большей горечью. Пожалуйста, не будь так жестока со мной. Не будь так жестока с нами.

В нерешительности я добрел до дороги и уселся на обочину. Вокруг черной стеной возвышался лес. По моему лицу катились слезы, я тихо всхлипывал и как ребенок утирал лицо рукавом куртки. Хорошо, что никто не видел меня в эту минуту.

Наши отношения дали трещину, это я уже понял. Наверное, они никогда уже не будут такими, как прежде. Вера избегает секса, показывает свое безразличие ко мне, продолжает издеваться надо мной. Денис оказался прав – я не представляю для нее интереса, я такой как все... даже хуже. Я провалил ее тесты и остался ни с чем.

Что ж, наверное, мы просто по-разному понимаем любовь, ведь с моей стороны было сделано все возможное. Хотя, может, мне стоит иначе посмотреть на все это? Вдруг, это не я Вере, а она мне не подходит?

А значит – добро пожаловать в ряды Выкидышей, Паша. На этот раз ты на тех же правах, что Денис и Толик. Поздравляю! С этой мыслью я выудил телефон из-за пазухи и со второй попытки набрал номер Дениса.

- Ну наконец-то объявился! воскликнул Главный Неудачник в трубку.
- Алло, Денис, похоже, у меня с Верой все кончено. Я уже ничего не понимаю.

И он услышал продолжение истории, начиная с прибытия в лагерь и заканчивая моим позором по вине Микки.

- ... так что придется мне ночевать на трассе, подвел я итог.
- Не бойся, мы тебя в обиду не дадим, успокоил меня Денис. Я и Толик сейчас на Южке в машине сидим, если что, за тобой приедем. Только действительно ли ты хочешь этого? Просто, я думаю, тест еще не закончен.

Тьфу, как я мог забыть о помощи Толика! Выкидыши – вот, похоже, единственные, на кого можно положиться.

В трубке послышалось, как Дёня пересказывает Толику мой рассказ.

- Не знаю, Денис. Что, по-твоему, она тестирует? Не драться ведь мне с этим Микки на самом деле? Да, понимаю, он выставил меня на посмешище, но Вера тоже смеялась надо мной. А это главное.
- Ну да... задумчиво протянул Дёня. Так они тебя всем табором отметелят, не знаю что и посоветовать. Но отстаивать свои права кулаками точно глупо, тем более, он сильнее тебя.
- Не слушай его, Пашка!! вклинился в разговор Толик. Судя по шуму, он отобрал трубку у Дёни. Отвечаю, почти все проблемы решаются парой ударов в морду, так что врежь этому пидору, и дело с концом! Ты пойми, пока ты там распускаешь нюни, всякие лохи твою телку окучивают. Выживает сильнейший, это закон.

- Пашок!.. опять шум и у трубки Денис. Я не верю, что он ей нравится. Думаю, она делает это назло, чтобы тебе досадить, поэтому советы Толика абсурд! Но и я ничего не могу посоветовать, потому как сам не понимаю, в чем дело.
 - А может, все-таки врезать ему? шмыгнув носом, спросил я.

Слезы уже прошли, и теперь во мне зрела холодная злость. Гораздо холоднее, чем земля, на которой я сидел, и воздух, которым я дышал.

- Себя пожалей. Какой ты на фиг боец? Лучше сиди на месте, и мы за тобой заедем.
- ... дай сюда! резко оборвал его Толик. Дёнька гонит, слышишь?! Ты хоть не пори херню. Никуда мы не поедем, давай проходи свой гребучий тест. Главное, будь мужиком, бей, если надо. Действуй, понял? Потом ты можешь послать Верку куда подальше, но сейчас ты должен отбить ее. Так что даже не думай без нее возвращаться!
 - Но... попытался возразить я.
- Если тебе от этого легче станет мы двоих уже прессанули на выходе, смягчившись, сказал Толик.
 - Что? В каком смысле «прессанули»?
 - Ну, прижали этих уродов чуток, попытались про Верку разузнать.
 - Сдурели, что ли? опешил я. Я вас не просил этого делать!
- Да ладно тебе, мы их чуть-чуть, даже носы не расквасили. Так только, по корпусу, чтоб без следов. Они про нее и не знают ничего. Говорят, с неделю назад появилась, прилипла как банный лист, да и напросилась на открытие. А «Урал» она у этого... как его?.. гитарюги взяла, купить, вроде, собиралась.
 - Слушай, хватит мне без спросу помогать. Не надо, понял?
 - Э-эх, тяжело вздохнул Толик. Хрен тебя поймешь. Ладно, действуй.

В лагере, похоже, и не волновались по поводу моего отсутствия. Соревнования закончились, байкеры оставили свои мотоциклы и расселись вокруг костра. Тихо потрескивали полусырые дрова, слышалось мелодичное пение Семена и нестройное подпевание его пьяных товарищей.

... Этот парень был из тех, кто просто любит жизнь,

Любит праздник и громкий смех, пыль дорог и ветра свист.

Он был везде и всегда своим, влюблял в себя целый свет,

И гнал свой байк, а не лимузин, таких друзей больше нет...²¹

Я искал глазами Веру и не находил. У костра грелись Ефим, Андрей, Бакен, Стилет, питерский гость и Вагнер. Невдалеке томились их мотоциклы, но нашего «Урала» среди них не было, как и байка Микки, а также «Чезета» и «Явы».

И в гостиной при свечах он танцевал, как бог,

Но зато менялся на глазах, только вспомнит шум дорог.

- Слышь? я тихонько потянул Ефима за рукав. Слышь? А где Вера?
- Что? Тише!.. шепотом сказал он. Они с Миком куда-то поехали.
- Вавоем?
- Ну да, а Джонни с Кириллом домой свалили. Тихо!..

Все, что имел, тут же тратил, и за порог сделав шаг,

Мой друг давал команду братьям, вверх поднимая кулак!..

Я отошел в сторону, потому что не хотел никого видеть. Злость во мне перерастала в самую настоящую ярость. Неужели Денис ошибается, и Вера на самом деле променяла меня на ковбоя? Может, он силой утащил ее? Но не с мотоциклом же вместе! Значит, Вера все-таки меня предала. Сознательно.

Я чуть ли не физически ощущал, как мой живот превращается в ледяной ком. В голове пульсировало одно единственное слово. Предала, предала, предала...

Ты летящий в даль, в даа-а-аль ангел,

_

²¹ Ария, 1999 «Tribute to Harley Davidson», Беспечный ангел.

Ты летящий в даль, в даа-а-аль ангел...
Ты один только друг, друг на все времена,
Не много таких среди нас.

Ты летящий в даль беспечный ангел...

От устья реки приближался рокот моторов. Едва различимый вначале, он быстро нарастал, и скоро я внутренне напрягся, увидев два приближающихся одиноких огонька в темноте. Через несколько секунд они превратились в силуэты, и вот уже в десятке метров от нас остановились «Вояж» Микки и «Урал» Марка с восседающей на нем Верой.

Я не стал поднимался с места и продолжал сидеть, уставившись на огонь. Злость на Веру была настолько сильной, что я боялся пошевелиться — в противном случае я бы за себя не отвечал. Краем глаза я заметил, как Микки снял Веру с мотоцикла и повел к костру.

На вид Вере было совсем плохо. Она пошатывалась, и казалось, что ее вот-вот стошнит от выпитого пива с водкой, жирного шашлыка и тряски на мотоцикле. Микки был явно чем-то недоволен, хоть и старался держать себя учтиво по отношению к ней. Но когда Вера, толкнув его, отшатнулась ко мне, он стал чернее тучи и отсел в сторону. Что с ними? Неужели это то, чего я больше всего опасался? Измена?

Сёма продолжал петь. Присев рядом, Вера откинулась ко мне на грудь. Я машинально обнял ее сзади, за что тут же обругал себя. Мне следовало холодно отстранить ее, не удостоив даже взглядом. Дурак! Дурак!

Видимо, почувствовав мое состояние, она полуобернулась и заглянула мне в лицо.

– Малыш, – глупо улыбаясь, прошептала Вера. – Я тя... очень-преочень. Веришь?

Ну, спасибо, родная. Знаешь ли, очень приятно услышать это из пьяных уст. Особенно после всего, что произошло. Еще бы во сне мне в чем-нибудь призналась.

Однако Верина фраза разозлила не только меня. Микки тоже не находил себе места. Будучи пьян, он стал наглее некуда:

– Вера, – зашипел он, и мне почудилось, что у него встопорщилась бородка. – Брось этого придурка, слышишь? Тебе говорю.

Я посмотрел на Веру – лежа на мне, она бездумно улыбалась ему в ответ.

– Брось его.

Сердце стучало, как колеса поезда, пущенного под откос. Тяжелое дыхание, вырывающееся у меня изо рта, на холодном апрельском воздухе превращалось в клубы пара, но я не видел их – мой взгляд был прикован к Мику. Пальцы в рукавах куртки медленно сжимались в кулаки.

– Эй, – Мик ерзал на месте. – Вера, ты меня слышишь?

Моя подруга отрицательно покачала головой, на лице у нее закрепилась ехидная улыбка подвыпившей женщины, которая во все времена сводила мужчин с ума.

– Тебе до него далеко, – высокомерно заявила она.

Даже дурак бы понял, что она раззадоривает его. Но не ковбой-Микки – он вдруг вскочил на ноги и выхватил у меня Веру. Ловким движением взвалив ее на плечо (и откуда только сила взялась?), он злобно ощерился в мою сторону и быстрой походкой направился к мотоциклам. Остальные байкеры наблюдали за нами с интересом и некоторой растерянностью, вызванной, вероятно, стремительностью происходящего.

Вера вначале было вскрикнула, оказав вялое сопротивление, но вскоре затихла и безвольно повисла на плече похитителя. Я дрожал всем телом, меня переполняла ярость. Утонув в горячем океане злобы, я почти ничего не видел вокруг – голова налилась свинцовой тяжестью, дыхание сперло, где-то глубоко внутри меня рождался рык обезумевшего зверя.

Мик, тем временем, подошел к мотоциклу и переложил успокоившуюся Веру на заднее сиденье. Напряженная тишина, повисшая в воздухе, была разбита моим криком:

- AAAAAAA!!!!

Я не помню, как вскочил на ноги, как за несколько мгновений преодолел расстояние до мотоциклов. Помню лишь удовлетворение, сравнимое разве что с оргазмом, когда мой кулак со всего размаху врезался в рожу обернувшегося Микки. В этот удар были вложены все мои ярость, боль и стыд за этот вечер. Казалось, что им я смогу зачеркнуть эти чувства, передать их кому-то другому.

Не понимаю как, но Мик выдержал этот мощный удар. Он тряхнул пару раз головой, отчего кровь, заструившаяся у него из носа, растеклась по лицу, и хищно улыбнулся. В следующее мгновение я чувствую резкую боль в области живота и, отлетев на землю, слышу треск ломаемых ребер из-за неудачного приземления на камни.

Оставив Веру и мотоцика, Мик приближается и бьет меня ногой в голову. Острый носок сапога впечатывается чуть выше виска. Вероятно, только ярость, питавшая меня в тот момент, помогает сохранить сознание. Байкер уже хватает меня за волосы, чтобы другой рукой ударить в лицо, но я изворачиваюсь, оставив между его пальцами приличный клок своей шевелюры, и тут же впиваюсь зубами в его руку. Сжимая челюсти, изо всех сил, я чувствую, как мне в рот стекает горячая соленая кровь, еще больше распаляющая мою лютую ненависть. Теперь до меня доносится уже его крик.

Ничего не видя перед собой, на ощупь, обеими руками я цепляюсь в голенищу его сапога, разодрав руку о шпору, и дергаю на себя. Он пошатывается, но удерживается на месте, наклоняется и с размаху бьет меня кулаком в лицо. Следом прилетает второй кулак, за ним опять... Тяжелые удары, врезаясь в губы, нос, щеки, челюсть, гулко отдаются в где-то в затылке. Стараясь не обращать на боль внимания, я умудряюсь пнуть его прямо в голову, попрежнему лежа на земле. Наши руки и ноги беспорядочно мелькают в воздухе, и становится уже непонятно, кто кого избивает.

Руки, вцепившиеся мне в спину, шею, плечи... я продолжаю молотить вокруг, не чувствуя правой руки.

– Стоять! Хватит, я сказал!

Я весь дрожу от напряжения. Убить или умереть. Но лучше убить!

– Успокойся, Паша! Угомонись!

Перед глазами постепенно проясняется. Меня со всех сторон обхватили байкеры, а я продолжаю вырываться. Невдалеке я вижу Микки точно в таком же положении. Лицо у него красное от крови и ярости.

– Я убью тебя, сука! – хрипит он. – Отпустите, отпустите меня, бля!

Он опять попытался вырваться, но бесполезно – его крепко держали. Я с удовлетворением отметил, что лицо у него теперь уже не такое смазливое. Из носа у него текла кровь, которая, пропитав бородку, делала ее жалкой и смешной, на лбу у него набухала здоровенная шишка, а правый глаз заплыл синевой. Думаю, что я выглядел не многим лучше, но в тот момент я испытывал лишь животную радость, видя своего израненного соперника.

Точку в схватке ставит Вера. Усевшись на мотоцикле Мика, она радостно хлопает в ладоши, глядя на меня.

В лагере байкеров по-прежнему горит костер, поют песни. Мотоциклисты пытаются веселиться, допивают остатки пива, но в воздухе повисло напряжение — наше столкновение не прошло бесследно. Кто-то пытается завести разговор о единстве, но тот не клеится. Вагнер с помощью своего авторитета все же разбивает лед, и почти нехотя начинается беседа о будущем мотоклуба — тату-салоне, байкерском кафе, клубной мастерской и других несбыточных надеждах.

Я сижу в стороне, на нашем «Урале» и осторожно ощупываю подбитый глаз. Ноют разбитые губы, но зубы, вроде, все на месте. Береги зубы смолоду, кажется, так говорят у нас в институте будущие дантисты.

Стараюсь не делать глубоких вдохов, потому что они острой резью напоминают мне о побитых боках. Только когда пропала злость, я почувствовал настоящую боль – казалось, каждая клеточка в теле по-своему жаловалась на жизнь. Правая кисть опухла и онемела, лицо представлялось мне раздувшейся тыквой, на затылке зрела шишка, а грудь ныла от недавних ударов.

Первый раз в жизни я дрался. Нет, конечно, я и раньше получал по морде, однако впервые мне довелось выйти из схватки, если не победителем, то хотя бы на равных с соперником. При иных обстоятельствах я бы, наверное, испытывал радость и гордость, оттого что не испугался и отстоял себя. Но сейчас я ощущал лишь боль и сильную усталость.

Мои руки машинально поглаживали волосы Веры, которая лежала в коляске рядом и безмятежно посапывала. После всего я должен был бы ощущать прилив нежности, глядя на нее, хоть какие-то чувства. Но нет, для меня она была никем, совершенно чужим мне человеком. У меня даже не было сил удивляться такому бесчувствию.

Если что меня и удручало, так это Эрикссон. Точнее, то, что от него осталось. Когда, во время драки, я упал на землю, то хрустели вовсе не ребра, а всего лишь телефон. Да уж... всего лишь. Подумаешь, чужой сотовый раздавил...

- Паша, услышал я знакомый голос над ухом.
- Вагнер?
- Тихо, сказал лидер байкеров, приложив палец к губам. Он посмотрел по сторонам. Вам нужно ехать. Чем скорее вы исчезнете, тем лучше. Мик еще не остыл, а я не хочу конфликта в лагере.
- Ничего не получится, махнул я рукой и указал на Веру. Она ведь в отключке, да и если растормошить, толку от нее никакого.
 - Придется тебе сесть за руль.
 - Что?? Да ты с ума сошел! Со всеми вместе поехать, еще куда ни шло.
- Бесполезно. Люди уже выпили, а на въезде в город стоят ДПСники. Такую компанию, как мы, они точно остановят. Нет, поезжай сам.
 - Но я же не умею! Я вообще никогда за руль не садился.
 - Нужно научиться Паша, нужно.

Это было настоящее сумасшествие от начала и до конца. Вагнер пытался сделать невозможное – за полчаса научить ездить на мотоцикле человека, который даже пассажиром ощущал себя неуверенно. Но он был очень последователен, его краткие объяснения закреплялись примерами на месте, а наметанный глаз легко выявлял ошибки, когда я повторял вслед за ним. Обучение продвигалось, и недавней слабости уже не было места.

Старания принесли успех, и вскоре у меня стало получаться. Я более-менее освоил переключение скоростей, и мы подошли к торможению, чему мой наставник уделил особое внимание. Он предупредил, что большинство аварий происходят из-за того, что новички не умеют правильно пользоваться тормозом. Особенно, ручным и ножным одновременно.

Самое трудное было позади, и я был готов к поездке. Ну, или почти готов...

- Спасибо тебе, Вагнер, сказал я, заводя мотор.
- Удачи!

Едва тронувшись с места, мотоцика тут же заглох.

Борясь с непослушной машиной, я с грехом пополам выбрался на дорогу. Не знаю, на что рассчитывал Вагнер, но я сильно сомневался, что доберусь до города. Он обучал меня езде по прямой, но впереди были и подъемы на гору, и повороты, и городские светофоры, и другие машины, в конце концов. Я постоянно путался в рычагах отчего все сильнее злился. А еще, во мне снова нарастала злость. На себя, на этот дурацкий мотоцикл, на Мика, но, больше всего, на Веру, все так же беспечно спящую в коляске.

Погода тоже не радовала – лицо онемело от холодного ветра, мокрый снег бил в глаза. Во всей суматохе я совершенно забыл про шлем, а возвращаться за ним в лагерь у меня не было никакого желания, и меня это бесило. Пришлось обмотать голову шарфом. Однако, благодаря все той же злости, я не сдавался и ехал дальше.

– Пашка! Эге-гей! – вдруг ожила Вера, и холодный предутренний воздух наполнился ее звонким смехом. – Тормози! Тормози, на фиг! Иначе ты нас точно угробишь.

Сбавив скорость, я съехал на обочину и оставил движок работать на холостых. Фара мотоцикла освещала небольшой участок впереди, и именно на нем замер мой напряженный взгляд. Я сидел не шелохнувшись, словно каменное изваяние, в ожидании каких-либо действий со стороны Веры. Только держи себя в руках, только не сорвись, уговаривал я сам себя, понимая, что сейчас достаточно одной капли.

Вера, явно не подозревая о моем состоянии, выскользнула из люльки и обощла мотоцикл, на ходу потягиваясь и разминая тело. При свете я наконец-то разглядел ее лицо, и нисколько не удивился тому, что она абсолютно трезва. Даже не расстроился. Когда тебя долго бьют в одно и то же место, учишься привыкать к боли. Становится все равно.

– Ну, что молчишь, как истукан? – задорно улыбнулась Вера.

Ее веселый голос сейчас мне был глубоко противен. Я молчал не потому что мне нечего было ей сказать, а потому что наоборот, сейчас я сказал бы ей много чего, о чем потом бы пожалел.

– Ты молодчина, – сказала она уже не так уверенно. – Знай – я тебя просто обожаю. Она потрепала меня по щеке, а я по-прежнему молчал.

– Умничка!

Ее поцелуй обжег меня. По-весеннему свежий, страстный и одновременно нежный, он вызывал во мне лишь тошноту. И дело было вовсе не в запахе алкоголя, и даже не в накопившейся усталости. Я сам за эти несколько секунд ступора изменился.

– Вера... – холодно обратился я к ней, и она едва заметно вздрогнула. – Скажи, тебя когда-нибудь накалывали? Так, чтобы было по-настоящему больно? Глубоко больно?

Вера не ответила. Улыбка медленно сходила с ее лица, а в по-детски широко распахнутых глазах проступала горькая растерянность, и жуткая, еще неосознанная тревога. Впервые она не могла понять свою игрушку, свою забаву – изученную и такую знакомую. Она медленно приложила ладони к щекам, словно испугавшийся ребенок.

- Так наколись же!

С этими словами я повернул ручку газа и дернулся с места. Растерянная Вера вскоре исчезла в темноте, и я остался наедине с дорогой. Боль от драки с Миком была ничем по сравнению с тем, что испытывал я сейчас.

Все мое существо, плача и извиваясь, умоляло меня о том, чтобы я развернул мотоцика и вернулся за Верой. Я представлял себе ее одиноко стоящую на дороге ночью, без единой души поблизости. Представлял, как она мерзнет, как плачет. Не из-за обиды на меня, а из-за обиды на себя. Она поняла, что перешла все границы на этот раз, в этом я был уверен. И от того мне стало еще больней. Именно сейчас, когда был нужен ей больше всего, я бросил ее.

Не стало прежнего любящего Паши, его место занял новый – холодный, злой, но справедливый Доктор. Продукт передозировки притворством и ложью. Выдавливая остатки любви, словно яд из миндалин, он не позволил мне в очередной раз поддаться на самоуговоры. И с каждым километром вопли бывшего Паши раздавались все тише и тише.

Мы оба знали, что теперь все будет иначе.

Глава двадцать седьмая

МЕТАМОРФОЗЫ

В ту ночь я спал без задних ног. Видимо, сказывалась разбитость – как физическая, так и душевная. Говорят, что усталый человек спит крепко и снов не видит, это был именно мой случай. Если среди ночи кто-то и стучался ко мне в дверь или звонил по телефону, я ничего не слышал.

Поднявшись на следующее утро, я чувствовал себя книгой, на страницах которой были подробно расписаны мои вчерашние мытарства. Болело абсолютно все, и каждый шаг, каждый вздох давались мне с большим трудом. Впрочем, в этом были свои плюсы – боль отвлекала меня от мыслей о Вере.

С кряхтеньем приближаясь к зеркалу в ванной, я старался успокоить себя, но мой вид все равно превзошел ожидания. Отражение было совершенно не похоже на меня прежнего. Более того, отражение вообще ни на кого не было похоже. Лицо сияло всеми цветами радуги, но преимущественно то были сине-фиолетовые тона. На груди расплылась приличная гематома, привет от Мика. Затылок превратился в сплошную шишку, тупой болью отзывавшуюся на каждое прикосновение. И вдобавок ко всему шла моя изрядно поредевшая прическа — на макушке зияла настолько великая брешь, что зачесать ее не представлялось возможным. Запекшаяся кровь на голове лишний раз напоминала о жестокой драке.

Усевшись на край ванны, я призадумался. Вчерашняя опустошенность сегодня превратилась во вселенское спокойствие. Ни грусти, ни злости, лишь понимание, что вчера я сломался. Или стал сильнее. Я пока еще точно не знал.

В голове словно яркая неоновая вывеска горела единственная мысль — нужно меняться. Уж не знаю, кем там хочет меня видеть Вера, но я понимал, что оставаться прежним я не хочу и не могу. Хотя бы ради того, чтобы мной больше не пользовались, не вертели как игрушкой. Хватит!

Через час я позвонил своему одногруппнику Кириллу и соврал, что какие-то негодяи избили меня вчера на улице. Теперь, мол, я залечиваю раны и потому в ближайшую неделю не смогу появиться в институте. Его смесь сочувствия с подначиванием не тронула меня, как было бы раньше. Он всего лишь винтик, который все равно выполнит мою просьбу, а большего от него и не требуется.

Насколько, оказывается, мелкими становятся все твои прежние заботы, когда наступает время решать первостепенные жизненные вопросы. Кто виноват? Что делать? Как быть с Верой? И так далее.

Затем я позвонил тете Любе и без обиняков сказал, что мне нужен больничный лист для института. Хоть она и работает в КВД, но знает почти всех врачей в городе и потому выполнить мою просьбу для нее пара пустяков. Не я первый, не я последний – думаю, ей частенько приходится делать такие вещи. Узнав причину (ту же, что я сообщил и Кириллу), она, само собой, поинтересовалась, знает ли моя мать обо всем.

- Нет, тетя Λ юб, я ей ничего не говорил. К чему ей лишние расстройства? Вы ей тоже, пожалуйста, ничего не говорите.
- Эх, Пашка, вздохнула она, вечно ты себе какие-то приключения на задницу находишь. Ладно, так и быть.

Следующим делом я сбегал в магазин и закупил продуктов на ближайшую неделю, которую собирался провести взаперти. Не показываться же мне с такой физиономией на людях, тем более что народ в магазине то и дело косился в мою сторону. Продавщица открыто пялилась на меня, отсчитывая сдачу.

И наконец дома я занялся стрижкой самого себя. Хотя стрижкой это было сложно назвать – я брился наголо. Ходить с проплешиной мне совсем не хотелось, а скрыть ее не получится. Для начала я как можно короче остриг себя ножницами, отчего пол в ванной стал напоминать парикмахерскую. Там где были вырваны волосы, кожа воспалилась, и мне

пришлось обработать ее перекисью водорода. Однако, сбривая остатки волос старой электробритвой, доставшейся мне от дедушки, я морщился всякий раз, когда касался ее.

Когда со всем этим было покончено, я посмотрел на себя в зеркало. Если с синяками и кровоподтеками я едва походил на прежнего Пашу, то теперь обритый наголо, с красным воспаленным пятном на голове я вообще не имел с ним ничего общего.

– С началом перемен, – тихо произнес я своему отражению.

И оно несмело улыбнулось мне в ответ.

Два дня прошли для меня в полной изоляции. Я отключил телефон, чтобы меня никто не беспокоил. Если я действительно был кому-то нужен, то он мог бы прийти ко мне домой. Но то ли все забыли про меня, то ли я впустую тешил себя мыслями о собственной значимости — никто не навещал меня. Выкидыши, родители, немногие знакомые и Вера — все они словно провалились сквозь землю.

За Веру, впрочем, я нисколько не волновался. Я был уверен в том, что она добралась до города, так или иначе. Можно сказать, что я верил в Веру, да простят меня за каламбур.

Добравшись до дома в ту злосчастную ночь, я оставил мотоцикл прямо у подъезда. На следующее утро он таинственным образом исчез. Мне показалось, что это было хорошим знаком Вериного присутствия. Скорее всего, она побеспокоилась о транспорте и отогнала «Урал» обратно к Марку. Хотя не исключено, что о нем побеспокоился кто-нибудь еще. Но меня это мало волновало.

Думаю, время, проведенное в одиночестве, не было потрачено зря. Я успел поновому взглянуть на многие вещи и стал, как мне кажется, более практичным и рассудительным. Я вдруг обнаружил, что меня больше не тянет смотреть жвачку на канале МТV, да и книжные боевики казались мне теперь чем-то малоинтересным и оторванным от настоящей жизни. Подозреваю, что благодаря Вере эти перемены во мне зрели уже давно, но проявились они только сейчас. Пока что я отрицал себя прежнего, и не находилось ничего, что могло бы прийти на замену. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. Я знал, что, потеряв прежние качества, я вскоре найду новые, куда более значимые.

Внимательно перечитав дневник, я освежил в памяти свою прежнюю жизнь. Особенно интересно было по-новому взглянуть на действия моей подруги и мои мысли за все время, что мы провели вместе. Я поразился собственной наивности в прошлом, теперь я лучше понимал Веру. Более того, я начал видеть что-то общее за всеми этими тестами. Я затруднялся выразить это словами, однако само понимание, словно назойливое насекомое, кружилось рядом, и я это чувствовал.

Но занимаясь переоценкой себя, я так и не решил самого главного вопроса. Что же мне делать с Верой дальше? Все, абсолютно все говорило за то, чтобы я расстался с ней. И даже чувства к моей любимой, как ни странно, до сих пор теплившиеся во мне, не мешали думать о подобном исходе. Глубоко внутри я знал, что Вера не порвала со мной, и что решение останется именно за мной.

Я представил себе картину того, как прощаюсь с Верой, объясняю ей, что больше не хочу ее видеть, и ухожу с гордо поднятой головой. Но чего-то в ней не хватало. Чего-то простого и знакомого. Может быть, правдивости?

Моим первым посетителем оказалась та, кого я совершенно не ждал — Вита. Она стояла у меня на пороге в болоньевой куртке темно-розового цвета и бордовых брючках клеш. Ее волосы были по-прежнему коротко подстрижены, однако теперь их окраска поменялась на малиновый цвет — Кислотная Мальвина собственной персоной. В одной руке у Виты была коробка с тортом, другую она держала в кармане, что вполне соответствовало ее хулиганской натуре.

- Прив... Паша? пролепетала она, разинув от удивления рот.
- Он самый, угрюмо кивнул я.

Вита была бы не Витой, если бы не рассмеялась в тот момент. В ее жизнерадостном смехе не было злобы, издевательства или сарказма, который я часто слышал от Веры. Она смеялась, потому что было смешно. И я рассмеялся вместе с ней.

– Что ты думаешь делать теперь?

Мы сидели на кухне и ели принесенный ею бисквитный торт, запивая его чаем. Я без утайки рассказал ей о том, что произошло между мной и Верой. Скрывать или приукрашивать что-либо я не чувствовал необходимости. Оказывается, как легко говорить правду и не стыдиться ее. Почему раньше у меня это вызывало трудности?

- Не знаю, Вит. Честно, не знаю.
- A ты в курсе, что она мучается и искренне переживает? Она же места себе не находит с того дня!

Вита с самого начала объяснила, что не является посланником Веры, и пришла ко мне исключительно по собственному желанию.

- Может быть, и так. Но ей это полезно.
- Не будь таким бессердечным. Ты бы ее видел...
- Ты бы меня видела, перебил я свою одногруппницу, всякий раз, когда она зихерила. Это еще вопрос, кто из нас двоих более бессердечен.

Опустив малиновую голову, Вита медленно помешивала чай ложкой.

- Да, конечно, ты по-своему прав. Но она в самом деле убивается.
- А мне, думаешь, легче от этого?

Я не стал говорить, что мне действительно стало немного легче от ее слов.

- Но ты мог бы все облегчить. И для нее, и для себя.
- Как? Придти к ней на задних лапках? Погладить по голове и сказать, что я прощаю ее, как обычно? Снова пусть добренький Паша тянет все на себе?

Я опять начал заводиться.

- Зачем ты сразу все утрируешь? с обидой в голосе спросила Вита. Ты мог бы с ней просто поговорить. Без всяких там...
- Поговорить? С каких это пор Вера вдруг начала слушать? Нет, Вера никого, кроме себя, не слушает и не желает слушать. Уж кому, как не мне, знать это, я ведь столько раз пытался до нее достучаться, да все зря.

Вита подняла взгляд.

- Ты же знаешь, что сейчас она тебя точно выслушает. Она понимает, что была неправа. А вот ты...
- Возможно, опять остановил я ее, но именно сейчас я не хочу с ней разговаривать.
 - Ты обиделся на нее?
 - Ничуть, я убеждал себя в том, что говорю правду, и почти поверил в это.

Вита допивала чай, я задумался. На кухне воцарилось молчание.

– Скажи, ты ее все еще любишь? – вдруг спросила она.

Люблю ли я ее еще? Хороший вопрос.

– Давай я тебе лучше чаю налью.

Перед уходом Вита спросила:

- Так что мне ей сказать?

Я не удивился подобному вопросу, так как с самого начала не поверил ее личине незаинтересованного гостя.

- Значит, это все-таки она тебя заслала ко мне. Нехорошо обманывать, Виталина.
- Не увиливай.
- А ты не лги! грубее, чем следовало, крикнул я. Извини.

- Послушай, Вита приблизилась и положила руку мне на плечо, будто я нуждался в поддержке, я понимаю, что ты всякого натерпелся с ней. Она не сахар да, но именно сейчас ты ей нужен больше всего. Дай ей шанс, прошу тебя. Ты ведь знаешь, какой милой она может быть, если захочет.
 - Вот именно, если захочет. Почему она раньше не хотела?

Она хотела мне возразить, но я поднял руку, останавливая ее:

- Вита, а тебе-то что с того? Вы с ней такие хорошие подруги?
- Твой ответ!

В настойчивости ей нельзя было отказать. Я подумал и сказал:

– Она всегда решала все сама, а теперь вдруг ждет моего слова. Если она не трус, то пусть играет свою роль до конца. Сама заварила кашу, сама пусть ее и расхлебывает, а я посмотрю. Можешь передать ей это.

Вместо ответа Вита поцеловала меня в щеку и прошептала:

– Спасибо. Тебе не придется об этом жалеть.

Как раз в этом я не был уверен.

На следующий день объявились те, кого я ждал. Выкидыши. Это был тот редкий случай, когда я был рад видеть их обоих. Даже неприязнь к Денису куда-то пропала.

Открыв дверь, я первым делом увидел массивного Толика, из-за широкой спины которого выглядывал Денис. В одной руке громила держал раскрытую спортивную сумку – из нее выглядывала целая армия пивных бутылок, во второй – у него был пакет со всякими съестными продуктами. Денис пришел налегке.

Толик первым оправился от изумления моей новой внешностью. Пройдя внутрь, он довольно кивнул на бритую голову:

– Вот теперь совсем другое дело. Сразу видно, наш человек.

Денис был более лаконичен:

– Красавчик.

Несмотря на огромное количество пива, пьянки не получилось. Мое вялое настроение, видимо, передалось и им. Зато я больше налегал на принесенные продукты. Тут было все то, что я постоянно видел в магазинах, но не мог себе позволить – дорогая колбаса и сыр, копчености, готовые салаты, икра и рыба. Перед таким столом не устоял бы даже мертвый.

Я опять рассказывал все, без утайки, без стыда. В своем душевном эксгибиционизме я начинал находить некое удовольствие – вот, смотрите, какой я. Не нравится? Это ваши проблемы. Я такой, какой я есть, и все тут.

Они слушали мою историю молча, и точно так же, молча, переваривали ее сейчас.

- Ты это, если что, скажи, я этого колхозника быстро отыщу и наваляю так, что остаток жизни будет на лекарства работать, по-дружески предложил Толик, вяло ковыряясь вилкой в салате.
 - Какого колхозника? поинтересовался Денис.
 - Мика, пояснил я.
 - A! понимающе кивнул он. А почему тогда колхозника?
 - Потому что в шляпе, дубина ты стоеросовая, сказал Толик.
 - Вон оно что, ага, дубина. Не понял только, при чем здесь шляпа?

Мы с Толиком переглянулись.

- Ну, извините, опустошенно вздохнул Денис, шутка не удалась. Тебя, Павлик, уж и не растормошить ничем.
- А может, я и не хочу, чтобы меня тормошили. И вообще, нечего меня трогать, все у меня в порядке.
- Ну, это уж вряд ли, возразил Толик. Что я, не вижу, что ли? Ты же из-за Верки паришься. Киснешь тут.

– Нет... Да... Я не знаю.

Мы снова замолчали. Даже Денису нечего было сказать – довольно редкий случай. Молчание опять нарушил Толик:

– Мне кажется, Верке нужен мужик.

Мы с Денисом вопросительно уставились на него.

– Ну, это, ей нужен настоящий мужик.

Я не совсем понимал Толика. Денис – тоже.

- Всем нам кто-то нужен, неуверенно заметил он. Да, Вере, наверное, нужен, как ты сказал, настоящий мужик. И что с того?
- Да то. Она же зачем меня, тебя и Пашку проверяет? Чтобы узнать лучше. Базарить-то все могут, а вот поступки это совсем другое дело. Ей нужен тот, кто пройдет все ее тесты сам по себе. Сходу, то есть. Потому что такой вот он с рождения.
 - Ты хочешь сказать, что она ищет идеал?
 - Точно! Его-то она и ищет.
 - И не находит, подал я свой голос.
- Угу, кивнул Толик, в этом-то все и дело. Ей нужен идеальный пацан чтобы там вломить кому мог, если надо, башковитый, с деньгами, прикольный и прочая фигня. Да только такие в кино водятся, а по жизни все мы...

Он замялся в поисках подходящего слова.

- Уроды, подсказал ему Денис.
- Ну, не знаю, может, ты и урод, рассудительно заметил Толик, а я хотел сказать, что все мы по жизни имеем какие-то недостатки. Только она этого до сих пор не поняла.
 - Не знаю, Толя. Мне кажется...
 - Нет, нет, продолжай, перебил я Дениса. В твоих словах что-то есть.

Мои наблюдения в дневнике и слова Толика в моем сознании вдруг превратились в кусочки мозаики, которую оставалось лишь собрать в единое целое. И потому я хотел услышать его дальнейшие рассуждения.

- Так вот. Я чё думаю пока она не поймет этого, фиг она изменит свое поведение и станет нормальной бабой. Это у нее проблемы, а не у нас. Мы-то не ищем идеальных девчонок по жизни, у нас нет идеи фикс.
 - И что ты предлагаешь? заинтересованно спросил я.
- Что, что? Ничего. Надо, чтобы она поняла, что идеальных пацанов не бывает в жизни. Тогда все будет чики-поки.
 - Устами младенца... задумчиво прошептал Денис.
 - Чего? не понял Толик.
 - Я говорю, надо познакомить ее с таким.

По глазам Главного Выкидыша я видел, что он что-то задумал. Встав из-за стола, он принялся вышагивать по кухне.

- Я не понял. О чем ты?
- Ты говоришь, что ей нужно понять это, и тогда она поумнеет, так? спросил Денис у Толика.
 - Hy.
 - А я говорю, что надо ее познакомить с таким парнем.
 - И где ты его найдешь?
- Не важно. Представь себе красивый, храбрый, умный, уверенный в себе. О таких говорят, что женщины в них влюбляются, а мужчины хотят быть их друзьями. Плавный переход, сцена в ресторане знакомство Веры с прекрасным и загадочным мужчиной. Он воплощение ее мечты, она просто в восторге от него. Двигаемся дальше, он легко проходит все ее тесты. Впервые ей попался достойный экземпляр. И когда она решит, что наппла себе идеального парня, то в этот-то самый момент он возвращает ее на землю. Ту-ру-ра! Тогда-то

она и поймет, что все это дурацкие сказки. Мораль истории такова – нет идеальных людей на свете. Занавес. Аплодисменты!

Денис произнес это с таким жаром, что еще бы чуть-чуть и он бы зааплодировал сам себе, но я спросил:

– И как он это сделает?

Мне становилось интересно.

- Он ее бросит! торжествующе возвестил Денис и вскинул руки к небу.
- С хрена ли? удивился Толик. Это Верка всех бросает, а ее фиг кто по собственной воле бросит. Ты же сам говорил, что она тебя бросила, и меня она сама бросила, и Пашка вон тоже не может ей на дверь указать, хотя сейчас самое время.
 - Этот бросит, поверь мне.

Толик пожал плечами и заявил:

– Смотри сам. Бросит, так, бросит. Только все равно ничего не ясно.

Я уже давно не видел Дениса таким возбужденным – он суетливо расхаживал по кухне и что-то бормотал себе под нос. Не могу сказать, что таким он мне нравился больше, чем прежде. На первый взгляд от идеи Дениса попахивало тухлятиной. Уж кому как не мне было это знать – ведь по его наводке мы пытались протестировать Веру несколько месяцев назад, и чем это кончилось, я до сих пор помню.

- Ты хочешь ей сделать больно? спросил я.
- \mathbf{U}_{TO}
- Ты хочешь Вере сделать больно? За то, что она когда-то бросила тебя?

Денис остановился и, скрестив руки на груди, сердито посмотрел на меня:

- Паша, не говори глупостей! Я давно уже не держу обиды на Веру. Не зря же говорят, что со временем все плохое забывается, и в памяти остается одно хорошее. Если на то пошло, я даже беспокоюсь за нее. И потом, в каком-то роде это ей пойдет на пользу.
 - Да уж, ничего себе польза, заботливый ты наш.
- Паша, Паша, он улыбнулся и развел руками, пойми, что некоторые уроки в этой жизни иначе как через кровь, пот и слезы не понять такие уж они жестокие истины. Как, например, истина о том, что нет идеальных людей на свете. Вера в этом плане еще ребенок, и она глубоко заблуждается в людях, пытаясь найти в них то, чего нет. Так она, бедняжка, обречена искать всю жизнь. Неужели ты хочешь, чтобы она осталась одна, и только на старости лет, когда у нее не будет рядом любимого мужчины, детей и внуков, поняла бы, что упустила целую жизнь?

Вот уж нет, только не Вера.

- Не хочу, конечно.
- Ну вот! С нашей помощью она быстрее поймет, быстрее встанет на нужный путь. Если не мы, ее бывшие парни, то кто же еще ей поможет, а?

Когда он представлял все в таком свете, с его логикой трудно было не согласиться.

– Так-так-так. Мне еще надо будет познакомить вас с Александром... Но для начала... для начала придется самому все хорошенько обдумать. И еще...

Эмоции в Денисе так и бурлили, он сам себя перебивал и продолжал мерить комнату шагами в нервном возбуждении.

- Ладно, через некоторое время сказал он, остановившись и немного успокоившись, как только у меня будет готов план... я вас с ним познакомлю. Думаю, когда мы соберемся в следующий раз, нас будет уже четверо.
 - А что станет с Верой потом?
 - $-\Pi$ otom?
 - Да, после того, как твой Александр ее бросит.
- Не знаю, хмыкнул он и пожал плечами. Какая разница? Впрочем, если хочешь, то можешь забрать ее себе. Уж тогда-то она точно будет ценить тебя больше, сама прибежит

к тебе. Не об этом ли ты мечтал все время – чтобы Вера была с тобой без всяких там тестов и недоговоренностей?

Денис отмахнулся от моего вопроса, как от чего-то несущественного. Я видел, что, несмотря на громкие слова, его не волнует будущее Веры. И все же в его замечании был некоторый смысл – если урок пойдет Вере на пользу, то у меня есть надежда окончательно заполучить ее. Странно, я так долго к этому шел, но сейчас, в нескольких шагах от желаемого, я не испытывал радости. Нужна ли мне будет Вера после всего этого? И, что не менее важно, нужен ли буду я ей?

- Да не загоняйся ты, Пашка, хлопнул меня по плечу Толик, видя мое убитое лицо. Не на одной же Верке свет клином сошелся, бросишь ты ее после этого и все дела. А там, глядишь, с другой бабуськой тебя познакомим клин клином вышибают, дело такое.
 - Я-то ладно. А она как?
- А разве Вера о тебе думала раньше? опередив Толика, спросил Денис. Нет, она делала лишь то, что она хотела! Так почему ты сейчас печешься о ее будущем? Нет, нет и еще раз нет! Ни в коем случае! Если ты расстанешься с ней, то ей придется делать то, что у нее и так хорошо получается.
 - Что? поинтересовался вместо меня Толик.
 - Позаботиться о себе.

После ухода Выкидышей я понял, что моя затея с заточением – чепуха. Я не высидел решения, и потому оставаться дома не имело смысла. Наплевав на желтушно-синее лицо, следующим утром я вышел на улицу. И поразился.

Прошло всего несколько дней, а природа удивительно изменилась за это время. Под ярким весенним солнцем зимний покров быстро исчезал, и повсюду текли реки талого снега. Воздух стал теплым, весенне-бархатистым, и пах до безумия приятно. Казалось, он нес в себе обещание новой жизни, новых радостей. В такой день хотелось кричать во весь голос, вдыхать весну полной грудью и даже не верилось, что в этом мире остались какие-то заботы. После суровой зимы это было настоящей отдушиной.

Я прохаживался по набережной с бутылкой пива в руке. Но мне совсем не хотелось ее открывать – я был опьянен одной лишь погодой. Ничто не напоминало мне о последнем приключении с Верой, хоть это место и было отправной площадкой байкеров. Прохожие, попадавшиеся мне навстречу, сегодня казались самыми милыми людьми на свете.

Я остановился и посмотрел на сверкающую поверхность реки. Глядя на переливы воды, лениво отражавшие солнце, я ощутил внутреннее спокойствие, почти полную отрешенность. Самые разные мысли рождались у меня в голове, увлекая в прошлое, кружа по настоящему, бережно окуная в будущее. Я присел на бордюр, и вот тогда-то на меня снизошло озарение. Мне стало отчетливо ясно, что до сих пор я не принял решения только по одной простой причине. Я боялся его, боялся перемен, но больше всего я боялся ответственности.

Понятие ответственности, перед собой и перед другими, если взглянуть на него шире, вместе с вопросами приносит нам и ответы. Ведь что, например, означает потерять работу? Расстаться с любимой девушкой? Согласиться на сомнительную авантюру? Можно лишиться всего, но можно заполучить гораздо большее. Говорят, жизнь учит нас быть осторожными. Неправда! Жизнь преподносит нам уроки, а выводы делаем мы сами. Так и я, постоянно боясь проиграть, лишал себя возможности выиграть. Все время убегал, запирался от жизни, которая настойчиво стучалась ко мне в дверь.

Вера как-то сказала, что лучше жалеть о том, что ты сделал, чем о том, чего ты НЕ сделал. Мне вспомнились эти слова, и я вдруг понял, что это не пустой оборот, а вполне реальный жизненный принцип. И если следовать ему, то получается, что переменами в своей жизни управляешь ты сам, и потому свободен от страха перед ними. Не то что я сейчас.

И все же говорить о принципах легко. Гораздо труднее научиться жить по ним.

Вернувшись с прогулки, я совсем не удивился тому, что застал Веру у себя дома. Она сидела за столом на кухне, сложив руки между ног. Стол был чист, она не налила себе даже чашку чая. На ней была темно-синяя юбка из плотной ткани, больше подходившая какойнибудь скромнице, и серая однотонная кофточка. Волосы были связаны в тугой пучок на затылке, а на лице не было макияжа.

Все время пока я неторопливо раздевался в прихожей, Вера продолжала тихо сидеть. Не шелохнувшись, не произнеся ни слова. Как будто я и не существовал вовсе. Пройдя на кухню, я сел рядом и взглянул на нее. Давай же, Вера, ты всегда находила нужные слова, найди их и сейчас.

Ее лицо, обычно такое живое, готовое разродиться улыбкой или презрительной миной, сегодня было каким-то безжизненным, словно из воска. И только в глазах билась нескрываемая тревога. Она тихо спросила:

– Я тебе все еще нужна?

И обхватила мою ладонь своими руками.

Глава двадцать восьмая

НЕИДЕАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ

Выйдя из института, я остановился, чтобы закурить. Апрель подходил к концу, на деревьях уже набухали почки, газоны зеленели травой, которая росла не по дням, а по часам. Горожане распрощались с зимним гардеробом, и самые смелые представительницы женского пола уже курсировали по улицам в коротких юбках, несмотря на все еще прохладную погоду.

Мимо меня прошла как раз одна из таких представительниц. Вот еще один волонтер в гинекологическое кресло, подумал я, глядя ей вслед и раскуривая Мальборо. Если Вера и приучила меня к чему-то, так это к качественным сигаретам.

Сзади меня хлопнули по плечу, и я обернулся — за спиной никого не было. Повернувшись обратно, я увидел Дениса. Видимо, всеобщее стремление распрощаться с прошлым передалось и ему. Дёня постригся, и от пышной шевелюры теперь остался лишь аккуратный ежик. Сверху и спереди чуть длиннее, по бокам и сзади — коротко. Кроме того, он осветлился и теперь из рыжего стал почти белым. С этой прической главный Выкидыш выглядел моложе и куда менее авторитетно.

- Привет, герой-любовник, сказал он. Рад видеть, что страсть к нашей красавице пока еще не затмила тебе голову, и ты держишь слово.
- Не знаю, с кем ты там привык общаться, Денис, но, если я назвал время, значит, во столько мы и встречаемся.
 - Ладно, не бунчи.

Он позвонил мне сегодня утром и сказал, что нужно увидеться с Александром. Я согласился.

- Ты один? спросил я.
- Да, Сашка чуть задерживается. Придется нам прогуляться до парка на Новособорной и подождать его там.
 - А Толик?
 - У него сегодня дела, он не сможет.
 - Тогда пошли.

На улице стояла такая хорошая погода, что пройтись пешком было одно удовольствие. Пока мы шли до назначенного места, я рассказал Денису про нашу новую с Верой жизнь. Он уже знал, что она вернулась, и теперь хотел услышать подробности.

Вера снова жила со мной, однако от прежних отношений не осталось и следа. Это не было радостным, давно ожидаемым возвращением моей подруги, полным ласки, нежности и тепла, как в прошлый раз. Теперь ее появление больше смахивало на возвращение побитой собаки, которая, поджав хвост, старается как можно меньше обращать на себя внимание в надежде на то, что так хозяин поскорее забудет ее провинность.

В отличие от собаки Верой двигала вовсе не трусость, а совершенно другая гамма чувств, имевшая грустные, почти скорбные тона. И она, и я поняли – что-то сломалось. Я по-прежнему говорил ей теплые слова, а она, как прежде, обнимала меня, но это были лишь отголоски прошлой любви. Во мне словно провели незримую черту, за которую я не мог преступить – возвращение к прежнему Паше было невозможным.

Вера это чувствовала, и ни в чем не упрекала меня. Она упрекала только себя. Я видел это по ее зачастую красным, опухшим от слез глазам, которые теперь стали более привычным зрелищем, чем бесшабашная, радостная улыбка. Она ходила по квартире словно призрак – бесшумно и незаметно. А я ничего не мог с этим поделать – мое все еще радужное от синяков лицо всякий раз напоминало ей о собственной вине, и тогда, втихую от меня, она плакала.

Эти дни в доме редко играла музыка, которую любила слушать Вера. А если играла, то очень тихо. Все для нее потеряло интерес, она почти никуда не ходила и не читала книг. Наружу она выбиралась в основном за покупками.

Несколько неудачных попыток поговорить с Верой начистоту укрепили меня в мысли, что она винит во всем лишь себя. В последний раз она, конечно, перегнула палку, но к столь жестокому самобичеванию я не был готов, и потому решил, что это не спектакль, устроенный в мою честь, дабы потешить мужское самолюбие. Вера действительно глубоко раскаивалась в содеянном.

Мне было больно видеть свою подругу такой, но еще больнее для меня была мысль о том, чтобы отпустить ее. Только не в таком состоянии, нет. Я хотел дать ей время на выздоровление, потому что сейчас, такой уязвимой, ее нельзя было отпускать одну. Как знать, может, план Дениса не столь дик, и шоковая терапия даст свои результаты.

- Это очередная игра, Павлуша, постановил он.
- Если бы ты ее увидел, то не говорил бы так. Мне кажется, на этот раз она вполне искренна.
 - Xa! Тоже нашел, кому верить, только она слезинку пустила, ты и купился.
 - Денис, послушай...
- Нет, ты послушай. Если ты считаешь, что она и вправду убивается из-за тебя, то зря. Она прекрасно понимает, что после своего спектакля с этими велосипедистами у нее почти не осталось вариантов возвращения тебя к прежнему состоянию. Она же видит, что ты сейчас ставишь собственные условия. Вслушайся: Ты, а не Она!
 - Думаешь?
 - Конечно. Ты говорил ей, что прощаешь ее?
 - Нет.
 - Сказал, что любишь ее?
 - Все как-то не было подходящего случая.
 - Что хочешь жить с ней вместе?
 - Нет.

– Вот видишь! Это явный признак того, что ты от нее отдалился и тебе нужно провести переоценку ситуации. А для нее это означает возможность поражения, к которому она не готова. Поэтому она всеми правдами и неправдами старается разжалобить тебя.

Он еще много чего говорил в том же духе. Доводы Дениса падали на мою голову тяжелыми глухими ударами, и я не мог оспорить их. А вдруг Вера и впрямь устроила это ради того, чтобы продолжить свою игру, как раньше? Ведь правда, она никогда не признавалась мне в любви, не говорила, что я ей нужен. Да и я молчун еще тот, но во мне слова признания жили давным-давно, выжидая часа, когда я осмелюсь произнести их, не наткнувшись на прохладную усмешку в ответ. Сейчас наступило то самое время, чтобы сбросить маску и объясниться, но Вера по-прежнему молчала, как партизан. И мне попрежнему оставалось лишь догадываться о ее истинных чувствах ко мне.

- Но в таком случае, обратился я к Денису, почему она не скажет, что любит меня? Сейчас это было бы самым действенным оружием.
- Да кто ее знает? Может, для нее такое признание имеет особое значение, и она не собирается бросаться им направо и налево.
 - Даже ради меня?
- Ради тебя? презрительно усмехнулся он. А кто ты такой для нее? Нет, в самом деле.

Остаток пути мы проделали в молчании.

Парк на центральной площади города оставался последним бастионом умирающей зимы. Под кустами и деревьями лежали небольшие снежные холмы, однако весна уже подобралась к ним вплотную, и их края быстро таяли. Пройдет несколько дней и площадь будет не узнать. Скорее бы лето, подумал я, вдыхая все еще прохладный весенний воздух.

Желавших приобщиться к удивительной погоде было много, они прогуливались по дорожкам парка или же сидели на скамейках – старики и старухи, вышедшие, чтобы погреть свои косточки на солнце, студенты, прогуливающие пары, мамаши, приглядывающие за своими резвящимися детьми, и прочие. Мы с Денисом шли в сторону городского сада, вглубь парка, где было меньше людей и, благодаря теням от насаженных здесь тополей, больше снега.

У каменной плиты, поставленной на месте когда-то разрушенного Троицкого кафедрального собора, неторопливо прохаживался взрослый мужчина, выгуливая ротвейлера. Поблизости никого больше не было. Похоже, придется нам ждать Александра.

– Замечательно, он уже здесь, – сказал Денис, и мы направились к владельцу собаки.

Вблизи я разглядел, что никакой он не взрослый, а обычный парень немногим старше меня и Дениса. Мое первое и оппибочное впечатление возникло благодаря высокому росту Александра и его лицу – серьезному, волевому и красивому. Черные длинные волосы чуть вились и опускались на плечи легкого демисезонного пальто волнистыми мазками. Нос с едва заметной горбинкой придавал ему сходство с клювом ястреба, а высеченный словно из камня подбородок говорил о силе воли. Серые глаза смотрели холодно и уверенно, однако почти незаметные морщинки в уголках намекали на то, что он мог и любил улыбаться. Александр напоминал мне Антонио Бандераса, особенно его образ супергероя в фильме «Отчаянный». Этакий поэт-мечтатель и профессиональный убийца в одном флаконе.

Как любой нормальный человек, я не верил в существование идеальных людей, навязанных нам Голливудом, однако, если бы они были, то выглядели бы именно так. Теперь понятно, какого идеального мужчину Денис имел в виду.

– Добрый день, – Александр поздоровался первым, когда мы подошли к нему.

Даже его голос соответствовал идеальному образу – чуть низкий, с приятными переливами и спокойный.

Денис представил нас друг другу, не упустив и собаку, суку по имени Фелисия. Далее, не теряя времени, он изложил общий план действий. Александр на время станет моим троюродным братом, приехавшим поступать в медицинский университет. Посему он поселяется у меня на несколько недель, в течение которых должен очаровать Веру. Далее все идет по накатанной дорожке — романтические прогулки, стихи, юмор и первые робкие поцелуи. Когда дело коснется тестов, тут ему поможет накопленный нами опыт. А все финансовые проблемы, как всегда, возьмет на себя Толик.

– Ее нужно будет сводить хоть в какое-нибудь приличное место, – пояснил он.

Пока Денис расписывал план – больше для меня, чем для Александра, как я понял, – последний слушал внимательно, изредка кивая головой, соглашаясь не столько с говорившим, сколько с собственными мыслями на этот счет. Переводя взгляд с Дениса на Александра и обратно, я ломал голову – что же у них общего? Конечно, я почти не знал его, но даже при первом знакомстве было видно, что Денис проигрывал ему во всех отношениях, не говоря уж обо мне или Толике. Казалось, он воплотил лучшие черты каждого из нас, не оставив слабых сторон оригиналов. Он рассуждал так же умно, как Денис, но в его устах это не звучало высокомерно или напыщенно. Он держался уверенно, как Толик, но в его манере не было намека на агрессию или панибратство. Кроме того, он говорил по существу.

- Я постараюсь не стеснять тебя, сказал он, когда с объяснениями Дениса было покончено, пока буду жить рядом. Насчет Фили не беспокойся, с собой я ее, естественно, не приведу. Дёня присмотрит за ней.
 - Эх, на что только не пойдешь ради друга, улыбнулся тот.

Посмотрев на них вблизи, я еще раз поразился разнице между ними.

- Я думаю, Саше понадобится не больше трех недель, чтобы полностью покорить Веру. К тому времени он, якобы, снимет квартиру, и тогда она переберется к нему, а наш план вступит в финальную стадию, заключил Денис.
- До этого еще дожить надо, мудро заметил мой троюродный брат, о котором я никогда раньше не слышал.

На том и порешили.

Александр, которого язык до сих пор не поворачивался называть Сашей, перебрался ко мне через два дня. Как мы и договаривались, я представил его Вере своим троюродным братом, приехавшим, чтобы поступить в университет, а перед тем позаниматься на подготовительных курсах, которые начинались в мае.

- Надеюсь, мое присутствие не сильно обременит вас двоих, сказал Александр. Я постараюсь в ближайшее время снять недорогую квартиру...
- Да нет, что ты говоришь, ей-богу, живи, сколько надо, прервал я его. Ты же родной мне как никак.

Мы оба посмотрели на Веру. Она безразлично пожала плечами, но я видел ее внимательный взгляд, обращенный на Александра, и понимал, что все не так просто. Впервые со времени ее возвращения, я видел прежнюю Веру, пускай настороженную, но зато живую. Если у нее и были возражения, то она не произнесла их вслух.

В тот же вечер Александр устроил нам настоящее пиршество. Он купил огромную кучу еды, которой хватило бы на средний банкет, и пару бутылок вина – красного и белого. Иностранные названия на этикетках мне ничего не говорили, однако и моего неотесанного взгляда было достаточно, чтобы определить их дороговизну.

Я не знал, что вы любите, и потому купил обе, – пояснил он, вручая бутылки Вере.
 Кстати, о Вере. Она тоже отличилась в тот вечер, и, благодаря ее стараниям, на столе у нас были не только холодные закуски и полуфабрикаты, а полноценное горячее и салаты. Пока они оба суетились на кухне (новый жилец вызвался помочь Вере в готовке), я делал вид, что читаю учебники, а сам с интересом прислушивался к тому, что там

происходит. За исключением привычных кухонных звуков, раздающихся при готовке еды, я ничего не услышал. Если Вера и Александр разговаривали между собой, то делали это весьма тихо.

Дом ожил для меня, перестав быть просто крышей над головой двух симпатичных друг другу людей. Теперь в нем появилось ощущение движения и цели. Сегодняшняя цель – трапеза за знакомство.

– Мне очень нравятся слова одного поэта, – задумчиво произнес Александр.

Мы расположились на кухне. Голод уже был утолен, и отзвучали первые тосты. Наступило то самое время, когда люди больше разговаривают, нежели едят и пьют.

Александр сидел за столом, прислонившись спиной к стене. Его иссиня-черные волосы опускались на белоснежную футболку. Своими тонкими длинными пальцами он скользил вверх-вниз по ножке бокала с вином. В его позе, в мягком взгляде, в медленном говоре сквозили расслабленность и спокойствие.

- «Разве мы не чужие, столкнувшиеся на перекрестке, чужие, у которых одно прошлое и одни будни? О нет, мы два старых друга, что встретились нынче впервые»²². Так вот, хочу надеяться, что и мы с вами с этой самой первой встречи станем хорошими друзьями, как будто знали друг друга тысячу лет. Паша, Вера, я пью за нашу дружбу!
 - За дружбу! произнесли мы в унисон с Верой и чокнулись.

И вечер снова потек легко и непринужденно, заслуга в чем полностью принадлежала Александру. Говорил в основном наш гость, не скатываясь при этом до болтливости – он рассказывал о Мысках, городке в Кемеровской области, откуда он, якобы, приехал, о себе и своей семье. Получалось у него это настолько складно, что даже я на время поверил ему. Когда с рассказом о себе было покончено, он предложил нам посмотреть фотографии, которые он захватил с собой.

Насколько же серьезно отнесся он к своей роли!

В небольшом кожаном чемоданчике, который Александр принес из прихожей, ровными стопочками лежали идеально выглаженные рубашки, джинсы, брюки, пара книг и электробритва. Вещи так сияли своей чистотой и новизной, что Вера не выдержала и спросила:

- Ты что, специально одежду для поступления покупал?
- Нет, сдержанно улыбнулся Александр и глянул на Веру, просто я ценю то, что имею.

Вскоре он извлек альбом с фотографиями и защелкнул чемодан.

 Паша многое из этого уже видел, а вот тебе, Вера, наверное, будет интересно посмотреть.

Фотоснимки хранили кадры различных годов, начиная с самых ранних, когда маленький Саша еще ходил пешком под стол, и заканчивая уже более зрелыми, школьными фотографиями. Все говорило о том, что он действительно жил в этих самых Мысках какоето время, а потом приехал в наш город. Последние мысковские фотографии кончались классом эдак шестым, взрослых фотографий почти не было, а если они и встречались, то в основном на природе или в других городах, куда Александр ездил на каникулы. Интересно, заметила ли это Вера?

Досмотрев фотографии, мы опять переместились за стол. Казалось, запасу историй Александра о его детстве не будет конца. Причем, говорил он очень убедительно, и поэтому я решил, что он на самом деле рассказывает о своем прошлом. Меня поразила открытость этого человека, умение преподнести себя. Такие люди обычно ранимы, они доверяют другим безоговорочно и даже в случае предательства умудряются прощать своего обидчика. Интересно, что наплел ему Денис? Как он сумел вовлечь Александра в свою интригу?

_

²² Марио Дионизио «Друзья незнакомцы».

Его дар рассказчика растопил мою подругу, и я обрадовался тому, что она выказывает первые признаки жизни после зимней спячки. Я уже не помню, когда в последний раз слышал ее жизнерадостный смех в стенах этой квартиры или видел ее искрящиеся глаза. Глядя на нее такую, какой она должна быть, я ощущал первые всходы надежды. Неужели у нас все еще впереди?

– Пашу, как своего родственника, я знаю достаточно хорошо, да и вы, как я понял, уже давно вместе. Очень хотелось бы выслушать твою историю Вера. Где ты родилась? Чем интересуешься? Как ты встретилась с моим братом?

Эти слова нашего гостя заметно смутили ее.

- Я... пробормотала Вера и неуверенно замолкла. Было видно, что ей неудобно отнекиваться после шквала признаний Александра.
- Вера не любит говорить о себе, вступился я за нее, и тут же пожалел об этом. Вот дуралей! А вдруг бы она пролила свет на свою биографию?
- Да, Паша прав, мне не слишком хочется вспоминать прошлое. Дело в том, что я тоже не здешняя, приехала из Питера, зачем-то соврала Вера, сбежала из дома, потому что возникли серьезные проблемы, устроилась здесь... ну, в общем, все довольно сложно, запутанно... и грустно.

Теперь наступила очередь Александра испытывать неловкость. В комнате повисло напряженное молчание – я тоже не знал, что сказать. Мой выдуманный брат задумчиво водил глазами по комнате, пока не наткнулся на пульт музыкального центра.

– А что это мы сидим в тишине? – бодрясь спросил он. – Давайте включим музыку!
 Я тут как раз один компакт поставил.

Заиграл какой-то веселый африканский мотив, на фоне которого скороговоркой произносилась однообразные, но очень ритмичные фразы. Пальцы Александра, изображая неумелого танцора, который то и дело, спотыкался на ровном месте или путался в собственных ногах, смешно куролесили по столу, и обстановка немного развеялась. Вскоре пошли новые тосты, и даже мои неуклюжие, на фоне ораторского мастерства Александра, шутки воспринимались сегодня Верой благосклонно и добродушно.

В общем, вечер удался на славу, и мы не заметили, как часы пробили полночь. Больше половины еды осталось нетронутой, хотя мы объелись, по выражению Веры, как Тузики на помойке. Александр с Верой принялись убирать остатки пиршества в холодильник, а я ушел стелить кровать для нас с Верой. Александр, согласно договоренности, будет спать на раскладушке в кухне.

Пока наш гость домывал посуду, Вера медленно раздевалась. В глазах моей подруги я видел типично ее веселье – бесшабашное, с привкусом опасности обоюдоострого меча, который может обернуться против любого, в том числе и хозяина. Однако теперь за этим весельем крылось новое качество. Напряженность. Или злость.

– Пам-пам-па, – напевала она, снимая с себя одежду.

Вера быстро вернулась на круги своя, и потому в скором времени следовало ждать того, что шло к ней в нагрузку – несносный характер, своевластие и тесты.

– Пам! – воскликнула она и сбросила майку, оставшись в серых шелковых трусиках.

Вскинув вверх руки, она поднялась на цыпочки и закружилась по комнате, временами делая не совсем удачные па. Изящно выгнув спину, она демонстрировала свою фигуру, зная, что я неотрывно слежу за ней. Мой взгляд скользил по ее грудям, плоскому подтянутому животу и плавно покачивающимся, бедрам. Вера была магнитом, а я – безвольной металлической стружкой, которую неудержимо влекло к ней.

- Если ты будешь продолжать в том же духе, то дождешься, что сюда зайдет Александр и увидит тебя такой, сказал я, не отрывая глаз от этого чарующего зрелища.
 - Пусть увидит, беззаботно кинула она, продолжая танцевать.

Из кухни доносился звук льющейся воды и, время от времени, звон посуды. Но не может же это продолжаться вечно. Вера танцевала все быстрее и агрессивнее.

- Он ведь не железный, вдруг попросится к нам в постель, пошутил я.
- В этом я как раз сомневаюсь, отозвалась она и, внезапно сделав книксен, замерла в одном положении. На ее губах играла чувственная и заносчивая улыбка.
 - Почему?

Подойдя ко мне, она без слов сняла с меня футболку и принялась расстегивать джинсы. Когда они были успешно стянуты, Вера опустилась на колени передо мной, сидящим на кровати, и принялась целовать и покусывать мой живот. Глядя на меня снизу вверх, она томно произнесла:

– Разве что ради тебя.

Мне показалось или я действительно услышал то, что я услышал?

- Не понял, в чем дело? спросил я, подняв ее за плечи.
- Видишь ли, заговорщически улыбнувшись, сказала она, я не хочу быть первой, кто тебе говорит об этом, но...
 - Ho?
 - Но твой троюродный брат педик!

На секунду я потерял дар речи. Вера тем временем повернулась ко мне спиной, и продолжила танцевать, извиваясь все телом так, что у меня сильнее забилось сердце. Она терлась об меня, прижимаясь вплотную и ни на секунду не останавливая свой танец соблазна, отстранялась, выставляя свои приятные округлости напоказ, но при этом, не давая мне до них дотронуться. Эти плавные изгибы, это сильное тело, этот крутой нрав – да, Вера снова вернулась, и я уже догадывался, как мы отпразднуем ее возвращение этой ночью.

Но сначала дела.

- Почему педик? спросил я.
- Потому что его мало любили в детстве или, наоборот, слишком много любили, насмешливо сказала она и снова прижалась ко мне так, что даже сквозь трусики я ощущал бархатистость и теплоту ее кожи. Откуда мне знать?
 - Ты так хорошо знаешь геев?
- Хорошо, не хорошо, но этого вечера мне вполне хватило. Я говорю тебе на полном серьезе. Не веришь, пойди и сам у него спроси.
 - Ага, так я у него и спрошу. Неудобно все-таки.
 - Хочешь, я сама это сделаю?

Она уже направилась на кухню, но я вовремя поймал ее за руку и дернул обратно на себя. Приземлившись ко мне на колени, она обняла меня за шею и, тепло улыбнувшись, произнесла:

- Ты прав, с этим можно бороться иначе.

Она опустила руку вниз, там, где я уже давно ждал ее. Профессиональными движениями она сломила всякое сопротивление с моей стороны, и довольно скоро кровать скрипела под активными движениями наших тел. Я кое-как сдерживался, но Вера стонала и кричала в полный голос.

Бедный Александр, надеюсь он смог заснуть в эту ночь.

На следующее утро я позвонил на сотовый Дениса и договорился с ним о встрече. Первые две пары у нас перенесли на другой день из-за болезни преподавателя, что было мне только на руку. Встречу я назначил на том же месте в парке на площади, где впервые увидел Александра. Денис поворчал по поводу того, что я заставляю его так рано подниматься из теплой кровати.

- Ничего, заодно Фильку выгуляешь, сухо подметил я.
- Да в чем собственно дело? возмутился он. Скажи так.
- Не телефонный разговор. Прыгай в маршрутку и приезжай, жду тебя там.

К чести Дениса нужно сказать, что ждать мне его пришлось не долго. Непричесанный и злой он появился в парке через двадцать минут. По его внешнему виду я понял, что он надел на себя первое, что попалось под руку.

- Выкладывай, кинул он. Надеюсь, оно того стоит.
- А где псина?
- Ничего, потерпит, потом выгуляю. Так в чем дело?
- Это по поводу Александра твоего.
- Да, кстати, как там вчера все прошло?
- Сейчас разговор не об этом. Толика ты, может, и убедил, что твой друг сам бросит Веру, но меня ты так просто не проведешь.
 - Не понял. О чем ты?
- Все ты понял! крикнул я ему в лицо. Твой Сашенька бросит Веру, потому что он голубой, так?

Даже под лучами утреннего солнца я увидел, как лицо Дениса побледнело.

Глава двадцать девятая

ТАЙНА ДЕНИСА

Десять утра. Вера с Александром куда-то пропали, а без них дом опустел. Окруженный тишиной я стою в коридоре возле холодильника и держу в руках телефонную трубку. На том конце провода никто не отвечает.

«Разговор с Денисом не состоялся – он не сказал мне ничего нового, только еще больше сбил с толку. Я основательно запутался в происходящем.

Главный вопрос на повестке дня: Кто такой Александр, и каким образом Главный Выкидыш вовлек его в свою задумку? Если Денис не хочет добровольно раскрыть эту тайну, то я сделаю это самостоятельно.

Порой мне кажется, что на кончике языка крутится странное и одновременно до боли знакомое предположение. Близок ли я к разгадке или только обманываю себя?».

Денис не ответил прямо ни на один вопрос об Александре. Побледнев в начале разговора, затем он то и дело путался в словах, краснел и нес всякую чепуху. В конце концов, сославшись на то, что через полчаса у него назначена важная встреча, бросился вслед за одной из проезжавших мимо маршруток, даже не пожав на прощание руку. Мы говорили несколько минут, но я так и не смог добиться от него вразумительного ответа.

На новость о нестандартной ориентации моего нового жильца он отреагировал вяло. И все же от меня не ускользнуло волнение, которое скрывалось за его напускной уверенностью и высокомерием в голосе. Если бы не общение с Верой, которая приучила меня всегда держать ухо востро, я так и не понял бы простой истины.

А истина заключалась в том, что Денис мне врал.

Он врал, когда сказал, что сомневается в гомосексуальности Александра.

Он врал, сообщив, что знаком с ним не больше месяца.

Он врал, рассказывая об их знакомстве, а также о таких вещах, как: возраст, образование и место работы. Хотя я ничего не знал про Александра, в лживости Дениса у меня сомнений не было. Напрашивалось очевидное заключение: Денис жалел, что затеял эту историю с Александром и теперь старался как можно больше оставить в тени.

Но что мешало ему быть самим собой?

Мной овладел азарт. Это, до недавних пор незнакомое состояние, заставило меня действовать обдуманно. В голове воцарилась небывалая ясность, многочисленные мысли

аккуратно выстраивались, вышагивая, как рота послушных солдат. Проиграть с таким настроем было невозможно.

Вернувшись домой после нашей встречи, я в нетерпении раскрыл свой дневник. Пробегая глазами знакомые строчки, я был твердо уверен, что ключ к разгадке можно найти на его страницах, и потому искал нечто такое, на что я мог не обратить внимания или упустить в прошлом.

Добравшись примерно до середины, я, кажется, нашел кое-что. В первый раз Денис выдал себя в погоне за Лешиком. Стоит только вспомнить их короткий, но какой-то странный разговор с недомолвками, которые я отметил вопросительными знаками на полях.

Итак, к моменту погони Денис и Алексей были знакомы друг с другом. Сам Денис сказал, что они разговаривали в «Kook». Если присутствие Алексея там вполне объяснимо, то каким ветром туда занесло Дениса? Это же гей-клуб!

Неужели он?.. Нет, не может быть!

Допустим, Денис оказался в клубе случайно. Ведь и я побывал в «Коок» однажды. Тогда идем дальше. Перелистнув несколько страниц назад, я наткнулся на впечатление от первой встречи с Главным Выкидышем. «Денис оказался невысок, и лицо его носило несколько странные утонченные черты. Как у артиста Меньшикова, только более юные, даже в чем-то женственные». И чуть дальше: «Он подошел ко мне и протянул руку. Такую вялую и влажную, что будь вместо нее дохлая рыба, я, наверное, не заметил бы разницы». А если вспомнить то, как Денис одевался? «Одежда на нем была весьма качественная и подобрана со вкусом». Подобные немаловажные наблюдения встречались и дальше в моем дневнике. Все говорило в пользу того, что Денис был в клубе отнюдь не случайно. Но самое главное подозрение все же исходило из связи Дениса и Александром. Что такого их объединяет, что могло бы заставить Александра согласиться на аферу с Верой?

Все становилось на свои места, и все же мне стало немного не по себе от очевидного – Денис сам был «голубым».

Я откинулся на кровать и уперся взглядом в потолок. Понимание того, что я наконец нашел «ахиллесову пяту» Главного Выкидыша подогревало во мне, помимо азарта, еще одно чувство – волевое и жесткое как сама жизнь. Чувство власти. В моих руках как будто ожили невидимые рычажки, превращающие погонщика в мула, а охотника в жертву. Осталось лишь убедиться в том, что они действительны.

Решение напрашивалось само собой. Вытащив из шифоньера зимнюю куртку, я нашел в ней смятую бумажку, которую всучил мне Жорж в роковой для меня вечер в клубе «Kook». Мне было крайне неприятно звонить этому, с позволения сказать, парню, но более верного способа подтвердить догадку я не видел.

Подозреваю, что Веру взбесил бы подобный ход, и, возможно, еще пару месяцев назад я отказался бы от этой затеи. Да только сейчас я, как никогда, был уверен в собственной правоте, и знал на что шел.

- Да? наконец, раздался сонный голос в трубке.
- Здравствуйте. А можно мне поговорить с Жорой? я немного волновался.

Пауза, заполненная едва слышным дыханием ответившего.

- Алло, наконец, не выдержал я, я хо...
- Не может быть! воскликнули на том конце. Ты все-таки позвонил.
- $\rm Y_{TO}$?
- Паша? Не могу поверить своим ушам. Неужели это ты?
- Да, я
- И ты звонишь мне по собственному желанию?
- Да, но...
- Получается, наше знакомство пошло тебе на пользу и ты наконец определился? Слушай, это просто здорово!

- Постой, это не то, что ты думаешь... я разрывался надвое между тем, чтобы послать его куда подальше, и бросить трубку, не закончив разговор.
- Нам срочно надо встретиться, взбудоражено твердил Жорж. Подумать только! Ведь я уже и не надеялся.
 - Да подожди ты! Все, что мне нужно, это небольшая консультация!

Голос в трубке затих. И мне даже показалось, что нас разъединили.

- ΑΛΛΟ? ΑΛΛΟ-Ο?
- Ах, вон в чем дело, медленно протянул мой собеседник. В его охладевшем голосе было слышно неприкрытое разочарование. Ты не знаешь, с чего начать? Очень хорошо понимаю тебя, Паша. Конечно, помогу. Все что попросишь.

Меня так и подмывало ответить «Отстань, противный».

- Жорж, перестань. Ничего не изменилось. Поверь, я нормальный.
- Ну, а кто спорит? дружелюбно сказал гей, но я чувствовал, что его что-то гложет. Ты нормальный, я нормальный. И вообще, все мы ничего. Только если ты нашел себе более нормального парня, так и скажи Жора, мудила ты эдакий, не клейся понапрасну. Мне, знаешь ли, не впервой такое слышать.
 - Жора, ты не мудила, успокойся. Только скажи, ты мне поможешь?
 - Помочь?.. мне бы кто помог, едва слышно проговорил он.

Странный он какой-то. Проблемы у него, что ли? Или я чересчур резок?

- Ну, ладно, ладно, более твердо добавил он. Все равно, буду рад увидеть тебя снова. Пусть ты и не переменился.
 - Когда мы можем встретиться?
 - С тобой, красавчик, хоть сейчас.

«Преследование больших целей всегда предполагает жертвы. Человек осознанно лишает себя сиюминутного, сомнительного, преходящего, устремляясь к чему-то более существенному и ценному на его взгляд.

Я проникся этим благодаря Вере, которой сознательное самопожертвование знакомо не понаслышке. Теперь я желал воспользоваться полученным навыком и пошел еще дальше. Пересилив в себе отвращение перед Жоржем, я настроился, во что бы то ни стало, заполучить нужную мне информацию».

Мы договорились встретиться в «Сибирском Бистро», которое находится возле Центрального универмага в самом сердце города. Я знал, что подобные заведения мне не по карману, но все же это было намного лучше, чем разговаривать у него дома, как он выразился, «в более интимной обстановке».

Войдя в кафе, я снял тонкую ветровку (в последние дни то и дело шел дождь) и оставил ее на вешалке. Обведя глазами помещение и не обнаружив в нем Жоржа, я облегченно вздохнул. Может, он еще не придет? – мелькнула предательская мысль, прежде чем я занял подвернувшийся свободный столик.

Решив, что ради приличия надо бы чего-нибудь заказать, я прогулялся до бара и взял две порции шоколадного пломбира. Он был самым дешевым, а на что-то другое у меня не хватало денег. Поставив стаканчики с мороженым на стол, я сел и задумался. А что, если я не прав? Что, если моя догадка неверна? Как тогда объяснить связь между Денисом с Александром? Вопросы настолько захватили меня, что очнулся я лишь от легкого прикосновения, почти поглаживания, по моей руке. Я вздрогнул.

 Привет, – безрадостно усмехнулся Жорж, поправляя очки. Одна из дужек была перевязана липкой лентой. – Ты выглядел так самодостаточно, что я даже почувствовал себя лишним.

Заставив себя улыбнуться, я поздоровался с ним. Прошло два месяца с той поры, когда с легкой руки Веры мы познакомились. Жорж сильно изменился за это время. Если в

«Kook» он выглядел жизнерадостным и самоуверенным парнем, хоть и нестандартной сексуальной ориентации, то теперь, глядя на него, оставалось лишь обнять и плакать. Осунувшееся лицо с темными впадинами под глазами, старый синяк, различимый даже за прикрывающими солнцезащитными очками, неопрятная щетина и горькая, почти страдальческая, улыбка разбитых губ – таков был новый Жорж.

- Если ты торопишься, спрашивай сразу, без всяких условностей.
- Я вообще-то и вправду тороплюсь, у меня занятия скоро.
- Внимательно тебя слушаю, вздохнул он, усаживаясь напротив меня.
- Что ты знаешь про Дениса с Александром?

Жора хмыкнул, состроив ехидную мину. С щетиной и худощавым лицом это сделало его похожим на пирата, который наконец-то увидел долгожданную добычу.

Я рассчитал все верно – обращение к Жоре ставило крест на покровительстве Дениса. Мои предположения насчет амурных пристрастий Главного Выкидыша окончательно подтвердились. Более того, я узнал даже больше, чем ожидал.

– Дёня появился у нас прошлым летом. Саша время от времени наведывался в клуб, но был достаточно редким гостем, и по-прежнему оставался загадкой. Ты хоть и натурал, все равно должен понимать, что он никого равнодушным не оставит. Наши парни на нем просто помешались. Еще бы! Такой высокий, стройный, умничка, и, как некоторые счастливчики успели убедиться, хороший партнер.

Сколько я не старался, так и не мог представить Александра в постели с другим парнем. Уж слишком он казался красивым и правильным для этого – таких следует сразу ставить под стеклянный колпак да прямиком в музей.

– Он не хватался за каждого встречного, не афишировал своих побед, и вообще вся его личная жизнь для нас была окутана тайной. Те немногие, кому посчастливилось побывать с ним (ну, ты понимаешь, о чем я) ничего не рассказывали о Саше, хотя их и закидывали вопросами. Думаю, он мог обладать любым, если бы того захотел.

Жорж обхватил губами ложку с мороженым и театрально закатил глаза. Потом он начал водить ее туда-сюда, подражая всем известному процессу, и мне стало жутко неловко, что я сижу рядом с ним на людях. Надеюсь, на нас в тот момент никто не смотрел. Выждав паузу, он бросил на меня насмешливый взгляд и продолжил:

— За несколько лет, проведенных в клубе (а начинали мы примерно в одно время), у него сменилось всего два любовника. Денис стал третьим. Он возник из ниоткуда. Сразу хочу сказать, что этот зазнайка никому особенно не понравился. Жалкий, себялюбивый, униженный тип, который сам готов унизить любого. Он очень долго привыкал к нашей компании, а мы — к его присутствию. Потом, правда, он как-то прижился и стал, так сказать, членом клуба. Но шила в мешке все равно не утаишь. Скажи мне, с кем ты спишь, и я скажу, кто ты. Вот так было и с Денисом, он в буквальном смысле слова лез во все дырки.

Уж кто бы говорил!

- Все наши терялись в догадках, но Саша нашел в нем что-то и полюбил... да-да не смейся, это чувство присуще не только вам, натуралам!
 - Что ты! Все нормально, успокоил я Жору, но так и не смог скрыть улыбку.

Мне было забавно слышать рассуждения о любви от него. Вероятно, в его голубых мечтах подобные отношения выглядели серьезно. Но что он может знать о настоящей любви? Такой, как, например, моя любовь к Вере.

- Любовь и забота Саши подняли Дениса на ноги, сделали из него более-менее нормального человека, но не избавили от многочисленных комплексов и дурацких замашек. Дело в том, что Денис у нас пчелка би.
 - То есть?
- Бисексуал, хоть и с преобладающей гомосексуальностью, пояснил мой собеседник. Так вот, мне кажется, он никогда не отвечал Александру настоящей

взаимностью. Понимаешь, нельзя быть и тем и другим одновременно. Ведь гей – не какойто там ущемленный тип, как считают недалекие обыватели. Гомосексуальность зашита в человеке изначально.

Ну это еще как сказать.

– Важно найти свое Я, раз и навсегда определиться, на чьей ты стороне. Иначе везде будешь предателем. И это касается не только сексуальных предпочтений, но и всей жизни. А бисексуальность – это всего лишь похоть. С таким же успехом можно совокупляться с животными или мастурбировать, ведь это подразумевает лишь сексуальное удовлетворение, не более. В гомосексуальности есть место симпатии, любви, индивидуальности. Только Денис, к сожалению, не понимает этого и никогда не поймет.

Я вспомнил вечер в гей-клубе, когда Жорж по просьбе Веры залез ко мне в штаны. Теперь этот человек, чьи мутные от возбуждения глаза я до сих пор не могу стереть из памяти, рассуждает о высших материях. Я еще раз окинул его взглядом и подумал, как плохо я разбираюсь в людях. Ведь рассуждал он верно, и я не мог с ним не согласиться. Если не во взглядах на секс и любовь, то хотя бы в только что высказанном принципе.

- Почему же Денис с Александром до сих пор вместе? задал я крутившийся на языке вопрос и облокотился на пластиковую поверхность стола.
- Трудно сказать. Несмотря на все недостатки Дениса, его вряд ли можно назвать потерянным человеком. Он из породы недалеких нарциссов, которым нельзя не отдать должное. С ним интересно дискутировать, он стильно одевается и обладает деловой хваткой, которой не хватает многим из нас. Кроме того, Дёньчик просто мастерски делает минет...
- Подробности оставь при себе! резко оборвал я Жору, но, спохватившись, добавил более мягко: – Лучше расскажи еще об Александре.
 - О-о... мечтательно протянул Жорж. О нем я могу рассказывать часами.

Оказалось, что Александр старше меня на целых пять лет – прошедшей зимой ему стукнуло двадцать четыре. Окончив школу, он поступил в лицей молодежной моды. Отучившись положенный год и один месяц, попал в армию. Несмотря на вполне определенное отношение военных к голубым, служба его нисколько не изменила и, вернувшись через два года, он устроился работать в один из швейных салонов. Вечерами он трудился для души, раскраивая собственные модели одежды, создавая себе портфолио – будущую визитную карточку модельера. Но все равно оставался недоволен своим положением – будучи человеком утонченным, он хотел развиваться дальше, но не видел реальной возможности.

Благодаря врожденной артистичности и привлекательной внешности, он успешно подрабатывал в качестве модели на городских и региональных мероприятиях – будь то показ моды или выступление какой-нибудь группы, которой требовалась подтанцовка. Александр получал неплохие деньги, но его интересовали не только они.

Лицейское средне-профессиональное образование обеспечивало лишь самую первую ступень к настоящему искусству, дальше ему нужно было поступать в специальный ВУЗ. Несмотря на обилие университетов в нашем городе (тут тебе и медицинский, и политехнический, и педагогический, и университет радиоэлектроники — всех не перечислишь), ничего серьезного для модельеров и, если уж на то пошло, танцоров у нас нет. Единственным выходом для Александра было уехать в Санкт-Петербург к своей бабке и поступить там на модельера-конструктора.

Слушая Жоржа, я ел мороженое. Он к своей порции почти не притронулся.

- Не знаю, что его до сих пор удерживает в нашем городе, но многие считают, что в этом виноват Денис, сказал Жорж, закинув ногу на ногу.
 - То есть? не понял я, проглатывая очередную ложку пломбира.
- Дело в том, что, если для Дениса Саша всего лишь добрый дядя, для последнего все совершенно иначе Саша любит его по-настоящему. Дёне сходят с рук даже ночные похождения в сауне с проститутками. О которых, кстати, известно всему клубу.

Выходит, Толик еще и женщин Денису подгоняет. Интересно, что еще известно «всему клубу»? Глядишь, проходящие мимо люди скоро начнут тыкать в меня пальцем: «Смотри, он в Kook ходит и с педиками общается!». А крашеные мальчики станут, как родного, обнимать за плечи, или того хуже – за талию. Плохо жить в небольшом городе, где все друг друга знают.

– Кроме того, Денис так стильно одевается только благодаря Саше. Тот разрабатывает и шьет для него эксклюзивные наряды, чтобы этот придурок потом дефилировал в них. Он многое делает ради него. По-твоему это не любовь?

Я неопределенно качнул головой.

– Пойми же наконец, – не выдержал Жорж, – он прощает ему все. Абсолютно все! А тот не ценит ни-че-го. Думаешь, Саше его задница нужна? Так я же тебе говорил – он кого угодно может поманить пальцем, все к нему с радостью прибегут. А Денис... ну его в жопу!

Пожалуй, там ему самое место.

– Хорошо. Спасибо за информацию, – я поспешно поднялся из-за стола, так как не хотел стать свидетелем надвигающейся истерики. – Мне пора.

Кивнув, Жора повесил голову, и я вдруг испытал к нему настоящую жалость. Видно, что у человека серьезные проблемы – можно сказать, на лице написаны. А он все равно согласился со мной встретиться и не пожалел времени.

- Послушай, обратился я к нему, у тебя какие-то проблемы?
- С чего ты взял?
- Да выглядишь ты как-то неважно.

Впервые за время нашего разговора лицо Жоры посветлело. Он вяло усмехнулся:

- Спасибо, что поинтересовался, а то меня уже давно никто об этом не спрашивал. Я, конечно, понимаю, ты из вежливости, но все равно спасибо.
 - Постой, что значит из вежливости? Я же...
- Не надо, Паша. Только не порти момент, а не то я снова начну хорошо думать о людях, глухо произнес он.

Не успел я спросить, что он имел в виду, как лицо Жоры обрело былую жесткость и самоуверенность.

– Если тебе и вправду захочется узнать о моих проблемах, ты мой телефон знаешь. Звони, пообщаемся, – он недвусмысленно засунул и высунул указательный палец в сжатый кулак пару раз и оскалился в улыбке, – красавчик.

– Да пошел ты!

Сгорая от стыда, так как добрая половина посетителей окинула нас насмешливым взглядом, я вжал голову в плечи и скорым шагом направился к дверям. Жорж расхохотался мне в спину. Меня так и подмывало развернуться и ответить ему подобающим образом, но тут дверь кафе распахнулась, и внутрь вошли... Вера с Александром!

Я буквально впечатался в одежду, чуть не завалив вешалку набок. Парочка неторопливо прошла в помещение. Вера села за свободный столик, Александр же направился к продавцу, чтобы сделать заказ. Они не заметили ни меня, ни Жору. Последний, кстати, смотрел на своего идола с не меньшим удивлением, чем я. Безусловно, он узнал и Веру, отчего находился сейчас в полной растерянности. Наверное, его убеждения претерпевали серьезные изменения – то как Вера и Александр смотрели друг на друга, как держались за руки, войдя в бистро, не оставляло сомнений в их отношениях.

Дождавшись, пока Вера отвернется от двери, я схватил ветровку и выбежал наружу. Лишь отдалившись на порядочное расстояние от кафе, я замедлил шаг и дал себе успокоится. «Значит, они уже гуляют вместе! – возникла отчаянная мысль с легким порывом ветра. – А ведь с момента появления Александра прошло всего три дня. Страшно подумать, что будет дальше». Болезненно защемило в груди, но я попытался себя успокоить. Ничего, это всего лишь часть общего плана. Александр на самом деле холоден к Вере, он же чистый гей. «Любя» Дениса, он действует по его указке. В нужный момент он остановится и...

Но сейчас не время канючить, мне нужно было довершить начатое. Самое время разобраться с Денисом, пока тот еще ни о чем не догадывается. Я не исключал возможности, что Жора захочет предупредить его о нашем разговоре. Из мужской, так сказать, солидарности. Поэтому мне следовало поторопиться.

Остановившись у телефона-автомата, я набрал номер Дениса. Стараясь не выдать своего волнения, я попросил о немедленной встрече, сославшись на то, что такие дела лучше по телефону не обсуждать. Однако Денис отказался:

Я не могу. У нас тут важная лекция идет, готовимся к экзамену по философии.
 Давай сегодня вечером, или завтра.

На его конце действительно раздавались приглушенные голоса.

– Хорошо, – согласился я. – Вечером так вечером. Созвонимся.

Повесив трубку обратно на рычаг, я удовлетворенно вздохнул. Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе, не так ли, Денис?

Нет, на своих занятиях мне так и не суждено было сегодня появиться. Я поехал в государственный университет, в третий корпус БИН²³, где учился Денис. Это было розоватое трехэтажное здание рядом с университетской библиотекой. Возле входа, как уже давно повелось, курили студенты. Меня самого тоже тянуло покурить, но не хотелось терять ни минуты. Я зашел внутрь.

На первом этаже, где располагается деканат философского факультета, висел большой ватман с расписанием занятий. То, что нужно, решил я, и начал свои поиски. Денис как-то упоминал, что он одного возраста со мной, потому ищем второй курс. Разговаривал я с ним в час дня, значит, смотрим пару философии в это время.

Есть! Группа 1292, единственная группа, у которой на это время поставлена философия; аудитория 29, второй этаж. Мне повезло – пара до сих пор продолжается. Теперь Денису никуда не деться.

Добравшись до нужной аудитории, я к своему удивлению обнаружил, что дверь заперта. Для пущей верности подергав ручку пару раз, я отступил назад. Извечный вопрос – что делать?

Рядом на подоконнике сидели двое студентов – парень с девушкой, которые, обнявшись, мило ворковали.

- Извините, отвлек я их, не подскажете, где сейчас группа 1292?
- Разошлись, только мы вдвоем и остались, не сводя глаз с девушки, ответил парень.
 - В смысле, разошлись? Там ведь пара по расписанию.
 - Препод заболел, вот пару и отменили.
 - По философии религии?
 - Ну да.

Так, растерянно подумал я, значит, Денис меня и в этом обманул.

- Что-нибудь случилось? поинтересовалась девушка.
- Нет. Хотя, да. Я договорился встретиться здесь с Денисом.
- С каким еще Денисом?
- С вашим Денисом. Вы же из группы 1292?

Девушка с удивлением уставилась на меня.

- Нет у нас никаких Денисов.
- Ну как же. Раньше был такой рыжий, а месяц назад постригся и осветлился.

Теперь уже и парень обратил на меня внимание:

 $^{^{23}}$ В военные годы в здании располагался Биологический ИНститут, с тех пор название прижилось.

– Что ты докопался в самом деле? Говорят же тебе, нет у нас таких в группе.

Ложь за ложью. История Главного Выкидыша осыпалась как карточный домик.

– Извините. Наверное, я ошибся.

Выйдя из здания университета, я остановился и, вытащив сигарету, закурил. Где я еще могу поймать этого лжеца? Его домашний адрес мне неизвестен, зато есть одно место, где он обязательно появится – сауна Толика.

Делать нечего, придется идти туда и ждать.

Мне повезло. У здания сауны стояла знакомая белая Тойота. Зайдя внутрь, я поинтересовался у парня, сидевшего на вахте, где Сергей. Тот глянул на меня недоумевающим взглядом и без слов удалился, а через полминуты ко мне вышел Косматый. На его флегматичном лице ничто не изменилось – похоже, он даже не удивился моему появлению.

- Чего тебе? поинтересовался он.
- Денис здесь?
- Здесь, помедлив с секунду, ответил Косматый.

От меня не укрылось презрение, прозвучавшее в его голосе.

С девочками развлекается?

Тот кивнул.

- Толик с ним?
- Нет.
- Вот и славно. Сергей, будь другом, не говори ему о том, что я здесь был. Хорошо?

Ждать мне пришлось недолго. Я устроился около деревянного дома, который стоял через дорогу от сауны. Не прошло и полчаса, как дверь отворилась, и на улицу вышел Денис. Даже на расстоянии было видно, что он взволнован и куда-то торопится.

– Денис! – окрикнул я его.

Главный Выкидыш вздрогнул и, обернувшись, увидел меня. Замешкавшись на секунду-другую, Денис показал на часы на руке:

– Извини, тороплюсь! – крикнул он и пустился наутек вниз по улице.

Такой наглости я от него не ожидал, и поэтому, опешив, потерял несколько драгоценных секунд.

– Стой! Слышишь, стой!

Я бросился за ним следом по другой стороне дороги. Далеко впереди мелькала его белая куртка, выделявшая его среди других людей на улице.

– Денис, стой! Я все знаю! Я говорил с Жоржем!

Но он лишь убыстрил свой бег и, зачем-то перебежав на мою сторону, скрылся за углом дома. Через несколько секунд я, немного запыхавшись, преодолел поворот и увидел, как Денис барабанит руками по дверям отъезжающего трамвая. Очевидно, он заметил его и хотел укатить до того, как я его настигну, но только потерял время. Добежав до остановки, я замедлил шаг. Наконец, Главный Выкидыш оказался со мной один на один, и теперь ему некуда было деться.

 Что тебя от меня нужно? – бросил он. – Что ты ко мне пристал? Не видишь, я тороплюсь.

Хотя произнес он это резко, я бы даже сказал, с вызовом, в его голосе не было привычной спеси и невозмутимости. Он был заметно взволнован – переминался на месте и оглядывался по сторонам, избегая моего взгляда.

- Можешь не торопиться, Жора мне все рассказал, сказал я, пытаясь отдышаться.
- С чем тебя и поздравляю.

Он угрюмо смотрел на меня.

– Может, объяснишь, как все получилось?

- А что получилось-то? сказал Главный Выкидыш, немного расправив плечи. Ну, гомик я. Тебе-то какая разница?
 - Но Вера, ты ведь был с ней. Как же так, она ведь ненавидит голубых.
- Ах, Вера! при упоминании ее имени, его лицо налилось злобой и он скрестил руки на груди. Я рад, что ты вспомнил ее. Если хочешь знать, то благодаря ей я и стал таким. Она играла со мной во все эти игры, эти проверки, и доигралась. Ведь раньше я был нормальным парнем, но она меня унизила, раздавила, а потом вообще бросила. Да знаешь ли ты, что после нее я совсем на баб не могу смотреть?

Такого откровения от него я не ожидал. И такого поворота – тоже.

- А как же сауна Толика? Разве не с женщинами ты там кувыркаешься?
- Да это не женщины, а шлюхи! За ними мне не надо ухаживать, не надо казаться лучше, чем я есть. Без всяких кривляний и в рот возьмут, и попку подставят. И вообще, все бабы по сути бляди, которых нужно лишь трахать, и не задавать вопросов. А то спросишь: «Как прошел день, дорогая?», а они уже все свои проблемы готовы на тебя взвалить. Суки!

Он все больше распалялся. Проходившие мимо люди смотрели на него с неодобрением. Слушая его, я вдруг еще кое-что понял.

- И потому весь этот план с Выкидышами и с Александром ты придумал только для того, чтобы отомстить Вере?
- Да чихал я на твою Веру! Думаешь, я ей мстил? Дурак, я берег тебя, как берег бы любого другого мужика, попавшего к ней в лапы. Или ты хочешь пойти по моей дороге? Тогда милости просим в наши голубые ряды!

Я лишь сочувственно усмехнулся.

– По сравнению с Сашей она пустое место, ничто, понимаешь? – он смотрел на меня злобным, немигающим взглядом. – С ним я могу быть самим собой, а не лепить из себя идеальный образ, соответствующий чьим-то дурацким представлениям. Вера старается подогнать человека под свои стандарты, но, не получив желаемого, бросает работу на полпути. Так было со мной, так было с Толиком. Так она поступит и с тобой. Какой ты болван, Паша, если до сих пор не понял этого. Думал ли ты, что останется от тебя, когда она уйдет? Я стал голубым, Толик чуть не спился. А во что превратишься ты?

Стараясь выговориться, он не дал мне ответить, и продолжил:

– А что касается моей ориентации, то я нисколько не стыжусь ее. После Веры я лежал на земле, и все об меня вытирали ноги, а Александр подобрал меня, вселил надежду и согрел своей любовью. Он первый показал мне, что любовь не ограничивается полом, и я нисколько не жалею о том, что он стал моим первым мужчиной. После всех мытарств я всетаки нашел человека, который нужен мне, и которому нужен я. Какая разница, мужчина он или женщина? Все это условности, чушь, навязанный обществом трафарет. А от пагубных трафаретов нужно избавляться.

К Денису постепенно возвращались его самоуверенность и велеречивость.

- Денис, ты не прав, попытался возразить я ему.
- Да в каком месте я не прав?! он возбужденно шагнул в мою сторону. Все вы не желаете слышать другие, отличные от ваших мнения. Всё что не вписывается в ваши узенькие рамки, в ваши жалкие представления о жизни, вы считаете неверным и пагубным. Посмотрите на себя! Вы живете в каком-то идеальном, постхристианском мире и лжете сами себе. Всем вам плевать, что бисексуальность давно влилась в нашу жизнь. Вы боитесь признаться в том, что человечество делает все больший крен в сторону унисекса. Женщины давным-давно перелезли в мужскую одежду, и не далек тот день, когда мужчины наденут юбки и платья. А потом половые различия сотрутся вообще! Послушай, уже сейчас бывает трудно отличить парня от девушки, а девушку от парня. И пусть пока это только мода, диктуемая сверху, на самом деле корни уходят куда глубже.

Я чувствовал, что он уводит разговор в сторону и при этом не дает мне ни слова вставить. В несогласии я упрямо покачал головой.

- Ну, что ты мотаешь башкой, как баран, в самом деле? Не веришь мне, так поверь миру, что тебя окружает. Андрогинией²⁴ пропитана вся авангардная, современная культура. Она несется вперед, бросая вызов вашим закостенелым дедовским принципам. Даже попсовая эстрада и та почувствовала, откуда ветер дует. Разве ты не замечаешь этого? Телевидение, радио, Интернет подводят нас все ближе к идее преодоления половой ограниченности.
 - Денис, да не в этом дело... попытался я вернуть его на нужные рельсы.
- Нет, Пашок, именно в этом! Сегодня у тебя есть выбор, ты можешь быть заинтересован в каждом, так как абсолютно каждый может стать твоим любовником. Только своим зашоренным сознанием ты даже и представить себе не можешь, насколько это увлекательно и многогранно!

Оставить это без внимания я не мог:

- Что увлекательно? Мужиков трахать? Нет уж, спасибо, я воспользовался приемом Дениса и не дал ему ответить: Все равно, против природы не пойдешь.
- Как раз наоборот! Бисексуальность является первым шагом к андрогинии единству женского и мужского начала. А это все одно Божественная, истая сущность. Кроме того, андрогиния символизирует фундаментальную двойственность, повсюду встречающуюся в природе. Даже Адам изначально считался двуполым существом...
 - Денис, хватить гнать!
- А что? Между прочим, двуполость означает возвращенное первородное единство, первоначальную целостность материнской и отцовской сфер.
- Я тебе о детях говорю! Сам рожать будешь, что ли? Гермафродит, гермафродит сам ебётся, сам родит.
- Паша, ты тупой, честное слово! Операцией по смене пола давным-давно уже никого не удивишь, а дети для тебя, значит, проблема? Да еще лет пять, и генная инженерия хоть птеродактилей из твоих хвостатых налепит. И тогда заиметь ребенка двум однополым людям будет вообще парой пустяков! Между прочим, тебе это получше, чем мне, должно быть известно.
 - Ну-ну...
- Баранки гну! машинально отозвался Денис, но тут же поправился: Весь цивилизованный мир это понимает, а ты все «нукаешь». Пройдет еще немного времени, и гомосексуальные браки будут официально разрешены. Точно тебе говорю.

Я понял, что доказывать ему что-то бесполезно. Все-таки, спор его конек. Да и к тому же, что я хочу ему доказать? Что спать с подобным себе плохо? Что ни к чему хорошему это не приведет? Но ведь это глупо! Денис стал таким не вчера, и изменить его я не в силах.

- Ладно, Денис, твое дело с кем спать. Лучше скажи, что с Александром?
- В смысле? недоуменно произнес Главный Выкидыш.
- В смысле, когда вы поженитесь? моими устами вдруг заговорила Вера. Конечно, я про наш план!
 - То есть, все остается в силе? прищурился он.

Он, кажется, и не надеялся так легко отвертеться. Ничего, подумал я, мы еще отыграемся, и, покривив душой, ответил:

– Более того, теперь я за нее спокоен.

Ничего не подозревающий Выкидыш самодовольно усмехнулся.

- Не знаю, у меня тут некоторые проблемы, так что я исчезну на какое-то время.
 Саша пока действует автономно, поговори с ним сам.
 - Поговорю. А ты будь здоров.
 - Пока, и... постой!.. Слушай, давай ты ничего не станешь рассказывать Толику?

²⁴ Наличие у особи одного пола признаков другого пола.

– A как же гордость своей ориентацией и глобальные планы по развращению человечества? – насмешливо спросил я.

Он сердито прицыкнул и отвел взгляд.

– Черт с тобой! Можешь на меня положиться, – сказал я, но увидев облегчение на лице Дениса, не удержался и добавил: – Не в буквальном смысле, ты, извращенец.

Его растерянный и уязвленный вид стал для меня лучшей наградой.

Глава тридцатая

ВСЕ ИДЕТ ПО ПЛАНУ

Вот и все, я разоблачил Дениса. Правда, легче от этого не стало. Мне казалось, что я все-таки не выведал у него нечто важное, и меня это тревожило. Перебирая в памяти его слова, я понял, что он старательно уводил разговор в сторону. Но от чего? Что он хотел скрыть?

Оглядевшись вокруг, я немного отвлекся от тревожных мыслей. Что и говорить, начало мая — приятная пора! На пороге стоит лето, отдых, теплая погода и новые приключения. Хотя какие приключения без Веры? Я нахмурился. А почему, собственно, без нее? Вот только нужно завершить план с Александром, и все встанет на свои места. Погуляет он с ней пару недель, а затем бросит. Поматросит и бросит. Мда...

А потом я с новыми силами, отдохнув от постоянной нервотрепки, приму ее, надеюсь, излечившуюся в свои объятия. Мне, конечно, придется принять ее раскаяния, отпустить грехи... Хотя, уверен, что до этого дело не дойдет. Я знаю, что Вера ни за что не станет мне изменять.

Меня вдруг осенило. Конечно, какой же я дурак! Не спросил у Дениса об институте, где он якобы учится. Не спросил, почему он меня обманывает по поводу своей учебы. Наверное, в этом все дело. И все же смутное ощущение того, что помимо учебы была еще какая-то ложь, по-прежнему не отпускало меня.

Я шел по Городскому саду. Стремясь к уединению, я покинул площадку аттракционов и углубился в рощу, где между деревьев буйно зеленела трава. В некоторых местах, в которые я умудрился вляпаться, еще оставались лужи от недавних дождей. Дул легкий ветерок, лениво пели птицы, под ногами шуршала молодая зелень, мягким ковром покрывавшая землю, и посреди всего этого весеннего великолепия я думал лишь об одном – о Вере. Усевшись на лавочку, неподалеку от пруда, я стал наблюдать за жизнерадостными людьми, прогуливающимися неподалеку. Я думал о том, как же мне быть дальше. Теперь для меня стало очевидно, что план с Александром пущен на самотек. Денис предоставил своему другу полную свободу действий и не собирается делиться новостями со мной и Толиком. Поэтому придется мне самому подсуетиться. И перво-наперво мне нужно поговорить с Александром. В свете новой информации это было просто необходимо.

Мои размышления прервали присевшие рядом два светловолосых парня, которые за что-то нахваливали друг друга. Их лица показались мне знакомыми, хотя я не мог точно вспомнить, где видел их раньше. Один вначале все извинялся за какие-то задержки, а другой подбадривал и говорил, что их сотрудничество идет куда более гладко, и работа движется значительно быстрее. Потом один признался другому, что почитывает материалы на какомто сайте для геев.

- Там много для нас полезного, доверительно сказал он.
- Обязательно гляну, ответил второй. Тем более, что впереди у нас еще смена ориентации, а к этому надо бы хорошенько подготовиться.

В общем, после разговора с Денисом мне везде мерещились извращенцы, поэтому я быстро встал и пошел куда подальше от этих подозрительных типов. На остановке «Краеведческий музей» я заскочил в подошедший троллейбус и поехал домой.

Поднимаясь вверх по лестнице, я вспомнил, что дома могут быть Вера с Александром. Как там поется у байкеров: «Мой дом стал для меня тюрьмой, для тех, кто в доме, я чужой»²⁵. Мне не хотелось стать свидетелем и причиной возможного конфуза, потому, подойдя вплотную к двери, я приложил к ней ухо и стал напряженно вслушиваться. Кажется, из квартиры не доносилось никаких звуков. Хотя, нет. Слышны какие-то шажки... Ага... скребется кто-то. Опять тишина. Открывается дверь в ванную. Опять шажки. Не пойму, то ли кошачьи, то ли человечьи. Стараясь точнее разобрать доносившиеся звуки, я притих. Сердце, дыхание – все замерло. Я превратился в одно гигантское ухо, барабанную перепонку, сросшуюся с дверью.

– Паша! – вдруг окликнули меня сзади. – Что с тобой?

По лестнице как раз поднимались наши герои. Веселая Вера, размахивая кожаным рюкзачком, в легкой бежевой куртке бежала чуть впереди, за ней следовал галантный и спокойный Александр.

- Да это...
- Ключи потерял? спросил друг Дениса.
- Ага, вроде как, растерянно ответил я и тут же покраснел, потому что держал связку в руках. Спохватившись, я убрал руку за спину.
- Давай открою, Вера уже приблизилась ко мне и, кажется, была настолько возбуждена, что не заметила моего промаха. Ты бы знал, где мы были! Я и не думала, что в этом... нашем городе столько интересных мест.
 - $-\Delta a$ ну?
- Я тебе говорю! Мы были у камня на Вознесенской горе, гуляли по Кузнечному взвозу, мощеному булыжниками, спускались к Ушайке, в том месте где, по слухам, КГБшники зарыли вход в городские подземелья. Даже в краеведческий музей заглянули!
 - Не забудь про «Бистро», напомнил ей Александр.
- Ага! Мы еще в «Бистро», где раньше пельменная была, перекусили. В общем, всего не перескажешь!
 - Тоже мне... памятник общепитовской культуры, удрученно буркнул я.
 - Кстати, как ты отучился?
- Знаешь, все было так интересно, передразнил я ее и вошел в квартиру, сидел на скучнейших лекциях, резал трупы в анатомичке, вдыхал формальдегид. Короче, денек выдался что надо.

То ли я говорил слишком тихо, то ли Вера оглохла на оба уха, потому что она никак не откликнулась на мое бурчание и справедливую обиду.

 Представь, оказывается, Сашка еще хорошо рисует, – скинув куртку, она сразу полезла в рюкзак. – Вот, смотри.

Она показала мне несколько набросков на сложенных вдвое альбомных листах. На одном из них я узнал легендарный камень, который был заложен в основание нашего города, с сидевшей на нем Верой – она задумчиво смотрела вдаль. На другом, столик в «Бистро» (точно такой же за каким сидели мы с Жорой), где Вера пила какой-то напиток. Рисунки, казалось, были сделаны скупыми, недосказанными штрихами, однако вместе они создавали целостную картину – Вера на них смотрелась как живая. Саша отразил ее всю, вплоть до легкой улыбки или едва заметного прищура, который появляется у нее в редкие моменты умиротворенности. Чувствовалась рука мастера, но я не подал виду:

- $-\Delta a$, я в курсе, что он неплохо рисует.
- Ты знал? удивилась Вера.
- Он же мой брат, хмыкнув, ответил я и ушел на кухню.

Мне стало жутко обидно за себя. Хотя Александр мне и не соперник, все равно я чувствовал себя никем рядом с ним. У меня не было никакого хобби или занятия,

²⁵ Ария, 1987 «Герой асфальта», Герой асфальта.

приводящего в такой восторг любимого человека. Я не обладал большой силой воли, выдающимся умом или мощной мускулатурой, не являлся душой компании, не имел много денег и не знал, как их зарабатывать в достаточном количестве, иногда жадничал и даже не был красив. Словом, скучный, никчемный тип со стандартным набором комплексов.

На кухню вошел Александр. Вот его-то мне сейчас совершенно не хотелось видеть. Тоже мне, супермен выискался.

– Как ты? – спросил он, присаживаясь рядом.

Я до сих пор не решил, как вести себя с ним. Мне все еще было трудно поверить, что такой красивый и приятный парень, совсем не похожий на женственных придурков из «Kook», может быть геем. Не придумав ничего подходящего, я неопределенно пожал плечами. Он понимающе кивнул головой, и, спустя несколько секунд, добавил:

– Не волнуйся. Все идет по плану.

Не знаю, в этом ли заключался план Дениса, но не прошло и недели, как вся квартира оказалась увешана рисунками Александра. Вот Вера за кухонным столом, она же на лестничной площадке, в кафе, на набережной, около университета, у здания мэрии, памятника деревянного зодчества, на камне на Вознесенской горе. Для полного комплекта оставалось нарисовать ее обнаженной, а-ля Кейт Уинслет²⁶. Я подозревал, что такой рисунок уже существует, и только из чувства скромности мне его не показывают.

Большую часть дня Вера и Александр проводили вместе, я же, борясь с зачетами и контрольными, старался не терять их из виду. Дома Александр изображал старательного ученика — ведь он якобы готовился к поступлению — и время от времени утаскивал какойнибудь из моих учебников на кухню. Помимо литературы по медицине, биологии и химии, он листал Верины книги из области психологии и философии. Я частенько видел в его руках «Дао де цзин», «Психологию влияния», «Гипнотические реальности» Милтона Эриксона (Вера не раз пыталась всучить мне эти творения, потому-то я надолго их запомнил) и другие, довольно далекие от меня произведения. Вдобавок ко всему он за такой короткий срок умудрился привить Вере любовь к классической литературе. Она взахлеб прочитала несколько произведений Достоевского и теперь мертвой хваткой вцепилась в «Ярмарку Тщеславия» Теккерея. В свободное от культурного познания время, мой новый жилец водил Веру в спортзал, куда он якобы недавно записался.

Но и этим все не ограничилось – изменения коснулись музыки. К психоделике прибавился еще и джаз, поклонницей которого Вера стала благодаря Александру. Мне приходилось использовать беруши, специальные ватные тампоны, чтобы не слышать каждодневную дозу порой задумчивых, порой бездумно веселых негритянских ритмов. За ужином упоминание имен Армстронга, Майлса и Элингтона стало почти традицией, и, наверное, даже Луцик начал разбираться в чехарде знаменитых джазменов. Я поначалу пытался поддерживать разговор, но после своего вопроса о том, кто такой Птаха²⁷, понял, что лишний в их беседах.

Дом зажил богатой культурной жизнью, и врач-практик здесь был явно лишним. Слоняясь по квартире, я не находил себе места и только поздно вечером, когда ложился в постель, ко мне приходила Вера. С ней рядом все мои тревоги затихали, но лишь на время.

Она по-прежнему одаривала меня ласками, но делала это молча, стараясь не издавать лишних звуков, не то что в вечер появления Александра. Однажды мне надоело играть в молчанку, и я стал нарочно испускать громкие стоны в такт покачиваний, сидящей на мне Веры, но тут же пожалел об этом. Она посмотрела на меня так, что я поспешил заткнуться.

_

²⁶ Исполнительница главной женской роли в кинофильме «Титаник».

²⁷ Птаха – прозвище известного джазиста Чарльза Паркера.

Со времени разоблачения Дениса во мне зрело желание расспросить Александра о его планах насчет Веры: чего он уже добился и когда собирается переходить к решительным действиям. Обсуждать это с Денисом, к которому я с последних пор испытывал стойкое отвращение, мне не хотелось, а Толик ничего не знал, и для всех было лучше, чтобы он оставался в неведении – в противном случае гнев верзилы мог обратиться против любого из нас, и тогда последствия будут самые непредсказуемые. Поэтому я ждал подходящего момента, когда Александр окажется один, и, наконец, он настал.

Близился вечер. Вера куда-то пропала по своим делам, а мой троюродный «братец», скучая, перелистывал томик Шекспира и жевал собственноручно приготовленные драники. С его приходом мы стали питаться гораздо лучше. Саша знал массу разнообразных блюд и всегда , если не делом, то словом, помогал в готовке. Даже у Веры стало получаться.

- Саша... Александр, отвлекись, пожалуйста, на секунду.
- Да? он поднял глаза и вопросительно улыбнулся.

Темные длинные волосы, смуглая кожа и волевой профиль лица делали его похожим на вождя индейского племени, как мне казалось. Не знаю, что там насчет мужчин, но по поводу женщин у меня сомнений не было – такой точно ни одну из них равнодушной не оставит.

Дома Александр ходил исключительно в халате, и сейчас тот был свободно распахнут, оставляя полуоткрытой его грудь, лишенную волосяного покрова. Четкие линии мышц привлекали взгляд, уводя его под тонкую шелковую ткань в сторону...

Стоп, стоп! О чем я, собственно, думаю? Как будто это я гомик, а не он.

- Послушай, давно хотел тебя спросить...
- Ну что ж, а я давно хотел тебе ответить, опередил он меня. Ведь тебя интересует, как у нас дела с Верой?

Я кивнул, и он отложил Шекспира в сторону.

- Тогда присаживайся, Александр указал рукой на стоящий рядом табурет. Мне было интересно, когда же ты решишься поговорить. Тем более, тебе обо всем уже известно, поймав мой удивленный взгляд, он пояснил: Денис мне все рассказал.
 - Ну что же, так даже лучше, сказал я, усаживаясь.
- Вот именно, теперь все карты раскрыты. Мне не нужно прятаться, а ты лучше понимаешь мои мотивы.
- Честно говоря, не совсем. Я догадываюсь, что Денисом движет жажда мести. Но при чем тут ты?
 - Ты все перепутал. Это не Денис хочет отомстить, а я.
 - Почему ты? удивился я.

Мне впервые довелось увидеть Александра потерявшим свое извечное спокойствие. Нет, он не кричал, не размахивал руками или что-нибудь в этом духе. Он по-прежнему держал себя в руках, но я видел, как у него играют желваки под кожей, как потяжелел его взгляд, и вздулись вены на лбу. И это было гораздо выразительней, чем истеричное поведение Дениса в тот момент, когда я загнал его в угол.

– Потому что ты не видел Дениса, когда я повстречал его. Она ведь на самом деле сотворила с ним что-то ужасное, эта Верочка. Он был изранен, измучен и озлоблен на весь белый свет. Он никому не доверял и всех чурался. Денис походил на щенка, которого запинали, и который теперь вздрагивает и поджимает хвост всякий раз, когда его зовут. Да, он был жалок, но внутри у него все еще горели остатки души, за которую я его и полюбил.

Губы Александра, сжавшись, побелели.

– Ты и представить не можешь, сколько мне пришлось выхаживать его, чтобы он разучился ненавидеть людей. Никто не знает, сколько бессонных ночей мне приходилось успокаивать его после очередного приснившегося кошмара. Никто не видел, как часто он рассыпался на куски и плакал. Никто в него не верил, но я-то знал, каким прекрасным он может быть. Никто, кроме меня.

Он еще долго рассказывал мне о том, как подобрал Дениса, как возвращал ему веру в мир, и все такое. Несмотря на мои убеждения, я почти поверил, что Александр искренне любит это ничтожество.

– Вот почему я хочу ей отомстить, – процедил он, сжав кулаки. – Поверь, я достаточно наслушался о том, кто она такая и что собой представляет, пока выхаживал Дёню. Вера то, Вера это. Я же вытягивал ее у него из души по ниточке! А если бы мне этого не хватило, достаточно посмотреть на него, увидеть, кем он уже никогда не станет, кем она его сделала и...

Он не договорил и отвернулся. Думаю, он не хотел показывать своей боли, несмотря на то, что мне было все известно. И если к Жоржу я испытал унизительное чувство жалости, то к Александру у меня проснулось настоящее сочувствие. По сути, мы с ним оказались в одинаковом положении – мы оба любили без намека на взаимность. Только мне еще повезло с Верой, она все же была куда лучше Дениса.

Поддавшись внезапному порыву, я обнял его за плечи и легонько тряхнул. Александр удивленно обернулся, у него блестели глаза.

– Спасибо, – произнес он дрогнувшим голосом.

Аюбовник Дениса предстал для меня в ином свете. Теперь я в точности знал его мотивы и в чем-то даже проникся к ним уважением. Меня пугала лишь одна мысль – как бы Александр не увлекся местью и не навредил Вере больше, чем она того заслуживает. Если на что и оставалась надежда, так это на рассудительность моего нового жильца.

Я не знал, что говорить дальше, но Александр снова взял инициативу в свои руки.

- Ну ладно, хватит о грустном. Давай ближе к делу, наигранно бодро продолжил он. Денис предупреждал, что Вера будет устраивать какие-то проверки, но я пока ничего подобного не заметил. Возможно, мы слишком мало общались, или она до сих пор не принимает меня всерьез, ведь у нее есть ты. Хотя я думаю, что начинаю нравится ей и...
- Скорее всего первое, прервал я его. Я все же думаю, что Вера сама первой не полезет к тебе в постель. Разве что в целях проведения теста.
 - Послушай, надеюсь, ты-то хоть ее ко мне не ревнуешь?

Признаться ему в этом сейчас, все равно что открыть все карты сразу. Но так нельзя, у нас с ним совершенно разные цели! Он хочет отомстить Вере, я хочу помочь ей, возродить наши отношения. Хоть методы у нас одни и те же, надо держать дистанцию.

– Нет-нет, все в порядке, – по возможности спокойно ответил я и как бы между прочим добавил: – ведь у меня всегда есть шанс отыграться ночью.

И тут же пожалел о напрасной колкости. Александр напряг скулы и опустил взгляд.

-3ря ты так, - глухо произнес он. - Я же вижу, что ты ее любишь. Точно так же, как я люблю Дёньку. И он, наверняка, точно так же переживает из-за того, что я изменю ему.

Вспомнив о сауне и проститутках, я усомнился в его уверенности, но смолчал. Получается, что между нами сложился своеобразный треугольник. Я люблю Веру, Вера влюбляется в Александра, а тот ненавидит ее в ответ, но в то же время привечает ее внимание к себе. Ненависть же Александра к Верочке, угрожающая ее душевному состоянию, мне только на руку. Пока он ее ненавидит между ними навряд ли возникнет чтонибудь серьезное, взаимное.

- Да не переживай ты, у меня может еще ничего не получиться. Я ведь с женщинами ни разу до этого...

Подперев подбородок рукой, я недоверчиво посмотрел в его сторону. В глазах Александра сквозило искреннее сочувствие. Я смотрел на своего спасителя, который одновременно был моим палачом, и испытывал сильные противоречивые чувства.

- Но даже если получится... ты ведь знал, на что шел. И потом, это все не долго будет длиться. Я тебе даю сло...
- Когда? оборвал я его, стараясь задавить червя ревности, подтачивавшего меня изнутри.

– Думаю, завтра или послезавтра, – не глядя на меня, ответил он.

Мы оба притихли, говорить нам было больше не о чем. Повисшее напряженное молчание, нарушил звук открывающейся входной двери. Поняв, что пришла Вера, мы дружно поднялись и направились в коридор. Вперед нас рванул Луцилий.

– Ну что стоите, как бедные родственники! – весело прокричала она с порога. – Сегодня ведь праздник. Смотрите, что я вам принесла, балбесы.

Без особой радости приняв торт, я передал его по цепочке Александру, а сам обнял Веру. Воспользовавшись тем, что он удалился на кухню, я, не дав ей раздеться, горячо поцеловал губы. Изнутри меня жгла мысль: «Господи, неужели осталось так мало времени?».

- Что это с тобой? удивилась моя подруга. Все в порядке? А то какой-то ты горячий, и выглядишь не ахти.
 - Нет, все хорошо.

Эх, Вера, если бы ты только знала.

Во всей кутерьме, я забыл, что сегодня девятое мая, День Победы, который Вера и решила отпраздновать. Мой липовый брат высказался «за», мне же было все равно. Александр ушел в магазин на поиски достойного вина, Вера обложилась продуктами и посудой на кухне, решив что-нибудь приготовить, а я полез в душ. Все равно, буду только мешаться под ногами.

Закрывшись в ванной, я долго отмокал под теплыми струями воды, не переставая думать о дне расплаты. Что будет, когда Вера переспит с Александром? Конечно, можно обидеться на нее, объявить предательницей, но, учитывая, что именно по нашей вине она оказалась в ловушке, поступать так не очень-то честно. Фактически, мы, Выкидыши, создали все условия для того, чтобы это произошло, и Вере трудно будет противостоять натиску Александра, имеющего серьезные и теперь уже понятные мне мотивы. И все-таки было противно и больно думать об этом, но не думать я не мог. Черт, какой же я дурак, что вообще купился на советы Дениса! Но теперь отступать было поздно.

Когда с мытьем было покончено, я надел чистые джинсы и рубашку и покинул ванную. В прихожей я обнаружил ботинки Александра – значит, он уже вернулся. На кухне стояла типпина, а из комнаты в коридор струилась лирическая джазовая мелодия. Доносилось тихая игра фортепиано, сопровождаемого еле слышным аккомпанементом контрабаса. Я узнал тягуче плавный голос Дайаны Кролл и композицию "Folks who live on the hill" которую так любила Вера. Обычно она включала эту песню, когда на нее накатывали редкие приступы хандры. И тогда ее настроение передавалось мне.

Тихо закрыв ванную, я на цыпочках подошел к комнате и замер в дверном проеме. Портьеры на окнах были задернуты, и полумрак ласково окутывал две медленно танцующие фигуры, плывущие словно в тумане и казавшиеся бесконечно далекими от меня.

В объятиях Веры и Саши было столько робкой нежности, что на глаза невольно наворачивались слезы. В движениях столько естественной грации, что можно было пожертвовать многим, лишь бы единожды увидеть их союз. Глядя на этих прекрасных призраков, бесшумно танцующих в полутьме, я чувствовал, как каждая клеточка моего организма замирает. Остановилось дыхание, сердце боялось очередным ударом разрушить удивительную картину, и на мгновенье мне захотелось стать единым целым с витавшей в воздухе волшебной атмосферой любви.

Александр двигался, чуть склонив голову, и лбы танцующих соприкасались. Глаза обоих были закрыты, и, если лицо Александра для меня оставалось непроницаемым, то Вера, напротив, читалась как открытая книга. Такой расслабленной я ее давно уже не видел. Казалось, что это милое девичье лицо не способно отражать презрение и злость, а лишь бесконечную нежность и любовь. Не размыкая век, она вздохнула и положила голову на плечо Александру, а его руки еще сильнее прижали ее тело к себе.

²⁸ Diana Krall, 1995 «Only Trust Your Heart», Folks Who Live On The Hill.

Мое сердце рвалось на куски от ревности, захлестнувшей меня яростной волной. Грудь сдавил готовый вырваться наружу стон, в котором смешались отчаяние и боль за свою любовь. Страшно представить, что могло бы со мной случиться, продолжись это хоть немного дольше. Но музыка кончилась, и танцующие замерли, а я нечеловеческим усилием взял себя в руки.

– Оказывается, Александр еще и хорошо танцует, – замогильным голосом произнес я, скрестив на груди руки.

Вера вздрогнула от неожиданности и повернулась ко мне, выпустив партнера из своих объятий. Он не торопился ее отпускать.

– Да... Саша... – сбивчиво проронила моя подруга и виновато опустила взгляд, – он десять лет занимался бальными танцами. А мне так нравится танцевать, ты же знаешь...

Ее оправдания звучали неубедительно, и мы оба это понимали. Александр продолжал смотреть на Веру, так и не убрав рук с ее талии. Я старался уверить себя в том, что он действовал согласно нашей договоренности, но почему-то сейчас я испытывал к нему одну лишь жгучую ненависть. Я понял, что он не будет ей мстить, и самой Вере ничего не угрожает. Появление Александра угрожает мне, моей односторонней и безнадежной любви.

Задумчиво кивнув головой в ответ, я покинул их. Лучше бы я умер, не родившись. Все было настолько плохо.

Но я оппибался. На следующий день Вера сообщила мне новость: Александр наконец-то снял квартиру и переезжает жить отдельно. Вначале я обрадовался тому, что теперь они будут видеться намного реже, но когда она ушла помогать моему «брату» наводить порядок и вернулась лишь в десять вечера, я понял, что стало гораздо хуже. Спать мы легли молча — разговор между нами не клеился. Быстро исполнив ставший привычным ритуал, мы обнялись и заснули. Точнее, заснула одна Вера, а я большую часть ночи промучился бессонницей.

На следующий день, отсидев пару английского, перерыв и биохимию, с которой нас отпустили на полчаса раньше, я вернулся домой и обнаружил, что кроме голодного Луцика меня там никто не ждет. Взяв жалобно мяукавшего кота на руки, я отправился на кухню, чтобы накормить его и поесть самому. В холодильнике стоял свежеприготовленный суп с фрикадельками, а на столе лежала записка:

«Паша! Я давно обещала познакомить Саню с местными музыкантами, поэтому сегодня мы идем в гости. В семь вечера мы надеемся попасть в Jazz Club. Если хочешь, подходи тоже. Будем ждать!

Р.Ѕ. В случае чего, вернусь не раньше полуночи. Обед и ужин в холодильнике.

Крепко целую, Вера».

Я со злостью смял листок и швырнул в урну. «Будем ждать» – как бы ни так! Нужен я им там сто лет. Они начнут болтать о музыке, а я буду сидеть молча, как последний идиот. Во-первых, я ненавижу джаз. Во-вторых, и дураку ясно, что Вера приглашает меня из вежливости. А в-третьих, Александр работает по плану и....

– Черт! Черт! – вслух выкрикнул я, вспомнив, что сегодня наступило роковое «послезавтра».

Конечно, наш Казанова все продумал – подготовил квартиру, согласился на Верино предложение. Романтическая обстановка, соответствующая музыка и выпитое спиртное подействуют на Веру расслабляюще, и тогда она наверняка отдастся ему. Я вдруг понял, что всем сердцем не хочу этого. Что же делать? – подумал я и отчаянно заметался по комнате.

А ничего! Все уже сделано заранее. Под всем, чем можно, я уже подписался, и дело перешло в «надежные» руки. Если сейчас, когда Вера запала на Александра, я устрою ей сцену, то однозначно потеряю ее. Надо действовать осторожно. Или бездействовать. Я обреченно подошел к окну и уперся лбом в стекло. Что я наделал, в кого я превратился...

Выкурив три сигареты и для верности выпив валерьянки, я завалился спать – уж лучше так, чем изводить себя запоздалым раскаянием. Уснуть, правда, получилось далеко не сразу. Но все-таки получилось.

Меня разбудил включившийся ни с того ни с сего музыкальный центр. По ушам ударила барабанная дробь и сумасшедший рев гитар. Раздраженно вскочив с кровати, я отключил адскую музыку. Рядом с музыкальным центром я обнаружил свернутую вдвое записку. «Паше» – гласила надпись на ней.

«Если ты вдруг надумал прийти в клуб, то пора собираться — на часах без двадцати шесть.

Твоя Вера».

Это меня озадачило. Я присел на краешек кровати и обвел сонными глазами комнату. Очень странно, что Вера напоминает мне дважды. Может, она испытывает угрызения совести и тем самым дает себе и мне последний шанс?

Вдалеке вдруг забрезжила надежда. Ведь если это действительно так, то еще не все потеряно. Я могу заявиться в клуб и вернуть себе Веру, которая, вполне возможно, уже прозрела и вылечилась. Но, даже если нет, я все равно готов рискнуть – ведь не люби меня Вера, она бы не оставила эту записку, эту лазейку для меня. Я бросился одеваться.

Когда я был уже почти готов, снаружи раздался хриплый звук клаксона. Через несколько секунд он повторился.

На всякий случай я выглянул в окно. Внизу, около нависавшей над дорогой арки, которую образовывали трубы теплотрассы, стояла девятка моего одноклассника. Рядом с ней маячил сам Толик. Увидев меня, он оживленно замахал руками.

Выйдя на балкон, я увидел также и Дениса, оставшегося сидеть в салоне.

- Пашка, вылезай из своей берлоги! заорал Толик. Ноги в руки и пошел!
- Зачем?! бросил я ему.
- Потом все узнаешь! Только шустрее!

Пожав плечами, я последовал его совету и, накинув джинсовку, спустился вниз.

- Ты чего в тапках? - недовольно спросил Толик, усаживаясь за руль.

Я глянул вниз – действительно, в тапках.

- Да так... забыл переобуться.
- Бля, ты еще, поди, дома в халатике ходишь, проворчал он и расстегнул верхнюю пуговицу на своей кожаной жилетке. Ладно, садись.
 - В смысле? Мы куда-то едем?...
 - Дёнь, объясни ему, сказал мой одноклассник и завел двигатель.

Когда Денис с переднего сиденья обернулся ко мне, машина уже тронулась.

План был прост, как три копейки. Мы доезжаем до Джаз-клуба, находящегося неподалеку от дома моих родителей, и ждем Веру с Александром. Когда они появятся, мы обгоняем их и едем на квартиру к Александру. Задачей последнего является свести все к постели, но про наше присутствие он ничего не знает.

Прибыв на место заранее, мы спрячемся на балконе и будет наблюдать за происходящим. По словам Главного Выкидыша, как только план сработает, мы по-быстрому смотаем удочки. Благо, квартира расположена на втором этаже. Но я-то знал – все это лишь отговорки. И случись что-нибудь интересное, этих двоих отгуда за уши не вытащишь. Да и меня, наверное, тоже.

Остановившись неподалеку от Джаз-клуба, мы принялись ждать. В машине оказалось сидеть не так скучно, как я думал. Предусмотрительный Толик затарился пивом и «Кириешками», солеными сухариками, которые у нас очень популярны. Хоть он не шибко уважал закон, все равно ограничился одной бутылкой, а мы с Денисом уговорили по две. Если бы не слегка подмерзавшие в тапках ноги, можно было бы сказать, что я чувствовал

себя комфортно. Примерно в половину двенадцатого, когда на улице никого не осталось, разговор зашел об Александре, и тут я не сдержался, чтобы не насолить Денису:

– Толик, ты, кстати, о нашем Александре еще не все знаешь.

Главный Выкидыш навострил уши, сообразив, на что я намекаю.

- А чего о нем знать-то? Если не считать, что он сегодня Верку трахнет, обыкновенный пацан, ниче особо выдающегося, спокойно проговорил мой бывший одноклассник, хрустя сухариками.
 - Я бы не сказал. К твоему сведению, он голубой, как можно небрежнее заявил я.

Лицо Толика медленно вытягивалось. Денис также медленно вжимался в сиденье, готовясь, очевидно, к самому худшему. Ничего, успокоил я себя, пусть знает свое место.

– Да ну?! – вытаращил глаза громила.

Я подумал, что сейчас Денису придется несладко, однако Толик, расхохотавшись, потянулся за бутылкой. Такой реакции я не ожидал.

- Идеальный чувак педераст! Ну, ты, Дёнька, просто гений! продолжал смеяться Толик. Увидев кислую мину своего соседа, он по-дружески пихнул его кулаком в плечо:
- Вот ты хохмач, блин. Я до такого никогда бы не допёр! Она же педиков на дух не переносит, а когда просечет...

Не закончив фразу, он снова расхохотался, на что Денис вяло улыбнулся в ответ. А что еще ему оставалось делать перед Толиком? Так же как и мне доказывать, что он не стыдится своей ориентации, или, может, защищать своего постельного дружка? Я втихаря радовался этому унижению, которое отчасти окупало все прежние оскорбления Дениса.

– Тихо! – вдруг шикнул он. – Идут.

На крыльце клуба действительно появились наши герои. Подвыпившая, а может, просто уставшая, Вера буквально повисла на плече Александра, который по-прежнему был невозмутим и галантен. В длинном черном плаще он больше смахивал на английского лорда, по ошибке занесенного в эти края.

Вера остановилась и оглянулась по сторонам, но ничего подозрительного не заметила – наша машина расположилась на противоположной стороне улицы вдали от света фонарей. С неожиданной силой она схватила своего спутника за руку и потащила его к стоявшему невдалеке такси. Александр едва поспевал за ее быстрым шагом, словно хозяин, которого тащит вперед непослушная собака.

– Отвечаю, что-то будет! – взволнованно проговорил Толик и, осторожно выехав на проезжую часть, рванул в противоположную от преследуемых сторону.

Некоторое время мы ехали молча, затем я спросил:

- А где он живет-то?
- На Дзержинке, сказал Толик. Надо вперед них успеть.

Мы выбрали самую короткую дорогу, да еще неслись как сумасшедшие. Тем не менее, выйдя из машины, Толик все время нас поторапливал:

- Быстрее, быстрее! в очередной раз проговорил он и пикнул пейджером сигнализации. Так, второй этаж, шестая квартира. Пра'льно?
 - Да, да, нам туда, тоже засуетился Денис, устремившись вперед.

Их возбуждение передалось и мне, поэтому, влетев в подъезд (в этот вечер я, наверное, поставил мировой рекорд по скоростному бегу в тапках), мы больше напоминали грабителей, чем друзей квартиранта. Первым поднявшись на второй этаж, Денис кинулся отпирать дверь, а я испуганно озирался по сторонам, боясь, что нас кто-нибудь застукает.

Квартира Александра меня удивила – в однокомнатном пространстве он ухитрился создать одновременно объем и уют. Спартанская обстановка сразу бросалась в глаза. В квартире не было ничего лишнего из мебели, а вместо привычных обоев стены были покрыты однотонной пастельной побелкой, отчего она казалась больше, чем есть на самом деле. Времени вглядываться в обстановку особо не было, поэтому, не включая свет, мы сразу прошли на балкон, где, устроившись под окном, затаились.

– Форточку пихни, чтоб слышно было, – прошептал мне Толик.

Я поднялся с места и выполнил его просьбу. На улице было тепло, сверчки пели свои серенады, дул легкий майский ветерок и пахло ночной свежестью. Вытащив сигарету, я предложил ее Денису, и мы закурили. На душе стало немного спокойней. Ведь что может быть лучше тихого летнего вечера в компании закадычных друзей?.. мать их за ногу.

Шло время, а Вера с Александром так и не появлялись.

Толик с Денисом пристроились на каких-то ящиках, я же сидел на корточках, отчего у меня быстро затекали ноги и приходилось то и дело менять позу. Когда я заглядывал внутрь квартиры, ветка березы, нависавшая над балконом, больно тыкалась мне в плечо и хрустела. В конце концов, я не выдержал и сломал ее ко всем чертям.

Внезапно в квартире вспыхнул свет. Тревожно заколотилось сердце, и я прижался к стене. Выкидыши тоже замерли в ожидании того, что будет дальше. Никто не решался заглянуть в окно.

Прошло несколько тягостных минут. Скрипнула балконная дверь.

- «Пропали», подумал я. Рядом послышался приглушенный голос Александра:
- Надо же, забыл закрыть...

Дверь приоткрыли, но, слава Богу, никто не вышел наружу. Толик знаками пояснил, что, в случае чего, будем прыгать вниз. Мы с Денисом утвердительно кивнули ему в ответ.

Почетную роль первого вуайериста взял на себя Толик. Выудив из-за ящиков принесенный с собой пакет, он вытащил из него маленькую видеокамеру, казавшуюся совсем крохотной в его ручищах, и включил ее. Я возмутился:

- Ты чего?
- А чё? Толик удивленно посмотрел на меня. Думаешь, я пропущу такое зрелище? Ни фига, эта кассета в моей коллекции порнушки займет главное место.
 - Немедленно убери камеру, зашипел я на него.
 - А не то что?

Толик с Денисом насмешливо смотрели на меня.

- А не то я всех на уши поставлю своим криком, и тогда здесь появится не только Александр, но и Вера. Надеюсь, вы оба еще не забыли, на что она способна в гневе – веселой жизни вам тогда не миновать.
 - Дурак, ругнулся Толик, для тебя же стараемся.

Но камеру все же убрал. Привстав с насиженного места, он заглянул за стекло. Через несколько секунд Толик сел обратно и недовольно пробормотал:

- Бля, они в карты играют.
- На раздевание? нервно хихикнул Денис.

Мой бывший одноклассник не воспринял шутки и потускнел.

- За каким хреном мы тогда вообще сюда перлись?..
- Хороший вопрос, сказал я. А кому принадлежала эта замечательная идея?

Толик недовольно посмотрел на Дениса, но тот сделал вид, что ничего не заметил. Прошло еще десять минут.

- Ну, чё там? поерзав на месте, спросил Толик.
- Все по-прежнему, стараясь не выдать своего ликования, ответил я и с легким сердцем оторвался от стекла.
 - Уф-фу-фуф! злобно пропыхтел он. Он вообще собирается ее трахать?
 - Да кто знает, настроен он был решительно.
- Может, у него того... на баб не стоит? Он ведь педик, а они с бабами ни хрена не чувствуют.
- Он ведь гей, а не мумия, возмущенно зашентал Денис. И такого можно расшевелить.
 - А ты-то откуда знаешь? покосился на него Толик.

Прошел томительный час, и стало окончательно ясно, что фокус не удался. Денис даже попытался острить на этот счет, мол "Show must go off", но Толик только сильнее злился. Во-первых, английский ему был вообще до фени, а, во-вторых, он не понимал «почему так трудно завалить бабу, если она сама лезет к тебе в постель».

Я же, напротив, не находил себе места от счастья. Значит, Вера оправдывает свое имя, и в вопросах чести ей можно доверять. У меня появилась надежда на будущее.

Как можно тише мы слезли вниз и, сев в машину, удалились с места несостоявшегося преступления. Вначале Толик завез домой меня, а затем поехал отвозить Дениса, который, как выяснилось, жил на Черемошниках, самом криминальном районе нашего города. Подозреваю, что затем Толик поехал в сауну, чтобы расслабиться.

После подвига Веры мои чувства и доверие к ней заметно укрепились. За эту ночь я вдруг осознал всю бредовость замысла Дениса и вообще бесполезность советов Выкидышей. Все что мне нужно, чтобы быть с Верой, — это расти, стараться быть лучше и интереснее, заниматься делом, а не страдать ерундой. Словом, быть личностью. Как, например, Александр. И я впервые понял, что мне это по плечу. Оставалось лишь поставить в известность Толика и Дениса об отмене плана.

«Да, завтра так и сделаю», – с этой мыслью я и заснул.

Проснулся я рано, маятниковые часы в углу показывали половину шестого. За окном еще не сошла предугренняя серость. Подушка и простыня подо мной взмокли и были смяты – мне явно снилось что-то неприятное. Сначала я решил, что дело в Вере.

Ее по-прежнему не было дома, и это выглядело по меньшей мере подозрительно. Ведь если у них с Александром ничего не было, то почему она не вернулась ночевать домой? В конце концов, у него в квартире всего один единственный диван. И если они оба захотели бы спать...

Несмотря на вчерашние настроения, на душе опять стало гадко от невысказанных предположений. Но потом я понял, что меня тревожит нечто другое.

Сон окончательно покинул меня, и потому, сбросив на пол Луцика, мирно спящего на моем одеяле, я поднялся и включил музыкальный центр. По радио крутили рекламу сотовых телефонов. Спасибо, можете ничего мне о них не рассказывать, я уже в курсе.

Не успел я дойти до ванной, как раздался звонок в дверь – несколько раз и прерывисто, словно звонящий спешил. Неприятный ком в животе заныл, хотя казалось бы не с чего. В ожидании самого худшего, я открыл дверь. Но на пороге стоял тот, о ком я даже не мог подумать. Это был Косматый.

– Быстро собирайся, – сказал он. – Толик в беде.

Глава тридцать первая

ДУРНАЯ КРОВЬ

– У тебя какая группа крови? – спросил Косматый.

Предутренние улицы, проносясь за окном, казались сплошным серым маревом. Мы мчались в Тойоте Сергея. Бесшумно работал кондиционер, изредка помигивал радародетектор над приборной доской, реагируя больше на светофоры и сотовый Косматого, чем на редкие посты ГИБДД, магнитола исполняла очередной шлягер, а я сидел покрытый потом и безучастный ко всему, кроме мысли о Толике. Произошло что-то серьезное, иначе бы меня не спрашивали о крови. Значит, требуется переливание.

- Третья.
- Тем лучше, у него тоже, Сергей проигнорировал светофор и на полной скорости пронесся на красный свет. У меня первая, но, говорят, она к любой подходит.

Время от времени он сигналил тем, кто преграждал ему путь, то резко вырываясь вперед, то пристраиваясь в хвост к очередному автомобилю, когда мне казалось, что столкновения уже не миновать. В шесть утра на дорогах было на редкость много машин.

На спидометр я посмотрел один раз, и мне этого вполне хватило – с такой скоростью ГИБДДшникам лучше не попадаться даже на загородной трассе. Однако лицо Сергея было олицетворением спокойствия, что совсем не вязалось с тем, как он вел иномарку. Как и Толик, он явно не страшился штрафов – то ли доверял своему радародетектору, то ли надеялся на толстый кошелек.

Уже нет, – поправил я его. – Раньше так считалось, но теперь переливают родную группу крови.

Он на мгновение повернулся ко мне:

- Чё, правда?
- Да, правда. Могут развиться гемотрансфузионные осложнения.
- Что может развиться? поморщился он.
- Забьются почки и сосуды и тогда хана ему.
- Фак! А я уже пацанов напряг, они сейчас на станции будут. Что же делать-то?
- Ничего страшного. Третья группа это все-таки не четвертая, она встречается в среднем у одного из пяти. Так что твои парни нам еще пригодятся. У них трубки с собой?

Он кивнул.

– Звони им. Пусть все, у кого третья, сдают. Остальные отдыхают. Те, кто не знают свою группу, могут определить ее прямо на станции переливания крови. Анализ займет не более пяти минут. Если могут, пусть договорятся, и сами отвезут кровь со станции в больницу – так будет быстрее. Все понял?

Утвердительно буркнув, Косматый одной рукой выудил свой мобильник из барсетки. Дозвонившись, он повторил мои инструкции кому-то и приказал передать их остальным. Все это время я наблюдал за ним с интересом. Передо мной был уже не тот Косматый, которого я видел на разборках в пиццерии или в драке с Лешиком. Сейчас Сергей выглядел живее в моих глазах. Наверное, сказывалось то, что все прежние события для него не представляли личного интереса, а теперь дело касалось его друга, и от него многое зависело. Думаю, это же объясняло и его большее доверие ко мне, иначе что я тут делал?

 Объясни, наконец, что случилось, – обратился я к Сергею, когда тот закончил разговор.

Развезя нас с Денисом по домам, Толик, будучи на взводе, отправился в сауну. К счастью, за главного в ту смену был Косматый. Увидев своего друга, он понял, что с Толиком не все в порядке, и потому старался не терять его из виду в эту роковую ночь.

– Я как сердцем чуял, что-то произойдет.

Видимо, девушки так и не помогли Толику окончательно расслабиться, потому что, покидая заведение...

- ... он сильно ругался.
- На кого? спросил я.
- Не знаю. Он не уточнял.

Сергей решил не отпускать Толика одного в таком взведенном состоянии. Попросив парней подменить его, он отправился вместе со своим другом до его дома. Косматый поехал на Тойоте, Толик – на своей девятке.

- До меня не сразу дошло, что мы едем не к нему домой.
- Куда же вы тогда ехали?
- Об этом знал только он.
- А что потом?

 Потом... Думаю, Толян расслабился за рулем. Втопил газ на полную и погнал, я едва поспевал за ним.

Если Сергей так спокойно вел машину на скорости, с которой он ехал сейчас, то могу себе представить, как быстро несся тот.

Толику не повезло – этой ночью им так и не попался наряд ГИБДД, который бы остановил его и, тем самым, уберег бы от трагедии. Зато им попались...

– Уроды! Постоянно разроют что-нибудь и хрен знаки поставят. Короче, прямо посреди Фрунзе (это на центральной-то улице!) весь асфальт расковыряли, кучу ям оставили за собой. Ночью дальше нескольких метров ни черта не видать. Вот Толян и заметил их слишком поздно, ударил по тормозам, да куда там... На полной скорости влетел прямо в одну из ям. Не знаю, как еще машина не перевернулась.

Девятка Толика бешено заскакала по асфальту, и, потеряв управление, вылетела на встречную полосу. По ней как некстати двигалась Газель, тоже на приличной скорости.

– Удар был страшным. Оглохнуть можно было.

К счастью, столкновение не было лобовым – Газель, успев сманеврировать в последний момент, врезалась в правый бок развернувшейся девятки, и это спасло обоих водителей. Машины еще несколько метров, сцепившись, летели вперед и вскоре, остановившись, замерли.

– Когда я подъехал, он был весь в крови. Вдавленный в сиденье, зажатый со всех сторон останками своей же машины. Сначала я подумал, что он точно копыта откинул.

Но Толик дышал. Водитель Газели пострадал не так серьезно, отделавшись ушибами и кровоподтеками, и смог выйти самостоятельно. Сергей, не теряя времени, вызвал скорую и спасателей на место аварии. Прибывшие специалисты извлекли Толика из груды металлолома, еще недавно являвшейся машиной, а врачи, оказав первую помощь, сообщили, что у них в больнице нет третьей группы крови. Сергей тут же набрал по мобильнику станцию переливания крови, но по какому-то роковому стечению обстоятельств и у них почти не осталось третьей группы.

- Они посоветовали мне привезти всех, у кого третья группа, на станцию. Ну, я и поднял наших пацанов.
 - А почему ты ко мне обратился?

Сергей повернулся ко мне, его бритая голова была залита лучами восходящего солнца:

- Тебе крови, что ли, жалко?
- Нет, что ты! Но я же не «пацан» по твоим понятиям. С таким же успехом ты мог Дениса попросить.
- Да чё ты про понятия знаешь! А Денис... Лучше не вспоминай этого урода, процедил Косматый. С тех пор, как он появился, Толяна будто подменили. Как неродной стал, ей Богу. Ну, твоего Дениса в жопу!
 - Но почему я?
 - До приезда скорой он все твое имя повторял, глухо ответил он.

Мне показалось, что какой-то невидимый кулак ударил меня в солнечное сплетение. Из меня вышел весь воздух и не желал поступать обратно. Я никак не мог переварить мысль о том, что Толик звал меня, находясь при смерти. Почему меня? Что я для него значил? Я почти свыкся с мыслью, что готов потерять Веру, но никак не думал, что бояться надо за Толика. На душе стало настолько тяжело, что, не будь рядом Сергея, я бы расплакался.

Остаток пути мы проехали молча.

На станции переливания крови нас встретили еще двенадцать парней с короткими стрижками. Двоих из них я без труда признал – с ними я уже сталкивался в кафе, когда появился Толик и спас меня от подосланных Верой бандитов. Снова Толик...

Будь здесь Вера, она бы, наверняка, отпустила шутку о «конгрессе братков». Но ее здесь не было, были лишь я да эта дюжина мордоворотов. Чертова дюжина, если считать и Сергея.

У троих оказалась нужная группа крови (к счастью, с тем же резус-фактором, что у Толика), и, уже успев сдать ее, они сейчас сидели на лавке. Остальные ждали приезда Косматого и дальнейших распоряжений. Видимо, Сергей стал их негласным лидером. Пока он о чем-то говорил с парнями, я подошел к окошку, за которым сидела рыжеволосая женщина средних лет, и протянул ей свой паспорт. Она записала мои данные и задала несколько вопросов, на которые я старался поскорее ответить.

– Порядок, – Косматый оперся о стену рядом со мной. – Я звонил в больницу, там наши сейчас дежурят. Врач сказал, что Толяну нужно два литра крови. Пацаны уже сдали по триста, да здесь был еще литр. Наши увезли кровь в больницу, она уже там. Ты еще на всякий случай сдай свою порцию, и тогда все будет путем.

Через двадцать минут я сидел на лавочке и отрешенно смотрел в потолок. Держа руку согнутой в локте, я пытался придти в себя – голова казалась совсем легкой, и меня немного подташнивало. Процедура взятия крови прошла безболезненно, хотя я готовился к худшему. Совсем недавно, когда втыкали иглу или когда я наблюдал за медленно набухающим пакетиком с кровью, похожим на вынутый человеческий орган, мне стало не по себе. Одно дело смотреть на мертвые тела в анатомке, другое – наблюдать за тем, как кровь покидает еще живое тело, к тому же твое собственное. Хорошо, что я на хирурга не собираюсь учиться.

Друзей Толика и Сергея явно поубавилось. Остались лишь те, кто сдал кровь до меня, еще трое парней и Косматый. За окном вовсю светило утреннее солнце, доносилась радостная птичья трель. День только начинался, а я чувствовал себя так, будто тяжелые сутки уже позади. Ощущение нереальности происходящего прочно завладело мной. Мою порцию крови недавно увезли в больницу, и теперь я отдыхал.

Возле меня стояли двое – тихий сгорбленный старик с авоськой в руке и девица, видимо, его внучка. Последняя больше смахивала на молодую деревенскую бабу. Без косметики и в плохонькой одежде, ее можно было бы причислить к разряду тех, на ком мужской взгляд не задерживается, если бы не одно обстоятельство. Эта девушка буквально источала некую силу жизненной радости, на которую невозможно было смотреть равнодушно.

Возможно, сдача крови немного помутила мой рассудок, и в моей голове все перемешалось, но в тот момент мне почему-то казалось, что она олицетворяет собой все самое здоровое и естественное на свете. Эти длинные русые волосы, эти большие чистые глаза и этот громкий дивный смех, который мог принадлежать только по-настоящему свободному человеку.

 – Да что ты так переживаешь? – смеясь, обратилась она к деду. – Боишься, что меня убудет, если я кровушку сдам? Да ты не пугайся, ее полно во мне, дурной крови-то.

Я не слышал, что ответил старик, меня заинтриговали слова «дурная кровь». Нет, я и раньше встречал это словосочетание, но почему-то именно сейчас, сидя на неудобной деревянной лавке, прислонившись к холодной каменной стене, я оценил сокрытый в нем смысл.

Действительно, многие на моем месте могли бы сказать, что в Вере полным-полно дурной крови. Уж кто, как не она своими действиями заслуживала это звание? Но так ли это? Сейчас передо мной стояла другая Вера, другая ее ипостась. Пускай она уступает моей по внешнему виду, но никак не по силе духа. Глядя на нее, я никак не мог сказать, что ее кровь дурна. Если и есть на этом свете хоть один здоровый человек, то вот он здесь.

Скорее, дурная кровь в нас – тех, кого Вера всеми силами тащила за собой. Дурная кровь есть в Толике, ее полно в Денисе, и, наверняка, она течет и по моим жилам. Интересно, сколько ее в Александре, и есть ли она в нем вообще?

Мои размышления прервали выкрики Косматого.

 - Приеду – всех урою!!! – впервые потеряв хладнокровие, орал он. – Да насрать мне на все, понятно?! Мало ли, что он чей-то племянник. Эта кровь была для Толяна, точка!

С покрасневшим от ярости лицом он расхаживал по небольшой приемной взад и вперед, словно дикий зверь в клетке, стиснув в руке мобильник и прижимая его к уху. Все остальные, включая девицу, деда, меня и рыжую тетку за стеклом, удивленно смотрели на него. Добавив несколько цветастых выражений, Сергей приказал ждать, пока он не позвонит.

– Откуда я знаю? Что-нибудь придумаем, – отключив телефон, он взревел и со всей силы ударил кулаком в стену.

По его взгляду я решил, что он сейчас близок к тому, чтобы кого-нибудь убить, и мне стало страшно. Я пока плохо понимал, что происходит, но это и не было важно. Перед лицом такой ненависти вопросов не оставалось. Но вместо этого, тряхнув разок-другой ноющую от удара кисть, он подошел к нам и рассказал, в чем дело.

В больницу поступил племянник мэра, который был тяжело болен. Ему требовалось срочное переливание крови, и по закону подлости ему требовалась кровь третьей группы. Видимо, мэр лично приехал в больницу и нажал на врачей, чтобы те обеспечили всю донорскую кровь, которую только смогут найти. Забрали даже кровь, предназначенную для Толика.

 Суки! – бессильно выдохнул Сергей и обхватил свою гладко выбритую голову руками. – Он же там подыхает, а они…

Типина в воздухе, казалось, застыла, в ожидании того, кто ее нарушит первым. Я посмотрел на Косматого, который был на грани срыва, затем на парней, сидевших на своих местах, и, наконец, остановил взгляд на девице. Она, как и я, взволнованно смотрела то на одного, то на другого, наверное пытаясь понять, что же мы теперь будем делать. И глядя на нее, казавшуюся мне воплощением здоровья и воли, но теперь пребывающей в растерянности, я вдруг кое-что понял. Именно сейчас, когда все совсем плохо и казалось бы ничего уже не поделаешь, нам парням нужно держать себя в руках и бороться до последнего.

– Ну что, пацаны, – обратился я к оставшейся троице доноров, – давайте отольём еще по пол-литра.

Сергей посмотрел на меня не верящими глазами:

- А чё, можно? Вы же недавно каждый по триста сдали.
- У тебя есть идея получше? ровным голосом спросил я.

Врач и медсестра удивились, когда я второй раз появился у них в комнате. Но еще большее удивление у них вызвала моя просьба.

- Нет, ни в коем случае! Вы уже сдали свою порцию. Больше нельзя, особенно тем, кто сдает в первый раз, отказывался врач, толстый и лысоватый мужчина лет сорока. Он явно боялся брать на себя такую ответственность.
 - Поймите, там мой друг, он умрет без этой крови.
- Это еще вопрос, пусть поищут по другим больницам наверняка, где-то что-то завалялось. Или найдите других доноров. А вот вас после сдачи почти литра крови точно придется откачивать. Я по вашей милости не хочу иметь неприятностей.
- Никаких неприятностей, я вам слово даю. И потом, никого не надо будет откачивать, просто станет немного дурно и все, я, конечно, слегка преувеличивал, но сейчас был готов врать и вымаливать их согласие ради спасения Толика.

Однако, сколько я не убеждал врача, опираясь на свои медицинские знания, он стоял на своем. Я бы на его месте давно оценил ситуацию. Время шло, а дело не двигалось с

мертвой точки. Тогда я позвал Сергея с друзьями в комнату. У них были свои методы убеждения, и, надо сказать, весьма действенные.

Я решил сдавать свою порцию первым. Пока кровь медленно покидала мое тело, я успел один раз отключиться, но, к счастью, ненадолго. Врач, то и дело вытирая платком лицо, уже не раз просил отменить процедуру, но я, стараясь не выдавать слабости, приказывал ему продолжать. Косматый стоял за плечом у испуганного врача и смотрел на меня.

Помню, когда вытащили иглу из вены, я осторожно огляделся вокруг – пока еще в сознании. Не замечая тревожных взглядов, обращенных на меня, я с помощью Сергея осторожно поднялся.

– Все в порядке, я сам, – отстранил я его слабым голосом.

Сделав пару неуверенных шагов к двери, я почувствовал, что пол вдруг начал уходить из под ног, комната подернулась мутной дымкой и завертелась перед глазами. Подхвативших меня рук я уже не почувствовал.

Как это часто бывает во снах, свое окружение я видел нечетко. Различались лишь откинутое кресло, в котором я полулежал, и врач, забиравший у меня кровь. Во сне он превратился в высокого и сильного мужчину – гораздо привлекательней, чем в жизни. Его даже не портили небольшие, как у вампира, клыки, торчащие изо рта, и неестественно-алого цвета губы, словно накрашенные помадой. Доктор Дракула нависал надо мной, дьявольски улыбаясь.

Со словами «Думаю, тебя нужно инициировать очень мягко», он склонился ниже и впился зубами мне в запястье. От боли снова стало дурно, но растерянность продолжалась лишь мгновение. Опомнившись, я стал бить его свободной рукой по голове. В удары я вкладывал всю свою ненависть и страх к чудовищу, и очень скоро его голова превратилась в кровавое месиво. Однако вампир с легкостью выдержал град сыпавшихся на него ударов и по прежнему высасывал из меня кровь.

Казалось, что все мои старания, не смотря на видимые повреждения, напрасны. Я стал выдыхаться, и мои попытки вырваться слабели с каждым ударом. В какой-то момент я прекратил всякое сопротивление и увидел своего врага в новом свете. Теперь я почти не испытывал боли, напротив, мне было даже приятно ощущение того, как кровь медленно покидает мое тело. Я отрешенно наблюдал за тем, как дергается кадык моего убийцы, всякий раз, когда он, причмокивая, заглатывал очередную порцию крови. Все происходящее вдруг показалось мне эротичным, и я захотел прикоснуться к нему.

Опустив руку ему на спину, я погладил ее и, скользнув ниже, к его ягодицам, почувствовал, как меня охватывает возбуждение. Доктор поднял свое измазанное кровью лицо и, посмотрев на меня, понимающе улыбнулся. Он знал, о чем я думал, что чувствовал в этот момент. И по его взгляду я понял, что он хочет того же самого.

Трудно описать что было потом, но все случайные мысли, загнанные в угол фантазии, вынырнули из темноты души на свет. Я более не мог себя сдерживать. Оторвав голову доктора от моей руки, я притянул его к себе и впился в его губы. Моя кровь размазывалась по нашим лицам, что приводило меня в неистовство, мне хотелось большего. Неожиданно мой партнер отстранился сам и взглянул на меня. Доктора не было и в помине, теперь это был Денис.

Когда я открыл глаза, то не сразу понял, где нахожусь. На душе остался мерзкий осадок, противный вдвойне еще оттого, что я по-настоящему возбудился. Вот и якшайся после этого с голубыми. Стараясь не обращать внимание на возникшую во время сна эрекцию, я огляделся.

Подвесной потолок с витиеватыми узорами показался мне знакомым. Осторожно повернув голову, я посмотрел на стены, покрытые рельефными белыми обоями. В углу

напротив стоял огромный телевизор и кожаное кресло, рядом был небольшой стеклянный столик с небрежно брошенной на него кипой журналов. По телевизору показывали какойто фильм, но я ничего не слышал. Через несколько секунд я все же догадался, что со слухом у меня все в порядке — у телевизора был выключен звук. Тяжелый взгляд скользнул дальше по стене и наткнулся на большое окно, за которым раскинулась темень. Получается, я нахожусь в сауне Толика. Интересно, который час?

Я приподнялся и почувствовал, как у меня закружилась голова. Откинувшись на спинку кожаного дивана, оказавшегося подо мной, я закрыл глаза и попытался подавить возникшую тошноту. Спустя несколько секунд скрипнула дверь, и я услышал женский возглас:

– Проснулся!

Глаза открылись, но слишком поздно, я увидел лишь спину убегающей девушки в бежевом халате. Пока я пытался сообразить, что к чему, дверь снова открылась, и в комнату вошел Сергей, а следом – та самая беглянка. Несмотря на общую слабость, я все же не мог не обратить внимания на то, что халат на ней был довольно откровенный. Он недвусмысленно намекал на ее превосходное тело. Догадаться о роде ее занятий тоже не составило труда.

Косматый подошел ко мне и с чувством пожал руку, отчего я, невольно крякнув, повалился набок. Его тут же оттеснила девушка и склонилась надо мной.

– Ну, кто ж так делает? Он только очнулся, а ты… – с упреком произнесла она, и принялась гладить мой лоб.

Приятная прохлада ее нежных пальцев сделала свое дело, и я почувствовал себя гораздо лучше. Открыв глаза, я увидел ее лицо над собой. На нем было слишком много косметики, делавшей ее старше, но глаза выдавали истинный возраст. Мне показалось, что мы с ней одногодки или же она чуть младше меня. Я перевел взгляд на Сергея.

- Как Толик? спросил я неокрепшим голосом.
- Будет жить.
- А парни?
- Оклемываются. Никто, кроме тебя, сознания не терял, но ты бы видел их бледные рожи.

Появившаяся на его лице улыбка, изменила Серегу – несмотря на сверкающий золотой зуб, и бандитскую физиономию, он стал больше походить на довольного мальчишку, чем на заматерелого «братка», и я в очередной раз понял, что ни черта не разбираюсь в людях. А еще я неожиданно обнаружил, что мне нравится запах склонившейся надо мной девушки.

От нее пахло ненавязчивыми духами, яблочным шампунем и свежестью. На шее у девушки красовалась небольшая татуировка бабочки, с ярким замысловатым узором на крыльях. Видимо, я не совсем еще проснулся, потому что на моих глазах бабочка пару раз взмахнула крыльями. Мне вдруг подумалось, что она является олицетворением всего хорошего, что есть в людях. Наверное, такую бабочку можно найти у каждого, просто у некоторых ее почти не заметно, но она все равно есть. Брр! О чем это я?..

– Молодец, Паха, – Косматый посмотрел на меня, и в его взгляде я прочитал еще одно крепкое мужское рукопожатие, которое приберегается только для истинных друзей. – Ты настоящий пацан.

После его простых грубоватых слов мне стало легко на душе, и я испугался, что если он еще отвесит какой-нибудь из своих комплиментов, я не выдержу и расплачусь от горячего приятного кома в груди. Кажется, девушка правильно поняла меня и, тепло улыбнувшись, прошептала так, чтобы услышал только я:

– Ничего, ничего. Все хорошо.

И погладила меня по щеке.

 Кстати, знакомься, – произнес Косматый, – это Света. Будет за тобой ухаживать, пока ты здесь.

- Какой еще «здесь»? возмутился я. У меня занятия в институте, сессия уже скоро, да и дома дела.
- Дела подождут, а насчет института не бойся. Если тебя кто-то гнобить будет, мы забашляем. И вообще, ты теперь наш гость и тебе прописан отдых. Это уже врач сказал.

Я хотел было объяснить Серёге, что он слишком уж просто относится к жизни, но потом вдруг подумал, а может, так оно и надо. Не стоит самому все усложнять. И мои отнекивания застряли у меня в горле.

– Так-то лучше, – кивнул головой Косматый, увидев, что я решил не спорить. – Поешь фруктов, отлежись, за тобой будет ухаживать Света. Она свой человек, и сделает все, что ты захочешь.

В двусмысленности его слов сомневаться не приходилось, тем более, что я уже давно понял, кто такая эта Света. Но сейчас мне было тепло и хорошо на душе – впервые обо мне заботился не кто-нибудь из родных или близких, а сторонний человек, которому я просто симпатичен. Хотя нет, была еще Вера...

Впрочем, почему была?..

Была, не была...

Λа-ла...

Я не заметил, как провалился в сон.

Проснулся я оттого, что меня осторожно тормошили за плечо. За окном попрежнему было темно, и только торшер в углу рассеивал по комнате мягкий свет. Мои глаза сфокусировались на Свете, державшую в руках дымящуюся кружку.

Девушка склонилась надо мной так, что вырез халата открылся, и я увидел ее налитую грудь. Мои глаза не желали отрываться от этой красоты. Но либо она не видела, куда направлен мой взгляд, либо не придавала этому значения.

- Вот, сказала она, протягивая мне кружку, тебе надо подкрепиться.
- coreorP -
- Куриный бульон с мясом и овощами. То, что тебе сейчас нужно. А то ты с утра ничего не ел, только спал, мы уже начали волноваться.

Я присел на диване, оказавшимся довольно широким, и принял кружку из ее рук. Издалека доносились приглушенные голоса, кто-то временами хлопал дверьми, за окном послышалось, как отъезжает автомобиль. Света извлекла сигарету из лежащей на столе пачки и закурила.

- А который час? спросил я, впервые проявив интерес к своему окружению.
- Половина первого. Работа в самом разгаре.

Я вдруг понял, о какой работе она говорит, и мне стало неловко. Я отвел взгляд, чтобы она не прочитала моих мыслей.

- Не смущайся ты так, - сказала Света, выпустив тонкую струйку дыма. - Я от тебя не буду отходить, пока ты здесь. И вообще, хватит разговаривать, ешь давай.

Вдохнув густой аромат принесенной еды, я вдруг понял, что проголодался так, что готов сейчас съесть гораздо больше, чем просто чашку супа. Сделав несколько жадных глотков, я чуть не обжегся, и часть бульона пролилась по подбородку вниз. Мое лицо покраснело от стыда.

Я перевел взгляд на Свету и увидел, что та улыбается, прикрыв рот рукой. Однако в ее улыбке не было ничего оскорбительного, отчего она невольно напомнила мне Виту. И если та была веселой девчушкой, то Света больше смахивала на взрослую женщину – как телом, так и поведением.

 Спасибо, – сказал я, утерев лицо, и снова принялся попивать суп, на этот раз осторожнее.

Она погладила меня по голове и с почти материнским выражением произнесла:

– Бедняжка, проголодался совсем.

Я утвердительно хмыкнул в ответ, потому что мой рот снова был полон. Света, затуппив сигарету в пепельнице, покинула комнату и скоро вернулась с большой тарелкой. К своей радости, я увидел огромную порцию картофельного пюре, жареную печенку и зелень. Она без слов поставила блюдо на столик рядом с диваном и, усевшись в свое кресло, перевела взгляд на окно, видимо, из чувства такта.

Когда с едой было покончено, мои веки налились свинцовой тяжестью, и я почувствовал, что еще вот-вот и я окончательно засну. Света все так же без слов убрала тарелку с чашкой.

– А теперь засыпай.

Когда я снова проснулся, то обнаружил, что меня укрыли одеялом. За окном все еще было темно, но посторонних звуков я больше не слышал — где-то вдалеке едва различимо играло радио, но это был единственный звук, тревоживший ночную тишину. Перевернувшись на другой бок, я увидел Свету.

Она спала в кресле у окна, поджав под себя ноги. Луна выглянула из-за туч, и робкий луч света упал прямо на ее лицо. Меня поразило то, насколько молодой она выглядела при таком освещении. Куда-то пропало уверенное выражение лица, исчезли женственные нотки, сейчас она казалась девочкой. Девочкой, которая берегла мой покой.

Новые теплые чувства завладели моей душой. Оказывается, сколько на свете хороших людей. Не надо спешить с выводами и судить только по первому впечатлению или каким-то броским внешним атрибутам. Взять хотя бы Толика или Сергея – типичные бандиты, с такими столкнешься на улице и пожалеешь. Но это только на первый взгляд – о лучших друзьях и мечтать не стоит. Каждый из них ради друга готов на все. Или тот же Алексей, вышибала в клубе для людей сомнительной ориентации, разъезжающий на иномарке. Ведь он по-своему тоже помог мне. Или Света.

Я снова посмотрел на нее. Светлые волосы струились по плечам серебряными ручейками, руки скрещены на груди, видимо, от холода, сама сжалась в комочек в этом огромном кресле. И глаза, поблескивающие в темноте двумя точками...

- Ты не спишь? прошептал я.
- Ничего, сейчас засну.

Она повернулась ко мне спиной и зябко повела плечами. Я сглотнул слюну так, что мне показалось, будто это слышали все, кто был в здании.

- Свет.
- Что? спросила она, не поворачиваясь.
- Если тебе холодно, то иди ко мне. Здесь места на двоих хватит.

Я видел, как напряглись ее плечи, и она предстала передо мной словно раскрытая книга. Мне были понятны все ее мысли.

– Не переживай. Сегодня я на такие подвиги не способен. Просто вместе будет теплее, а то еще простудишься у окна-то.

Света не ответила мне, и я решил, что все испортил. Зачем я только поддался этому дурацкому порыву? Конечно, любая девушка на ее месте истолковала бы мои намерения соответствующим образом. Как, наверняка, истолковала и она. Только зря оскорбил хорошего человека. Она ведь сейчас, наверное, думает, вот, мол, парень, спит в одной комнате с проституткой, так почему бы не воспользоваться моментом.

Я готов был извиниться, но она молча встала и подошла к дивану.

- Это все? спросила она, глядя на меня сверху вниз.
- Да. То есть, нет. То, что ты думаешь, это все неправильно, и потом я так не могу.
- Чего не можешь?
- Ты знаешь.

Она покачала головой:

- Ты сказал «не могу», но не «не хочу».

Почему я вижу Веру в каждом лице?

– Да ладно, не переживай. Верю я тебе, верю, – она взъерошила мои волосы.

Света потянула за пояс, узелок развязался и халат соскользнул к ее ногам. Теперь из одежды на ней остались лишь белые шелковые шортики.

- Это еще зачем? испуганно спросил я.
- Голым телом гораздо теплее. И потом, усмехнулась она, ты ведь все равно так не можешь.

С этими словами Света залезла ко мне под одеяло и, повернувшись спиной, заставила обнять ее за талию.

- Спокойной ночи, прошептала она.
- Спокойной ночи, также тихо ответил я.

Несмотря на мои опасения, заснули мы довольно быстро.

Глава тридцать вторая

конец пути

Следующие три дня пролетели в одно мгновение. Меня словно вытащили из омута повседневной жизни и переместили в волшебный оазис. Я был в тепле, уюте и окружен заботой. В такой обстановке немудрено было расслабиться.

Света оказалась верна своему слову и действительно не отходила от меня. После первой совместно проведенной ночи между нами ничего не изменилось. То есть, по-своему, конечно, изменилось, мы общались теперь на личные темы, которыми делятся лишь самые близкие друзья. Мы по-прежнему спали вместе каждую ночь, но так и не перешли ту черту, после которой мужчина может назвать женщину своей. Мне нравилось обнимать ее роскошное податливое тело, ей нравилось греться об меня, однако чего-то большего не происходило.

Кормили меня буквально на убой, вкусно и много, не забывали также о деликатесах: шоколаде, мороженом и фруктах. К окончанию моего пребывания в сауне, я даже успел, как мне кажется, пополнеть на лицо. Сергей регулярно наведывался ко мне и интересовался самочувствием. От него я узнавал новости о Толике. Здоровье последнего было уже вне опасности, и теперь тот шел на поправку. Посетителей к нему пока не пускали, но Косматый узнал, что тот пришел в сознание на второй день и открыл глаза. Врачи сказали, что если бы не его великолепное здоровье и вовремя подоспевшая кровь, он бы не выдюжил. Мне было приятно осознавать, что я действительно помог кому-то. Вера бы мной гордилась.

Если Косматый и подозревал, что между мной и Светой отношения вышли за рамки больного и ухажерки, то не подал виду.

За это время я думал о многом – Вере, родителях, институте, но по большей части о себе. И еще больше укрепился в своем решении положить конец затее с Александром. Я больше не испытывал презрения к Денису, эти чувства остались в прошлом. За последние дни мне вдруг стало понятно, в чем заключалась моя ошибка. Раньше я готов был слушать кого угодно, но только не себя. Наверное, я просто не доверял себе. Но попав на время в этот оазис, я понял, что у всех нас разные пути в этой жизни, и не стоит считать чей-то путь более верным. Чей-то, но только не свой.

Я рад, что ты выздоровел, – сказала на прощание Света и поцеловала меня.
 Она даже не представляла себе, насколько я излечился.

Открыв дверь в квартиру, я услышал знакомое мяуканье и вдруг с ужасом вспомнил о Луцике – ведь я совершенно забыл о нем за эти дни. Выбежав ко мне, молодой кот привычно потерся о ноги и заурчал. Если он и был жутко голоден, то по нему этого не было заметно.

На кухне его миски с едой и водой были полны. На столе лежала записка:

«Где тебя носит? Изверг, ты совсем забыл о котенке. И обо мне тоже. Это непростительно. Мне надо серьезно поговорить с тобой»

В конце целые две строчки были старательно зачеркнуты, и сколько я ни старался, выяснить, что же там написано, у меня ничего не получалось. Чуть ниже стояла подпись «Вера». Я видел, что записка составлена в спешке и, видимо, в сильном волнении – привычный Верин почерк на этот раз был размашист и нестроен. Мне это совсем не понравилось.

Наверное, мне все-таки следовало связаться с Верой, пока я держал постельный режим. Наверняка, она сильно волновалась, хоть и постаралась скрыть это за шутливым тоном своей записки. Я вернулся к словам «поговорить с тобой», и меня вдруг осенила мысль. А что если разговор касается вовсе не моего необъясненного отсутствия, а чего-то другого? Например, Александра. Вдруг он раскололся и выложил всю правду о Выкидышах? Тогда я последний подлец в ее глазах. И все мои планы могут рухнуть в одночасье.

О боже, только не это! Только не сейчас, когда я начал все понимать.

– Паша!

Я закрывал дверь трясущимися от волнения руками, когда меня окликнули сзади. Это оказался Денис — запыхавшийся и покрасневший от бега на пятый этаж. Сейчас мне было совсем не до него.

- Хорошо, что я успел застать тебя. Косматый мне сказал, что ты поехал домой. Я боялся, что мы разминемся.
 - В чем дело?

Я хотел как можно быстрее отделаться от него.

- Ты пошел искать Веру?
- Да, и сразу хочу сказать, что с твоей дурацкой затеей покончено. Я больше не играю в эти игры. Так что отстань от меня.
- Именно об этом я и хотел с тобой поговорить, отдышавшись, произнес он и, убрав руку с перил, подошел ко мне ближе.
- Денис, даже не думай меня оттоваривать! я отступил назад, а мой голос больше походил на едва сдерживаемый крик. Я не хочу давиться очередной порцией твоих аргументов, и не хочу, чтобы ты манипулировал мной. Мне все это надоело! Я постараюсь сам разобраться с Верой без чьей-либо помощи. Все, концерт закончен! Выкидышей больше нет!

Он терпеливо ждал, пока я выговорюсь. Его губы презрительно скривились, и я вдруг увидел прежнего Дениса.

– Ты, как всегда, ничего не понял, Пашка. Дурак ты, дурак! Твоя правда только в одном – Выкидышей действительно больше нет. И знаешь, почему? Потому что Вера бросила тебя! Она живет у Александра с того самого дня, как ты пропал. И он меня тоже бросил! Нас обоих ки-ну-ли!

Я словно проглотил кусок льда, который медленно опускался в желудок, омертвляя все на своем пути. Из носа потекло, и я машинально облизнул губу.

– Черт! Да у тебя кровь носом пошла, – воскликнул Денис. – Открывай дверь, нужно срочно холодный компресс наложить.

Мы сидим на кухне и пьем водку. Не знаю, когда Денис успел сбегать за ней. За окном стемнело, но я даже не помню, как село солнце. Происходящее меня совершенно не интересует. Все, что имеет сейчас значение, это вливание в себя очередной рюмки так, чтобы потом не стошнило. Обнимать унитаз и изливать ему душу я сегодня точно не хочу.

Вначале я порывался бросить все и поехать на квартиру к Александру, чтобы посмотреть Вере в глаза. Ничего не говорить, ни в чем не упрекать, просто посмотреть. Интересно, что я смогу разглядеть в этом омуте предательства и лжи?

- Оно тебе надо? Опять унизиться перед ней хочешь? поинтересовался Денис.
- Почему унизиться?
- Да потому что она уже все решила. Ты посмотри, она даже все свои вещи вывезла из твоей квартиры. Неужели не понятно, что она не собирается к тебе возвращаться?

На нетвердых ногах я обощел свою квартиру и убедился, что Денис прав – вещей Веры действительно не наблюдалось. Все было потеряно. После этого я сник окончательно.

Мне не было грустно, не было тяжело, я вообще ничего не чувствовал. Водка быстро ударила в голову, и я был ей за это благодарен. Денис мне что-то объяснял, доказывал, успокаивал, но мне было наплевать на него. Я кивал в ответ на его увещевания, а сам ждал, когда же наступит благословенное хмельное ничто.

В какой-то момент вдруг появился Косматый, хотя очень может быть, я просто вообразил это. Я, кажется, даже обнял его и пьяно поцеловал в щеку. Он выглядел недовольным. Потом они о чем-то шушукались с Денисом в сторонке от меня, причем Денис явно повысил голос на Сергея, но тот и бровью не повел. Более того он даже вроде как согласился в чем-то с Главным Выкидышем.

Хотя, какой он, к черту, Выкидыш, тем более главный? Нету никаких Выкидышей, иссякли все. И все же Верка-стервка в очередной раз сделала все по-своему. Неужели не могла подождать, пока я вернусь? Объяснить мне все по-человечески, а не так вот подло в спину...

– Да ты совсем скис, Паха.

Меня потрепали по плечу, и я задрал голову. Сверху на меня смотрело небритое лицо Сергея – значит, он мне не померещился. Я вдруг понял, что плачу.

Я... это, спаси... сибо.

Он неодобрительно покачал головой.

Что, презираешь меня за то, что я плачу? А мне насрать! Уж такой, какой есть. Не нравится? Поступай как все – бросай меня. Вера меня бросила, так почему бы тебе не сделать то же самое?

Забыв о нем, я выпил еще одну рюмку и, кажется, задремал.

– Они там трахаются, суки, и даже не думают о нас!

Я повернул голову на источник звука и обнаружил, что говорит Денис.

- Ты думаешь, тебе одному тяжело? А как я, по-твоему, себя чувствую? Ведь я потерял своего Сашеньку! И кому?! Той же самой Вере. Думаешь...
 - Ааамне сёрано, я мотнул головой в подтверждение своих слов и снова заплакал.
 Он обнял меня за плечи.
- Ничего, Паша, ничего. Мы им еще покажем. Они думают, что мы тут будем убиваться, что у нас больше никого не будет, но они ошибаются. Мы им еще покажем.

Я так и не успел спросить, что именно мы им покажем, потому что снова отключился.

Моя рука обнимала чью-то талию. Это было первое, что я почувствовал, когда проснулся угром. Вторым ощущением была жуткая головная боль. Открыв глаза, я увидел знакомые светлые волосы. Рядом со мной лежала спящая Света. Откуда она взялась?

Стараясь не потревожить ее сон, я приподнялся и замер. Напротив кровати, закинув ногу за ногу, на стуле сидела Вера и смотрела на меня. Только вместо привычного

уверенного выражения на ее лице, я увидел неприкрытую усталость, и мне показалось, что передо мной впервые настоящий человек, а не маска, которую она носила до этого. Со щемящей тоской я вдруг понял, что Вера по-прежнему владеет моим сердцем, несмотря на ее бесчеловечный поступок.

 Значит, вот чем ты тут занимаешься, – растягивая слова, произнесла она. – Не ожидала, что ты так скоро меня позабудешь.

Пробормотав что-то во сне, Света перевернулась на другой бок.

Несмотря на вспыхнувшие чувства, я готов был задушить Веру за всю несправедливость ее слов и потому даже не попытался выяснить или объяснить присутствие девушки в одной постели со мной.

– Да только мне до тебя далеко! – выкрикнул я и скривился от резкой боли в висках.

Света проснулась и, увидев меня, улыбнулась:

– Доброе утро, Паша. Ты чего это кричишь с утра пораньше?

Она лежала ко мне лицом и потому не видела Веру.

– Я смотрю, ты уже до проституток докатился. Поздравляю!

Света удивленно обернулась на незнакомый голос.

- Не смей называть ее так! Я тебе запрещаю, ярость во мне так и кипела, но я старался не сорваться на крик, чтобы не тревожить мою больную голову. Она гораздо лучше, чем ты.
 - Так это ты та самая Вера? на удивление спокойно поинтересовалась Света.

Вера не удостоила ее ответом.

- И чем же, интересно, она лучше меня?
- Да хотя бы тем, что не врет напропалую. И тем, что может быть просто женщиной без всяких твоих заморочек.
 - А тебе, значит, время от времени нужна «просто женщина»? Меня уже мало?

Света поднялась, прикрывшись покрывалом:

– Простите, я лучше выйду. Не хочу вам мешать.

Она стояла спиной ко мне, и я увидел, что на этот раз на ней не было даже привычных шортиков.

Да нет, ты уже нам ничем не помешаешь, – сказала Вера, толкнув Свету в грудь,
 отчего та приземлилась на постель рядом со мной.

Света упрямо поднялась и, стараясь не глядеть на мою подругу, глухо произнесла:

- И все-таки я выйду. Хотя бы кофе приготовлю.
- Прямо как в том анекдоте про мужа, который вернулся из командировки и застал жену с любовником. Вы тут заканчивайте, а я пойду кофе сварю, Вера усмехнулась, но я видел, что у нее дрожали губы. Света прошла мимо нее, но она даже не повела бровью, продолжая смотреть на меня в упор.

Оставшись наедине, мы долго не решались заговорить.

– Как ты мог, Паша? – наконец спросила Вера, ее голос был полон укора. – Ведь я так старалась, и готова была на большее. А ты все испортил.

Я не верил собственным ушам.

- И это ты говоришь?! возмутился я. После всего, что было с Александром? Вера тяжело вздохнула, принимая первый удар.
- Все мы ошибаемся. Я тоже ошиблась, меня с ним немного занесло, но...
- Занесло? Это ты называешь «занесло»? Интересно, что тогда в твоем понимании «измена»?

Она посмотрела на меня так, будто я сказал нечто несуразное. Словно актер, забывший свою слова на сцене, но продолжающий что-то говорить, лишь бы не образовалась пауза.

- Какая измена?
- Твоя, Вера, измена. Или ты будешь отрицать и это?

Она поднялась со стула, на котором сидела. Ее глаза сверкали:

– Я тебе не изменяла!

Нет, так просто я не сдамся, хоть сейчас эти слова и были мне необходимы, как воздух.

- Ну да, конечно! Это не ты у него живешь, не ты увезла свои вещи и не ты написала записку.
 - Ка... какую записку? Какие вещи? Паша, ты бредишь.

Я вдруг понял, что Вера не играет, и у меня все похолодело внутри. Только сейчас я заметил, что все ее вещи были на месте.

– Стоп, сиди здесь и не двигайся!

Вскочив с кровати, я метнулся на кухню, где за столом сидела Света, обернувшись тонким покрывалом, словно римской тогой. На плите грелся чайник. Она вопросительно посмотрела на меня. Пробежавшись глазами по кухне, я не обнаружил того, что искал.

- Ты не видела записки?
- Какой записки?
- На тетрадном листке, она на столе лежала.
- Нет, не видела.

Я заглянул в мусорное ведро, но там ее тоже не было. Плюхнувшись на табуретку, я попытался понять, что же произошло. Вдруг мне все это померещилось? Да нет же, вот пустые бутылки водки, вот остатки еды, а в ведре лежит использованный презерватив, хотя я не помню, чтобы у меня со Светой что-то было.

Я обернулся к ней:

– Я тебя... то есть, мы с тобой... переспали?

Она не успела ответить, потому что на кухню вошла Вера и спросила:

- Ты объяснишь мне, наконец, в чем дело?
- Я и сам не понимаю, обхватив ноющую голову руками, произнес я. Все было: и записка, и твои вещи. Он же мне сам показывал.
 - Кто показывал?

Теперь уже не было смысла скрывать что-то от Веры, и потому я ответил.

– Денис.

Вера никак не отреагировала на это заявление.

- Ну, что ты на меня уставилась? взорвался я, и снова пожалел об этом, голова так и норовила расколоться надвое. Твой Денис, твой бывший парень.
 - Да ты с ума сошел. Не было у меня никакого Дениса...

Она осеклась. На Веру вдруг стало страшно смотреть – ее лицо побледнело, глаза расширились, и она, съезжая по стене, медленно опустилась на корточки, напоминая воздушный шар, из которого выпускают воздух.

– Опиши мне его, – глухо произнесла она.

Я описал ей Дениса, и Вера повесила голову.

- Он нашел меня, все-таки нашел.
- Кто тебя нашел?
- Костик, выдавила она и расплакалась.

Чуть позже Вера пришла в себя. Мы сидели за кухонным столом втроем – я, она и Света – и пили кофе, закусывая его бутербродами с сыром. Я рассказал Вере обо всем без утайки, она слушала молча, лишь изредка уточняя отдельные моменты в моей истории. Когда я закончил, первой высказалась Света:

– Я, конечно, всякое слышала, но чтобы такое...

Переведя взгляд на Веру, я сказал:

- Теперь твоя очередь.
- А я так надеялась остаться инкогнито, грустно улыбнулась она.

Вера родилась и прожила большую часть жизни в Санкт-Петербурге. Будучи из обеспеченной семьи, она с детства получила хорошее образование и привычку поступать так, как ей заблагорассудится. Ее отец держал небольшой супермаркет, мать работала районным прокурором, и у них имелось достаточно денег, чтобы не отдавать свою дочь в школу и обеспечить ей частное образование.

– Наверное, таких как я раз-два и обчелся. Все, кого я знала, обучались по классной системе, а со мной работали индивидуально. Несколько репетиторов и даже один психолог, вместе пытавшиеся выстроить мой личный план занятий, который бы соответствовал моему «я». Конечно, это здорово, когда учитываются твои личные особенности, но в этом есть и свои недостатки...

Вера почти не общалась со сверстниками, а если и общалась, то выборочно – с детьми родительских друзей и родственниками-одногодками. Видимо, именно поэтому, немного повзрослев, она стремилась завести как можно больше знакомств с самыми разными людьми. Кроме того, репетиторство отнюдь не способствовало воспитанию усидчивости и трудолюбия.

– Вы даже не знаете, как вам повезло – ведь вас в свое время заставляли штудировать самые различные предметы – химию, географию, математику, и уже позже вы сами выбирали, что вам больше нравится. А за меня все решали эти частные педагоги. То, что у меня получалось плохо, отбраковывалось и не бралось во внимание.

С другой стороны, то, чему Веру учили, действительно откладывалось у нее в голове. К шестнадцати годам она имела своеобразный багаж знаний, которому мог позавидовать средний студент первых курсов университета.

Оценив результаты воспитания дочери, родители решили, что учиться в институте или, боже упаси, работать ей не следует, и подняли вопрос о замужестве. Они всерьез принялись искать ей подходящую партию. Время от времени к ним в гости стали захаживать молодые люди, которые дарили дорогие подарки, приглашали в рестораны.

- Первые двое были маменькиными сынками. Безвольные и тупые, с ними невозможно было провести и пяти минут без того, чтобы не начать презирать их. Одного я терпела около месяца, второго отшила при первой же встрече. Третий был немногим лучше агрессивный и напористый мужлан, считавший, что любая девушка будет от него без ума. Вскоре после знакомства он был готов тащить меня в кровать, а чуть позже, что еще хуже, под венец. Мое неприятие к себе он считал «капризами малолетней девочки». Но и с ним я в конце концов справилась, когда подкрепила свои слова выражениями, которые «малолетним девочкам» не могут быть известны. Последним неудачником стал занудный, правильный мальчик, который не делал ничего, трижды не перестраховавшись. Тот еще кадр. Не знаю, как с таким вообще можно жить?
 - Но почему же ты не отказалась от родительских планов? спросил я.
- А что мне еще оставалось делать? Гробить пять лет своей жизни в институте, куда я, приученная к частному образованию, идти не хотела, или до конца жизни сидеть с репетиторами? Конечно, можно было открыть свой бизнес, что совершенно бессмысленно при родительских деньгах, работать в какой-нибудь конторе, получая ненужный по сути профессиональный опыт, или шататься по заграницам в поисках приключений.
- Почему же так однозначно? Неужели не было ни одного интересного для тебя дела? Ты могла бы не думать о деньгах и заниматься им в свое удовольствие.
 - Спасибо, конечно, но я начинаю понимать это только сейчас. А тогда...

Вера решила, что так, возможно, оно будет лучше всего. Преуспевающий муж, ребенок, положение в обществе — это в первую очередь. А уж потом, если останутся силы и желание, можно и собой заняться. Единственное в чем она не пошла навстречу родителям, так это в выборе жениха. Она настояла на том, что сама примет решение, потому что второй сорт ей не нужен.

И тогда появился Костя. Готовясь ко встрече с ним, она не ждала чего-то особенного. И потому сюрприз оказался вдвойне приятным.

– Все парни до него старались сразить меня при первом знакомстве. Они тащили меня в ресторан, где заказывали что-нибудь подороже, при разговоре как бы невзначай упоминали о том, сколько у них денег, какая машина, или, на худой конец, как они с друзьями отметили рождество на Кипре. Но знаешь, о чем спросил Костя, когда мы познакомились? «Давно ли ты была на аттракционах?». И, что самое удивительное, он не шутил, мы действительно весь день провели на каруселях. Я давно так не смеялась, как тогда.

У них начался роман. Хотя, как выяснилось, Костя был не очень богат, он умудрился понравится Вериным родителям. Они успокоились и будучи уверенными, что не за горами свадьба, с легким сердцем разрешили Вере переехать к нему на квартиру .

Для Веры началась новая жизнь, и она ей нравилась. Казалось, сюрпризы в Косте никогда не иссякнут, он постоянно удивлял ее неожиданной репликой или поступком. Он не был похож ни на одного из парней, которых Вера знала до этого. Но в то же время он был не только веселым балагуром, но еще и тонкой чувствительной натурой. Вера не переставала ему удивляться, и всерьез поверила, что нашла свое счастье.

- Я даже не помню, когда именно впервые почувствовала какой-то подвох.
- Дело было в сексе? спросила Света.
- А ты откуда знаешь?
- Женщины всегда это чувствуют.

Да, дело было именно в сексе. Ко всему прочему выяснилось, что у Кости имелись еще и странные предпочтения. В постели он вел себя агрессивно, причем, совсем не так, как это нравится женщинам. Он получал наслаждение от секса, основанного на боли и унижении. И хотя Вера пыталась убедить себя, что это еще одна особенность его творческого характера, ей никак не удавалось отделаться от мысли, что именно в постели она видит настоящего Костю.

- А потом он начал играть со мной в игры.
- Игры? переспросил я.
- Да, вроде тех, что я устраивала тебе. Только мои шалости лишь бледное подобие оригинала. Его игры никогда не отличались безобидностью, и я всегда чувствовала себя на краю. Стала срываться на окружающих, испортился аппетит, сон, здоровье. Я боялась показываться на глаза знакомым, боялась, что у меня может начаться шизофрения. Мне казалось, что недалек тот день, когда я изменюсь окончательно и бесповоротно. Причем, не в лучшую сторону. Но он все больше ожесточался, и тогда мне стало по-настоящему страшно за себя.
 - Почему же ты не ушла от него? Тебе ведь было куда возвращаться.
- Потому что любила. Хотя нет, не просто любила. Не знаю, как это лучше описать, не срываясь в клише, но... Понимаешь, Костя полностью завладел мной, я стала безвольной игрушкой в его руках и не могла ни в чем отказать ему. И, наверное, в глубине души, не хотела. Не знаю, знакомо ли тебе такое чувство.

Знакомо, Вера, и даже очень.

А потом она узнала об еще одной стороне Костика. Оказалось, что он бисексуал, причем предпочтение отдавал мужчинам, и очень скоро он возобновил встречи со своими давними партнерами, уже не таясь от Веры.

– Ты бы знал, как много ночей я ждала его, лежа одна в постели, зная с кем он сейчас проводит время и как. Но я себе представить не могла жизни без Кости, пусть даже такой тоскливой. А потом он возвращался, пахнущий чужим одеколоном и спермой. Поцелует меня на ночь и отвернется к стене, а я еще долго лежу рядом, и боюсь попросить у него хоть чуточку внимания.

Но всякому терпению приходит конец, скопившаяся боль находит выход. Так получилось и с Верой. После долгих месяцев унижения, она однажды проснулась и

отчетливо поняла, что больше так продолжаться не может. Посмотрев в зеркало в то утро, она впервые увидела себя и ужаснулась – события последних недель пошли ей явно не на пользу. Она выглядела усталой, жалкой пародией на саму себя. Таких женщин можно найти на улицах, в очередях магазинов. Но Вера никогда не думала, что сама когда-нибудь превратится в такую серость. С глаз словно упала пелена, и она четко осознала, как надо поступить.

- Дело шло к свадьбе, и приглашения уже были разосланы. Я могла бы просто все отменить, уйти от него и начать новую жизнь, но мне этого было мало. Костя что-то уничтожил во мне, и я не собиралась отпускать его безнаказанным.
 - Хочешь сказать, что общение с ним сильно изменило тебя?
- Не просто изменило, Костик убил во мне детскую невинность. Не та, что между ног, а та, что в голове. Тебе этого не понять, Паша, потому что ты сам все еще невинен. Ты не можешь думать о людях по-настоящему плохо, у тебя есть свои пределы. А у меня их уже нет. И порой эти мысли пугают меня саму.
 - Я еще кое-что недопонял. Зачем ему нужна была свадьба?
- Я же говорю, что ты невинен, Паша. Объясняю: Костя искал ширму, которой можно было прикрыть свое настоящее лицо (хотя в его случае это была, скорее, задница), а то стали ходить слухи о его нестандартной ориентации. Родители, от которых он все еще финансово зависел, могли не понять этого и прекратили бы снабжать его деньгами. Порядочная жена как нельзя лучше подходила на роль этой самой ширмы.

Но жизнь с Костей воспитала кое-что новое в Вере – силу воли. Она помогла ей выдержать невыносимо долгие недели до свадьбы, не выдав презрения и ненависти. Когда наступил знаменательный день, жених все же заметил, что она волнуется, но списал это на «предпраздничный мандраж». Догадаться о Вериной афере даже ему было не под силу.

- Гостей собралось довольно много, но я их не видела. У меня в голове счет шел на минуты, которые оставались до моего спасения. Я не знала, что буду делать после того, как раздавлю этого слизняка, но последствия меня слабо волновали. Только бы дотянуть, только бы отыграть свою роль до конца, а все что потом... не имеет значения.
 - Ты не думаешь, что заразилась жестокостью от него? спросила Света.
 - Уверена, что так оно и есть.
 - Не жалеешь об этом?

Вера отрицательно покачала головой.

- Теперь я жалею только об одном. Служители церкви были тут совершенно не причем, а получается, что они тоже пострадали. Ради своих личных целей я оскорбила то, что для них свято. К тому же, я неприятно удивила своих родителей и некоторых других присутствующих, которые были действительно рады за наше решение. Ведь и правда, это так здорово объединить свою жизнь с другим человеком, знать, что будешь делить с ним все без остатка. К сожалению, это был не наш случай.
 - Но что такого ты сказала?
- Я прервала церемонию, когда все ждали, что я произнесу свое «да». Я выкрикнула «нет» и во всеуслышание объявила Костю гомосеком, а потом перечислила всех известных мне его дружков. Вы бы видели поднявшийся переполох.
 - Ну ты даешь! выдохнула Света.
- Вот именно! Я до сих пор помню перекошенное от злости и страха лицо Кости. Если и существует лучшая награда за исковерканную жизнь, то мне о ней неизвестно. В тот момент, глядя в его глаза, я поняла, что расквиталась с ним полностью. Я уничтожила его будущее, как он хотел уничтожить мое.
 - А что было потом?

Вера плохо помнила, как выбежала из церкви и села в первую попавшуюся машину. Назвав водителю домашний адрес, она закрыла глаза и, впервые за долгое время позволив себе расслабиться, улыбнулась.

Быстро собрав дома все свои вещи и деньги, она помчалась на автовокзал.

- Почему именно на автовокзал? Ты в начале не хотела уезжать далеко?
- Нет, просто на автобусы билеты продают без документов, а на самолет или поезд нужно предъявлять паспорт. По этим следам Костя нашел бы меня в два счета. А я не сомневалась в том, что теперь, когда ему нечего было терять, он начнет мне мстить. Причем, мстить мог не только он один ведь я оставила за собой и других опозоренных людей. Но страшней него для меня в тот момент никого не было... Короче, с автобусом были свои проблемы. Прямых рейсов сюда нет, улыбнулась Вера, пришлось ехать с пересадками.
 - Понятно, три тысячи километров как-никак. Но почему именно Томск?
 - Потому что здесь живет моя троюродная сестра, с которой ты уже знаком.
 - Вита?
- Она самая. Я могла приехать к более близкой родне, но Костя тогда наверняка бы разыскал меня. А о Виталине он ничего не знал.

Оказавшись в нашем городе, Вера первым делом связалась со своими родителями. Отец уже разослал людей для ее поиска по всему Питеру, не подозревая, что дочь находится гораздо дальше. Мать не находила себе места, неустанно обзванивая родственников и знакомых. Отчитав за выходку с исчезновением, они все же сжалились и просили вернуться обратно. Константин, по их словам, полностью лишился родительской опеки и совершенно не имел силы. Кроме того, благодаря ходатайствам матери-прокурора и связям отца в случае преследования их дочери ему грозил суд.

- Наверное, именно поэтому Костик выбрал такой изощренный способ мести, сказала Света. – Затаился и начал действовать через Пашу.
- Да, но думаю дело не только в этом. Ему вообще свойственно такое поведение. Он ведь и раньше играл в игры. А когда я опозорила его, он, видимо, решил убить сразу двух зайцев отомстить мне и заодно развлечься.

Итак, Вера решила не торопиться с возвращением в Петербург, который бы еще долго напоминал ей о Косте. Она прекрасно знала своего несостоявшегося мужа и его изощренный ум, который найдет выход даже из самой безнадежной ситуации. Родители нехотя согласились с тем, что сейчас, возможно, не самое лучшее время для возвращения. Напоследок они пообещали регулярно перечислять ей деньги, чтобы их дочь не была стеснена в средствах. И очень скоро Вера зажила новой жизнью.

- Знаешь, в провинции все не так, как в крупных городах Питере или Москве. В большинстве своем люди здесь не такие циничные или расчетливые, к каким я привыкла. Сначала я думала, что умру здесь со скуки, все же время у вас течет медленней, чем у нас. Но потом вдруг поняла, что мне действительно нравится Томск. Возможно, не последнюю роль в этом сыграло то, что здесь я могла жить, как хочу.
 - И с кем хочу?
- Это тоже, но не сразу. Я приехала сюда почти два года назад и первые полгода просто наслаждалась свободой гуляла по городу, заводила новые знакомства, посещала дискотеки, концерты и ночные клубы. Конечно, по сравнению с Питером ваши развлечения поселковая самодеятельность, но в этом есть своя прелесть. Люди здесь более открыты, возьми хотя бы тех же музыкантов. С нашим наплывом народа волей-неволей становишься снобом, а у вас при желании можно познакомиться со всеми лично. И это здорово.
 - И со многими ты знакомилась? спросил я.
- Ты знаешь, да. Последние несколько месяцев до побега из Питера, когда я сидела в четырех стенах, боясь даже собственной тени, в моей жизни было очень мало новых людей, мало общения. И потому здесь я стремилась завести как можно больше друзей, причем чем более странными они были, тем лучше. Где-то я задерживалась совсем ненадолго, например, с панками, которые в первый же вечер предложили мне глотать димедрол, где-то оставалась подольше. Сами понимаете, что такое уникальное место, как гей-клуб, я пропустить не могла. Хотя после Кости я возненавидела всех педиков, наблюдать

за ними мне было крайне интересно. И поверьте, уж я-то не упускала возможности поиздеваться над ними.

- Там ты и встретила Алексея, да?
- Да. Вот уж действительно, никогда не знаешь, где найдешь настоящих друзей.
- Завертелся роман и все такое... мечтательно продолжила Света.
- Между нами только дружеские отношения. Мы помогали друг другу, были очень близки, но никогда не сокращали эту дистанцию. У Леши есть жена, а я не разрушительница семей, тем более счастливых.
 - Жена? удивленно переспросил я. Вера лишь улыбнулась.

А потом на горизонте появился Толик, привлекший ее своей силой, мужественностью и, несмотря на род занятий, душевной чистотой, которую не всегда встретишь даже в более безобидных людях. Она поддалась чувству, не задумываясь, и вцепилась в него всеми своими коготками, но очень скоро поняла, что невольно подражает Косте. Она играла со своим новым другом в те же игры, что когда-то испытала на себе.

- Страшней всего было то, что мне это нравилось. И тогда я решила, что не стоит отказываться от этих игр, если они могут приносить пользу.
 - Какую еще пользу?
- Понимаешь, Костя изменил меня, я тебе уже говорила об этом. Сделал он это неосознанно или со злыми намерениями, неважно. Но ведь можно пойти другим путем попытаться изменить кого-то в лучшую сторону, если знать, чего ты хочешь. И вот тогда я взялась за Толика всерьез, решив сделать из него хорошего человека. Пусть мои уроки были порой жестоки, но это было необходимо ведь без боли трудно что-либо усвоить. Я понимаю это, как никто другой.
- Еще бы! вклинилась Света. Тебя с детства кроили по своему желанию все, кому не лень родители, репетиторы, тот же психолог. А ведь программирование личности весьма опасное занятие.
 - Тоже мне психолог! презрительно фыркнула Вера.
- Четвертый курс психфака ТГУ, отозвалась Светлана и склонила голову набок. Прошу любить и жаловать.

Я приоткрыл рот от удивления. Вера, кажется, тоже не ожидала такое услышать.

– Ну да, а что в этом такого? Половина наших девчонок – студенты. Жить ведь на что-то надо. Когда ты одна в чужом городе без всякой поддержки, приходится несладко. Поступить куда-либо нереально (везде взятки да блат), за учебу надо платить, и еще кушать хочется. А иногда просто хочется отдохнуть душой и телом, иначе зачем вообще жить. На все это нужны деньги, а откуда их взять? Родители сами от зарплаты до зарплаты еле перебиваются. Да что я говорю? – махнула рукой Света. – Вас обоих предки защищают, а меня, меня кто защитит? Обо мне кто позаботиться?

Вера лишь покачала головой, ей нечего было ответить на этот крик души. Интересно, о чем она сейчас думала? Как бы поступила она на месте Светы? У Веры достаточно гибкая философия, как я успел убедиться. Правда, кроме философии у нее есть еще и принципы. Что победило бы в этом случае?

Неизвестно, сколько еще бы мы молчали, но Света вернула беседу в прежнее русло, обратившись к Вере:

- Ты говорила, что Толик был твоим первым парнем здесь. А как же тот музыкант, о котором упоминал Паша?
- Марик? Он никогда не был моим парнем, хотя, наверное, втайне мечтал об этом. Марк интересный человек, но он не привлекал меня... в этом смысле.
 - А потом появился я.
 - Да, потом появился ты.

Мы продолжали разговор, но я старался не говорить о себе. Почему-то я не хотел обсуждать это при Свете. Кажется, Вера поняла меня и вела беседу соответственно.

Некоторые вопросы помогла прояснить нам сама Света.

— Да, Денис... или, как его, Костя (все не могу привыкнуть к этому имени) частенько появлялся у нас в сауне. Мы тогда с девчонками все не могли понять, почему они вдруг стали такими друзьями с Толиком. Обычно он с такими лохами не водится. Сначала просто наведывался, а потом ему разрешили с девчонками забавляться.

Хотя забавами назвать это трудно. Из всех проституток в сауне Костя выбрал только двух, которые немного походили на Веру лицом и цветом волос, остальными он не интересовался. Выбранные им девушки после рассказывали о Косте такие подробности, что их подруг бросало в ужас. Если для многих клиентов анальный секс был верхом желаний, то для него это было всего лишь началом.

- Мы пытались жаловаться Толику, но тот на все закрывал глаза. Мол, не гоните на него, вам сказано обслуживать вот и обслуживайте. Мы и Сергею жаловались, он тоже пытался поговорить с Толиком, но бесполезно, тот и его не слушал. Так оно продолжалось, пока Толик не попал в аварию. Жаль его, конечно...
 - А что случилось потом?
- Сергей чуть ли не силой выставил Костю за дверь. Когда он сказал нам об этом, ты бы знал, как мы обрадовались. Потом Сергей отозвал меня и попросил, чтобы я помогла одному хорошему человеку. Это он про тебя так говорил, Паша.
 - И ты ему помогла? холодно поинтересовалась Вера.
 - Помогла, не обращая внимания на сарказм, ответила Света.
 - А что было вчера?
- Вчера Костя позвонил и сказал, что Вера тебя бросила. И сказал, что тебе срочно нужна помощь друзей. Сергей поверил, тем более, он и так был посвящен в некоторые ваши дела, и потому взял меня с собой. Сказал, чтобы я переспала с тобой, потому что тебе это сейчас очень нужно.

В который раз я вспомнил, что Света проститутка. Она хороший человек, и нравилась мне, но это клеймо никак не желало покидать ее образ.

А Света продолжала говорить. Когда они с Сергеем приехали ко мне домой, Костя как раз затаскивал в мою квартиру Верины вещи, которые до этого, видимо, сам же и вывез. К тому времени я спал без задних ног и потому ничего не видел. Очевидно, что и записка была его рук делом. Я не стал интересоваться, как он проник ко мне, потому что Вера уже однажды доказала, что сделать ключи к квартире без ведома хозяина – пара пустяков.

После того, как с историями было покончено, первым высказался я:

- И что теперь?
- Мы расстались.

Я резко закончил свой рассказ, потому что, если честно, мне уже надело рассказывать эту историю в очередной раз, да и хотелось поскорее узнать, добился ли я ей своей цели. Затянувшись сигаретой, я внимательно посмотрел на своего собеседника. Александр, видимо, понял, о чем я думаю, но лишь неопределенно улыбнулся и спросил:

- Подожди, что значит расстались? Ты же мог ей все объяснить. Ведь вас обоих подставил этот хитрец Костя. Она бы все поняла, я уверен...
- Боюсь, что нет. Вера не смогла простить Паше, в которого она вложила столько сил, измены. А технически это была измена, вспомни о презервативе в ведре.
- И что, вы вот просто так взяли и расстались? спросил он. Просто перечеркнули все то, что было в прошлом? Как-то не верится.

Я опять затянулся, пытаясь скрыть появившееся раздражение. Похоже, его больше интересует моя история, чем я сам. Будь это не так, он бы дал мне понять.

– Ты знаешь, чем больше я смотрю на жизнь, тем меньше вижу в ней смысла, – я затянулся и продолжил. – Жизнь совсем не то, о чем говорят в кино или книгах. Жизнь – это один большой знак вопроса, который ты можешь разгадывать до самой смерти, но не

приблизиться к разгадке. Поэтому я не ищу объяснений и тому, что произоппло. Фаталисты утверждают, что в нашей жизни все предопределено, есть судьба, и потому каждое событие неразрывно связано с другим, образуя хитроумный узор, который невозможно разорвать. Но я убежден, что на самом деле все не так. Если человек и может на что рассчитывать, так это на бесконечные случайности, хитросплетение которых и определяет то, как повернется его жизнь. Не надо искать тайных посланий, ждать великих откровений или искать смысл во всем. Так можно заработать только разочарование. Лучше пользоваться тем, что имеешь в данный момент, и радоваться новым встречам, которые могут обернуться дружбой или чемто большим.

Александр долго смотрел на меня, переваривая сказанное. Наконец, он покачал головой, словно в несогласии и спросил:

- А как же Вера?
- Больше я ее не видел.
- Ну, а Света? Мне показалось, что она тебе нравилась, усмехнулся он. Может всетаки?..
- Нет, оборвал я его. Свету я тоже не видел с того утра. Возможно, она неплохой человек, но, посуди сам, какая может быть жизнь с проституткой, которую знает весь город. Нет, со Светой у меня тоже ничего не было. У меня вообще с тех пор ни с одной женщиной ничего не было.
- Стоило полагать, с легкой издевкой заметил он. Но общение с Верой, ее уроки
 все это как-то должно было тебя изменить.
 - Как видишь, оно и так меня изменило.

Александр неодобрительно покачал головой:

- Значит, Костик все-таки добился своего, он отомстил Вере, а заодно и всем окружающим.
 - Можно сказать и так.
 - И вправду, злой гений.

Такое определение мне показалось удачным.

- Анатолий?..
- С ним все было в порядке, он выздоровел, но с того дня мы с ним не общались.
- Bena?
- Я же сказал, что больше ее не видел.
- Но наверняка знаешь, что она делала потом, после разрыва. Ведь ты любил ее.
- Она вернулась в Питер.
- С Сашей?
- Мне об этом ничего неизвестно, покривив душой, ответил я.

Людей в баре почти не осталось, да и время было позднее. Сидя за полупустой кружкой пива, Александр задумчиво нахмурил лоб и посмотрел куда-то в сторону. Неужели все, что я ему говорил, было напрасно? И сегодня я опять пойду домой один, в холодную, полупустую квартиру... Я пододвинулся к Александру ближе, но он остановил меня рукой.

– Погоди, у меня есть еще пара вопросов.

Я терпеливо кивнул ему в ответ.

- Во-первых, куда исчезла Вера после того, как ты с ней в первый раз расстался?
- Она ездила в Питер, к своим родителям.
- Значит, она вернулась в Томск только ради тебя?
- Можно и так сказать.
- Ну, хорошо, а что с тем странным типом, который поджидал под окнами и названивал по телефону?
 - Каким типом?
- Ты же сам говорил, что у тебя под окнами кто-то постоянно дежурил, да по телефону звонил, когда Вера уехала в Питер.

- Ax, это! Думаю, что Костик направил кого-то, чтобы следить, не появится ли вдруг Вера, сказал я и положил свою руку на его.
- Ясно, твердо сказал он и, убрав руку, решительно встал с места. Спасибо за хорошую историю, было очень интересно, но мне уже пора.
 - Но неужели теперь... неужели тебе не хочется узнать меня получше?
 - Получше? усмехнулся он, задержавшись на секунду.
 - Да, может мы все-таки?..
 - Прости, но я не имею дел с неудачниками.

Когда он уже был в дверях, я не выдержал и крикнул ему вслед:

– Думаешь у тебя все будет хорошо? Думаешь ты найдешь себе принца, и вы будете жить счастливо до конца своих дней? Не обманывайся! Тебя ожидает такая же неудачная голубая старость!

Он вышел, оставив меня без ответа.

Я облокотился на стол, заказал себе еще пиво и задумался.

Ну что, Костик, обратился я к себе, теперь ты доволен? Не надо было называть себя Пашей, лучше бы оставался самим собой. Может быть, тогда ты бы не пил теперь в одиночестве, может быть, тогда этот Саша поехал бы к тебе домой, и эти выходные тебе было бы чем заняться. Но черт разберет эту молодежь! То им подавай объект сожаления, то плохого дядечку, то просто сделай вид, что у тебя как будто есть деньги, и не разменивайся на слова.

Что ж, теперь рассуждать уже поздно. Проще поискать нового слушателя. Может, с ним мне повезет больше...

Эпилог

BEPA

«На дворе июнь, но мне пока рано наслаждаться теплыми деньками. Через два дня меня ожидает очередной зачет, а еще через два – экзамен. Зато страшно подумать, что будет потом. Городские пляжи и пока еще незагорелые девчонки, берегитесь, я иду! У меня такие грандиозные планы на это лето! И вообще...

Ну, хорошо! На самом деле я не бесшабашная жертва спермотоксикоза, какой хочу показаться. Просто за последние дни я начал немного приходить в себя, повысился тонус и все такое. Нет, правда. Ведь, если посудить, моя жизнь стала налаживаться к лучшему.

Итак, начнем с самого тяжелого. Вера бросила меня, и от этого никуда не денешься. Лучше не вспоминать первые дни после того, как она исчезла из моей жизни. Я до сих пор удивляюсь, что со мной за это время не произошло ничего плохого. К счастью, все это в прошлом, и теперь я держу себя в руках. Более того, могу гордиться собой – когда мы с ней прощались, я держался на высоте. Не умолял, не вставал на колени, не пытался остановить ее всеми правдами и неправдами. Ничем не выдал своей боли, по крайней мере до тех пор, пока за ней не закрылась дверь. К счастью, Света помогла мне в это тяжелое для меня время.

Кстати, о Свете. Выяснилось, что я так и не переспал с ней в ту роковую ночь. Немудрено, ведь я был в стельку пьян! А презерватив подбросил все тот же Денис. Ну, вот опять я его так назвал. Видимо, не суждено мне называть его Костей, для меня он так и останется Главным Выкидышем Денисом, хотя я постараюсь исправиться.

Костю я больше не видел. Я много думал о нем эти дни и понял, что, несмотря на открывшуюся правду, в душе я не держу на него зла. Не знаю, почему, но это действительно так. Единственное оставшееся по отношению к нему чувство – это облегчение оттого, что он исчез навсегда. В этом я уверен. Как говорится у Шекспира, мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Вот.

Уже после его исчезновения я вдруг понял, что все это время у меня в руках был ключ к его тайне. Я ведь помню, что после разговора с Костей, когда он признался в своей сексуальной ориентации, меня преследовало ощущение, что в его истории что-то не сходится. Было какое-то несоответствие между тем, что он говорил, и что я знал на тот момент.

И несколько дней назад до меня вдруг дошло, в чем дело. Ведь он говорил, что Александр был его первым мужчиной, и именно он ввел его в мир однополой любви. Но Жора рассказывал совсем другие вещи — по его словам выходило, что Костя был геем еще до появления Саши. В данном случае я верю Жоржу, ведь у него не было видимых причин обманывать меня, а у бывшего Вериного жениха их было предостаточно. Как знать, чем бы вся история обернулась, пойми я это тогда.

Но вернемся к Свете. Она оказалась сущим ангелом и целую неделю поддерживала меня после расставания с Верой. Уж не знаю, какой уговор был у нее с Косматым, но она буквально поселилась у меня дома на это время. Готовила еду, прибиралась и старалась подбодрить. Благодаря ей, я постепенно отошел.

Она до сих пор нет-нет да заскочит ко мне домой на часик-другой, хотя назвать это свиданиями язык не поворачивается. Скорее, мы стали неплохими друзьями. А ведь друзья не спят друг с другом.

Даже если оба этого хотят.

Ну вот, наконец-то, я открыто признался себе в этом. Да, Света меня привлекает как женщина. Думаю, я ее – тоже. В смысле, как мужчина. Ведь больше мне нечем ее привлечь – я не бизнесмен и не «крутой», у меня нет богатых родителей, и я не занимаю важную должность. Нет, я не чувствую себя ущемленным, перечисляя все это, теперь я спокойнее смотрю на такие вещи. Более того, я по-своему рад. Получается, это я сам привлекаю Свету, а не то, что у меня есть (или вернее, нет).

Я не знаю, что меня ожидает этим летом, но предвижу большие перемены впереди. И думаю, все они будут хорошими.

Второго июня у Толика был День рождения, и мы отметили праздник прямо у него в палате. Вообще-то врачи запретили видеться с ним более получаса, но Серега постарался (видимо, то, что он занес добрую часть продуктов в ординаторскую и лично главврачу, сыграло свою роль). В результате получился классный праздник. Думаю, медперсонал и многочисленные пациенты надолго запомнят дружную процессию братков и девиц сомнительного поведения, которая прошлась по больнице в тот день, неся в руках пакеты со всевозможной едой, ящики с пивом и кое-чем покрепче. Торт доверили нести мне, и я боялся, что уроню эту трехэтажную махину, но все-таки донес его в целости и сохранности до платной палаты Толика, в которой тот лежал совершенно один.

А что там было! Этого не описать словами. И парни, и девчонки были искренне рады видеть Толика в добром здравии. Тот, весь перебинтованный да загипсованный, и сам был счастлив видеть друзей и подруг, и довольно скоро разошелся не на шутку вместе с ними. Особенно после импровизированного сеанса стриптиза. Мне приходилось отгонять от него всех, кто хотел с ним выпить, в этом я был непреклонен. Толик не спорил и только шутливо замечал, что он своего будущего личного врача слушается уже сейчас. Бедняга, он до сих пор не знает, что я учусь на гинеколога!

Правда, потом, украдкой от всех, я налил ему бокал шампанского, и мы, тихо чокнувшись, распили напиток в честь его двадцатилетия. Тогда-то он заговорщицки подмигнул мне и попросил придвинуться ближе. Он объяснил то, что меня тревожило до недавнего времени — причину, по которой он называл мое имя, лежа в своей разбитой девятке. Высадив меня у дома той злополучной ночью, он поехал отвозить Костю домой, и по пути они разругались из-за Веры. Тогда-то Толик понял, что тот преследует единственную цель: отомстить Вере. У него не было доказательств, но они ему и не

требовались. Думаю, в этом они с Верой похожи – оба, не задумываясь, доверяют чутью и безоговорочно ему следуют.

Именно поэтому Толик был так рассержен и взвинчен – он увидел парня, который буквально охмурил его, в новом свете, и понял, как заблуждался, не прислушиваясь к советам друзей. Осознав свою ошибку, он решил не тянуть с делами и помчался ко мне, чтобы рассказать правду о том, кого, он думал, зовут Денисом. И по злому року до меня не доехал.

Представляю, как этому обрадовался Костик. Он, наверняка, уже паковал свои вещички, чтобы поскорее смотаться из города, до того как узнал об аварии Толика. Меня до сих пор поражает, насколько быстро он смог разобраться в ситуации и извлечь из нее выгоду.

Кстати, я снова сменил замки на двери. Так, на всякий случай».

Откинувшись на стуле, я подставил лицо легкому ветерку, дующему с балкона. Пахло предстоящим дождем, о том же говорили свинцовые тучи и тяжесть в воздухе, застывшая и теплая. Мне сейчас следовало бы сосредоточиться на предстоящем экзамене, готовиться к нему, но я должен был сделать эту запись в дневнике. Он являлся последней жилкой, которая связывала меня с Верой, все остальные уже были перерублены и почти не кровоточили. Осталась лишь одна, но, думаю, и с ней вскоре будет покончено.

Я решил перечитать последнюю запись, когда зазвонил мобильник, недавно подаренный мне Толиком. Номер был незнакомый, и я вдруг подумал, что это звонит Костя. В моем воображении возник он, злой гений, который решил удостовериться, что его затея полностью удалась, и теперь он звонит, чтобы, зловеще хохоча, поиздеваться надо мной снова. С сильно бьющимся от волнения сердцем я ответил на звонок тихим:

- $-A_{\Lambda\Lambda\Omega}$?
- Привет!

Мое сердце забилось еще быстрее, но совершенно по другой причине. Я снова слышал ее голос. Я снова слышал Веру.

- Привет, неуверенно произнес я. Откуда ты знаешь мой номер?
- Я навестила Толика в больнице, он мне его и дал.

Мне все еще не верилось, что это она. Но Верин голос я узнал бы всегда и везде.

– Ну что ты молчишь? Не можешь поверить, что это я?

И она по-прежнему читала мои мысли.

– Спускайся вниз, я у подъезда.

Пульс у меня стал приближаться к опасной отметке.

Иду!

Но на самом деле я побежал.

Увидев Веру, я вдруг понял, что так и не сумел разлюбить ее. В своем легком летнем платьице, ветреной во всех смыслах прическе и взглядом, который не оставлял ни одного мужчину равнодушным, она выглядела необычайно свежо, напоминая мне Веру такой, какой она была год назад. Все возвращается на свои круги, но сейчас предстоял новый виток. И мы оба понимали это без слов.

Когда я вышел из подъезда, она бросилась ко мне и заключила в объятия.

– Господи! Как я рада тебя видеть, Пашенька, ты бы знал.

Я-то знал, потому что видел ее светящиеся глаза. Кроме того, я увидел и многое другое. Она изменилась, стала какой-то уверенной, что ли. Возможно, в чем-то остепенилась. Теперь Веру окружала таинственная и одновременно знакомая мне аура женственности — никаких глупостей, все было просто и одновременно серьезно. Какие перемены всего за одну неделю!

– Я тоже.

В эти бесхитростные слова я вложил все чувства, что копились во мне, не находя выхода. Она услышала это, и все поняла. Взяв меня под руку, она улыбнулась. Выйдя со двора, мы медленно побрели вниз по улице.

– Ты заметил, как изменился Толик? – спросила она.

Мы гуляли уже некоторое время по тем местам, где Вера иногда ходила поздними вечерами, и по которым проезжали Выкидыши, чтобы навестить меня. Сейчас мы оказались у Березовой рощи — одиноко цветущего оазиса в железобетонной клетке моего района. Никто из нас не решался поговорить о насущном, и потому мы болтали о мелочах.

- Да. Кажется, он немного успокоился.
- Вот именно! Я долго не могла подобрать подходящее слово. Успокоился. Кстати, он тебе привет передавал.
- Надо будет к нему заскочить после экзамена, задумчиво отметил я. Послушай, а как он отнесся к тебе после... Ну, после всего, что узнал?
- Нормально. Для него это ничего не изменило. Ведь он знал меня, как человека, вот что главное. А обстоятельства это все преходяще. Вот Костя его, конечно, удивил.
 - Не его одного!

Вера промолчала. Видимо, напоминание о нем все еще причиняло ей боль. Но на этот раз она не ушла от неприятного разговора, как делала раньше. Вот тебе еще один новый штришок, Пашка.

- Думаю, его уже здесь нет. Он слинял из города.
- Но он же не насладился своей победой, а ему это как воздух необходимо.

Вера остановилась и строго посмотрела на меня:

- Ты думаешь, он победил?
- А разве нет?
- Нет, что ты. Костя проиграл. Посуди сам, он ведь хотел отомстить мне, унизить меня. Он думал, что, когда Александр бросит меня, и я узнаю, что он голубой, то сломаюсь. План был действительно хороший и обреченный на успех. Если бы он не просчитался в одном Саше.
 - Он влюбился в тебя? утвердительно спросил я.

Вера широко улыбнулась такой счастливой улыбкой, что у меня засосало под ложечкой от горячего чувства неземной любви к ней и одновременно жгучей тоски.

- Ага! Он такой замечательный, ты даже не представляешь себе.
- Рад за тебя.

Она вдруг очнулась и, посмотрев на меня, изменилась в лице:

- Прости, я не хотела тебя задеть.
- Да нет, ничего. Я вправду раз за вас двоих, чтобы не говорить на мучительную для меня тему, я спросил. Так в чем он ошибся?
- Костик-то? Не зря говорят, что люди о других по себе судят. Вот и он не разглядел всю глубину и человечность Саши. Он видел в нем лишь пресловутый глянцевый идеал.
 - А разве это не так?
- Да нет же! То есть Саша, конечно, очень необычный человек, но и он не сахар. У него есть свои слабости и дурные привычки, а благодаря его сомнительному прошлому у него еще и комплексов полно. Хотя у кого их нет?

Я рад, что ты поняла это, Вера.

- В общем, потому-то Костик и не подумал, что тот может поступить как-то иначе, нежели растоптать меня. Сашка и согласился на его план только потому, что боялся потерять Костю. Он ведь его любил.
 - $-\Lambda$ юбил?
- По-своему, наверное, любил. А вот Костик, сомневаюсь. Я вообще сомневаюсь, что он способен кого-то полюбить.

- Это он после несостоявшейся свадьбы такой стал?
- Нет, думаю, он был таким с рождения. Ведь бывает так, что все в жизни складывается хорошо, а человек все равно выходит испорченный. Думаю, в Костиных жилах течет дурная кровь.

Уже второй раз я слышал это выражение за относительно короткий срок. Наверное, в этом заключен какой-то знак свыше. Узнать бы еще, какой.

- Ну да ладно. Что это мы все о грустном? воскликнула Вера.
- Действительно, давай лучше о тебе поговорим.

Она беззаботно рассмеялась, и я почувствовал себя в теплых лучах солнца. Ее солнца.

– Нет, правда, мне хочется узнать, что ты теперь будешь делать.

Мы шли по центральной дорожке Березовой рощи. Вера вела рукой по верхушкам кустарников, устремившихся вверх под кроны деревьев. Зелень кончалась, впереди маячили кирпичные строения.

- Мы уезжаем с Сашей в Питер. Здесь его ничто не держит, а там у него больше шансов заняться чем-нибудь серьезным. У него настоящий талант, ты бы видел модели, которые он сделал за последние дни.
- Это тоже его? я указал на Верино платьице. Простое и изящное одновременно.
 Оно удачно подчеркивало фигуру Веры и в то же время не бросалось в глаза. Понастоящему хорошие вещи такими и должны быть привлекать взгляд не к себе, а к хозяину.
 - Да, улыбнулась Вера. Тебе нравится? Ведь, правда, здорово? Я кивнул ей в ответ.
- Думаю, Саша приживется там, поступит в Высшую Школу Моды. Он уже сейчас подумывает о собственной студии. Возможно, и мне там найдется место.

Мне кажется, Александр поработал не только над платьем Веры, но и над ее образом в целом. Только сейчас я заметил тщательно уложенный макияж, новую палитру приглушенных цветов в ее одежде. Наверное, именно это делало мою бывшую подругу еще более женственной и привлекательной. Но все же главные изменения произошли не в ее внешности, а в настроении. Думаю, и в этом его заслуга.

- Ты его любишь?
- Да, спокойно призналась она. Мы с ним очень похожи и хорошо понимаем друг друга. А ты ведь знаешь, как это важно.

Я искренне порадовался за Веру. Все-таки она нашла того единственного, которого искала.

- Он прошел все твои тесты?
- Дурачок, она взъерошила мои волосы. Ему и не надо было проходить никакие тесты, и так видно, кто он такой.
 - То есть, его ты не проверяла?
 - Паша, я ведь тебя тоже не проверяла. Я, кажется, говорила об этом раньше.
 - А что же ты делала?
 - Как что? Хотела воспитать в тебе лучшего человека.
 - И как по-твоему, преуспела?

На этот раз улыбка покинула ее лицо, она вдруг стала сосредоточенной, и посмотрела куда-то в сторону.

- Что такое?
- Подожди, уже вот-вот, сказала она, принюхиваясь к воздуху.
- 4 TO

Небо ударило громовыми раскатами, и вместе с ним изменилась Вера. Точнее, она не изменилась, а снова стала той, к которой я привык. Все-таки я ошибался, на самом деле

она не переменилась, у нее лишь появились новые черты. Сейчас эти черты отошли на задний план, и передо мной была прежняя Вера.

Задрав лицо навстречу первым каплям дождя, она крикнула:

 $- \Im TO!$

Снова ударил гром, теперь гораздо ближе, и из неба на нас хлынул самый настоящий водопад. Люди во дворе, куда мы забрели, быстро разбежались — кто под укрытие деревьев, кто в ближайшие подъезды. И только мы вдвоем стояли под теплым ливнем, не двигаясь с места. Если бы не Вера, то я бы, конечно, тоже спрятался.

Подняв руки вверх и весело смеясь, она закружилась под тяжелыми струями дождя. Ее платье быстро намокло, и теперь Вера казалась почти голой. Дождь вымочил и меня, но я перестал обращать на него внимание, мой взгляд принадлежал этой удивительной девушке, танцующей передо мной под натиском разбушевавшейся стихии. Подул ветер, и она, остановившись, вдохнула его полной грудью.

- Не стой на месте! Радуйся! крикнула она.
- Чему? пытаясь перекричать шум дождя, отозвался я.

Но она лишь махнула рукой и, сняв босоножки, закинула их подальше.

Побежали!

Вера схватила меня за руку и потащила за собой, но, не выдержав, тут же отпустила и вырвалась вперед. Беременное небо продолжало поливать нас, но мне и ей все было нипочем. Окажись Айвазовский, мир его праху, каким-то чудом сейчас здесь, он бы забросил свои морские полотна и запечатлел нас с Верой. Картина была эпическая — под мощными лианами дождя, промокнув насквозь в своем платье, Вера шла вперед посреди проезжей части, радостно смеясь. А я, верный Санчо Панса, брел за ней следом. Машины медленно объезжали нас, катясь по дороге, в один миг превратившейся в безумно несущуюся грязную реку. Клаксоны гудели не переставая.

– Иди к черту! – весело закричала она очередному нетерпеливому водителю, и хлопнула по капоту рукой. Машина последовала ее совету и объехала нас стороной. За запотевшим окном я различил чей-то вздернутый средний палец.

Не обращая внимания на автомобили, Вера продолжала свое безумство. Обхватив себя руками, она кружилась под дождем, подставляя навстречу тяжелым каплям свой язык, рот и лицо. Сейчас она казалась мне беззаботной девчонкой, которая искренне радуется этому буйству природы. Я увидел в ней искру жизни, большую, чем во всем этом дурацком городе. В этих горящих безумным весельем глазах, в этих беззвучно шевелящихся губах, в этой безудержной силе, с которой она кружилась словно неутомимый волчок.

Дворы остались позади, и мы снова оказались на природе. Перед нами расстилалась большущая поляна, расположенная на горе Каштак, неподалеку от главного проспекта района. Отсюда можно было достать взглядом самые окраины города.

Лил дождь, Вера продолжала кружиться и нестись вперед. Она словно парила над всеми нами, и меня вдруг осенила мысль, что я всегда видел настоящую Веру. Никогда не притворяясь кем-то еще и не обманывая меня, она была такой, какой я ее знал, и, наверное, много какой еще. Но при этом она всегда оставалась собой.

Я понял все это в одно мгновение, а в следующее уже кружился вместе с ней по мокрой траве, рядом с ней. И в этот момент я тоже был самим собой. До сих пор не могу найти подходящих слов, которые бы описали мое состояние тогда. Возможно, это было легкое помутнение рассудка, но мне хочется верить, что я пережил то редкостное мгновение, когда человек может окинуть взглядом весь мир и ощутить радость гармонии со Вселенной.

Это был мой самый любимый дождь.

Когда утихла гроза, растаяло и наше безумие. Остановившись, мы уставились друг на друга, не расцепляя рук. Ее зрачки расширились, и она, не мигая, смотрела на меня.

- Ну, скажи же! произнесла она наконец.
- Что сказать?

- То, что ты так долго держал в себе.

Видя неуверенность на моем лице, она мягко добавила:

– Скажи, и увидишь, тебе станет легче.

Я вздохнул, и набравшись смелости, произнес эти заветные три слова:

- Я люблю тебя.
- Спасибо, сказала она и, закрыв глаза, склонила голову. Теперь твое сердце свободно от этого груза и ты можешь занять его кем-то еще.
- Тебе спасибо, поблагодарил я ее в ответ. И что удивительно, я действительно почувствовал облегчение.
 - Как знать, если бы не Александр... она провела рукой по моей щеке.
 - Не надо!

Вера посмотрела на меня так, будто впервые увидела меня. Удивление на ее лице медленно сменилось на улыбку.

- И снова спасибо, сказала она и, не дав мне ответить, спросила. Что у тебя со Светой?
 - Пока ничего.

Она мило рассмеялась.

– Мне нравится это твое «пока».

Да, это была все та же Вера. Она по-прежнему подмечала мелочи, которым я не придавал значения. А зря.

- Тебя не смущает ее... род занятий?
- Ты знаешь, задумчиво произнес я через некоторое время, я как-то об этом не думал. А следовало бы, наверное.
- Вот этим ты мне и нравишься, Паша. Я уже говорила, что ты лучше многих других, и не устану повторять это снова и снова. Не теряй своей невинности.

Я не мог не пропустить это замечание.

– К сожалению, я давно уже не мальчик.

Вера довольно расхохоталась.

- Ну вот и все, заметила она и достала мобильник из своей сумочки. Поляна закончилась, и мы стояли у склона горы. Внизу, почти под нашими ногами проносилось множество автомобилей. Набрав номер, она произнесла одно единственное слово:
 - Подъезжай.

Я вдруг понял, что настало время прощаться. А ведь я так много не успел ей сказать. Хотя нет, самое главное я все же сказал. Я снова взял ее руки в свои и посмотрел ей прямо в глаза.

– Послушай, – обратился я к ней, – спасибо тебе за все, что ты сделала.

Вера отмахнулась, будто это было что-то несущественное.

– Нет, правда, спасибо тебе за все. За то, что была рядом, за то, что заботилась обо мне, за то, чему ты меня научила. От всего сердца.

Она подозрительно шмыгнула. В этот момент у подножия горы, остановилась новенькая десятка, и из нее вышел Александр. Казалось, он не удивился, увидев свою подругу высоко наверху. Он помахал мне, а я махнул ему в ответ – мы друг друга прекрасно поняли.

Вера приникла ко мне и поцеловала меня в губы. Я понимал, что это последний поцелуй, и потому хотел, чтобы он длился вечно. Но все хорошее когда-нибудь кончается, и этот поцелуй тоже. Крепко прижав меня к себе, она прошептала мне на ухо:

– И тебе спасибо, Пашенька. Знай, я тоже тебя люблю. Ты мне очень дорог.

Но, отняв через секунду свое лицо, она выглядела, как ни в чем не бывало.

Только смотри больше не отбивай девушек у Толика, – шутливо пригрозила она.
 Второй раз он тебе этого не простит.

Эх, Вера-Вера, вздохнул я про себя и улыбнулся. Вот и кончилась наша история. Сердце тревожно забилось, и к глазам все-таки подступили предательские слезы. Я понимал, что так надо, что ничего не поделаешь, но все равно было грустно, больно и безумно тяжело отпускать ее.

 А теперь мне нужно идти, – сказала она. Я кивнул, и Вера, развернувшись, медленно спустилась вниз по склону.

Прежде, чем усесться в десятку, она посмотрела наверх и послала мне на прощание воздушный поцелуй. Захлопнув за ней дверь, Александр снова махнул мне рукой и сел в работавший на холостых автомобиль.

Я еще долго смотрел вслед удаляющейся машине. Когда та скрылась вдали, я медленно побрел домой с приятным теплым чувством на душе. На глаза навернулись слезы. Но что было в этих слезах больше – боли от ушедшей любви или радости оттого, что она все же была – я не мог точно сказать. Да и не хотел.

«Первая любовь остается в памяти многих на всю жизнь. Если вы действительно любили, то обязательно почувствуете легкую грусть и нежность, думая о ней. Или о нем. О том, кто безраздельно владел вашими чувствами какое-то время. О том, кому вы могли простить многое, и чьи недостатки, на которые вам указывали со стороны, ничуть вас не смущали. Вы можете вспомнить ваше знакомство, ваши первые радости и разочарования. Быть может, вы подумаете об упущенных возможностях или своих первых ошибках. Первом любовном опыте. Первых уроках, которые вас многому научили. Или не научили.

Моей первою любовью была Вера, и я рад, что ей была именно она. За тот год, что мы провели вместе, мне довелось узнать много о любви, дружбе, силе воли и верности, и я изменился. Рядом с ней я не мог оставаться прежним. Она помогла мне стать лучше, но главное, она все-таки любила меня.

Провожая Веру взглядом в тот июньский день, я понимал, что больше никогда не увижу ее. Моя первая любовь уходила из моей жизни навсегда. Мне было больно и грустно понимать это, но я чувствовал, как грусть постепенно отпускает меня, и в сердце зреет непоколебимая уверенность в том, что это не последняя любовь в моей жизни».

Нижнекамск – Томск Январь 2001 – Апрель 2002 Декабрь 2003 – Март 2004